

СТАНИСЛАВ БЕЛЬСКИЙ ПОЛИЭДР

Станислав
БЕЛЬСКИЙ
ПОЛИЭДР

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Станислав
БЕЛЬСКИЙ**

ПОЛИЭДР

**Роман с элементами нейрогенерации,
в десяти плоскостях**

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2025**

УДК 821.161.1'06(477)-31

Б 44

СЕРІЯ «Библиотека "КРЕЩАТИКА"»

Заснована у 2023 році

Бельский С.

Б 44 Полиэдр/С. Бельский — Друкарський двір Олега Федорова.
Київ, 2025 — 360 с.

ISBN 978-617-8477-75-2

Роман «Полиэдр» — своего рода днепро́вский «Улисс» наших дней, однако достаточно компактный. Включает в себя, наряду с «классическими» главами, постмодернистские эксперименты со стилем и композицией, а также фрагменты, написанные с использованием нейросетей. Значительная часть действия происходит во время первых полутора лет российского вторжения. В центре повествования — история украинской семьи, разделённой войной и тяжело переживаемой драмой, смертью старшего сына.

УДК 821.161.1'06(477)-31

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)

ISBN 978-617-8477-75-2

© Бельский С., 2025

© Федоров О.М., видавець, Київ 2025

ГЛАВА НУЛЕВАЯ. БРОСОК КОСТЕЙ

(Декабрь 2022 — май 2023)

1

Не исключено, что эта fuga является случайной удачей редактора. Тогда, возможно, это ещё и позиция, столь же мало исследованная, как раствор. Инъекция осторожности в траншеях с горячими трубами. Солярий, чуть дальше — кафе, метро, полиция, согревающее туловища форсированное солнце. Пьяные полугорожане, неизвестно как проделавшие дырки в стенах и потолке. Послания на салфетках — работа контрразведчиков. Только сапожный клирик способен разыскать дорогу. Новый этап консервации — речь об официальной чахотке с глазами цвета большого озера. Из объектива выпархивает ошипанная совесть. Интересно познакомиться со спятившим человеком, называющим себя майором полиции; всем, кто сочувствует и бежит навстречу, то есть таксистам и первым встречным, он выдаёт по медяку. Бастующий фантазм упражняется в пресноязычии. Приусадебная территория осквернена изящными просьбами, а культурное рвение граничит с жестокостью. Механическая ночь распаивает окно, и диктатор с чайным ситечком в кармане просовывает внутрь ногу. Луна крутится, как волчок, стряхивая слюну; она обращает свет. Стелется сладкий дымок, прилипая к стёклам. Ночь собирает бродячие камни — те гниют, начинается брожение. Перемычки, перегородки, рёбра — это всё репетиция, что бережно посапывает, крепко зажав ладонями тазик. Ступеньки лестницы, ведущей на чердак, залиты водой. Рассказчик просыпается по сигналу кухонной сигнализации. Он почти уверен, что гудит домашний кот. Маузер с куриной костью вместо дула, отлёживаясь под кроватью, может лишь стрекотать, как телеграфный аппарат. Покачивается живот с огромными из-за ракурса епископскими руками. Рассказчик ищет что-нибудь беспримесное, к примеру, бутылку кьянти. Из уважения не стану называть имени, боюсь расплескаться. Четверг загромождён рабочими монументами — из проб-

ки, этикие бутылочные морды. Не топчут, а словно пытаются бычком достать на ошупь. Удивительно похожи на блэквуды особенной дисгармонией. Звуки взрывов неизвестной породы; подземка набита людьми под завязку. Перед глазами кинолента шорохов, каблучков, взглядов. Спичек — извечных врагов футбола, украшенных карнавальными перьями. К счастью, мы живы и пока не стали мумиями. У нас просто новые будни — куда более точные и сухие, выхолощенные ракетными атаками. Разнокалиберные банды рассаживаются там, где помято. Самые лояльные из гоблинов трещат от мороза и ярости. Офигевший от происходящего шофёринька спрашивает у профессора: может, хотя бы «спасибо» поставите? Аспиранты оного, до речи, богаты стихом и гудроном. Человеку-вечеринке становится некомфортно в костюме, и напиток «Антарктика» превращается в меховую лепешку. Кэрролловские шляпники косят ядерную траву циклопических размеров (солонками, впрочем, тоже не брезгуют). Дождь проходит между каплями, но не отменяет случай. Линчёванная крольчиха одинока в раю, и ведёт себя там неприлично — дикий зверь, способный вести нас до конца. Вырезанные из кости барашки щиплют свиную Тень на еловом сукне. Из-за войны смеющийся демон смеётся иначе, ему необходимы печенье и молоко. Пустошь неистовствует. От неё зависит эффект перспективы — один из немногих точных выстрелов трезвого времени. Экологический либерализм, словно переоформление спинного мозга, (без)действует в дремучих коридорах власти. Качественная журналистика мигрирует на луну. Небытие — футбольный матч с запутанной драматургией. Глодайте «Мёртвый куб», господа. На верхнем этаже пьесы гарантированы часы темноты — там всё кэшировано на лом. «Благослови входящего в дом, сохрани из него исходящего, даруй мир в нем поебывающему» — стёрлась палочка под буквой «р». На обоих берегах реки седые, как шаровая молния, влюблённые. Соперник целует в голову: как скомпоновать иной механизм, создать новое разветвление? Старик с половиной рта любит, самообнявшись, скользить по паркету двух «нет». Добавим шаткости — пусть повествование пляшет, как дом на берегу реки, пусть служит сарказму громоотводом. Хочется рассказывать о городских сумасшедших, дело только за сбором материала. Рано или поздно растению рядом со мной становится плохо, если только оно не застёгнутый на все пуговицы суккулент. Высокий и скрипучий,

напоминает он ларец, где хранятся трубки для подслушивания и автомобильные чеки. Звучит как отличный план: вынужденно погулять по Турину — там хотя бы лужи замёрзли, но идёт ледяной дождь. Персонаж убеждает рассказчика отряхнуть говно с плаща во имя тётушки — то есть Люцифера, в сужающем смысле этого слова. Неотчётливый плеск, будто при отпевании кита. Дождь продолжает о чём-то говорить зрению, и вот, насквозь промокшие, мы подходим ко главной площади, где, нервно подёргиваясь, закругляется рождественская ярмарка. Рассыпные бабушки продают чудеса: резные корзинки, подносы, медали, булавки с короной. Продавец винограда шепчет: «Смотрите, гроздь, но для какого сада?». Персонаж успокаивает рассказчика, из чего мы делаем вывод, что тот нуждается в успокоении. Любая попытка заговорить, расцененная как неволея, приводит к выдаче волчьей ягоды. Вместо принципа непротиворечивости нам достаётся топорно раскрашенная кукла. О если бы что-то оставалось от предыдущих итераций, кроме шифровального ключа и жёсткого отбора. Допустимые в структурах смещения кажутся слишком краткими для того, чтобы содержать искажения. Иллюстрацией к тому, как заплетается логика, становится играющий в стоны городской пейзаж. Монохромная зимняя реальность захватывающе сексуальна. Хаос подробностей, каждая из которых — результат броска костей, куска бростей. Окорок чуть выглядывает из-под бархатного занавеса; в какой-то степени эта проблема решена интерьер-резонансом. Стиль делает нас неразличимыми, едва дневное время мутнеет. Навстречу идут две девушки, одна из них с чувством говорит другой: у них в Турине такие дебильные премии. Числовой кристалл содержит в себе трещину, нечувствительную к потерям. Повторит ли стрелец даты, списав целый год? Превратит ли ветви в паучьи сети? Продюсирование — размножение мужской плоти, педантизм не по совести. Обмен сообщениями в домовом чате. Сантехники предупредили, что больше не придут. Надо самим крутить вентили и спускать воздух. Я этого делать не буду, другое образование; страшно затопить соседей. непонятно, зачем нам такие сантехники. Какой-то сюрреализм. Были раньше Иван и Анатолий, хорошие специалисты, и никогда такого хамства не случалось. А если сорвётся кран и хлынет вода — кто будет отвечать? Деньги, наверное, берут весело. Я вся в философских соплях. Хорошо, что больше их не увижу.

Я люблю понедельники, совсем не люблю взрывы. На ступенях лежат разобщённые чешуйки плоской фигуры и завитки чёрной пыли. История спускается по лестнице, пятясь, и главное «невозможно» ею пока не произнесено. Ждём, когда человек из прошлого начнёт нас втягивать друг в друга. На предновогодней онлайн-вечернице очаровательное, хотя и чуть постановочное видео из горячей точки фронта: коллега-программист отвлекается от стрельбы из пулемёта, улыбается и говорит, что передачи, собранные нашими волонтерами, его подразделению очень помогают. Переписка жителей: отопления нет, маленькой дочке невозможно объяснить, почему её одевают дома, как на улицу. Уже начался бронхит. У нас опалення є, тормозить сантехніка, більш вам ніхто не допоможе. Сантехник ничего не хочет, я сегодня так и не дозвонила. Батарея стає холодною через 2 години! Стравлюю, знову таке. Ця розвлекуха в мене до 00:00 відбувається, щоб у сусідів знизу вночі тепло було. Може, є якийсь вихід? Бо мовчки носити ті відра будь-кому набридне. У нас есть резервный фонд и вообще деньги на счету. Нестандартная сложилась ситуация, и никто к ней не готов. Стравливать самостоятельно воздух — это риск залить 9 этажей. Надо быть или специалистом, или камикадзе. Поэтому я предлагаю выплатить сантехникам какую-то сумму, чтоб они были не злые на нас, а заинтересованные. Слёзы льются не так: больше похоже на сорвавшуюся радугу. Слюна теряет почетное наименование, зад играет ключевую роль в сакральной астрономии. Слишком фрагментированы, чтобы допустить мысль об отключениях. Слизистая рисует магнитные усики, как червивое тесто в бильярде. Наступает рождественский коленкул, каждый день говорю себе об этом и удивляюсь. Персефона поселилась в деревне, срывает конфетки с ёлок, а в коридоре у неё коврики с индейцами. Подарила мне радио, чтобы я не забывал о её существовании. Уважаемые жильцы и гости первого парадного, будьте добры, курите хорошие сигареты, а то мне, как курящему, сильно воняет. Высокомерный индюк, начальник ОСББ, удалил из своего чата инвалида, который поинтересовался, как сквозь новые ворота смогут проезжать легковушки, доставляющие продовольствие и воду. Вовка температурит, Оля поит его часто, но по глотку, чтобы его опять не вырвало — поднимает из постели за

шею и плечи, сил у ребёнка нет. За день съел по долькам апельсин и присланную Настей сладость: пастилу, свёрнутую улиткой. Скользит немыслимый сигнал навстречу бутонам цвета, навстречу разобранному облакам. Солнце вылёживается на спинах безлистных растений. Оно и совершило те преступления, за которые хотят нас наказать. Хлебная муть, воздушная плотная мука, где даже птицы не знают, откуда им взяться. Вражеские крейсера вышли в море, собираются нанести очередной ракетный удар. Каждый раз, когда это происходит, внутри у меня проворачивается страх — в мой город они целятся наверняка, я чувствую себя мишенью. Гризли засчитывается техническое поражение в здании Страшного суда. Бесконтрольная добыча означавших переходит в чесотку, затем в паралич. Поскрипывают мозгами слепые, вечно жующие свёколку султаны пропагандистского хаоса. Когда лопнет несколько маргаритовых медалей, их научат пользоваться унитазами. «За что?» вражеской пропаганды достойно стригущей машинки Гомера и его же хохота. Вешайте друг друга, если вам заблагорассудится — на фонарях, на театральных лошадаках, механических ногах и кремлёвских пашнях. Под сиденьем среди гальки сидит ворона. Кому приносит лёгкую возню и короткий отдых? Говорят, что тень ответного подарка упадёт по приговору суда. Все эти раздвижки, безусловно, высосаны из лона ног человека, приехавшего с семьёй к маяку — сейчас он лежит в оцепенении, не зная, что делается в мире, а по мраморным ступенькам бродят скорбящие не то его судьи, не то палачи. Слабенький, ещё покашливающий после болезни Вовка стоит возле загона с ослами и примеряет название: «Загона, загонка, гонка». Оля открывает сумку, где лежит пакет с морковью, и самый сообразительный из ослов сразу же подходит к ограде. Даёт мальчишке погладить себя по носу с белым пятном. Ортогональные изображения сжимаются в свежие, недоопределённые пространства. Не испытываю особого восторга при виде залежей кубических искр. Видим грани — а что находится в центре? «Силы ПВО — единственные, кому официально разрешено сорить на путях Укрзалізниці». Доступ к кошмару вовсе не через шахедный рой, но через гирлянды в затемнённых окнах. Полезней воспринять это не как метафору, а как партитуру. Хотя бы с уголька блажного — оживит пейзаж и войдёт в арт-учебники вобоймызхначенияхсловарт. Век делается векочкой, то усиливаясь, то стушёвываюсь. Фамуглхему бытия

надо вдолбить, но не на виду — со сносно подобранной номенклатурой цветов. Новогодняя ненависть должна иметь ритуальный характер. Накануне слышно, как работают по дронам зенитные пулемёты. Солнечным утром, во время прогулки по набережной — «звучки русской классики», отвратительный грохот с другого берега. ПВО расстреливает летящие над рекой ракеты, тянутся тёмные мелкие облачка. На железнодорожном мосту ревёт от страха тепловоз. Трое полицейских показывают друг другу на быстро растущий пушистый грибок далёкого взрыва. Первый встречный прохожий, блестя крупнокалиберными золотыми зубами, рассказывает по телефону об иеромонахе и послушании. Некоторая польза от вашего сообщения есть: жильцы дома теперь знают, как выглядит флаг Руанды. Ежедневная забота, аморализм, лень, двуличие — все эти заповеди сейчас звучат зловеще. Что нового в новогоднюю ночь? Взрыв за взрывом неподалёку, дом трепещет. Хорошо, что скромный Вовкин просит себе у Деда Мороза всего лишь игрушечную бетономешалку; его кузина требует айфон последней модели. Медленно, с частыми остановками, мальчик едет на пони по песчаному манежу внутри огромного ангара. Сигара, бульонный кубик и почтальон разбиты последовательностью поверхностей, залегающей в общем основании, как шаткий мост.

3

Демон Кронекера создал, наконец, натуральный ряд: маленькие кривые числа становятся до странности округлыми. Не слишком ли мала квартира возле вокзала, рядом с сырой стеной — там никогда не бывает солнца? Близнецы всегда женятся на своих сёстрах, им трудно сделать над собой усилие. Милейшие часы срываются с хомута. Поскольку математический метод — это кантата, мы вынуждены, исполняя закон, подготовиться к моржественному выходу. По этому случаю разживёмся нулём, извлечём велосипед из шарнирного замка. Птыщ — отрываются набалдашники у наименее впечатлительных зрителей. Близость сама по себе создаёт замутнение из-за складывания рамок. Открытые люки — как декорации для идеального разгула. Как разъединить временные метки? Будто выломанный пальцем кусок картона, врезаемся в хлебный бунт, мертвецкую. С высоты, нет-нет, кто-нибудь прорычит в полночь.

Эйлеровы ангелы поглощают лишь некоторые из внешних следов: надкушенных червей, кандалы, дождевую пастилу. Владеют шестью степенями свободы при подаче рулонного кружева. С морозом не вышло, но плешь фантазорро полна новых планов, таких же провальных. Вишнёвые черви успели потерять крылья и кусаются всё реже. Графолог по-прежнему занят поисками невидимого двойника. Распознаёт его по прожилкам и цепям, что просачиваются сквозь воду. Переименованный, обезличенный, бегают он по халатам, будто по высоким болотам, ни бельмеса не понимая. Ирония, как вырожденная матрёшка, пересекает иную иронию. Святой Содом поневоле становится благим попечителем. Шекспир, ягоды и щенки с орехами — линейка запасных велика, вопрос в том, насколько способны они себя штопать. Прочность архивной сети определяется интенсивностью рысканья; можно даже обойтись без внешних состояний. В картотеке оладий формула со множеством домиков: предмет, устроенный для стрельбы, верней, для стрельбы в детей. Любовь доступна как выведение общего множителя за скобки. Многочисленна она лишь вблизи человеческого жилья, где издаёт тревожный аромат, напоминающий запах метлахского петуха. Трясёт мешком с фуражками — с неё станет рисовать витрувианских человечков поверх всех предметов. Популяции железниц обречены на вымирание в двух поколениях семьи. Стилистически жопой щёлкают, а мы чем хуже. Приходит Полина, долго сидит в комнате вместе со своим мужем. Говорит мне, что я сплю, что до следующего раза о приходе её забуду. Упоминает о скоростном свидании с Призраком в пустом конференц-зале. Игорь послал нашему бывшему знакомому, редактору из города X, а теперь психованному коллаборанту по ту сторону линии огня, письмо перед Новым годом: «З прийдешніми святами, брате. Дуже дякую за надіслані координати аеродрому та військової частини. Перемога буде за нами. Слава Україні». В отладке фабулы нуждается сама жизнь, её эмоциональная сборка — вымысел внутри непрерывно меняющегося мифа. Бардовский поединок обходится без жертв. Пишем в графе «бульон»: оказался невозможен. Избран плутовской роман, граничащий с паранойей; божество является знаком пунктуации. В начале цикла на станции появляются разбойники, голышом бегают между её полюсами, то есть навозными люстрами. Теперь у них есть дубликаты ключей от Овертайма. Некоторые останавливаются, чтобы про-

честь объявления на станционной двери. Проверим силу чтения: быть может, у кого-нибудь из них взорвутся глаза. Х-22 попала в панельную многоэтажку на набережной, и несколько этажей сложились, как карточный домик. Обломки раздавили всмятку стоявшие у подъезда автомобили. За сутки спасатели вынули из-под руин почти сотню человек, взрослых и детей. Большая часть с серьёзными ранениями, тридцать человек разорваны или раздавлены насмерть. Обломки нижних этажей скрывают ещё десятки жертв, спасательные работы продолжаются. Мир обошла фотография чудом уцелевшей девушки, сидевшей в оставшейся целой части кухни на седьмом этаже. Окно, повисшее без стены в небе. Я никак не могу выйти из шока, полностью теряю почву под ногами. Не хочу смотреть на руины, ставшие общей могилой, не могу смотреть, обхожу десятой стороной. Чат: кто впускает алкашей в подъезд? Проводите их сразу к себе в квартиру. Вчера вызывала милицию, когда такое тело мне в пять утра в дверь позвонило. Комбинат общественного питания «Венский экспресс» взбешён: страх впервые сбрил синеву с лица, а Чехов долетел, куда не просили. Покушать принёс, и тут его нагло сбили с ног. Какой раздражающий эвфемизм — слово «нравится». Впадает ли в панику диагональный миф? На окне пивные стаканы стоят по порядку, превращая анекдот в самоцель. Текст падает в сингулярность, из которой единственный выход — к следующей книге, к очередной ловушке тяготения. Мне будет не хватать безбашенного трикстера. Надеюсь, мы ещё услышим о нём — например, он полетит на Луну и плюнет оттуда понятно-кому на плешистую голову. Помимо трикстера полярного, у нас есть трое лёгких: ближний, промежуточный и дальний. Из них только дальний богат насекомыми. Дальний считается «мужским» (хотя он-то как раз более женственен), а ближний — «женским». При этом расстояние между дальним и ближним трикстером существенно меняется, в зависимости от перемены погоды. От опушки я спускаюсь вместе с северным солнцем в полуночный колхоз — или наоборот, добираюсь до дальнего трикстера за шесть часов, а до ближнего — за одиннадцать. Во всём парке ярко горят лишь вывеска туалета и киоск «Слава Украине» с кофе и пирожками. Какое гудение странное ночью. Думаешь — дроны летят, а нет — это ветер. Жильцы тоже расспрашивают друг друга о звуках в чате. Ортопед устанавливает мои ноги на светящихся изнутри синих подушках, велит

встать; я начинаю погружаться в пружинящую мягкость. Сияние медленно удаляется, остаётся лишь звук: удар плиты о хруст. Перед возвращением из школы Вова так крепко держит за руки своего товарища Маттео — не хочет с ним расставаться — что в конце концов царапает его до крови ногтями. Олю поражает доброта Маттео и его родителей, которые продолжают дружить с Вовой, хотя это так трудно. Философ-надсмотрщик высыпает перед буяном мелочь. Атлант январский: отсутствуют спина и фрагмент левой руки. На ободранной громаде из металла и воды — шедевре городской неухоженности — что-то написано тремя языками; ветер косится на неё переплётом. Взвинченность — и суицидная, и витальная одновременно — когда к твоему городу летят десятки ракет, а ты не собираешься спускаться в бомбоубежище. Наступаю на грабли не более двух раз: после первого считаю грабли загадочной конструкцией, с которой можно продолжать эксперименты. Люди стоят на железнодорожных путях, расстелив на них скомканные шарфы, газеты и бутерброды. Отличие купейного вагона от люкса: окна в мелких густых трещинах. Подвижная точка вовне; скорее, светящаяся линия. Порядок, исключаящий геометрическое мастерство.

4

Под вторым подъездом какой-то странный мужчина. Слоняется туда-сюда, в парадное не заходит. Ви просто не зустрічали його ще — це нормально, він там живе і постійно так ходить. Он так страшно орал минут двадцать назад. В последнее время орёт очень страшно. Сейчас бродит по подъезду, как призрак. Загострення, ліки не п'є. Один после смерти матери, и в больницу ложиться не хочет. Скорая не заберёт без согласия родственников, если он не представляет прямой угрозы. Через хворобливе марення, що його хочуть назавжди закрити до інтернату, не хоче звертатися до свого психіатра, який би призначив безкоштовні ліки, соціального робітника тощо. Тому через загострення та відсутність ліків його стан погіршується. Чим це закінчиться для нього та сусідів, один Бог знає. Вопрос даже не в том, что он кричит на улице, а в том, что такой человек взаимодействует, например, с газом и огнём. Не дай бог что натворит; в опасности все жители дома. Только бескомпромиссное художественное поражение может сделать текст предмет-

ным. Предстоит удар на полной скорости о водораздел между главами. Два моих товарища с хорошим прогностическим даром говорят о том, что проигрыш становится неизбежным; приходится принять это со смирением. В комнате расположены инструменты монтажа и генерации, подробные инструкции для использования огня и ветра, элементы конструкций говоримых и слышимых вещей. Придирчивые показания чисел, чёрные бусинки, буратино цветов. На столе возвышается парус, переплетённый в красный сафьян. Свешиваются на цепях: стакан, блюдце, тарелка. Исчерпавший себя сюжет поджигают, и он празднично уходит ко дну. Одна из вокально-инструментальных групп исполняет заводские трели. Музыка булькает и переливается у вокзалов над головами. Лекари ветров обсуждают, почему её сингулярность частична. На прогулке не всегда смотрим вдоль земли; вымысел тоже отключаем по-разному. В природе возникают сами собой цены, года и тела. Выручаем гривну за макет Мефистофеля, две за фольклорный элемент для отпиливания червей. Медленно спускаемся с откоса там, где щейпер разостлал траву. Убеждаем ьюсебя, лдяи себя ьи себя: «Нет, он ведь во много раз слабее ьева в том случае, если просто встанет и сделает ьяв». Идём в поле, покрытое кое-где острым илом. Река — туманное облако, и на её бледной поверхности видим наших людей, не без старания грабящих собственные лодки. Слова приходят из всех источников, часто совершенно случайных. Важно уловить резонанс и подключить в этот миг (по наитию) те либо иные трансформационные машины. Иначе речь не превратится во внутреннюю, останется случайным пухом на поверхности. Архитектурные объёмы должны меняться местами, но не расходиться послойно. «Удобно ли рассуждать о том, какой высоты достигнет кривая, когда её попирает какой-либо исторический знаменатель?» Ветер сдвигает фонограмму с пластинки на бумагу. Меня он всё чаще угнетает. Поэтому я предпочитаю использовать фильтры ещё до складывания рамок, каковое выявляет присутствие добавочного измерения. Выменивать месяцы прозаической прозы и закреплять её вблизи шапки, чтобы не предаваться копированию. Вспоминаю мокрую ночь на дороге, слоняющуюся по ухабам дачу и человека в одном тапке. Неловко зажёл он сначала Брокгауза, потом Эфрона — этот джентльменский набор сделал его разговорчивым. Фабула обязана, объяснял он, включать в себя хотя бы незаметное детективное расследо-

вание. Прыжок во времени, возвращающий нас к чтению той же книги. «Сильна связь между двоицами, содержащими рычащие». А кто не фрик, извините, кому его пузырь приходится по душе? Треск вёсел по камню — или это игральные кости стуковались? После ритуальных праздников зубы жрецов остаются в лодке. Сколько существует ортогональных Андреев? Один из них поэт, другой программист, третий — муж и отец, четвёртый — друг и любовник, вместе они образуют матрицу вращения. Есть ещё пятый, Андрей Любопытный — тот ещё джокер, любитель попутешествовать и узнать что-нибудь новое. Шестой — Андрей Обжора — активизируется ближе к вечеру, рыщет по квартире в поисках мучного и сладкого. Остальные слабы, незаметны, всё время выпадают из зеркала. Хватаешь статью по смежной тематике, с восторгом читаешь; какой сложный, какой интересный подход. Потом, разбирая её по частям, находишь элементарную ошибку, из-за которой метод старшего коллеги не работает. Что-то в этом духе и с книгой: надо взять паузу, дать замыслу настояться. Может быть, не захочется за него браться: долго возиться с подготовкой, слишком вычурным будет результат, да и делал ты уже нечто похожее. Иллюзион помогает сохранять сдержанность перед ставшим невыносимым образом войны. Чем позже приходишь, тем дольше раскачиваются, как дивные растения, продавцы. Рынок у подножья горы — то же, что базар в предгрозовом хаосе. Луну, в виде исключения, изготовят в городе Лечче. У меня своя история с «Улиссом»: тащил оба тома в рюкзаке на Говерлу, читал их на вершине, глядя на бушующие вокруг зелёные волны Карпат. А у тебя своя: когда покидала Донецк в 2014-м, захватила с собой в спешке только Джойса и листала его, видя и не видя, всю дорогу. Проносит в свой вертеп пара тварей якорь, съеденный в крови — через ров, что окружён стеной, из четырех слоёв сложенной. Равновесие, собирание наново с непредсказуемым результатом. Трефовый поход границы и формы. Письмо, необходимое лишь для того, чтобы выкормить огонь. Игорь, после выхода моей итальянской книги: я тебе завидую. Я себе сам сейчас завидую. Вот, я тебе завидую, потому что ты сам себе завидуешь. Так рекурсивно мне ещё никто не завидовал. Звуковая петля присутствует в форме нечистой совести; дальше только звезда смерти да грызущие атомный ужас эсминцы. Девушка, а что у вас в пакете, там кто-то живёт? Ух, там волчий череп. В паузе застряла паутинка не-

решительности. Ни ушей, ни хвоста — бродячий симфонический оркестр. Оля злится из-за итальянской медицинской системы: пришлось ждать три месяца, чтобы поехать в соседний город на гинекологический осмотр (в своём пришлось бы ждать полгода), а когда приехала, оказалось, что анализы сдать нельзя — Оля не заполнила заранее какую-то из бумажек, а тут же на месте этот вопрос решить невозможно. Итак, придётся ждать ещё три месяца — вот где оценишь преимущества традиционной для нас, а теперь полуразрушенной системы Семашко, где всё нужное делается сразу. «Ну какого, иносказательно говоря, хера я туда ездила?» Вовка побывал у стоматолога, вёл себя нервно, Оле приходилось его держать, чтобы он не вырвался во время работы дантиста над его зубом. Хотя условия договора соблюдены мальчуганом не были, всё равно пришлось купить игрушечный грузовичок, чтобы к нему вернулось хорошее настроение. Продавец, уже хорошо знакомый, сказал Вове по-русски «спасибо».

5

Оля приобрела хорошую жменю морских гадов. Вкусные, но невозможно отделить панцирь, ни в сыром, ни в варёном виде — приходится их мясо сложным образом из панциря выкусывать. Вовка с таким трудным заданием не справляется. Зато в холодильнике обнаружены куцые хвостики от двух здоровенных кусков колбасы. Оля говорит: ест всё, что не приколочено — возраст такой, растёт очень быстро. Во дворе сантехник попросил помочь ему, и я долго крутил металлический трос, которым тот расчищал недра, склонившись внутрь канализационного люка. Ругал постановление, по которому бронь в коммунальных хозяйствах сократилась наполовину. Начальники оставили её себе, а большую часть работников отправили на фронт. Немногие оставшиеся на службе с резко возросшим количеством работы не справляются. Воздух в городе расчистился из-за того, что остановилось большинство предприятий. Яблоко, прозванное за свою неудачливость Вторым, участвует в пантомиме о неевклидовых геометриях. Рассказчик сплёвывает черенок: слушай, библиотека нанесена на копыта. Придётся стрелять в тех, кто сидит на трибунах. Анекдоты приелись, как луковицы, и солдаты нашли-таки яблоки, но теперь уже не поющие. Одни толь-

ко библиотекари связаны нитями крови. Принятый в штывы, рассказчик с неодобрением смотрит на фанерные щиты, из-за которых раздаётся голос. Болезнь — это эволюционный забег в обратном направлении, лучезарная перемотка киноплёнки. Из окон льётся бликование, с балконов мелкое хулиганство — где лучше интегрируют Тень? Вынырнул из сна с готовым хайку в голове, но тут же был захлёстнут опять, старался пронести хайку сквозь новую дрему, не выронив, сначала полностью, потом хотя бы две первые строчки — в конце концов проснулся, и, конечно, даже без лёгкого намёка на то, о чём это хайку было. Застрял в раздумьях: с одной стороны, хочется видеть Вову не только на экране телефона, с другой — нельзя потерять работу, а стабильный стационарный интернет для неё обязательное условие. Оля страдает из-за того, что генуэзский провайдер даёт ей интернет чудовищного качества: почти невозможно удалённо учиться. Хочется прозаические строчки разбить, надломить им колени, разбросать, как экспрессионистские мазки, по холсту. Мы с Полиной прошли сквозь метелящую набережную к патристического вида киоску с кофе и очередями наливок. Полина сказала, что заезжала в мой район осенью поиграть в настольный теннис, но ко мне домой не заходила. Мимо плыла стая уток, потом лебедей; какая-то сумасшедшая ходила голыми ногами по колено в ледяной воде. У меня мама точно такая — сказала Полина — залезает круглый год в реку, хотя в бедре у неё титановый стержень. На ближней стороне канала выгрузили трактор; трактористы — молодой, старый и мальчик — сноровисто вращали рукояти. Знакомая местность, у меня как будто прабабушки здесь жили перед смертью. Когда ехала сюда, читала Кастанеду — и видела: всё, о чём говорит писатель, происходит рядом со мной в вагоне. Прочсть о слиянии с темнотой, и через полчаса упасть в тёмном парке, как тебе? Я закрыл глаза и неожиданно сам упал — в короткий, но глубокий сон. Беседовать с Полиной нелегко: она будет молчать, пока я не в состоянии слушать. Лёгкая форма сумасшествия — единственный способ дать ей знать о своём существовании. Висит огромный бурьян, не высох и не сгнил, так может — в клочки — сгореть лишь мертвое дерево; остались одни корни. Телесная хрупкость, отсутствуют многие части тела. От кашевара я слышал, как худая девка давала имена чертам больного — носам и пяткам. В рюкзаке книжка прозы, на смартфоне поэтическая антология —

одна работает, как смысловая свёртка, другая — как рекуррентный метод вычисления. Не давать голосам ответ в форме интерпретаций, не использовать куцые философские клише против собственной фантазии. Самописец лежит рядом со склепом, и это вовсе не смешно. Схема деформования системы «основа — споруда»: абсолютне осідання. Плюралістичний стрім виявився безм'ясним, негабаритним. Реторта із кавелем самоочищається, нестиме земні питання сьогодні. Дякувати всім, хто хрестить, хоч врючився співаючим сурдоперекладом. Сборщик мебели пытался украсть из мавзолея тело Ленина — эх, украл бы лучше живого недоумка вместо дохлого. Огрел бы по голове неожиданным миром, с твёрдым знаком. Вовку теперь на мякине не проведёшь, если надо ехать к любому врачу (в этот раз к генетику), сразу требует поход в игрушечный магазин. Сдачу анализов перенёс стойко, не вырывался и не орал. Сидели в госпитале Гаслини целый день, там же и пообедали. Вернее, Оля всё съела, а мальчик только немного курятины. С линковой проблемы: попробуем старую версию пакета, вывернем её в тотальность. Может быть, этот пакет исключили для туристов. Раз мастера у себя удалили метод, нельзя ли нам тогда его к себе забрать, ведь он тривиальный? Лучшая стратегия — сразу распознать максимальное количество проблем во всех сборках, чтобы меньше переписываться. Удаляем ненужные хедеры; это довольно типичная вещь, когда хедер переехал на другой адрес. Экспнул ведро и, пробежав по занавеске, присоединился к истекающему слизию хору видимых. Речи мёртвого попугая. Насмешливый демон нашёптывает, что для победы нам нужны самолёты и дальнобойные ракеты — но танки, которые неизвестно когда ещё прибудут, помочь делу не смогут. Год спустя мы вернулись в исходную точку, хоть и лучше вооружёнными, но зато с более серьёзно подготовленными противниками. Они нащупали выигрышную тактику: заваливать поля человеческим мясом. Не волнуют собственные потери, мобилизация работает бесперебойно. А если мы потеряем миллион солдат убитыми, ранеными — сможем ли продолжать воевать? Лишь тени термитов, крадущиеся по земле, не погибнут; требуем: отдайте мёртвых. После торжественного обряда вторжений власти заметили дьявольское цветение, и леса безумия были убраны в скирды чуел. Космы чертополоха, его копьё; мир в клещах. Ожерелья серой пыли, чистка командных постов, недосчи-

таннные черепки земли. Самовозгорание толп. Подражательная взаимность; объединение мстителей в будничном самосожжении. Будущее перемирие как болезненное испытание. Не будет транжейтов, но поменяются триангуляции — просто перетянем их руками. Говорить о перекосах не хочется, предпочтительней изображать апостолов нормальности. Подводный камень существует в трёх вариантах, и чудо, если они совпадают.

6

Международный день пасмурности. Первый пунктир — обстрелять стартовавших спортсменов и одиночных пловцов в Средиземном море, с глубины 200-300 метров. Второй — разместить гражданское население на дальних аэродромах, не считаясь с потерями и нуждами; вывернуть его мехом внутрь и наружу. В чугунной кастрюле чувствуется рука мастера. Вот интересно, на петлях или просто дверные ручки похожи на деревянные? Грузинка до крови закусывала губы, глядя на коробку со свечами. Иногда приносила термос с горячим бульоном, и тогда мы ложились на диван и смотрели на булькающие куски мяса. Помните, как отчаянно пищала пожарная сигналка в комнате, когда не было света? Так вот, она подумала, решила, что нам мало, и теперь пищит непрерывно — похоже на звук сякухати. Комната пока непригодна для использования без электричества. То відлякувач для кажанів, мабуть. Комендант ска-зав: «кличте архонта», зараз шукають архонтів телефон. Медсёстры — шумные, весёлые тётки примерно моего возраста. Одна заполнила карточку, другая взяла кровь на резус-фактор, третья угостила печеньем и чаем — быстро, как на конвейере. Во время донации у одного из сотрудников упало давление, он был в полуобморочном состоянии. Младшая из медсестёр встала на стул и обмахивала его фольгой, потом попросила его поднять ноги, сделать «берёзку», чтобы давление выросло. У меня больно ковырялась в вене иглой, вена даже лопнула. Я полчаса лежал, сжимая и разжимая резиновый мячик, чтобы ускорить отток крови. Опять по городу шумные взрывы; в такие дни хорошо ощущаешь, как сильна усталость от всего этого. Геную ударили заморозки. Вовка перемерз, кашляет и не ходит в школу. Вера Михайловна скупится зимой включать отопление — дорого — экономит на здоровье, своём и

родственников. И смешно, и грустно вспоминать: год назад сидел в школьном подвале под чучелом оленя, с трепетом читал книгу Симики, писал об этом хайку — и в тот же день переводчики передали самому Симику, дескать, есть такой украинский поэт, сидящий теперь в бомбоубежище с его книгой. Как жаль, что уже ушёл важный для меня мастер, случайно узнавший о моём существовании. Основная техническая проблема текущих репрезентаций — неопределённое количество конечностей у персонажей. Игрю: с тебя сад камней в Аптекарской балке и три ведра сакэ. Надо где-то будет принимать всех этих чуваков из Японии. Вместо камней, ладно, можно положить обломки дронов. Искры летят в небо, изображая настоящий пожар. В ночи я слышу, прежде чем зажечь фонарь, стук шаров и лебедей. Зачем так далеко? Потянуть за рояль, заставить сыграть что-нибудь — но стройное тело молчит. Стая пропадает за линией низкого свинцово-серого дыма. Призраки ходят по цветным мостовым, легко скользят по стеклянному берегу. Бельё с них отскакивает, как прилипшая к шкуре лягушка. Отменено то состояние, которое способный сдвинуться с места человек именует «счастьем». Что случится, если лодка пройдет под волнами — на длинной нити стыда? Сопrotивляясь наплыву беременных поэтесс, подарки становятся безвредными. В общежитиях из бактерий и дрожжей полезные бактерии уничтожают смертоносные. Фантазийная любовь с потомством в виде прозаических книг. Картины, сделанные на стёклах малограмотными, но рослыми работниками, достраивающими черепах. На фото город X — с чего ты взял? У тебя на лице написано. На лице написано: Париж. Глаз кондуктора со вращающимися и тающими человечками. Сын возвращается с урока верховой езды в собственноручно сделанной из цветной бумаги карнавальной маске. Насмотревшись на то, как подковывают коней, ведёт свою маму «удобной дорогой», то есть через супермаркет. На витрине сложен кораблик из тюбиков с рыбьими паштетами, и Во-ве он крайне необходим. Сходятся с Олей на покупке одного тюбика — но как долго приходится стоять в очереди, как много покупают другие посетители. На электричку, конечно же, опаздывают. До прибытия следующей успевают пройти на соседний холм: возле вершины его расположены храм, почтовое отделение и метеостанция. Ползучие преемники спешат договориться с дьяволом. Им бы перейти на сторону революции, однако никакой революции нет.

Мёрзнут в углу комнаты, где стоит корзина с мертворождёнными мышами. Метеоролог, исчерпав запас ругательств, бежит за купленными в магазине спичками. Устроитель побоища, спрятавшись за высокой мачтой, пишет письмо возлюбленной. Хвост, пожалуй, к нему вернётся. Кватернионы невесомых в разнузданном танце атакуют соседей. Игнорируют особенности местного рельефа, представляющего собой минное поле. Есть ли у мудрых джавелинов ноги, чалмы и окладистые бороды? На полу ванной тряпка: бывшая Вовкина майка, такая маленькая. Нет, игрушечный магазин, хочешь пойти! Надо подождать до марта, я тебе говорила. Сейчас февраль, хочешь подождать до февраля. Ты хочешь ждать до следующего года? Поверь, малыш, прождать десять дней гораздо легче, чем целый год. Разогревшийся Вовкин после прогулки желает в холодной квартире снять с себя свитер и футболку. Вера Михайловна в ответ угрожает накормить его пельменями; на Вовку это действует. Когда молодому человеку не хочется, к примеру, мыться, он сообщает «Вова очень злой», не переставая при этом хохотать. Военные сплетни текущей недели. Враг собирает вокруг страны авиацию, сотни самолётов — могут возобновиться бомбёжки. Хотят, якобы, посылать перед авианалётами аэростаты и другие отвлекающие цели, чтобы предварительно истощить на них ПВО. Является ли война вопросом? В прозе, по сравнению с поэзией, снижен уровень натяжения внутри отдельной фразы, это само по себе даёт ощущение свободы. В рамках осторожного плана доминантой стала бы текстура времён, в рамках авантюрного — фабула. Откажемся от гонораров и вместо этого пригласим режиссёра на обед в пекарню. К торжественному открытию построим белокурого диктора. По данным судебного процесса рассудим: не во имя ли архитектуры плюёт вся организация, вывернутая наизнанку, на мировой уют? Хотим того или нет, мы являемся пленниками ритма. Правы ли мы, сопротивляясь ему? Используются камерные слова и конструкции, разламываются веерные грозы. Это приводит к опасной беспечности. Человеческие объекты намеренно размываются. Парадокс Суини Тодда, цирюльника: он перережет горло каждому жителю города, который не сделает этого с собой сам, но не совершит этого ни над одним самоубийцей. Бертран Рассел, пожалуй, доказал бы, что Суини является зарезанным собой и собой зарезанным одновременно. Меня всю ночь преследовали бомжи, автоматы с водой, ико-

ны. Пёс-песок, голубь и мышь — вместе гуляют по ночам, одна душа в трех телах. Все учатся играть на моём безымянном пальце. А на сладкое высмотрят кое-что из содержимого перемётных кис — тех, что брошены в общий доступ.

7

Речевые искажения становятся всё более частыми. Происходит яркая вспышка, и комната, где находятся роботы, исчезает. Они оказываются на открытом воздухе. Над горизонтом возникает огромный комет, быстро приближающийся к городу. Призрак: я хочу рассказать вам о поэзии, она должна быть похожа на текстуру. Когда её плетут пауки, я вспоминаю о детской мечте стать сыроедом и жить в доме, сделанном из песка и соломы. Одно из мелких движений шахматных клеток. Что делать с этим новым снегом, чуть больше твоей головы? В нём остаётся ещё одна жёлтая карточка: плохо скрываемый праздник, натянутый над партером. О чём говорить сможем, будем хранить ворчание. Будьте уважні і обережні, скоріш за все, любите пізні вечори. І не буде, мабуть, зайвим носити електрошокер або бейсбольну биту, якщо ви, звісно, не Чак Норріс. Я уже заходил сегодня в парадное вечером, и он орал, как демон какой-то. Слегка страшно было, я быстро по ступенькам побежал, а он начал за мной идти. Хотел щас воды пойти набрать из автомата и понял, что не хочу уже. Скорее всего, там караулит. Слышал историю, как выходил на лестничную клетку с топором или с ножом. Давно, ещё когда он молодой был. Гляньте как-нибудь потемну в его комнату, она не зашторена. То, что под окном, само за себя говорит. Хлопці, ви не думали, як там на війні ваші однолітки воюють? Кров з очей вас читати. Звичайно, це дика херня на фоні цього, тож без питань. Дійсно простіше грохнути його калашем та й чорт із ним. Фігню заморочуємось. Блин, у меня то же самое, можно с кем-то ходить набирать? Ідіть разом з бітами та дубинами. Только если вы подкинете битую. Судя по запаху, отсутствует равновесие, дверь ушатала полировку. Ох уж эти реакторы: джоули делятся на джоули. Левый глаз чешется к разрушению планов, на лабораторной могут сказать, что я дура набитая. Текст, время и запах — кривые второго порядка. Если отстанешь от них, погубишь и себя, и эволюцию. Запнувшись о значение, веришь в ничто; лифт — не шахматы,

и время в нём стоит на месте. Понимаешь, что твоё настроение является результатом хронических недосыпания и усталости. Звучание и ритмика способствуют воспроизводству мелких кристаллов. Обрывки, обноски, прочие сторожа компактной машины — ставят кляксы на школьной доске, пока не устанет каждая цепь. Порой забывают надеть обруч, хотя вокруг них вращается часовой механизм. На помойке ящик с педалью — часть швейной машинки; Вова пройти мимо равнодушно не может, обязательно надо потолкать ногой. Веснушки на носу, щербатая улыбка до ушей. Радует, что научился выговаривать букву «р». Итальянцы восьмого марта традиционно устраивают забастовку в качестве подарка женщинам. Не обошли вниманием праздник и россияне: я проснулся без пяти шесть утра от громкого взрыва и после него — завывания автомобильных сирен. Война похожа на часы, показывающие неправильное время. Маршруты ракет готовили в этот раз несколько недель, процент попадания был выше, чем обычно. Но зачем это нужно им теперь, весной — загадка: чтобы на пару часов обесточить наши крупные города? «Бейте друг друга розгами спорта, шевелите усами в раковинах». Отчего бы не материализовать метафору, отрезать и съесть у неё кожуру. Кто теперь говорит про геометрию? Солист бьёт не в живот, но в пах. Раньше боксёры были распилены на сто кусков, из каждого торчал наружу Пушкин. Теперь всё разбросано по углам, и на каждом фрагменте сидит Пуанкаре. Не буду возражать против музыкальных мемуаров, мы зарыли в них свои пули. Вчерашняя обложка с красной кефалью — тоже художественная мистика. Занятно, что два писателя заменили в фамилиях друг у друга одно и то же слово. Будем жить кратко и верить прозаикам. В отношении утеплённого фасада поставим большой вопрос, а ходить ежедневно по грязному подъезду и ничего не предпринимать — это не по-людски. Период неолитической роботизации; век самовозгорания химер, вышедших за пределы утопленного благословения. Композиция вращается вокруг ложной оси. Строй пересчитанных гласных, дробящих линейные горизонты. Мерцающие вестницы, как монстры из асбеста, с иными, отражёнными лестницами под потолком. Тела и факелы столиц, ритм наполнен инвективой. Нет более такого объекта, как рёв осла. Ожидаются рыжие лобковые волосы для творческих проектов. Умолчу о любви всей нашей компании к Облаку — оно защитило уцелевшие нефтяные

вышки от мороза, желавшего их поработить. Проект работает до сих пор, его миссия — менять, а не копировать. Гремят швы на разошедшихся сапогах. Сорочки увлекают испуганных попрошаек. (Прорывается голос Димы Бритвина) жена живёт неделю в Херсоне и неделю в Амстердаме, нюхает кокаин и возит гуманитарку, а я сижу с детьми. Решил вырваться — мобилизоваться в электронную разведку. С количеством детей от двух браков у Димы явный перебор; теперь женат на Юриной сестре. А в телеграме опять выходит на связь Игорь: за неделю получил из России два сообщения по старым рассылкам, в первом звали поучаствовать в днях Сапгира. Могу проїхати через Бахмут, в мене там є знайомі хлопці — поет в механізованому батальоні штурмової бригади та художник в артилерійському дивізіоні. Домовляйтеся — почитаю вам вірші на нулі, друзі акомпануватимуть кулеметом. Во втором сообщении предлагали принять участие в неких чтениях на онлайн-фестивале. Дякую за запрошення. Хочу прочитати вірш про обстріли Харкова, про мертвих містян у Херсоні, про зруйнований дім в 500 метрах від мого мешкання, про ваших йобаних пропагандистів, про мого брата, який зараз під Бахмутом вбиває асвабадителів, про моїх знайомих, що загинули в Маріуполі. Дякую за запрошення. Не удержался. Организатор меня забанил после получения сообщения. С чего бы это, ты так вежливо объяснил. Все они боятся, робкие пингвины, прячут тела в утёсах. Ограничение пространства даёт возможность найти метод электризации.

Пределы, подобно стеклам приборов, отливают множеством оттенков. Сладость, сладость, гадость, дерьмо, два дерьма, очень больно. Хочешь сладкого? У тебя в рюкзаке мандаринка и йогуртовый кекс, а на обратном пути из школы можно купить железные конфеты. Лишь целостность комплекса удерживает его от распада. Если знак хорошо структурирован, то обладает растягивающим потенциалом, и не так важно, реален он или отретуширован. Изменение параметров структуры граничит с леденящим ужасом. По дому ходят работники военкомата, два человека зашли в первый подъезд и один в четвёртый. Поднималась за ними, слышала разговор. С бумагами, в военной форме, обсуждали, сколько домов уже обошли. Все гаразд! Вони виконують свою роботу, ловлять ухильників. А вы с передовой пишете? На жаль, ні. До 50 років всіх викликають для перевірки бази даних. Ходять по квартирах? Так, можуть і з представниками кооперативу.

Наразі вдається логінитися на git-сайт тільки за допомогою СМС, та тільки з ноута. З компа ні, навіть із СМС не дає. Код зависит от серебряной пули, это интересная ловушка для справедливости. Малыш с лёгкостью различает «Тойоту», «Форд», «Фиат» и «Фольксваген». А это, говорит, зелёный; тоже верно. С утра вместо того, чтобы собираться в школу, стал густо-прегусто рисовать в маминых конспектах. Кефир — это амбивалентная субстанция, состоящая из четырёх компонентов: они взаимодействуют в мире, где логика не имеет значения. Власть ирисок устанавливается на три года, пока их родители живы и не исчезли с горизонта. У эволюции была брага, она начала варить самогон, играла с ним, как мальчик с мясорубкой. Около окон горят большие лампы, но они едва освещают постель. Потолок слегка колышется, словно находится под водой. Ложный вакуум, опытный заключённый, роет туннель для инженерных жён. Приглушённый свет отбрасывает зыбкие тени на подмости. Внезапно тишину нарушает женский голос, исполненный замешательства, как будто говорящая затеряна среди собственных мыслей. Потрогал голову: нигде ничего не написано. Печенье тает во рту, на одном из зубов остаётся бумажный комок. Улисса украли, говорит Полина, но у кого Улисса украли? Подвижным трафаретом становится свет, проходящий через тело. Так, на самом деле, размножаются агенты недвижимости. Во сне смерть движется по улице, как огромный уют, подминающий под себя прохожих. Такая она, Генуя: посреди многоэтажек течёт ручей, и вокруг него во весь голос поют лягушки. Из лесов на холмах приходят кабаны, тусуются рядом с детской площадкой. Где ты увидел кириллицу? Застегни шлем и держись за поводья. Ох, я знаю, чья жопа сейчас будет красной. Вовке такой стиль обращения нравится, он улыбается, повторяет за мамой. Но знает, что та и сама не обидит, и в обиду не даст. Устал от школы, больше не хочет в неё ходить. А его *dolce* товарищ Маттео плачет, не получается у него выводить буквы красиво. Мыто рады-радешеньки, что Вовкин вообще учится писать, хотя бы и коряво. Рисует один за другим портреты мамы с огромными кулаками — одинаковые, только разными карандашными цветами. Есть у северных безумцев надежда неумирающая, но и несбыточная: якобы император Поднебесной пойдёт воевать Тайвань. До послед-

ней минуты будут об этом грезить. Пока с императором договорились, да и то вряд ли, разве что о новых мутных схемах поставки микросхем. Естественно, вслух о таком только шепоток по крысиным углам. Хтось знає, що відбувається і чому якийсь чоловік уже кілька хвилин не припиняє кричати? Інший бігає й благає викликати швидку. Шановні мешканці, сміттєві баки переставляємо до спортивного майданчику (сміттєзбиральна машина від набережної заїздити не зможе). Не бажано! Діти будуть грати на майданчику та дихати відходами. А куда? Первое парадное дышит и ничего, живые. Потерпят ваши дети. Є норми, які регламентуються законом. Мусорный бак не может стоять под детской площадкой. Я там дітей останнім часом не бачу. Тільки люди, що вигулюють собак, і ті, хто давно на дітей не схожі. До речі, той хворий з другого під'їзду зараз знаходиться на лікуванні. Вже зо два тижні його тут немає. В качестве злого первоапрельского розыгрыша россия председательствует в Совбезе. Пройдёт сколько-то лет, и само слово «россия» будут писать только в исторических исследованиях. Но сначала северные варвары познают конфуцианство. Им объяснят, какой марксизм сейчас правильный. Плюс под шумок уведут Сибирь. Совершенная технология высокомерия: автор, нашедший сюжет, обращается с ней, как с правой галошей. Поднимается по шаткой лестнице, скреплённой множеством осыпающихся мифов. Любой предмет коллекции — детская страховодина. Но вот и цель найдена: лежать не в руке, а между глаз. Отполированный мир кажется незыблемым. Иногда на торжественных собраниях Юра, подражая иным рассказчикам, вставляет отдельные слова из своего чемодана. Это развивает у него телепатические способности, но делает мизантропом. В чужих зарослях мотоциклов, как птиц нерезаных. Их преследует мечта о справедливом суде. Сердце ныряет из стороны в сторону, но не желает ничего делать. Шишки поделены между матерями — шипит, шипя, эскадрилья умных барышень. Завтра можете звонить по указанным в объявлении телефонам. Мне и без счётчика хорошо. Всем хорошо, но они просто переключают газ, как я поняла. Написано, є обов'язковим згідно... У разі відмови — відключення. А сколько газа не будет, сутки или больше? Может, кто знает по примеру других домов? Вони перекивають газ по всьому стояку, та допоки всі не поставлять лічильники, не вмикають. Ми в лютому декілька тижнів по іншій адресі провели без газу, а знайомі декілька місяців, все за-

лежить від всіх мешканців. А якщо у квартирі ніхто зараз не проживає, і хазяїв немає в Україні, то що, всі будемо без газу надовго? Їх це не турбує, я телефонувала по всіх інстанціях, і в мерію, і на губернаторську лінію. Мені ніхто не надав належної відповіді, а газові служби скидають відповідальність одна на іншу і відправляють до тих, хто газ перекидає. Они же не могут перекрыть газ в одной конкретно квартире, только стояк. Правильно? Есть случаи, когда подъезд отключали, вырезав кусок трубы. Говорил с мастером, на вопрос «сколько не будет газа» неформальный ответ: «от 2-3 дней, если самоорганизуетесь — и до полугода». Доисторические наезды исчезают, солнце выгоняют из-за горизонта. Пытаюсь найти подвижные образы на железнодорожных стыках; можно ещё основать секту свидетелей стиральной машины, хотя эта религия, как по мне, слишком медитативна. Боюсь, что мой редактор опять занырнёт в волонтерство для армейцев Бахмута — что только радует, однако запланированные мной книги подолгу стоят на мёртвой точке. Облачное будущее: ещё один слой, где нет транспорта. Главное, не прибегать к насильственному кормлению. Заменить солнечные батареи на солнечных зайцев. Упростить всё: искать птицу.

9

Прозвучало слово «спайка»; мне оно не известно, это что-то нестандартное — не из уроков скисшей арифметики. Людей некоторых профессий учат и венчают у всех на виду. Не удивляйтесь и не вздрагивайте от странного жужжания, исходящего из-под унитаза. Об истинных его целях пока сообщать рано. Во дворе перед гаражами стоит машина электрической компании. Работники говорят, что в ближайший час не будет света. Вовремя я поднялась. Если бы с ребенком застряла в лифте на час, им бы ни одна бабка не отшептала. Овации при сжатии массы-энергии без последующего задымления. Проявление вероятного в нашем плоском и плоском мире. Неужели мы до такой степени разделились? Есть ли у нас свой угол зрения и свои отпечатки пальцев? Смог, благодаря двуокиси, забивает жабры и облегчает пребывание в ванной. Присоединяем к жерлу пароотводный шланг, увлажняем воздух — и кислород распадается на углекислый газ и воду. В аквариуме даже зеленая пленка на стёклах просыпается. Как музыка, о да. Теперь аплодисмен-

ты раздаются при развёртывании теоремы Евклида. По полотну скользит надпись масляной краской: «математика смеха». Если бы мост в евклидовых штанах находился посередине стола, то крысы — несколько штук — стояли бы в сторонке, листая газету. Хочу тебе показать кое-что интересное. Я знал, что однажды ты принесёшь мне наркотики. Господи, нет, хотя эту новую книгу с экспрессионистической обложкой наркотиком тоже назвать можно. По мере нарастания искажений будем считать, что Солнечная система никому не нужна, и поэтому исчезает. Соседи с девятого этажа, почините, пожалуйста, свой кондиционер или не включайте его. Звук на всю улицу, как будто шахеды летят. Военный патруль поймал Юру в супермаркете, где он покупал подгузники своему сыну, и отправил в военкомат. Там всё было жёстко: с презрением, с попытками уличить во лжи. Не придётся ли ему служить, несмотря на астму, из-за которой, во время обострений, мой друг вынужден время от времени госпитализироваться; несмотря на недавнюю операцию на жёлчном пузыре? По поводу полугодовалого ребёнка в военкомате сказали: «ну и что, у нас у всех дети». Пока, до начала апреля, отправили на обследование по астме. Приложил к тыкве грязный камень — инженер какой. Вовина голова торчит из кустистого лабиринта. Светофор сломался: постоянно горит зелёный свет, непредсказуемо моргает красный, а над ними лихорадочно прыгают разноцветные цифры. На проспекті зараз коїться якийсь ПЗДЦ. В сторону залізничного моста ніхто не рухається, бо там неможливо переїхати через потоп, водогін прорвало. Начало войны, рассказывала Настя, мы с мужем встретили в поезде, как раз возвращались из Карпат в город X. Добрались на свою окраину — а там бомбёжки, диверсионные группы заходят в кварталы, территориальная оборона встречает их огнём. Положили в чемоданы рабочие ноутбуки, с большим трудом вызвали такси; водитель вывез из-под обстрела опять на вокзал. Настоящий герой — но зато и взял с нас за этот свой подвиг в десять раз больше, чем за обычный рейс. Называем данный срез положительным ответом. Драпировки ждут ветра, чтобы излиться в него шелестом, плотным колыханием, жестовищем. Смутная груда пространства меняет форму. Напряжённое, трудное ожидание наступления. Когда оно начнётся, будет ли успешным? Компания озаботилась психологическим состоянием сотрудников и решила организовать психотерапевтические онлайн-

эвенты с приглашёнными специалистами. Иногда выходило скучно, иногда занятно. Гештальт-психолог, прежде чем перейти к лекции об отношениях во время войны, предложила каждому из сотни слушателей написать сказку, используя заготовленный ею набор слов. Сказка — это, видимо, что-нибудь хтоническое и мрачное, как у братьев Гримм? Садовник проглотил ключ от дверей замка, потом медведя и, наконец, самого себя (поскольку я по ошибке внёс его в список дважды). Цветок снял с себя браслет и сбежал из-под домашнего ареста. Садовник — это вы, медведь — ваш нынешний или будущий партнёр. Лес — то, что вас пугает, а цветок — тот жизненный проект, над которым вы работаете. Ключ — ваша ответственность. То, что у одного из коллег в сказке медведь оказался садовником, психолог обговорит с ним в индивидуальном порядке. Дивовижні партнери та де їх шукати. Я сміюся, бо посадила сад у лісі, ще й відганяла партнера, який ламав дерева і квіти. Мені цікаво, що мені робити, якщо я відіслала партнера шукати ведмедицю в інший ліс на протилежному березі річки. Я відігнав ведмедя, знайшов жабу і кайфую. Ведмідь — велика хижа тварина. Чому саме ця тварина вибрана як асоціація партнера? От якби білочка, то інше питання. Мені ведмідь приніс ключ. А в мене він лише жере все, що в саду, та ховається від садівника. Общение, секс, деньги — опоры психологической близости, три ложки табуретки. Я вважав — секс, наркотики та рок-н-рол. Я тоже так думала, но не работает. Конспектирую: во время войны ценится в первую очередь «здесь и сейчас». Надо прислушаться к чувствам: если эмоции ослабевают, все остальные компоненты тоже выходят из строя. Произвести ревизию обид, часто уже неактуальных — люди носят их в себе порой десятки лет. О чьм моя пассивная агрессия, за что я наказываю партнёра? Шумело минуту, пока не пошёл газ — инертная смесь выходила. Походу, газовщики забыли открыть кран над входом в подъезд. Чтобы это исправить, нужна лестница. Математика — это стерильность, каждый её лепесток разделён масштабом. Перестань топтать невидимые двери, общаться с безликими зигзагами. Самым человечным из лиц твоих является числовое. Все они придуманы, чтобы скрыть тебя, словно кусок ткани, на котором выписаны фамилии. Будешь притворяться, чтобы оставить в лабиринте лишь случайный след? Ездил сегодня на кладбище, к могиле Коленьки, прибрался на его участке. Вздрыгнул, когда раздался звонок смартфона — напеваю-

щий и нащёптывающий голос старшего сына; на мгновение я остро ощутил его присутствие. Рядом, на военной части кладбища, развеваются над свежими могилами яркие двуцветные флаги. По пути к Игореву жилищу простодушный таксист рассказывает о своих религиозных сомнениях, появившихся после смерти его друга от лейкемии. Почему Богу было угодно, чтобы этот добрейший человек так бесполезно умер? У Игоря дома двое котов, один другого краше. Спать они изволят на хозяйине, весят вместе пятнадцать килограммов — Игорь говорит, что вес ощущается солидный. Иногда ангорский кот сбегает через форточку во двор, буйствовать — возвращается тощий, с грязной и сбившейся клоками шерстью. Кожа исполосована, как будто он пролезал где-то сквозь колючую проволоку; напоминает картины Джексона Поллока.

10

В город Х я ехал в одном купе с раненым солдатом, тихим, серьёзным — рука у него была скреплена аппаратом Илизарова. На вокзальной площади приезжих встречала многоэтажка с выбитыми сверху донизу стёклами, с несколькими вывернутыми взрывом офисными этажами. Какого рожна от нас нужно россиянам, они сами хоть понимают? Если в своём городе я слышу украинскую речь всё чаще и чаще, то Х, как мне показалось, остался полностью русскоязычным. Юра показал лесок рядом с домом — во время нашего выбораочно заминировали, опасаясь атаки со стороны захваченного неподалёку посёлка. После отступления россиян лес, тоже выборочно, разминировали — никто уже и не помнил, где стояли мины. Гулять там опасно и, наверное, будет опасно в течение десятков ближайших лет. Под окном у Юры баскетбольная площадка, где при ярком свете фонарей играют даже ночью, во время комендантского часа — есть нечто брейгелевское в подвижных маленьких фигурах баскетболистов. Сезон «не доніс до смітника» офіційно відкритий. Абрикоса жива, её просто обрезали, чтобы сформировать. Садовник сказал: «я скульптор красоты». Нет, это не формирование, а сатанизм! Всё сделано по правилам арбористики, хотя со стороны выглядит иначе. А ведь для кого-то эта абрикоса была памятью о бабушке! Я не собираюсь ни с кем тут шутки шутить. Знаю, кто это сделал, имеется видеофиксация. Даю шанс осоз-

нать содеянное преступление. Не будем в общем чате поминать сатану и бабушек. Люди, оставьте садовника в покое — он не квартирант, обрезает деревья и сажает возле своих окон. Квартирант вам озеленять двор не будет. Абрикос, который он обрезал — а не спилил — уже лет сорок. Если каждый начнёт во дворе делать, что захочет, будет хаос. Может, кто-то с первого этажа не захочет иметь под окнами густые кусты сирени, полные комаров. Коли вже зникне кацапська бридка мова? Люди, де ви живете, в Україні чи на Украине? Не подобається, то не читайте! У нас тут хто як хоче, так і розмовляє. Хто як хоче — соромно це читати. Ми майже 32 роки як незалежні. Наша рідна мова українська. Але все одно «мы гаварим па русски». Ви на передовій нам то розкажете чи з дивану? Я був і на передовій, і в полоні, і на дивані, і де завгодно. Кожен громадянин є вільним у виборі мови для приватного спілкування. У нас закон не дискримінує іншомовних. Ганьба тим громадянам України, які спілкуються кацапською. Ідентичність нації починається з кожного. Это вы пойдите расскажите русскоязычным ребятам на передовой, а ещё их русскоязычным родителям — если, конечно, не будет стыдно кричать им «ганьба». Тренироваться в чате на женщинах и пенсионерах не нужно. А скільки наших пацанів руськомовних захищають нашу країну? То, може, їм ще до школи піти? Пинками ніхто любить мову не заставить. Такая позиция только больше от неї отталкивает. А меня ребёнок учит украинскому. Мама была крымчанка-караимка, бабушка грузинка. Знаю три языка, и украинский для меня четвёртый. Нелюди с восьмого этажа снова поломали лифт! Ёбаники, надеюсь, вы это прочитаете! Пить-курить вы научились, а пользоваться лифтом — нет? Если вы, придурочные, не знаете, как себя вести, то мы вас научим. Будем бить ваши морды, пока они не станут похожими на человечьи! Я соберу всех своих друзей, и они будут ждать вас каждый раз, когда вы захотите сюда сунуться! В подъезде живут пенсионеры, инвалиды, мамы с младенцами! Если вам их не жалко, то нам вас тем более! (Рядом с гневным текстом аватарка с улыбочивой девушкой). Живём под вами и здесь особенно хорошо всё слышно три ночи ужасного крика матов и постоянного шума у меня потолок и люстра ходуном ходят ребёнок вздрагивает когда у вас там постоянно что-то падает гул разговоров и разборки сегодня двое утром шлёпали туда если ты на работе зачем они туда ходят. Вы хотя бы раз вышли бабушке яму вы-

копать для растений для бурьяна поэтому претензий мне не кидайте приходят соседи на хуй с первого этажа по седьмой орут получают по лицу и после этого просят извинений ну и зачем это я ещё раз объясняю если что-то не нравится сделай себе стены сделай пол продай квартиру и вопросов нет а если хочешь поговорить поднимайся прямо сейчас и поговорим при чём тут закусывать при чём похмеляться когда ломаются в дверь непонятные люди я конечно выйду и пизды дам не надо выбивать дверь а потом говорить прости прости. Да, чувак зробив атмосферку. Проблема в том, что если они не откроют дверь, то полиция опять ничего не сделает. Зато вызов будет, нам свидетели прошлых выходов нужны. Пусть повестки вручат — отрезвеют моментально. Вечером загадочные вспышки в небе: инопланетяне прилетают подзарядиться от хронического смятения. Ирреальное конкурирует с бытовым на равных. То там, то здесь родственники возвещают о внезапной смерти собак. Целый день персонажи предательски молчат на государственном языке. Верхушки скал горят, словно факелы, закручиваются в немыслимые причёски — совсем как у дровосеков. Медведь изображает боевые рычаги. В океане происходят малопонятные вещи: смерч приносит ржавую лодку и обломки сахарного тростника. Из приюта сбегает авторы, оставив записку: «Земля цилиндрическая. Мы знаем, где на самом деле северный полюс — под вишенкой в форме орангутаньей жопы». Порадуемся за потомков, которые точно определяют, что же произошло. Сегодня билеты в музеях бесплатные, но вместо того, чтобы наслаждаться королевской роскошью, Оля вынуждена была пробежать через Палаццо Дуккале пулей: Вова непрерывно ныл, что хочет в игрушечный магазин, и пытался закатывать истерики. Суровая мама в качестве контрмеры решила отменить правило ежемесячной игрушки. Не оправдались Олины ожидания, что ребёнок научится считать время до следующего похода в магазин. На обратном пути к вокзалу Принчипе, когда Оля говорила со мной по телефону, навстречу ей и сыну вынырнуло неприятное шествие: местный «бессмертный полк» с транспарантами на итальянском, с флагами СССР и сепаратистских республик. Наступление Шрёдингера опять откладывается. Заказчики могут оказаться недовольны первым релизом. Им известны только две арифметические связи: пустоты и дети. Отмычки простираются до Полинезии. Ушиб не залечить к новоланью; берегите тело, но берегите души! Побережье её длинней, чем то, у которого есть оба конца, ибо состоит из странных кварков.

Вопреки опасениям, с документами по Вовиной инвалидности меня пропустили через границу безо всяких затруднений. Над венгерскими шоссе клубились миражи — облачные озёра. По обе стороны полыхал ярко-жёлтый цветущий рапс. В Геную перевозчики добрались в половине четвёртого утра и стали подниматься на холм над одной из периферийных железнодорожных станций. Улица Ланди имеет форму рогатки, начинаясь и заканчиваясь на улице Монти, которая между разветвлениями этой рогатки успевает трижды изогнуться и вспрыгнуть по серпантину на верхний ярус, откуда подходит третьим транспортным потоком к нужной мне площади — последняя же расположена в крестовине, то есть срединном изгибе, одноименной улицы. Немудрено, что перевозчики начинают путаться и материться, когда попадают в этот район. «У этих улиц рабочая поверхность, как у хорошего сорбента» — говорит Оля. Город закручивается спиралями, над одной из площадей висит дирижабль с надписью «Сто лет аэронавтике в Лигурии». Бельё вешают на просушку даже на первых этажах, что затрудняет ходьбу по узким тротуарам, пока не выходишь на набережную. Девочка-подросток стоит, переминаясь с ноги на ногу, на скале, не решаясь прыгнуть с пятиметровой высоты в море. Товарищи подначивают её, кричат снизу: «живемо тільки раз». Оля орёт ей: «Слезай немедленно, не слушай их, должна быть своя голова на плечах». «Я ничего не боюсь, Путин украл мою молодость». — «Дура, ты хочешь ему помочь?». Множество выразительных домашних деталей: висящая в коридоре репродукция городского пейзажа Утрилло, непрерывно вращающаяся на балконе вертушка в виде самолёта с пропеллером, миниатюрная сова, растопырившая когти в ванной, висящие на кухонной стене фотографии нашего покойного старшего сына. Вовкин очень всерьёз отнёсся к привезённому мной старинному, советских времён, металлическому конструктору. Весь вечер первого дня мы собирали с ним грузовик. Гайки с винтиками Вовка привозил к папе с помощью любимого игрушечного крана с бирюзовой платформой, «цвета морской волны», как он торжественно объявил. Питался только под мультфильмы, требовал поставить ему «обедного Бубу». Закончился первый день Вовиными рыданиями в постели по неясному поводу, Олиными шёпотами да уго-

ворами. В конце концов ребёнок затих и уснул. Секса с женой у нас как не было несколько лет, так нет и теперь; наверно, оно и к лучшему — меньше лицемерия. С утра, пока сын валялся в постели, совместно готовили завтрак и слушали новостные ютьюб-каналы. Накануне украинские, предположительно, дроны атаковали Кремль; повисла пауза: как ответит диктатор, не дойдёт ли дело до ядерной петли? Разрешилось напряжением стандартными атаками дронов, ракетными ударами по жилым районам и не слишком многочисленными жертвами среди украинского гражданского населения. Непривычно лишь то, что мне самому эти атаки не угрожают. У Вовы белые обшлага рубашки обязательно должны торчать из-под школьного халата — «как у английского лорда». Требуется надеть капюшон и дёргает себя за воротник — хотя капюшон в его летнем костюме не предусмотрен. Как и прежде, сыплет фразами с непонятным контекстом: «носорог и хомяк, мыши нет», «твёрдый знак — это кран» (можно согласиться), «меня прокатило, как сон — нет, меня прокатило, как ёж». Придумывает новые слова: мелкие камешки называет «угловодами», папину трость «мечкой», качель в форме летучей тарелки «маловозом». Внезапно ни с того ни с сего начинает кричать, дико, вдумчиво, несколько минут подряд без перерыва. Когда спрашиваю его «ты что ревёшь, как марал?» — отвлекается и поправляет меня: «ревёшь, как хомяк». Минут чистого любования бывает совсем немного, ребёнок требует постоянного внимания. После выхода из школы Вовушкин совершает один и тот же ритуал — посередине лестницы перелезает через перила, пробегает в дальнюю часть двора и возвращается к площадке, где останавливаются автомобили. Сегодня надолго задержался в углу, лёжа в школьном халате в песке и собирая его камешком, как лопаткой, на платформу своего крана. Затем стал бултыхать и размешивать палочкой грязную воду в квадратной лужице, оставшейся после дождя в бетонной выемке на парапете. Олины уговоры не помогли. За мальчугана взялись две активные одноклассницы, сёстры-близняшки — отвели его под руки к выходу из школы. По пути домой носился от лужи к луже, пытаясь запрыгнуть в каждую, а потом едва не сбежал от меня. Пока я ковылял позади, опираясь на трость, он слетел вниз по свёрнутой улиткой брусчатой дорожке, скрылся за углом, однако дождался меня у лестницы, ведущей на улицу ниже ярусом: пытался съезжать по близко поставленным перилам,

опираясь на них локтями. Дома устроил шабаш, заскочив в сандалиях на кровать Веры Михайловны и прыгая по ней — если я подходил близко, он отскакивал на дальнюю часть кровати так, что я снова не мог до него добраться; если я сам залезал на неё, чтобы его изловить, Вовка спрыгивал, обегал кровать и бестолкового папу по периметру. Всё, что я мог — контролировать кровать снаружи, пока он прыгал по ней во всех направлениях. Оля: и в чём же заключался контроль? — В том, что я говорил: слезай с неё. Мальчуган стал большим и ловким, теперь в проблемной ситуации его больше не подхватишь под мышку, каждый раз выходит целое приключение. На прогулке я пытался найти бар Святого Маурицио, где, по слухам, можно смотреть матчи Лиги Чемпионов. Оля говорила, что надо спуститься по улице Ланди и повернуть направо; там, чуть пониже начала серпантина, мы с Вовой нашли закуток с отдыхавшими под тентами людьми, а за ним покрытую щебёнкой прямоугольную площадку. В дальнем её конце, среди других инструментов, стоял массивный ручной каток для разглаживания щебня. Вовка ринулся к нему, стал дёргать за ручку и пытаться сдвинуть с места. Вокруг стали скапливаться любопытные итальянцы. Я проковылял вслед за сыном к инструментам, заявил ему авторитетным тоном, что чужое трогать нельзя, и мы отправились было дальше — я шёл, а Вова стремительно описывал вокруг меня концентрические круги, повисал на тонких фонарных столбах и стремительно крутился вокруг них — но уже через сотню метров папа обнаружил, что кран с бирюзовой платформой, который Вова нёс в руке, потерял им, по видимому, где-то на щебенчатой площадке. Пришлось возвращаться, а потом и призывать по телефону на помощь Олю — она, с её опытом и чутьём, сумела, наконец, найти игрушку в кадке с лимонным деревом, куда её зашвырнул Вова. Мы спустились с ним по длинной лестнице в район с магазинами. Вова то пинал жестяную банку из-под сока, то танцевал на перекрёстке, то щупал номерные знаки припаркованных автомобилей и рули мотоциклов, то забегал в часовую мастерскую, летел мимо изумлённого мастера в дальнюю комнату и хватал первое попавшееся под руку зубчатое колесо — приходилось врывать туда, изымать трофей и выводить за руку, принося извинения на удивление спокойному и благожелательному хозяину. «Я хочу чинить и рассматривать», — сообщал Вова. В небольшом парке, рассечённом мостами, по которым носились

гуськом электрички, он принялся с хохотом, держась от меня на расстоянии, пинать муравейники и швырять землёй на пешеходные дорожки. Потом начал поднимать ботинками клубы песка и пыли вокруг кедра с сотней голубей — дирижировал ими на бегу с помощью подобранной здесь же узловатой палки, и птицы методично и метко, как из пулемёта, срали на папу, который всё это время пытался дирижёра поймать. Папа выписывал и выписывал по парковым тропинкам аппроксимационные кривые, пока не сумел всё-таки ухватить шустрого молодого человека и вывести за руку из парка. На обратном пути Вова заскочил на высокое крыльцо одного из подъездов, где маленькая девочка пускала вместе со своим отцом мыльные пузыри, стал быстро хлопать в ладоши, разбивая переливающиеся шарики, чем несколько озадачил и расстроил юную итальянку. На день третий втроем поехали на электричке к Вовину новому корректору. Оля долго вспоминала конечную, «пищевую» остановку на этой линии, как оказалось — Специю. По пути купила своей матери льняное семя: та питается неправильно, жареной или жирной пищей — ей остальное невкусно — и теперь опять страдает от обострившегося гастрита. В регистратуре Вова схватил печать и стал ставить штампы без разбора на все бумаги, которые попадались ему под руки. Корректора он впечатлил, собрав у неё в кабинете безо всякой инструкции, лишь по изображению, модель тук-тука из деталей Лего — Вова называл его «натуком». Осталось много неиспользованных деталей, да и крыша транспортного средства держалась нетвёрдо, то и дело заваливалась набок, и всё-таки работа была выдающаяся. «Мы хотим трактов», — заявил Вова не без суровости.

12

По ночам я начал работать над новой книгой — слоистой, бесконечно запутанной, как улицы центрального района в старинном городе. Записываю её как можно медленней, хватая себя за локти, чтобы текст, вольно или невольно, успел соприкоснуться с большим количеством событий. Начинать надо с выстраивания метода, способного уловить и рассортировать любой набор не связанных между собой данных. Как быть с персонажами — вообще не давать имён или обозначить некоторых из них именами мифологически-

ми? Создам смешение нескольких речевых потоков, и смягчу его нейрогенерацией. Предвкушаю изготовление замысловатых текстовых смесей для инпута — придётся-таки подкармливать нейросеть «с рук». Самого же реального плана может и не быть — по крайней мере, он перестанет быть организующим принципом сборки. *У окна сидит пожилая женщина с кисточкой, на её платье висит собачья шкура. Распахивается дверь, с шумом выпуская двух стариков — векселедателя и акционера. Каждый из них одет по моде восьмого года: берет, пенье, чёрные сапоги с гетрами. Все стихают и ждут, лишь столешница в углу пищит рекламой. Жёлтая тарелка притворно плачет, но на самом деле ей весело, что всё вокруг — и вода, и тряпьё — не всходит, но и не падает.* Так всё мило, режу на куски полиномы, проецирую вазочку с цветком на голую ляжку. Могу полулежать на диванчике, глядя, как лифт бесшумно взмывает к потолку огромного зала. В коричневой комнате заглядываю в сияющие линзы и вижу, как машут зонтиками, кувыркаются проворные толстяки. В комнате синей, когда обрывается короткометражка Люмьеров, экран смещается в сторону, и к зрителям выезжает настоящий паровоз. Посетители комнаты красной, сидя на унитазах, смотрят отрывки пеплумов. В комнате белой — проявочная, расставлены колбы с разноцветными жидкостями, развёрнуты рулончики с плёнкой. В комнате жёлтой расположен письменный стол сценариста и высятся стеллажи с книгами вплоть до верхнего этажа. Гильгамеш опускается на колени, собирает рассыпанные по полу пуговицы. Ты смотришь на меня так, будто я пылающий жираф, говорит он. Лицо то озаряется, то темнеет, потом начинает подпрыгивать. Фраза не содержит ни пожелания, ни приказа. Рельсы уводят наблюдателя в напичканное чертями болото. Змеи, облака, отмели врут самим себе. Мы с Олей съездили на день в Турин, и она сдала экзамен по органической химии, а я сходил в музей кино. В электричке на обратном пути сидели, взявшись за руки, как юные влюблённые. Вова тем временем бегал по генуэзской квартире и орал Вере Михайловне «папа вернётся!». Мне стыдно теперь перед малышом, что урвал у него предпоследний день своего отпуска. «Папу надо защитить от папы» — разумное предложение. Для защиты Вова замотал голову папиным красным шарфом и носился по коридору. «Начинается поздно, надо нацепить защитный шарф от глаз. Получится защитить папу от защитного шарфа! Надо защи-

тить защитный шарф, и получится защитить от палки!» Я бы, конечно, остался в Генуе, но дома, в моём городе, есть работа, и терять её нельзя. К тому же арендовать жильё для меня и мамы — задача не их простых, лигурийцы крайне неохотно сдают жильё беженцам из Украины. Знакомое чувство влетающей в лоб рукояти — в те дни, когда мы рвали на куски тела священных животных. Знаете, в якій країні? В країні загублених речей. Париж до сраки, я закохалася в Амстердам. В салоні двадцять два, додайте, будь ласка, пропелеру, але небагато. Числа бывают огромными, их можно использовать в качестве трехэтажного дома для птиц. Логические символы превращаются в живых существ, гуляющих по деревенским улицам, где каждая аксиома принимает форму карусельной лошадки. Фокусники выстраивают длинные числовые ряды. У поезда вместо лопастей появляются вращающиеся десятичные дроби. Заблудившиеся ноты сливаются в цифровые шпильки. Добавьте и правда пропеллера, но немного, чтобы не смешивался с реальностью. Станция, лес, почва в месте вращения отдельных элементов размягчаются — превращаются, в конечном счете, в полимер. Иным обстоятельствам красок служит стёртая до блеска сковородка. Игра рассолов с неконтролируемым контекстом, картина конём и ход маслом. Персонажи — это методы сборки мифа и речи. Приходится искать ключи доступа к ним, притом у автора и читателя они должны разниться. Минимальное «никогда», из-за которого появляется приторный привкус. Что-то липкое, наверное, цветочная пыльца. Дожди шипят, скатываясь со стеклянной крыши. Сначала справа хмурятся Апеннины, затем слева дыбом встают освещённые солнцем склоны Альп с почивающими на них тучами. А вот уже горы вокруг повсюду, автобус то ныряет в тоннели, то пересекает по приземистым мостам наполовину пересохшие реки. На границе с Австрией смартфон одного из пассажиров озвучивает сигнал воздушной тревоги: по Украине ведётся очередной ракетный обстрел. Во Львове у меня остаётся несколько часов свободного времени между автобусом и поездом, и я неспешно хожу по центральным улицам. Перед зданием национального банка двое силовиков с автоматами перекрывают улицу. Один матюкается на русском, другой его на русском же успокаивает: «ну что за херня?» — «да ладно, всё нормально, всё просто пиздец». Перед самым вокзалом замок в купе заклинивает, и проводнику приходится раскручивать его отвёрткой, чтобы нас выпустить.

Мой город встречает меня цветущей сиренью, нежной молодой листвой и насыщенными обстрелами. Навёрстываю всё, что упустил по работе за отпускное время. Скоро очередной релиз. Зарплату мне, к счастью, платят без задержек; у Оли много расходов на лечение сына и просто на жизнь в Италии. Приходится сокращать собственный бюджет, книги в этом году почти не покупаю. Днём, даже без объявления тревоги, раздаётся непонятная стрельба, быть может, тренировочная. Ночью дом трясёт от продолжительной серии взрывов. У одной из дальних многоэтажек пылает крыша, на неё рухнул сбитый дрон — чёрта два к такому привыкнешь. Массированные ночные атаки, волна за волной, теперь происходят уже не раз в три недели, а с периодом в двое суток, по нечётным числам. По чётным обстреливают другие города. Помимо террора гражданского населения, идёт охота на зенитные установки «Пэтриот», одну даже удаётся ненадолго вывести из строя. Со временем обстрелы становятся ещё гуще: бьют уже и засветло, иногда несколько раз в день. Кто россиянам поставляет столько ракет? В нескольких районах повреждены жилые дома, горят автомобили, обломки дронов лежат и во дворах, и на проезжей части, посреди проспектов. На парковой дорожке след от удара, похожий на солнышко: центральная дыра и оплавленные лучи в разные стороны. В одну из ночей баллистическая ракета разворотила здание той больницы, где родился восемь лет назад младший. Опять спасатели разбирают завалы, назавтра объявлен общегородской траур. Это жест, пишет мне Настя, я прекрасно понимала, что идёт бомбардировка, но мозг твердил: смотри, ты стоишь посреди поля, гроза такая красивая. И я не могла проснуться. А когда проснулась, уши закрыла так, что ничего не слышала. И всё надеялась, что это сраный гром. Сколько ни пробовала повторить утром, не получалось, сквозь ладони всё равно проходит уличный гул.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДО ИМЁН

Сначала появляется речь. Существует сама по себе, как мутное зеркало с видом на сентябрьский парк, на кривую аллею, ведущую прочь от самодвижущихся фигур. Не шахматная партия, проигрыш здесь гарантирован. Спуск вдоль перил, которые тормозит обрётённый цвет. Безуспешная попытка найти слова «я» или «она». Истории, склеенные с реальностью мокрыми радужными хвостами. Проза выставлена на холод без объяснений, в силу невозможности прямого обхода — лишь по наклонному цилиндру. Возвращения, попытки стереть написанное. Благодарность, переходящая в диаграмму. Допустим — с этого слова легко начать логическое преступление. Просторный творожный колокол.

Правила, избегающие нумерации: в полумраке кинозала, среди случайных и намеренных прикосновений, объятий, деревьев, бредущих на привязи. Запасные игроки необходимы с первой же минуты. Дубликаты этих игроков, толстые и выпуклые, как едва тронутые краской губы. Попытка обрести существительные: люди, которые оказались по другую сторону от развязавшейся черты; линия зрелости, влюблённые в своё неведение миллионеры. Попытка обрести глаголы: спускаться, целоваться, опасаться дождя. Попытка обрести длительность: время, пока потушен свет; время, пока сыр нанизывается на острую палочку; время, пока лифт едет на нижний этаж и ты ощущаешь размытую солнцем красоту в хриплом от курения высоком голосе.

Лучшее в таком движении — отсутствие предпочтений, отсутствие взгляда в прошлое. Музыка в застывшем на склоне зале, терраса с видом на вкрадчивую ночную поступь. Сомнительные дома, уходящие на метр в землю, уже отсортированные, уже арендованные ветхими взрывами. Доставка в офис по щёлкающей орехами световой линии. Не ближе и не дальше — что бы ни верещали бумеры в усыпанное яичной скорлупой спиральное небо. Проход между торговыми рядами: продавцы усаы, частично одеты. Чёрные сыры с соком каракатиц, необязательное вино, бережное сохране-

ние слов. Вечер — будто корзинка с грибами, по которым уже ползают прекрасные черви. «Мы» измеряем туманные фразы рядом с замаскированным министерством, вместе с шагающим по аллее хромым башенным краном.

Чёткость веток внутри мыльного пузыря. Само слово «внутри» — нулевой билет, который может быть выдан лишь однажды, в дальнем районе, ещё не охваченном эпидемией. Весовая функция воспроизводит один и тот же результат: отбросить, списать в неуклюжую память, стереть телефон, имя, дату, интенсивность поездки, цвет пальто, продолжительность курения рядом с остановкой. Движение авангардной музыки, освобождённое от маршрутов и намерений. Бывают и канцелярские скрепки, и теории заговора, объясняющие то, что слетает с быстро вращающихся виниловых пластинок. Тем временем нога всё вытягивается, пока не достигает дна рябого канала. Разворачивается ли эта история обратно, в сторону повышения ставок? Да, ещё бы: пока не измерен каждый шаг каменного облака, пока не залеплен мягкой резиной католический храм. Ненужность поверхности, её просвечивающая мягкой пестротой банальность, ответы на те вопросы, что лучше было бы не задавать. Тёмный клин, обозначивший лестницу, тесноту, закольцованность. Повторения пауз и тем в музыке предсказуемости, уютного восполнения. Реконструкция ночной палитры: тени, которые начинают двигаться быстрее, когда ты за ними бежишь, наклонные бутылки, стреляющие с мощных уклонов, капли смеха, разбитые вдребезги о рваные сабли наёмников. Соревнования по лестничному бегу, где побеждают книги без продолжений.

Что же лихорадочно поглощается при обратном перемещении — пространство или время? Так ли необходимо переворачивать страницы, или это блажь, диктуемая стилем, — но откуда берётся стиль, если год назад его не было, и почему теперь его надо поддерживать, блюсти, как церемониал, холить, как отстиранного школьника? Избегать впадин и белых дыр, которыми отмечены канализационные люки? Некто третий говорит, когда мы молчим, веско и коротко — колокол, подвешенный к облаку, господин летней синкопы, точно измеривший половинные доли. Несомненно, он помнит проносившиеся рядом с нами мёртвые станции, и лица, смотревшие на реку, и старые лодки, их утопленность в устаревающих контактах. Бодрствование по свистку лжи, всё на тех же двух

метрах, которые, вопреки желанию, становятся долгой, едва подкрашенной оперой. Достаточно сказать «я жил в», чтобы обрушить часть архитектуры, подрамника, бега. Черновика, где поселились задекларированные переменные. Неужельник-зеркало, которому ты сопротивляешься, всё время поднимаясь по течению. Быть может, союзник-день, с его скучной геометрией, повторным блужданием, смешением рабочих пространств. Точная логика — как девушка с грецким орехом в кармане, с металлическими зубами. Двигаются по-солонь, высматривают сегменты лестниц и прирученных книг две тени без сравнений, каждая — размером с вафельную гору. Структуры перестраиваются сами собой, по мере приближения к ним.

Или фантазии, из которых ты вымарываешь слово «самые»: самые красивые руки, самая последняя улыбка; теневая возможность, пропасть верного шага. Самая длинная ночь, где может подступить лишь сокращение, упрямство белого поля. Чай (ведь бывает и чай). Нагота (не бывает наготы). Ледяная плоскость, с треском налетающая на берег. Слова, поначалу написанные курсивом: по-видимому, то, что зовут жизненным опытом. Птица с охлажденным оленем в клюве. Глиняный луч, где смешались два страха. Но — чай и лёгкость, смородина в сахаре или же растёртые в ладонях ещё свежие листики мяты. Размывание слепых углов, ибо «нужно лечить принудительно», повторный обход бумажного плена. Фиолетовые странники кверху ногами, танцы раздавленного часа. Забота о диких племенах, исключённых из суммы.

Намётки буйных ложек, освещающих темноту над остановкой. Поцелуй в лоб, радость, что день окончен, даже не начавшись. Уничтожительное равенство всех последующих дней. Антибиотики ака глумливые птицы. Корки строительных вертикалей. Где был центр этой истории — в одной из многих заброшенок, тщательно отмытый, мерцающий, живой, неловкий? Две быстрые походки, ярмарка плеска. Опустелый путь сквозь выгнутый дугой двор. Свод невидимых правил — где-то рядом, у входа в зеркало. Недолгий отдых на случайных металлических сиденьях. Она приходила сюда одна, просто потанцевать, просто стать таким же отсутствием, как и я, за шевелящимся, как змея, цветным прожектором. Слушать музыку, едва капающую в прихожей, падать с этажа на этаж в странной шапке, похожей на листок, обглоданный слизнем. Поворачиваться на одной ноге в конце коридора, когда разговоры с продав-

цами иллюзий закончены. Точка А и точка Б, хлопотливый пробный шар, которому больше не находится места. Двоичная логика, заслужившая рекурсивную прозу. Попробуй не монтировать следы, просто отойти понемногу, малыми шагами, от склона. Один из сотни усталых профилей, описанных вокруг шахматной хроники, царственно забытых.

Если прозу отдать облепиховой воде, та может почуять подмену. Муху-наживку вязкого метода, изменение цвета травы на футбольном поле. Воодушевление вдребезги разбивается о ландшафт, застывает на бетонном блоке возле канала. В термосе — кагор, твоё изобретение, продлевающее безответственность — а ведь у нас остаются сиротами множества различных «ты»: для склона, поросшего низкорослой сосной, для клейкого музейного объёма, для удалённой армии кеглей. Совсем не обязательно всех их усыновлять. Усыновим разве что склон, чтобы легче разрушать несводимое. Тихое порхание дат: ты не осознавала, что бисексуальна, пока не познакомилась с красивой румынкой на конференции. Можно считать, что до неё настоящего секса у тебя не было. Попытки длинных геометрий, коронных узоров. Невозможность прозы — вот что нужно обследовать ежедневно. Обычные времена на экспериментальном острове, рассказы о которых начинаются с тихих американских горок. Главной недостаточей схемы является неопределённость с операциями сохранёнными, складированными в общей выгребной яме. Устройства, предназначенные для оживления операций, похоже, только имитируют работу, ни одна из операций не зарегистрирована достоверно целой и невредимой. Мёртвые операции не применяются заново даже при изменении базовых шаблонов — как верхнего, отвечающего за насекомоядных птиц, кроны деревьев и расположение светил, так и нижнего, адресованного гадам земным. Да и к чему их применять, если даже не была сохранена каждая из промежуточных оболочек. Похоже, исправлять эту бессмыслицу мне придётся не менее двух ближайших недель. К счастью, архангел Михаил помог мне починить дефект в настройках: одна из операций, перепутав все имена, стреляла доверием в собственную выхлопную трубу — в итоге все птицы одновременно останавливались в небе. Впрочем, образовавшаяся в итоге воронка не способна исказить сколько-либо опасные вещи. Даже пластмассовые ножи и вилки остаются на привычных местах. Грязь распространяется по цепочке

операций, пока одна из них не оказывается пустой как внутри, так и снаружи. Пустота схлопывается с пустотой, поглощая облачный остров — проект, погружённый в меньший проект.

Пусть и ты создаёшь новые комбинации из проспектов и трамвайных путей, запертые территории, с которых я не уйду, пока не разграблю их до последней консервной банки. Широкое дыхание города, лёгкость тормозящих нас указаний. Неловкая попытка приравнять гильотину к гимнастическому снаряду. Письма женщинам — из тех, что доходят, но не бывают прочитаны. Райские велосипеды с индейскими перьями. Сокращение человеческого глаза до двух фаз, до пустых архивов, которые уже не могут быть распакованы. Чуть пристальней сфокусировать зрение на оставшихся запасах: пририсованных беглым карандашом бровях, надтреснувшей маске, отразившей разворачивающийся профилем особняк. Конус остановки, укоренившейся в бандитской норе с шевелящимися потолками. Лучше пропустить ход, когда пароход сворачивается до двухместного катамарана под мостиком через пёстрый пруд.

Двое юродивых, у одного из них слишком лёгкая голова. У другого неумелые руки, как в кино, где нужно съесть слишком большую порцию макарон. Прозаики всегда могут залучить и третьего, без фамилии, за добавочную плату. Возвращение шума, лёгкого лица, праздничного нетерпения листьев. Назойливая соната, которая, к счастью, из недели в неделю теряет зону воздействия, как будто играет с тишиной в ножики. Пупырышки, муравьи, одному лишь воздуху известные теоремы. Трава, растущая сквозь бетонную набережную, своего рода полоса неухоженного смысла. Так может быть понят наклон головы под низкой аркой, смещение луча из черновой зоны здания. Так могут, едва начавшись, исчезнуть лишённые реальности диалоги. Мы только находимся в предвкушении, а всё уже прошло. Расстаёмся с голой памятью, когда она колеблется на грани возобновления. Новизна резка, прихотлива, и не обещает нам понимания. Словно прикосновение к коре, словно солома, шелестящая ещё до удара. Или солнце, разрезающее удочку в руках у проходящей няни. В любом из планов нам важно перевыполнение, спиралевидный бег по выпуклым ящикам. Присутствие метода, позволяющего вращать голубятни.

Может ли вино быть похожим на старую собаку, починившую городские развязки? Масса, плотное количество, уничтожимая рука.

Пересказанные мокрые следы, из тех, что выходят десятитысячными тиражами. И ты — прорезиненное стёклышко, где пульсирует облачный кран. Может быть, цистерна, полная авиационного керосина. Это предстоит исследовать, такие вопросы не терпят проводочек. Будто императорские печати, окружённые старинными индустриальными зонами. Щекотка, охватывающая фару грузовика. Велосипеды, выброшенные на берег, оберегаются от порчи лишь грамматическими конструкциями. «Сразу всё» — так звучит призыв к линчеванию, но, к счастью, он даже не помещается на поля уравнильной книги.

Было ли кафе, где посетителям надлежит исчезнуть, нарисовано красками? Было ли оно инсценировкой? Можно ли будет поставить запись на реверс и увидеть его ещё раз, изучая включённость в цветковые сигналы? Под конец истории дерево зацепится за колючку, за амуницию игрока. О, если бы попадать в себя всегда, как крошащийся кусочек пирожного. Стимулировать данные, каждый раз отбрасывая страницу. Нанизанную подушку, растёкшуюся по городу. Середину дня, рассекающую произвольно выбранный абзац: если хочешь, отмени наобум любую его половину, вытри жирные пальцы, пиши, как пианист, лишь левой рукой.

Чем счастлива проза? Не ведает разочарований, подсчёта читателей, дизлайков. Творится в шипении сковородок, когда сравнительные обороты исчерпаны. Полагается на взбитые всмятку разговоры о рок-н-ролле. Лишь бы материал был небрежен, доступен прощению. Лишь бы перечтение изымало запятые, словно колодезные рукояти. Проза как таковая, без иссечения строительными лесами, с паузами, вызванными дыханием, а не механикой подпольных чертей. Впрочем, демонических расписаний никто не отменял. У каждого будет свой холст, и ручная молния, и фрагмент краденого грома. Название должно меняться непредсказуемо, теряться, как чек от гнойной мази. Если запускать все процессы с нуля — обязательно отыщется и новое дерево. Многое зависит от погоды, от мельчайшей дряни, что носится в воздухе. От того, кто будет переворачивать страницы, заслуживая пальцы. Будет стоять в очереди на цветную полиграфию, сортируя в телефоне любовников. Рядом с зеркалом немного спокойней, меньше спонтанных чужих «я хочу», стариковских привязок. Мало того, что сказанных, уже тщательно пережёванных, смачно сплюнутых. Можно счи-

тать опечатки неустранимой и необходимой частью текста. Перформансом, подвергающим изнеженных натурщиков опасности между двумя разными невозможностями говорить.

Застывшие снежинки уравнений. Расслабленность, которую не удаётся прервать, счастье от отсутствия слов. Ты любопытна, даже в недрах поросших камышом исключений. Честно ли играть вдалеке от башен, когда духи текста ещё крепко спят? Здесь только створки бетонных ртов, машинальные пьедесталы, собранные из скамеек. Дождевая змея, тщательно избегающая своего хвоста. Плавает ли в этих водах унижение книги, собравшей в себе все звуки из других книг? Ты любопытна, — вот что я давно хочу сказать, а поэтому и все дома имеют форму вопросительных знаков. Ты привыкла пользоваться тире, как рапирой. Наши с тобой фамилии — выбоины в асфальте. Двери, по которым можно бить и руками, и ногами. Шестнадцатилетние смерчи, настоявшиеся, наполненные ртутью и спермой. Прости, но придётся оплатить и камеру хранения, и каждый использованный временной слот, складывая заготовленные части разговора в произвольном порядке.

Наше внимание к рассеянным округлым фигурам, которые мы наделяем голосом. Ты говоришь, что хочешь фасилитировать их, уделить им максимум внимания, вылечить их, если нужно, пока они не станут богаты и знамениты. Говоришь о том, как задевает тебя мой скепсис. Вдыхаешь из портативной металлической флейты курительные смеси без никотина. Скамейка, на которую мы присели, расположена в тени возле моста, рядом со стихийным бетонным пляжем, где уже одеваются живущие в соседних домах пенсионеры. День на острие сверкающей пирамиды. Большая часть этажей сжимается в зерно удара. Шахматные пирожные, из которых слюна прорастает неслыханным кустом. За ширмами — швабры, раскалённые медяки, коты с простреленным мяуканьем. Брейншторм, оставляющий от реальности высосанное копыто. Отсутствие мелочи, как раз в тот момент, когда мы приближаемся к водоразделу, за которым наступает, что уже заметно, совсем другая тишина.

Ты не так уж много месяцев живёшь в этом городе, ты его не любишь, но пытаешься полюбить. Найти здесь прекрасных людей и прекрасные места. В конце концов, он лучше, чем тот, где ты родилась — там нет ничего, идеально пустое место с советским фасадом и бесплотным укладом жизни. А мне помнится большой

зоопарк на склоне холма, со складчатым рельефом, и ещё небесно-синие деревянные церкви. Но ты не любишь ни зоопарков, ни церквей, тебя они тревожат. А вот деревья, окутанные грязными от дождей вязаными муфтами, тебе по душе, просишь сфотографировать себя на их фоне.

Перед выходом из квартиры ты каждый раз проверяешь все розетки — не осталось ли включённых в них электроприборов. Потом сидишь в кафе «Даблдекер», у окна, в доме с прищуром, похожем на итальянский дворец, за журналом о кругосветных путешествиях, всякий раз новым. Местная продукция, то лучшее, что даёт тебе новый город. Внизу — перевёрнутые страницы трамвайных путей, прихотливый изгиб под каштанами, возле вечной метростройки — до призрачных райских дуг, зажатых мёртвыми мраморными параллелепипедами. Сзади прорастают первые посетители, любители низкого грудного смеха. Смородиновый чай, быстрый почерк трещин на пристальной эмали с уклоняющимися влево каштанами.

В том, предыдущем городе, куда пришла война, ты не могла больше разговаривать с людьми, даже с теми, кто стал тебе близок за последние годы. Они стали другими — или ты придумывала, идеализировала их всё это время? Теперь они на всё смотрели резко и зло, наперёд зная нужные ответы, не различая оттенков. Ты стала чужой, ты была *оттуда* — из тех мест, которые они желали слепо ненавидеть.

Ты решила: любить кино, любить людей, преподавать немецкий и математику, работать официанткой, вычёркивать лишнее — можно в любом из городов. Выставлять магниты, осторожно, чтобы никто не сбил их неловким движением, и потом свободно перемещаться по их полям. Сжиматься в кольцо при первых признаках неблагополучия. Ждать мужа, который так и не вернётся. Рисовать отца, в рыбацких сапогах, слишком жёлтыми, резкими красками. Так ты понимаешь цвет, в тебе мало мягкости и простоты. Переплывать реку, испытывая себя на прочность — вовсе не для того, чтобы собой гордиться. Избегать слов «должен» и «должна». Носить модные в этом году босоножки на высокой платформе, пусть и вредные для твоих уже не слишком здоровых ног. Коробка, из которой можно брать будущее, оказывается не слишком глубокой и ёмкой.

Солнечный свет на острие пирамиды, меняющей своё положение. И всё время лёгкий голод визуального; зверь, переваривающий и отрыгивающий собственные клетки. Тонкая, смелая женщина, танцующая с горящей электрической лампочкой в руке. Шелест жестокости, срывающий одну обёртку за другой с той книги, которой ещё предстоит родиться. Вещь, прорастающая изнутри травой, снаружи — сенильными облаками. Вещь, примеряющая квадрат состояния, вычитающая из себя квадрат времени. Обладающая голосом, спонтанно меняющая регистры. Забывающая себя в непредсказуемых местах, подбрасывающая себя различным владельцам. Чёрная пещера автомобиля. Выщербленный параллелепипед, сквозь который проходит густое журчание. Вдова в трауре, совсем молодая, ведущая за руки двух дочерей в школу. Весенние здания, украшенные флагами, жонглирующие сообщениями и холодными подарками. Маленькие концерты попеременно для левой и правой руки. Бездзорные приборы, которым лень стоять в очереди на получение визы. Всё то, что до сих пор висит на ниточке, не в силах пересечь полдень. Южная сторона, где ты знаешь по имени каждого оруженосца.

Поцелуи были в своё время изобретены тобой, ты всегда именно так это понимала. Пользовалась этой техникой без энтузиазма, ведь патент был у тебя украден. То, что мне удавалось на вечерних скамейках — поцеловать бровь, слегка размазав карандашный рисунок. Несомненно, мужа ты ждала лишь наполовину, и в занятую им половину бровь не включалась. Ещё можно было тебя обнять — соблюдая видимость, что объятие лишь выявляет дружеские чувства. Впрочем, ты не стеснялась сама прижиматься ко мне тренированным телом в маленьких ресторанчиках, где яблоку было негде упасть, и где сигаретный дым простреливал сквозь сложенных вчетверо посетителей, занятых изучением складок и осечек кожаных мячей. Теперь он спит с этой миллионеркой, сообщала ты мне, а как хорошо у нас всё с ним начиналось. Я уписывал солёный хачапури, то приглаживая ерошившуюся скатерть, то пытаюсь перегнуть безумную муху на соседний столик, где расположились многоопытные грузины — они со скрежетом цепляли кроличье мясо на вилки. Твой узкий взгляд и острые скулы после двух рюмок можжевельники напоминали мне едва ли не всю русскую литературу. Ещё чего не хватало, думал я, ну вот дру-

жить — ладно, но влюбляться не надо, мне уже хватит. Осьминоги выпрыгивали из банок, тяжело шлёпались обратно и торжественно тонули, как парусная флотилия. Белая полоска от зубной пасты, прилипшая к рубашке, счищалась одним движением. Симметрия, смерть соблазна. Падение шерстяных свитеров в огонь, посылаемый нам из подсобок. Плавучесть батареек, которую никак не удаётся вынуть из сломанной зажигалки. Зеркала, где я вижу твою чуть сутулую фигуру, стократно приплюсованную то к той, то к этой небритой грузинской щеке.

Нет ничего опасней ухоженных тессерактов. Письма, любовные стихи — всё это и вполтину не так ядовито. Ужаленный пространством пытается найти мельчайшую щёлку в половице, если не для того, чтобы провалиться, то хотя б чтобы схаркнуть в неё накопившуюся в горле горечь. Тогда удаётся увидеть одновременно две линии. Первую, зыбкую, проведённую фонарём по пляшущей щеке — там, где мы стояли, всматриваясь в ночную пропасть, ещё стяхивая с себя ресторанную музыку, откуда вылетели двумя оплавленными ножами. Ты рассказывала о свадьбе сестры, где было всё настоящему и не приходилось вырывать у слов жала. Для того, чтобы я лучше представил эту свадьбу, ты то и дело начинала танцевать — пока мы переходили по мосту, то лиловые, то оранжевые, как на дне стакана с лимонадом. В метро ты отстранилась от меня — неподалёку в вагоне стояли твои ученики. Я разглядывал твои морщинки, раскрытый рот и пористую кожу. Вторая, чёткая линия, в обратную сторону — от «Макдональдса», из которого ты вышла под руку с широким молодым человеком в шортах, прошла к парку, заметила меня, сидящего на скамейке, но не поздоровалась, долго сидела неподалёку — хиханьки в вечернем свете, пока я не ушёл в иную компанию, к меланхолическим друзьям, способным разворачивать время небыстрыми беседами за шахматными сырками — но нет, в этот раз они его не развернули, и поэтому я ушёл от них в галерею с картинами, писанными растительным маслом, — на презентацию прозаической книги, где я чувствовал себя блаженным идиотом, более того, был им — и там я неожиданно снова тебя встретил. Была после прозаического вечера длинная арка, похожая на туннель, сквозь которую мы шли вместе — невидимые, отдельные, безопасные, вновь появившиеся на свет, втягивающие в себя запахи из раскрытых мусорных баков.

В ту весну я встречал тебя в разных точках города, всегда случайно. Заходил в кафе, чтобы съесть тарелку финского супа и решить — идти или нет на авангардный концерт. В кафе проходил очередной литературный вечер, ты между прочими авторами читала стихи, на пару минут оторвавшись от планшета. Делала длинную паузу, в которую втягивались грубое тело воздуха, слишком гулкий микрофонный голос, овальный стол, выглядывающий из-за приоткрытой двери. Немолодая организатор_ка фестиваля то и дело всплёскивала руками, улыбалась впопад и невпопад. Зал с причудливым досчатым потолком, на стене — полотно с бахромой и вышитым синим деревом. Гость фестиваля, приехавший из соседней области, в плотной клетчатой рубаше, уже наливший себе кофе в чашку. Ты сидела рядом со мной, задевая мою щёку длинным каре, слушая бородатого, нелепо-прекрасного гостя и остальных выступавших, плававших в переменчивых световых бассейнах. Потом оказывалось, что ты идёшь на тот же концерт, что и я, но что твой билет безнадёжно потерян в недрах телефона. Неважно, я покупал новые билеты, до начала оставались считанные минуты, и мы пробегали по проспекту сквозь внезапный ливень. Тёмная филармония гудела, как инструмент, расстроенный неряхами-музыкантами. Полы были устланы битой плиткой. Организаторы одаривали нас мрачными улыбками: концерт был отменён из-за эпидемии. Ключики улыбок отражались в паровых машинах — надлежало собрать этот пазл, чтобы получить обратный билет. Маэстро потряхивал брикетной причёской, роняя из неё мороженые фрукты. Комитет правообладателей готовился к высадке на Луну.

Ты начинала бояться единственных прочтений, фертильных, как мыши в кладовке. В конце концов, говорила ты, музыка, отпущенная на поруки, никогда не доплывает до середины реки. Едва ли можно представить себе настоящий город, с журналистами и пирамидами. Маску с бронзовыми углами, надетую на предисловие. Подпись дыма и всё, что ей предшествовало: жирные рассказы о пище, обжитые бестиарии. Известковых Венер с отрубленными локтями — говорящих до заполнения паузы. Жизнь среди статуй, на которые падает под разными углами свет. Несомненен горящий опыт, уклон с серпантинном аллеи. Складки, повторяющиеся, как рифмы, арки, набитые пухом комиссий. Щели, оставленные для воздуха, — а ведь он и не думал в них заходить. Было бы намного удо-

бней завести опознавательные башни, светящиеся регалии. Значки с допустимой скоростью на заросших поворотах. Мусорные вёдра, падающие из бумажных ртов. Нашествие разумных бабочек, склеенных и снова разбитых.

Ближе, в поезде — солдат быстрого сна. Станет ли проза избегать сталагмитов у себя в ноздрях? Уменьшать «мы» до неопределимой величины, проливать его, как молоко? Устанавливать истину на одной доске с выбритой конской мордой? Мы с тобой, неперево-димые на язык друг друга, можем только очерчивать в пространстве одну и ту же петлю: от белого памятника к эоловой арке, вниз по спиральной лестнице, далее по пешеходному мосту, вниз по тёмному серпантину (это твоя идея), по блёклому шоссе через туннель к грузовому порту, а там недалеко и метро за мычащей от нежности церковью. Прозы ещё не было, она сгорает быстрее феникса. Во-время спохватиться, защитить слова от повторений. Лихорадка пловца, привязанного за одну ногу к воде. Легче не будет и потом, ведь реальность выцветает, отслаивается, место её занимают обстоятельства видимые и ненужные. Труха, которой мы избегаем, старая, как чесночное пиво. Подкова между двенадцатью и часом, куда попадает автобусная остановка с застывшей разницей времён. Фиолет раскрытой двери, нечёткий, растёртый ластиком. Запросы к великим подпольям, нейтрализующие друг друга результаты. Со-общничество деревьев, растущих из пальца. Столкновение со стек-лянным памятником. Вопрос в том, сможем ли мы оплатить не нужные никому истории, горящие синим пламенем в газовых ко-лонках. Флаг, преследующий ношу, не дающий ответов. Танец дер-вишей из пережёванной бумаги. Тема явно ослабляет рукав. Ты усаживаешься на бордюр у фонтана, чтобы медленно царапать ви-ниловые пластинки. Смерч в столовой, в минуту закрытия. Движе-ние подслащённых голов за шторами, параллельно синим квадра-там и струям извести. Стратегия, раскрывающая лишь сама себя. Ненужный выигрыш, всего лишь вешка на карте, не покрывающая растрат — что-то, брошенное вне игры: кусочек мела или дверная ручка. Мы всё ломали, всё выворачивали наизнанку, говорили о пробуждении — это создавало дополнительное время со множест-вом входов и выходов, со щелями и пузырьками влаги, как в сырной массе. Всё равно существовал только неуютный профиль, кустарная и шипучая бумага, объект, не поддающийся насильственной сорти-

ровке. Прикосновения к сырым участкам орбит. Люди лживые, ушедшие по недостроенным мостам, скопировавшие себе на локти индустриальные мемы. Долги, которые легко прощают сиюминутные наследники. Щелчки виноградных перекладин. Треугольная сыпь в носовых платках. Небытие власти, перемолотой копировальной машиной. Десять различных поясничных болей — каждой присвоен стойкий библиотечный код.

Твоя улыбка раскачивается на качелях. Или змеится, тихо булькает, наполняет сгоревший чайник. С макушкой — песчаная битва, разворот к чемпионству. Ты уверенно подбираешь цифровой код к запертому подъезду. Шаги внутри — медленные, будто вязнущие в киселе. Лампы шорохов, заросшие непроходимым кустарником, вырезанные из всех социальных сетей. Шагание по свёрнутым в конфетные рулончики лестницам, лежащие на перилах чёрные бильярдные шары. Ты должна быть уверенной, должна больше любить себя, — гундосил долгополый бородач, обволакивая смехом вилки да ложки. Я хочу сидеть в тёмной комнате и слушать исповеди, — впопад отвечала ты ему. Мне никак не удавалось пролить кофе на рубашку, и ты воспринимала это благосклонно. Рассказывала мне об этюдах, которые делала в транспорте, показывала на экране телефона акварель: твой отец, жёлтый, с синими тенями у глаз, вытянутый по диагонали. Черты лица резкие, хлопковая рубаша; рубачит в выходной где-то на гребном канале, позади видны части плотины и электрической станции. Рисунок мне показался очень умелым. Бородач тем временем уходил, и тоже по диагонали, разливаясь небрежной волной на клетчатый кафель. Вещи выходили из употребления, занимая при этом ранее не принадлежавшую им плоскость. За японской шторой покоились длинные, ещё пахнущие дымом, курительные трубки. Молодой человек с виолончелью протискивался в дверь платяного шкафа, на затылке у него сидела крупная оса. Железными были глубины кафе, где сидели с излишним смирением наши двойники. Я безуспешно резал тупым ножом слишком жёсткое мясо. Теперь ты говорила со мной резко, по журналистски, задавала краткие наводящие вопросы, выслушивала ответы, выбирая из них самые предсказуемые. Каждая фраза давалась мне с трудом, обрывая беседу, а не разгоняя её.

После фестиваля мы выбрались на продуваемую резким ветром набережную с бутылкой сводящего дёсны шампанского и пластиковыми стаканами. Я рассказывал о своей несчастной

любви. Ты говорила, что всегда такого боялась и поэтому вела себя с любовниками упорядоченно и рационально. Нас омывало то светом, то чернотой. Коллекция диковин *ad hoc*, сиюминутное бледное прерывание, остановка без права переписки. В каждом слове скрыт магнит, надо только повернуть его пальцем. Но какой в нём прок? Любовь — это один из уроков композиции. Нечто, отпадающее от карниза быстрее голоса, быстрее укола в области поджелудочной железы. Необходимо продолжать одну и ту же линию — мелом, солнечными часами, бессонницей. Цель — перфорированная скамейка, семнадцатиминутная переклейка сознаний. Раскалённое мясо, с которого капает жир. Естественные взаимоотношения между сумасбродством и малостью; либо добиться своего, либо исчезнуть. Пробить слой почвы, как элемент централизованного отопления. Натянуть полотно — некий оторванный от суши, замкнутый на себя мелос. Не уметь справиться даже с игрушечным девятнадцатым веком, рассыпающимся, как ветхий куб Рубика. Кропотливое вино упрекает кривоходящих: сходятся кто как, на костылях, в точку интенсивной трансформации. Ищут пять последовательных причин, и вот они: канат, запятая, воздух, след от велосипедной шины. Чтение из ущелистого пальца. Твёрдость обрубков, отцедивших вентиляционный мрак. Упрямство почётных глупцов, отворяющих саквояжи, исто-во разрешающих разрешать.

Инородность, от которой зажигаются все висящие предметы. Богомол ощущает странность в геометрической фигуре. Запятые ранят размытыми хвостами. Попытки разорвать охлаждающую структуру — продираясь чуть ближе и к тебе, и к самому себе. Зеваки встраивают пунктиры в общую графику. Холодные люди, втянутые в рамку вечера, чтобы согреться, читают журналы о путешествиях. Согласны на бесщётные пропуски, в которых исчезают усталые предметы. Путник А с трудом добирается до пункта Б, в котором его встречает Икс. Лишь для того, чтобы немедленно выпить кофе с молоком, поскрести дождливыми лапками по крыше киоска. Изучить варианты проголодавшихся хлебешков. Семейность — товарный склад, где сосчитана каждая веснушка. Перекачывающийся след голубя; грязная история, спрятанная до поры в арбузном семечке. Диковинные траектории, соединяющие брошенные в беспорядке объекты. Магниты, очерчивающие всегда одни и те же направления.

Скучное зрение и скучный язык всегда приходят на помощь — а я уже ждал, что мы отбрасываем прозу и стихи, спим без конца, сортируем фотографические и музыкальные сюиты. Может быть, снимаем кино. Но тогда и кино должно быть предельно скучным, уничтожающим рельеф и цвет. А пока можно рассказать о том, что у тебя в тот вечер по лицу стелилась россыпь мелких прыщиков, и что кафе помещалось на первом этаже шестнадцатизэтажного дома. Весь район состоял из таких же домов, угловатых столбов, повёрнутых друг к другу под разными углами. Столбняк, говорила ты. Что мне совсем не нравилось — твоя манера выкатывать глаза, изображая энтузиазм, когда говорил собеседник. Нравилась полутьма и тишина в кафе, скважистость пространства, заданная окнами, решётками, разделяющими столики, кособокими сетками, внутри которых морщились сутулые чайники. Нравился твой поставленный голос, его уместные и ненавязчивые вариации при произнесении фраз. Парадоксы, всякий раз сухо щёлкающие крылышками. Ты рассказывала о своих медитациях, о том, как ты очистилась и начала сиять. И правда сияла, это было особенно заметно в тусклом зале с раскрошенными по стенам репродукциями импрессионистов — и они тоже начинали мерцать отражённым светом, даже подмигивать. Я в ответ делился опытом преодоления тоски: надо идти внутреннему огню навстречу, не бояться его, и тогда он отступает. Догонять его, сгорать в этом огне, никогда до конца не сгорая. Это неправильно, говорила ты растерянно, это неправильно. Никогда не знаешь, с кем имеешь дело. Сворачивала беседу, торопясь куда-то, убегала — для того, чтобы вернуться на этот же стул в это же кафе через десять или двадцать вечеров. Шёл ливень, шли невесомые прохожие с пропажами и без оных, с водой за шиворотом, с автомобильными гудками, с белыми замками на сумках. Шли мои коллеги, вверх и вниз, рассеянно глядя на нас, пьющих под тентом кальвадос. Мне нужен только инструмент, простейший, я буду использовать его кропотливо и внимательно, выжимая из материала всё, на что он способен — но и ни на йоту больше. Ты рассказывала, — и, кажется, в этот раз присочиняла, — о мальчике, который на твоих глазах попал под колёса, сорвавшись с поручней позади троллейбуса. Казалось, ты открываешь заново какие-то старые, напрочь забытые тобой сектора пространства, принимая и моё присутствие в них, и неожиданные приливы разъяснённости. Иногда — разбро-

санный здесь и там пуантилизм памяти, подключающей одну сцену посередине другой. Жить ясно ты начинала, когда исключала краешек иной кровли, когда новизна намечалась между столиками, пусть даже в виде нерасторопных рамзесов, далеко не блещущих исполнительским искусством. Пересечение освещённых планов, наискось, под проливным дождём, было чем-то особенно неопределённым. Мы стояли перед запертыми дверями в офис, где ты надеялась раздобыть прибавочный зонт. Я провёл пальцем по твоей коже, от локтя до плеча, до платья, слипшегося в мокрый ком. Некое потом, которого нет в списках трёхглавых фонарей. И снова та же исходная точка. Только немота заставляет пересчитывать её заново, открывая случайный блик рядом с прежним бликом. Держась параллельно, как две во всём виновные буквы, мы вышли на участок набережной рядом с провалившимся в грозу городским холмом. Попытались увеличить оный, но безуспешно. К нам присоединился Призрак, такой же металлический, как и всё, что приходило нам в голову в этот вечер. Такой же пьяный, деликатно кашляющий, помогающий нам избежать осложнений. Сама повседневность, ты был единственным настоящим нашим мужем, говорила ты Призраку, а муж предзаданный никогда нашим мужем не был. Непонятно, как дождь не сметал нас с пешеходного моста. Непонятно, зачем Призрак цитировал нам черновики классических оборванцев. Можно было подниматься по смешанным лестницам внутрь чёрных интервалов, кричать Призраку «заткнись», возвращаться через продуваемые ревушим ветром арки во времена сдержанности и алкоголя. Необъяснённый город пропал в нас, город развалин и отрывавшихся от клеевой основы жирных карандашей. Кнут освобождал речь, речь освобождала хозяйственный магазин; всё-всё должно было в этот вечер стать конечным.

В музее, где мы спрятались от дождя, происходила выставка эмалей. Твоё лицо оживилось: наконец никаких призраков, кроме нарисованных. Конструктор, в котором не хватает одной детали, самой тёмной. За окном в свете фонарей была видна трёхметровая металлическая женщина с дырой в груди, проходящая сквозь такого же мужчину в направлении, перпендикулярном его оси. Посреди выставочного павильона выщербленный нонсенс подрагивал под сквозняком — отец уклонения. Полоса воздушного змея, радужная, смертная. «Да» и «нет», разделённые внутренним ветром. Попытка

заметить и зафиксировать мысли, текущие параллельно, пока мы поднимались с этажа на этаж, переходили из одного зала в другой. Окно с видом на скульптуру женщины и мужчины наполовину было закрыто шторой, хотелось её отодвинуть. Я чувствовал, что этот музей легко потерять и трудно найти. Стены блестели, как вешалка смеха. Князь на эмали в щепы рубил капусту. Подлинность дождя — лишь натяжение на одной из его поверхностей. Пятая грань тессеракта, внутри которой можно легко переместиться во времени. Волнистый песок, идеально круглая дырка на твоём чулке с рисунками в виде белых зигзагов и курящей девушки, раскачивающейся на качелях. В одном из залов музея стояло фортепиано, старинное, лишённое звука. Посетители пытались добраться до клавиш, но крышка не открывалась. Сверху на фортепиано расставлены были десятки фотографий с недостающими в коллекции музея образцами эмали, с габаритными художниками — оных, в обрамлении отелей и пальм, можно было принять за предпринимателей на отдыхе. Был ещё зал для стрельбы из лука, где мы промазали несколько раз подряд в перевёрнутое кверху ногами чучело водяного оленя. Добрались и до задней комнаты, где среди тиглей и механических кукол поглощал блюдо из бобов и острой моркови дежурный художник, источавший юркий запах ацетона. Купив у него маленький кулон с эмалью в синих и красных тонах, ты сразу же надела его на шею. Наружный вечер был уже не мокрым, но липким, засорённым транспортом. Бережное таинство растяжения и сворачивания времени, плавная подгонка следующих в строгой последовательности световых эпизодов, нужных только колеблющимся лужам и твоим заново покрашенным в музейном туалете губам. Лодочка между двумя сжатыми временами: успеть. В маршрутке твоё лицо кажется совсем некрасивым, особенно в профиль. Мы слушаем Стравинского в наушниках, один динамик у тебя, другой у меня. Ужинать ли? Идём по тёмному скверу, то и дело сворачивая не в ту сторону на дорожках с нумерованными углами. Я оборачиваюсь к громаде заброшенного конструктивистского здания; ты говоришь о предстоящем отпуске, о тех странах, в которых необходимо побывать. Широкоскулое потребление мест и впечатлений. Близорукая разметка шёпотом, распадающимся на кулуарные рифмы.

Несколько дней спустя мы встретились на площадке перед «Макдональдсом» возле Старого моста — округло-шумной, объезжаемой по периметру вздыхающими трамваями. Вид на сам мост и небо над ним перекрывали висящие гирляндами провода. Ты заказала цветочный чай. Рассказала, что до этого выпила несколько чашек кофе с другими своими друзьями, и от этого у тебя начался лёгкий тик. То и дело помаргивала, нервно затягивала воздух своими широкими, даже негритянскими по очертаниям ноздрями. Расспрашивала об условиях отбора тестирущиков в мою компанию. Возможно, тебе тоже захочется попробовать себя в айтишном секторе. Тень и свет, треугольные хаотичные массы, сцепленные друг с другом. Устройства шелеста, машущие плетёными крыльями. Отстрел едва разворачивающихся металлических бутонов. Исчезновение теней в двойной серии омертвляющих прикосновений. Время, раздувающееся и искажающееся из-за внутреннего давления. Ты носила перфорированные сапожки, в жаркий полдень это казалось бессмыслицей. Смешно подчёркивала глаза — на самом деле их вычёркивала. В этот раз и во многие последующие говорила о нынешнем своём парне, с которым у тебя не слишком всё клеилось. Мы читали вывески задом наперёд и смеялись, когда чтение рассеклось твёрдым или восклицательным знаком. Вареники на рекламках глядели ягуарами, картофельные чипсы текли по кратчайшему пути на север. Рамка рождала чудовищ смеха. Беречь не стоило, как зубы, так и контактные линзы. Шахматного коня, с пещерой в уклонном брюхе. Водопад измерений — давай проживать их снизу доверху, с моста и до крыши мукомольной фабрики. Выключи меня, продырявь шёпотом. Ещё одна летящая белка, смахивающая день с деревьев. Ещё одна заключённая в тюрьму твоих рук спичка. Скелет на двоих, помагающий обшлагами. В этом приборе непонятно моё место: то ли небольшой магнит, втягивающий твоего любовника в игру, то ли пружинка, подбрасывающая цветные шарики. Кстати, видел уже его с тобой, голоногого, ущелистого, смотрящего переносное кино в парке возле единственного на миллионный город памятника поэту. Наблюдательность — тупичок, где торгуют старыми книгами. Нужна не для письма, а для самой нужности. Какая чушь — это затухание интонации, рассеивание по отсекам подводной лодки. Отрез длинного платья, которым перетягивается всевидящий глаз. Круговые движения дождя: в первом часу без погаше-

ния солнца началась ни к чему не обязывающая морось. Столы были изогнуты, как египетские жрецы, и даже голос мог поразить предателя табуреткой. За спиной — школьная башня, узилище не скажу, для кого, но позже ты это узнаешь. Справа — очередной холм, и на нём гостиница со слишком длинным названием и нелепым перемножением прохожих в окнах. Мимо нашего столика проходили женщина немолодого возраста и подросток. Женщина поздоровалась с тобой: мы на остров, в парк, там цветёт акация. Женщина ушла налево, к маршруткам, а подросток, отделившись от неё, направился к мосту. В этом городе все друг друга знают? Просто навёрстывают упущенное, многими способами. Решают, может ли отрезанная от стены фигура соперничать с ушедшим в цикл низким голосом.

Делёз отсутствовал, ибо он стал овощебазой, и судьбой его было поглощение великанов. Наше грубое вмешательство в партитуру скамейки. Очередной стаканчик с чаем — рифма, сопровождавшая в прогулке по городу. На противоположной стороне аллеи пузатый человек с газонокосилкой создавал чудовищный шум. Рядом с ним были ещё двое: один сидел на длинной доске, другой пилил её ровно посередине. Из-за них я не слышал, что ты рассказываешь, просто с вежливым видом любовался тем, как солнечный свет падает на лица прохожих. На шамкающие, полуразрушенные створки подъездов. Счастье тоже помогает, всё новое и мерцающее может помочь. Имеет такое же значение, как соскальзывание в послеполуденный сон. Как пятнающее ладони содержание. Вычитка страниц вслух, с разной степенью остервенения. Жаль, что любое облако меняет гарнитуру. То, на которое я был согласен — мелкое и агрессивное, игрушечный белый крокодил. Проводы крупного плана, камера приспособляется к минималистичной моде. Трамвайное громыхание, набедренный треугольник. Ты отскабливаешь с рукава пятнышко птичьего помёта. Простодушный китч самолётных линий и вращающихся листьев. Клеток с крупными и мелкими животными, которые несут на стихийный рынок. Перепад высот между трамвайными линиями. Расцветающие над нами каштаны, будто башни Эшера. Путешествие сквозь время, где ты — Орфей, а я — его соглядатай. Трупные пятна на изнасилованных ремонтом дорогах. Вновь падающие треугольники, печати дюралевых коней. Абсолютная геометрия, отыскивающая нечёткого зрителя. Животное, на-

павшее сзади, как звук, помещённый в сноску. Торговцы Вещью. Окрасчики Заборов. Протоптицы, глазающие на то, как мы касаемся пальцами во время разговора. Пластунские перемещения пней. Меченые атомы — а чем ещё могли быть горошины на твоём платье? Бабочки, глотатели смеховых бивней. Вьющиеся осы, не раз и не два вонзавшие в нас музыкальные жала. Мы спускались к Южному вокзалу по наклонной, вьющейся дороге, грозившей сбросить нас налево с обрыва, либо заточить внутри призмы с мороженым. Ветер трепал твои волосы и платье лишь потому, что не мог ничего не растрепать. На вокзале был стеклянный куб, набитый тряпьем, и перископы, позволявшие заглянуть в предыдущий чёрно-белый год. Была женщина с детской коляской в затопленном светом изношенном пространстве. Мозаичные ныряльщики, пересекавшие красный эллипс. Ты вытянула руки вверх, подражая андроидам, и попросила меня сделать несколько снимков при колеблющемся пыльном свете. Перевела их в чёрно-белую гамму и сразу же выложила в фейсбук. Наши тени дробились на лестницах; было похоже, что у меня не рюкзак, а настоящий скафандр. Мы шли дальше. Я читал стихи А.Д., о котором ты ничего не знала. На тебе были туфли с каблуками — ты их не жалела, соскальзывая по щёбёночным склонам. Становилось жарко. На вокзале купили отвратительную шипучку, и теперь от неё склеивались пальцы. Мухи ударялись безропотными головами о металлический мусор. По виадуку спускались автомобили, и я пытался вычислить логику в последовательности их цветов. Ты рассказала о недавней поездке в Португалию на мистический фестиваль, показывала фотографии новых друзей. Монументальную статую в виде закопанной по уши бритой головы. Жонглёров с крыльями на деревянных ходулях. Гамак, протянутый между фиолетовыми деревьями. Прилёгших на траву организаторов праздника, составивших своими телами цветок на пологой поляне. Свою фотографию возле солевого озера с неравномерно воткнутыми разъеденными брёвнами. Фосфоресцирующих, почти прозрачных в темноте танцоров. Пишущую машинку со стоящим на ней свирепым индейским идолом — ноги его были узловатыми стволами деревьев, а на голове красовалось травянистое солнце. Опять себя, подпрыгивающую, ловящую трёхметровый мыльный пузырь. Группу актёров, один из них — в образе того же идола, рас-

крашенный; вместо солнца на голове — торчащие во все стороны утиные перья. Помещение, где работали художники. Нельзя было разобрать, кто из посетителей позирует, кто уже нарисован. Цвет застревал в паузах между твоими фразами, пауз становилось больше, они крошились, как сухари. Ты устала от болтовни, захотела сесть на поваленное дерево и разобрать электронную почту.

Курсирующая машина текста. Сличение подробностей: запертых ворот, смешков исподлобья. Фрагмент, заряжающий следующий фрагмент. Растяжение по горизонтали до тех пор, пока любовь не станет неопределённой. Рукопожатия, сметающие готовую поверхность. Спуск по лестнице до уровня вольфрамовых ламп. Двойная страховка — экзаменов, зачётов. Туринская лошадь, компостирующая проездные. Что останавливает пламя — прохладный душ? Время, рассыпанное по спичечным коробкам: тягучая истина, сияющая, как троллейбусные рога. Лыжная память; присутствие горизонтали в любом камыше. Ускорение праздничного света, льющийся в отмашку шёпот. Сглаживание длин и широт. Некоторые важные точки, говорил я ей, надо просто уметь отшвыривать — это без усилий создаёт неожиданные добавочные линии. Например, нашу с тобой. Только следует решить заранее, чем станем в нашем колеблющемся городе — чистыми множествами или сгущением интенсивностей.

Лежишь, прокручиваешь мысленно вчерашний провал. Как будто без него нет ни рынка слова, ни пустословия. Минус один градиент, шершавый, облитый кофе. Что мне сделать с этим уже выцветшим листом? Советуешь — складку? Раз, два, три: пропылённый день, разрушенный трамвайный путь, разговор о Кортасаре. Бежим с ускорением, опережая дождь на две страницы. Габаритное покачивание и судорога сдержанности. Промежуточное состояние, когда не стоит дописывать слово, выстраивать препятствие.

Осколочное «я» случайных наборов, обретающих связь и голос. Тщательность перелистнутых страниц. Плюсов и вопросительных знаков, выведенных красной пастой, монтажных линий и лиц, размашисто очерченных карандашом. При точном соблюдении контуров нам становится доступна минимальная резкость. Похоже на игру в пинг-понг, но только шариком является неназываемый просвет. Карточный домик, который легче разрушить, чем сжечь. Рваная прокладка классического смысла. Облако, соль, вечер. Твои во-

просы о богеме — есть ли она, какова она? Либо это мы все, либо её не существует. Есть ещё привычка говорить о богеме в третьем числе — это, дескать те, кто не умеют писать тексты и любят тусоваться. Чем отличаются от нас? Плоской развёрткой, немотой. Перелистыванием «Улисса» и бряцанием серьгами. Наблюдением за данными наблюдения. Изготовлением наблюдателей из невостребованных данных. Каплющим на шероховатые отточия молоком. Телами, упрощённо пятиугольными, которым нечем заняться в дюнах бессонницы. Королевскими заквасками, опознанием портретов на сияющих микрофонах. Перечтением нечитаемого, проживанием описи теплоходов.

За плохо пригнанной землёй — готовый пар. Уворованность схематического ручья, щелчок по иллюминатору. Трость, определяющая правило побега. В сущности — скуку, включённость в изогнутую пряжу мостов. Чемпионат по угасанию выиграет приученный к паузам. Клещ, чувствующий только кровь, только спаренный ритм. Ужин в клетке: то, что было взорвано в восьмой части. Почему именно связность является реальной? Попробуем вращать пятиугольник, со всеми его режущими кромками, попеременно застревающими в мясе. Итак: связность, ушедшая в холодную грозу, в эксперименты с маяком.

Идеально чистые интерфейсы не сочетаются с любовью. Следование чистым геометрическим формам, с последовательным их истиранием. Стрижка известного. Какие рыбы могут плавать в окрестности нуля? Твоя рука давно уже лежала на моём предплечье, меня от этого лихорадило. Мы продолжали пить армянский коньяк. Ты запивала его колой, чтобы перебить привкус спирта. Пьянела меньше меня, сказывался долгий опыт работы с подрядчиками. Говорили то о литературе, то о сексе, для тебя это была важная тема — а мне просто было любопытно узнать, как устроена половая жизнь красивых женщин. Рассказы твои методичны, как платья. Как началось, сколько участников, как долго, что именно. Истории монтируются друг с другом вне всякой логики. Регистры звучания переключаются в режиме: быстрый, медленный, мёртвый. Схемы охватывают постояльцев. Работа на износ. Проникновения в зелёные вигвамы — если только вкрутить лампочки. Эрозия вечных двигателей, обосранные манжеты. Разметки величайших городов

твоей жизни. Велосипеды сверкали, подшиваясь к фракталам луж, к выходам солнца. Рисую на балконе, говорила ты, пускай там шумовой фон, но он меня не касается, не имеет ко мне отношения. В квартире я быстрее отвлекаюсь, по любой причине — даже если карандаши неправильно расставлены. Мне важно, чтобы в квартире всё выглядело идеально. Не хочется, чтобы это рассеялось и пропало. Междуречье шорохов, стремительных комариных убийств. Фраз света, рассеявшихся по твоей коже, праздничных, сияющих волосков. Вставших дыбом распределительных знаков. Иногда нам нужны картонные панели. Белые листья внутри белого круга. Доматермометры, закрывающие глаза по счёту «три». Слишком жирные брёвна. Дома культуры, в которых до сих пор по субботам соревнуются борцы. Вид со склона в дымящийся ад металлургического завода. Индуктивная цепь, подшитая к подолу местности. Громады звука, наполняющие пассивные тела. Великие ушаты. Скрины подтягиваемых виолончельных колков, болезненные щёки.

Дружба наша не переставала разрушаться и перетасовываться. В неё можно было вмонтировать куда больше, чем в любовь. Универсальный носитель сущностей, остающихся свободными. Твои кисти — волна бессонницы. Самопроизводство слов из смешливой пустоты, вплоть до страшного суда. Голос и голод, самоударение о канареечные стены. Оторвать куклу лампе: бегущий человек, три такта. Заросший человек, три такта. Человек простуженный, скользкий. Появление перспективы, времени — уничтожение нас, сидящих на брёвнах, пьющих коньяк с колой. Развалившихся в мягких креслах друг против друга в холле кинотеатра. Теряющих значение, обманывающих реальность. Те «нет», которые играют в четыре руки, ещё до появления слоящегося блеска. Немота даёт взаиммы под низкие проценты. Ещё до появления имён, твоего и моего, которые сотрут нас в летящую по ветру пыль. Захватывать имена, вести их в мощные стойла. Бить ладонями по тяжёлым вёдрам. Перед дверьми в кинозал (шепелявые губы?) — растянутое на всю стену изображение распятой Лоры Палмер. Я жду тебя, ты перекрашиваешь размазавшиеся глаза и губы в туалете. Вдоль стен фойе большие экраны, где показывают трейлеры будущих фильмов. Ничего такого, что стоило бы увидеть. Ты: заглатываешь лампочку, ведущую внутрь заметённой песком двери. Автовокзал выкрикивает выигрышные лоты с придыханием. В какой единственный фильм

мы готовы с тобой нырнуть? Внутри автовокзала — магическая дыра, захватывающая, выгрызающая образы. Голос кассирши, трещащий по швам, путающий двойку и тройку. Нам выдаются очки, чёрные в чёрном, для сдавливания и уплотнения зрения. В зале висит отчётливый запах марихуаны. К микрофону, напоминающему огромную голубую змею, подходит киновед, в руке у него горшок с покачивающимся подсолнухом. Лучше было бы заранее убедиться в его существовании. Во всяком случае, он уверенно борется за право отсутствия, не сочетаясь ни с чем из того, что мы видели днём. Тебя же, как всегда, отличает путаная нумерация страниц, качества веснушек, количества очков, спущенных на кончик носа. Лучше избегать конкретики в описании глаз — они могут быть любыми. Могут переключиться в состояние размышления, вслушивания — и тогда это два провала, отклоняющих осколочный свет. Тебе нравится не совпадать с собственным телом.

Падать на решётку с номером |n|o| все сюжеты фильмов одинаковы. Идти навстречу огню, тогда он отступает. Жить по счётам распада. Прохватывать клещами любое длинное слово. Высушивать сцепленность диалога, извлекать из него перегородки и сочленения. Существовать в сером пространстве, где задыхается звук. Абсурдное кадрирование, переход от усталых глаз к ярко накрашенным ногтям. К вездесущему присутствию электрических бликов. Попытке опереться, разламывающей перила. Последним фразам, сворачивающим текст в неопрятную гармошку. Сходящиеся и расходящиеся тени. Зрители — намёки на реальность, никогда не обладающие ясностью. Зарезервированные влажной погодой местности, выкорчеванные из оной мосты.

Фильм не даёт аванса словам. Впечатляющий монтаж бездыханных пространств, смиренных протяжённостей теплоты. Малый фрагмент подлинности, придающий смысл — ты, сидящая рядом, видящая в этих картинах другое, ещё не опознанное. Царственность, грошовый материал замыканий. Куда ценней, если тебя выбивают из колеи, арестовывают привычный сленг. Неприлична сама попытка обанкротить медузу. Три слога, три шага по тёмному залу, совращающих реальность. Прыг-скок: съешь меня, если хочешь. Зубы демонстрируют оскал. Сентиментальность малой парусности. Всё равно, и ты станешь рыхлой, расплачешься по щелчку летающих ламп, раздымишь шпингалеты. Размыкание — вой рас-

тительного сигнала, без обрамлений. Мы поднимаемся по тёмной улице мимо брезжащего кафедрального собора, погружаясь в район со стоящими как попало кирпичными домами. Время от времени останавливаемся и долго целуемся, я чувствую твоё упругое тело под лёгким платьем. Ты спутанно и долго говоришь об отношениях с другим мужчиной моего возраста, потом о трудностях с отцом. Я — об отчаянии, о ежедневных попытках писать, о невозможности литературы и пресыщенности письмом. Особенно страстно мы обнимаемся под каштаном возле твоего дома. На другой стороне улицы мигает свободное такси, так что я могу в любой момент уехать. В конце концов ты берёшь меня за руку и ведёшь вверх по лестнице в маленькую съёмную квартиру.

Серия оптических эффектов, происходящих то с удвоенной, то с замедленной скоростью. Выбитое стекло в подъезде, натянутое плющом, игра ночного света, пробирающегося сквозь листья. Электрическая оптика в твоей прихожей, где мы снова становимся другими: сдержанными, бережно хранящими ту силу, что готова разнести нас изнутри. Скупость и нереальность происходящего. Незастеленная постель, к которой мы брезгуем приблизиться. Кухня, из окна которой далеко внизу под холмом видно мутное и плавное движение реки. Странные детали: вырезанные из журналов глаза, расклеенные по комнате и прихожей. Нарисованный от руки многорукый Иисус. Неравносторонний чёрный треугольник, сильнее задевающий воображение, чем квадрат Малевича. На кухне лежит раскрытый альбом с фотографиями твоих друзей, но ни на одном снимке тебя нет. Я так мало о тебе знаю, говорю я, Расскажи мне о себе. *Если бы я делала тату, это был бы или морской конёк, или якорь, что-то в этом роде. Мне нравится старый стиль тату и эстетика портовых шлюх. С самого детства мне казались привлекательными мужские усы. Мне кажется это одновременно атрибутом добряка и чем-то остроумным. Ещё я больше не пью кофе, так как начинаю от него плакать. Сплю в позе мертвеца. Самыми красивыми существами в мире считаю собак и стариков. Мне кажется, что я сама похожа на старика. Битники послужили в свое время фундаментом. От них разрослось, разжирело — я имею в виду любовь к поэзии. И ещё я алкоголичка. А ты, наверное, демон? Меня ещё ни разу никто так не целовал. Ты засунула язык мне в рот, и я стал сдёргивать с тебя платье. Сжимал твою маленькую грудь, неверо-*

ятной, совершенной формы. *Погоди, я не готова. Ты видишь это, видишь?* Между ног у тебя как будто билось огромное сердце, выпирая сквозь кожу. Что бы это ни было, как бы оно ни попало внутрь тебя — выглядело пугающе. Я застыл, сел на стул, в недоумении продолжал тебя разглядывать. *Тебя будто ударили табуреткой по голове. Завтра я буду уже готова, тебе понравится.* Нет, не надо, теперь больше ничего не надо.

Ты рассказала мне страшную историю: о мистической связи с речной водой, о том, как ты позволила чудовищу войти в тебя, о том, как оно много лет и помогало, и мешало тебе жить. Ты совсем не выглядела сумасшедшей, только капельку эксцентричной. Разговаривала связано и здраво. Я поверил всему рассказу. *Если бы я была просто психически больной, если бы была надежда вылечиться, это было бы таким облегчением.* Нам не надо заниматься любовью, говорил я, это будет опасно и для тебя, и для меня. У меня другие хозеава, милая, — духи листвы, холодного света и творчества. Мы попросту с тобой не сочетаемся.

И тогда мы образовали чистую множественность, вращавшуюся вокруг общего, выдуманного нами центра. Мы часто виделись и много переписывались. О любви речь больше не шла, как будто мы свернули эту тему в рулончик и убрали в дальнюю нежилую комнату. Неотличимо похожие на два перпендикулярных слова, например: мужское | женское. То, что начиналось, как Великая Авантюра, перестало ею быть, распалось на сумму нетребовательных справок. Зато в месте излома появился асинхронный пласт — то, что позволило нашим отношениям оставаться неподвижными и живыми, как рыба в быстрых, летящих мимо неё водах. Мы реконструировали друг друга, добиваясь бережного сглаживания в кавернах и других неудобных деталях. Не правда ли, пространство уже опустошено, оно напоминает матовый шар, где мы с тобой парим, словно предпримчивые ангелы? Но ты добилась большего, превратившись в сумеречный параллелепипед, одним движением, триумфальным спуском по лестнице (помнишь Дюшана?). Отныне ты работала в моей компании, и мы виделись каждый будний день в столовой, хотя бы по четверти часа за обедом и ранним ужином — в той самой столовой, где происходило параллельно с нами столько тихого безумия. Привязаны ли мы были к новой, синтетической пустоте? Или, скорее, опасались выйти за её пределы, в тот взъерошенный

мир, где наша близость не состоялась? Вечерами тени в столовой бесстыдно ласкали тебя, выламывали в стенах новые окна, протягивались между ними, поочерёдно погружая нас в полотна мрака. Иногда ты выцветала до полного отсутствия, иногда опредмечивалась до пирамиды, состоящей из черепов, овощей или валетов. Горбилась, стоя в очереди за фиолетовым салатом — длинные каблукки, быстрым росчерком карандаша обозначенные худые бёдра. Дерево, излучавшее жар, стоя на обочине собственной жизни. Дерево, втягивавшее в себя всеми небесно-голубыми листьями, переваривающее, срыгивающее — для того, чтобы снова, и надёжней, заглотнуть. Приходилось выпустить из рук костыль, монету, оскаленный чайник. Коснуться надёжных рукоятей. Перенести забытую тобой кофту в холодное подвальное помещение. Поработать ластиком, вымарывая великих игроков, их одержимость, квакающее и ртутное чревоуещание. Забегания вперёд и обратно в танцующем тире. Недоумённый взгляд, которым сопровождают разыгравшуюся нейросеть. Изломанные абстрактные машины, производящие только пунктирный звук падающей в подвал воды. Шум вентиляторов, избавляющих нас разом от живости и жизнеподобия. Взломанный шелест, червь количества, бега. Нагота линейных сигналов, наше пари об интенсивности, которое не прекращается, только переходит из летних одежд в другие, более плотные.

Места боли и участия, где слова меняли свои направления, становились нашими телами. Оконные стёкла помахивали рукавами; ты была беременна, я не спрашивал, от кого. В то время ты встречалась сразу с двумя сотрудниками, своим матёрым продакт овнером и дивной красоты тестировщиком, а ведь были ещё интересные знакомства вне компании, о которых ты мельком упоминала во время наших встреч. Все эти потерянные фрагменты, магнитящие нашу жизнь, натягивающие линию тепла. Разреженность, переходящая в матовый стеклянный лист. Умышленная поверхность дружеской игры. Я встречал тебя обнявшейся со взволнованным тестировщиком на длинных спиральных лестницах внутри здания, весело кивал вам, сбегая вниз. Поднимался в лифте, улыбаясь тебе и продакт овнеру, наводящему на меня умные глаза в телескопических окулярах. В подвалах мы вчетвером сходились в великой кикерной битве, где ты неизменно побеждала, кто бы ни составлял тебе пару — я же был постоянным противником, упорствующим и

всегда проигрывающим антагонистом. Прошлое лилось в высокие подвальные окна, шарахалось крысиными шорохами в секциях тренажёрного зала. Детали, оттенки были неуловимы, отношения между любовниками и друзьями нарочито смазаны. Выходные дни добавляли ровный сон, вымощенный разноцветной плиткой. Вызревал новый год, так же похожий на старый, как резиновый тор для накачки кистей на свежеспеченный бублик. Сырная плесень, долгое старение фотографической периферии. Щёлканье отыгравших слов, припылённых, но ещё способных двигаться вокруг оси. Наша собственность на образы, кофейни, парковые зоны, где мы поедали невкусные бургеры, приправленные горчицей. Тиры, где ты подслеповато мазала по всем мишеням. Тёмные бутылки ром-колы, тающие слепки городской страсти. Телефонные кабины, омывавшие зачерствшие глаза. Долгие ноты, выбегавшие на собачью свадьбу из витрин консерватории. Твои короткие причёски, делавшие тебя немыслимо эротичной. Ощущение длящегося, падающего «я», погружённого в скуку и растерянность. Отсутствие внутренних занавесов, где пропадал бы самопогружённый блеск. Раскалённая чистота, строгость возвращений. Принятие всех возрастов безмолвия. Заумь октябрьских луж и переход на осадное положение. Контрабандные путешествия в города, полные кашля, истраченного впустую тумана. Агрессивные детали на платных ветвях. Низкие марихуанные сумерки. Бескомпромиссные бои на студенческом стадионе, где мы сидели втроём с тестирующим, потрескивая солёными сухарями. Кафе со шквальными телевизорами: ели салат «Цезарь» и накачивались полусухим красным, как полотняные черти. Твой уродливый коричневый джемпер, которым хотелось вытереть влажный стол. Случайный, необязательный поцелуй, во время которого мы больно стукнулись зубами. Не менее хаотичная геометрия блужданий по вечеряющему району, где питейные указатели были отмечены крестиками, аптеки — запятыми, полицейские участки — двоеточиями. Ночное озеро с рассечённой губой. Путаница островных прогульщиков. Раскуривание пишущих механизмов. Соломка, ломавшаяся в пальцах, свингующий запах оловянной ложки. Ветер, дувший из ловушек внутрь фонаря. Парадоксальное упорство газетных обрывков, раскраивавших черепа невольникам. Машина письма, изобретавшая человеческую душу.

Та лёгкая грань, подвижное «нет», о которое море разбивается, но никак не может достичь тебя. Зеркало, в котором нет ни тебя, ни меня. Твои подруги, сидящие за сдвинутыми столами: ещё одна машина — плотного разговора. Друидессы водопроводной решётки. Синяя, тщательно намыленная рябь залива. Полная беспомощность; ровная пелена непричастности. Серёжки в виде игральные костей у тебя в ушах. Если рассматривать на свету — бледные помощники, шепчущие капитаны. Жажда света, жажда холма. Тяжёлые опоры линии электропередач и длинный ботиночный шнур, переброшенный через реку. Твои стихи, размещённые на боевых беспилотниках. Шелковица, которой мы мазали губы, срывая её с веток. Жонглирование литературными героями: картёжник становился всеобщим любимцем, баловнем зависти. Желтизна созревающих повторений. Фуга совместного завтрака после краткого и целомудренного сна в снятой наспех комнате с двумя узенькими койками, с ущербным столиком посередине. Можно попытаться представить себе, что ты моя жена — нет, лучше не представлять, ведь ты совсем не умеешь ни готовить, ни петь джазовые композиции. Полоса везения, текстового разлива. Если запала клавиша, оставить все буквы заглавными? Кружение мух, садившихся на мягкую кожу. Неистовый свет, рубивший пространство на сегменты. Бикфордов шнур — правда о нас? Быть может, о чудовищах, вычитанных у Лавкрафта? Смятый в гармошку склон, выводивший нас к могиле композитора. Драконьи полосы холмов с покрытым солью словесным замком. Пальцы, пробивавшиеся из земли. Монотонный голос охотника на птиц, читавшего, не без пафоса, длинный текст собственного расчленения. Рогатый танкер, стрекотавший, будто кузнецик. Приоткрывавшееся с изнанки счастье. Бутылка грузинского вина, разлитая в хозяйские стаканы с выгравированными ягодами. Спор с уснувшими насекомыми второй накрутки. Излом, происходивший в слове, даривший жизнь десяткам страниц памяти. Прохладный ветер, дувший постоянно, срывавший с тебя долгополую шляпу. Редкая возможность жеста, скольжения — без лишних извинений. Можно было сыграть одними глазами, сказать: к чёрту, жизнь моя в этой игле, игла в яйце, а кордебалет в жареной утке. Мастера значений пропускали ветер сквозь сито. А мы совершали аккуратнейшие синусоиды по прибрежной зоне. Надо ли при этом было перелезть через шипящие, как песок, трубы? Жить так,

словно будет следующая серия, во всём похожая на предыдущую? Сладость, липкая сладость золотого сечения. Фотография с твоими друзьями, закручивавшаяся по складке. Ты кричала им из окна, размахивая деревянным мечом. Пыталась пробиться сквозь предисловия. Действие: постановка ног на огнеупорную манжету. Но подходил ли этот ключ для расшифровки? Каким образом появлялись бороздки на инструментах? Как действовали вахтовые с головами Медуз, даровые блэкауты, непритязательные текстовые замыкания? Часто ли набрасывались на тебя лебеди с кошачьими головами? Твой левый глаз отныне нуждался в рекламе.

Я узнал год спустя, что эпизод, когда ты надолго оказалась в больнице, был не приступом гепатита, а попыткой отравления. Я знал о твоей жизни слишком мало. За считанные месяцы ты стала сдержанной и меланхоличной. Предпочитала ходить по одним и тем же городским маршрутам — тем, которые тебя эмоционально поддерживали, не были связаны с плохими воспоминаниями. Один раз неожиданно зашла ко мне в гости, заплаканная — я понял, что умер твой бывший, тот, которого ты считала своим единственным мужем. Я был растерян и не знал, как тебе помочь: не было ни единого надёжного слова, которому я в этой ситуации доверял бы. Нам стоило обходиться без слов, попросту пить фруктовое пиво на площадке с каменными бабами возле музея. Или говорить о том, что могло быть интересно в любой другой, спокойной день. Иногда ты прекращала разговор и застывала. Раскачивалась из стороны в сторону, обхватив голову руками. Иногда обнимала меня — в этом не было чувственности, только необходимость ощутить физически чужое участие, дружеское тепло. Фраза следовала за фразой через долгую паузу, часто никак с предыдущей не связанная, подверженная воздействию силы тяготения или движения длинных, укрытых от наблюдения рек. Холодноватый ангел сворачивал небо; троллейбус подрагивал хирургической белизной. Сцена была заполнена простейшими существами, проще синтаксиса. Они только принимали сигналы. А им положено, бормотал я тебе, задремавшей, им положено привязывать кукурузные початки к смычкам. Как там поживают водяные демоны? Тоже собираются устроить фестиваль? Слишком уж много неопределённостей в каждом поступке. Повезло тому, кто роняет гранитные плиты.

Малая империя текста близится к распаду. Ключевые слова: «свесившись», «испещрённый». Открывающие ущелье, в котором

снова можно дышать. Один раз я видел, как ты отворяешь дверь. Другой раз — как солнце растапливает масляные улицы. В щелчке пальцев скрывается стометровая дистанция. Импровизация чванливости. Риторика, мерцающая в прибрежной чистоте. Большое и постоянное должно быть раскрыто настежь, продуваться сквозняками. В углу стоит электрический контрабас, на столе — оплавленная чашка, по которой можно рисовать пальцем. Что принадлежит нам на празднике? Властный, пристальный взгляд? Шоколад, разложенный на тарелке? Часть технической документации известна лишь по фотографиям. Серийные предметы подвержены разоблачению и раздариванию, в итоге на нашу долю остаётся несколько абсурдных нот. Влажные пятна на обоях кричат о недоистраченной свободе. О пошиве дымящихся с натугой пистолетов: лучше всего устроиться в зеркальной зоне, кормиться с рук. Чернить ягоду звука. Раскачивать колокола больших вещей. Мы используем сортировку, лишь бы не отличаться от нищих гуру: серебряных мороженщиков перемещаем налево, счастливых девушек с цветами в центр, чтобы не нарушать равновесие. Хочется вырвать морковку из зубов, усугубить беззащитность, не слышать отвратительного кроличьего хруста. Пристегнуть себя ремнями к клавише. Человек приходит, роется в твоей постели, вытаскивает наружу некий предмет. Ощущаешь облегчение, когда видишь, что это Библия в коричневой старой обложке. Дёргаешь за мокрый шнурок, чтобы не вводить пароль заново. В день рождения танцевальной походки, для которой ты придумала имя. Просто-таки зачерпнула кружкой из кастрюли с банановым сиропом. Ближе к выходу стоят круглые столики, за которыми тщится усидеть руководство компании. Мало того, что зал напоминает крестословицу, — сами правила передвижения по нему непрерывно меняются. Наверху крутится деревянный штурвал ака тележное колесо. Ведущие вставляют в петлицы неопрятные шутки. Ты напоминаешь других женщин, с точностью до телефонного справочника. Милосердие имеет границы, строго определённые регламентом. В лифтовой зоне скалятся полубоубаждённые гангстерши. Приходится перешагивать через лучи лазера, чтобы добраться до спрятанной кнопки. Гений листвы признаёт принцип тяготения, особенно когда тот работает по горизонтали.

После того, как ты уволилась, наши встречи стали редкими. Я пытался дозвониться до тебя, но не мог. Память рисовала твой дом: разболтанный краснокирпичный особняк, притаившийся в тени унылых многоэтажек. Как и все в округе старинные дома, он скреплён скобами, без которых наверняка давно бы развалился. Дверь в единственное парадное скрипуча, облеплена клочками старых объявлений. Полы внутри идут под небольшим наклоном, так, что если положить мячик у окна в гостиной, он прокатится через комнату, коридор и окажется у кухонного окна. Квартира огромна: это бывшая коммуналка с несколькими комнатами и двумя кухнями. Ещё год назад в соседней комнате обитала молодая пара, шумно ссорилась и занималась любовью, раздражала твоё обоняние табачным дымом. Теперь ты выкупила их комнату и осталась в квартире одна. Затеяла медлительный ремонт, занимая под него деньги у всех товарищей, включая и меня. Первая комната была уже готова: аскетичная, холодная, с высокими округлыми потолками — по замыслу, она должна была напоминать текие дервишей. Теперь, когда она была избавлена от замусоривавших её деталей, тебе легко спалось в ней, как будто ты стряхивала с себя накопившиеся годы. Долгое время не хотела заводить интернет, но потом сдалась и смотрела теперь каждый вечер классические киноленты. Начала, по моему совету, с немецких экспрессионистов, потом перешла к немому шведскому и французскому кино. Надолго остановилась на американских нуарах, напоминавших тебе различные периоды собственной жизни. Стала ориентироваться в голливудском «золотом веке» намного лучше меня. Однако неореализм и французская «Новая волна» тебе не зашли — ты решила, что они слишком романтичны. Мы много спорили с тобой из-за Бергмана — тебе совсем не нравилась его театральность.

В течение весны мы увиделись только раз. Несмотря на то, что договорились о встрече накануне, на звонки ты не отвечала. Я стоял перед твоим домом, то и дело набирая номер. Затем стал громко тебя звать. Первой появилась в окошке соседка с нижнего этажа, затем и ты вышла на балкон, заspanная, в пижаме. Я подумал о том, сколько совмещающихся монтажных планов я теряю, сколько из них недоступны для письма. Поднялся к тебе и почувствовал опять, как намагничивает меня твоё пространство. Как жалко было бы его потерять. Ты выглядела как никогда усталой, хотя почти ничего

целыми днями не делала — совсем немного работы с учениками, вялая переписка с коллегой-профессором, растянувшаяся на месяцы подготовка к релокации в одну из европейских стран. Я ходила на сеансы к психотерапевту, сказала ты, и он обнаружил у меня внутри другого человека, который очень зол на меня. Теперь я с ним помирилась, но не знаю, надолго ли. Прогулка наша была недалёкой: через полузаброшенные тихие кварталы к заросшему бурьяном и черемшой речному порту, где тянулись удочками к солнцу двое бородатых рыбаков. Мы проскользнули под пахнувшим собачьей мочой железнодорожным мостом, отошли от него подальше по берегу, чтобы рассмотреть как следует в закатных лучах подъёмный горб. Погрузились в привокзальный лабиринт, где отпрыгивали от нас ленивые собаки да шурились скомканные таблички с надписью «ись ля!», хотя ничего не следовало бояться.

Несколько месяцев ты молчала, а затем начала писать мне невозможные послания в мессенджере. *я чудовище. моё отражение в зеркале оставляет желать лучшего, но меня это мало волнует. у фриков другая мировоззренческая матрица. насколько я понимаю, неожиданно сдетонировал мой лайк. кто бы мог подумать, что филип марлоу сыграет роковую роль в моей судьбе; эта история длилась долго, я пыталась утопиться, прыгала с моста, но только повредила грудную клетку. торопилась и не взяла дополнительный груз. а дальше пошло по нарастающей. я действовала автоматически, как сомнамбула. только сейчас начинаю ясно мыслить и анализировать. планирую издать книгу, завершить ремонт и все остальные земные дела, как-то упорядочить хаос, который вокруг себя породила. я когда-нибудь вернусь еще к своим кистепёрым пращурам и буду плавать в водной толще, вдали от людей. а пока удалила всё, что можно было удалить, и чувствую себя свободной.* Всё налаживается, отвечал я с неуместной бодростью, и с тобой тоже, подруга моя, всё наладится, у нас ещё долгая-предолгая история впереди, чёртов праздник, «проживём его вместе», прокатим его по нашей пустыне, как бочку с деньгами, правда?

ГЛАВА ВТОРАЯ. PERPETUUM MOBILE

(Весна-лето 2013 года)

Мы с Настей добираемся до посёлка только к вечеру. Автобуса, вопреки расписанию, нет, так что приходится ловить такси. Решаем остановиться в первом же встречном пансионате, дешёвом и, как видно, свободном пока от постояльцев. Вселяемся в две смежные комнаты с общей ванной. У Насти окно выбито и закрыто фанерой, а у меня не желает закрываться форточка. Утром обнаруживается первое приключение. Хозяин запер нас во флигеле: побоялся, что мы спиздим за ночь музыкальную аппаратуру. Мы долго барабаним в закрытые двери, пока он не соизволяет проснуться и отпереть нам. Глаз у него совсем нет, с вечера принял нас за студентов, ага, тридцатипятилетние студенты, — а вот зато хамства хватит на десятерых. Зря мы ему заплатили вперёд, в следующий раз обойдём этот пансионат десятой дорогой. Солнце в начале мая уже стало резким, я прихватываю простыню из комнаты (лишь бы этот козёл не заметил), а когда мы выходим за посёлок, вынимаю её и обматываю вокруг голых плеч и рук. Последние домики, как будто собранные из детского конструктора. Над одним из них флаг весёлой расцветки, вызывающей ассоциации с лёгкими наркотиками. Рядом с домиком кто-то невидимый равномерно и долго ударяет в барабан. Сушь, прозрачный жар, и вместе с ними — прохладный ветер. Полтора часа мы идём по пыльной степной дороге. Когда поднимаемся на пригорок, море ломтями выскальзывает из-за горизонта — и снова исчезает, едва мы спускаемся в очередную ложбину. Проходим рядом с газораспределительной станцией, она жужжит и скрежещет, как разъярённое насекомое. Разливаем по стаканчикам и прихлёбываем на ходу армянский коньяк. Всё время в лёгком нефокусе, и в то же время никогда не пьяны. И вот берег, меловые отвалы, под которыми плещут старательные, ловкие волны. Надломленная скала, похожая на кистепёрую рыбу. Рядом ещё одна, напоминающая возбуждённый фаллос. Я всё ждала, когда ты мне на неё покажешь, говорит Настя. Наконец находим тропинку, по которой

можно спуститься на пляж. Кое-где на крутых склонах мне с рюкзаком приходится туго, но Настя помогает, придерживает сверху за руку, когда я спускаюсь на следующий уровень, а потом спрыгивает вслед за мной точным балетным движением. На пляже обнажённая и загорелая до черноты девушка сосредоточенно делает себе маникюр. Очень недурна: умеренная худоба, выразительное лицо, большая грудь. Рядом с такой красавицей обязательно должны быть и мужчины, но их не видно. Ага, тут есть палатка на соседнем склоне. Купаемся с Настей голышом, но порознь, в полутора десятках метров друг от друга. Она окунается с головой, я рискую зайти в ледяную воду только по пояс. Настя в свои натренированные тридцать пять нисколько не уступает юной девочке.

Попутно: какая у нас всё-таки чепуха с моралью. Почему такая простая и милая вещь, как секс, окружена бессмысленными ритуалами? Мы с Настей сто лет дружим, симпатизируем друг другу, но ни разу за это время не занимались любовью, хотя имели сколько угодно возможностей. Мне точно не с руки проявлять инициативу и подвергать опасности мой балансирующий брак. Настя предпочитает позицию благопристойной дамы, доброй подруги моей жены — хотя Ольга вообще-то ни во что её не ставит и опасается, что она может увести меня из семьи. Если бы мы с Настей на всё наплевали и хорошо-хорошо оттрахали друг друга — это был бы прекрасный, незабываемый случай, но такие два тормоза, как мы, на это совершенно не способны. Не из нашей жизни, пусть мы и считаем (не раз обсуждали), что лучшая любовь — спонтанная, непредсказуемая, без долговых расписок, без такой громоздкой и ненужной машинерии, как совместное проживание и брак.

Как твоя жена реагирует, когда ты рассматриваешь при ней голых девушек? — спрашивает Настя. Считает, что было бы хуже, если бы я интересовался голыми мужиками. Насте хочется снова сесть на диету, вот здесь и здесь появился жирок. Глупости какие. Сейчас Настя выглядит нормальной женщиной, приятной, сочной комплекции. Год назад, когда она особенно увлеклась диетами, на неё было неприятно смотреть. Мужчины любят мясо, а не кости. Мы поднимаемся по тропинке с пляжа мимо глыб, похожих на замшелых богов. Когда выбираемся по уступам на основную тропу, оказывается, что оставленную здесь нами неудобную баклагу с водой кто-то успел умыкнуть. А может, резкий ветер сдул её в ущелье.

Солнце раскалённое, алкоголь крепкий, счастье полное, ладно, можно обойтись и без любви. Всё совпадает — Настя, цветущая степь, обнажённая девушка как некий визуальный символ, коньяк, море, свет, удивительные скалы. На обратном пути Настя рассказывает о том, как бесстрашно ходила здесь одна в прошлый приезд. Купила пятикилограммовый арбуз на выходе из деревни, тащила его сначала полтора часа до пляжа, а потом ещё полтора часа обратно, после захода солнца, по насвистывающей августовской темноте. Возле посёлка делаем крюк и выходим мимо сросшихся, как сиамские близнецы, пансионатов на песчаную косу, отделяющую лиман от моря. Солнце садится на воду рядом с перевернутым обломком баржи. За лиманом окна гостиницы полыхают, отражая закатное сияние. Длинные оранжевые дрели просверливают лиман насквозь, добираясь до куликов, бродящих неподалёку от нас по мелководью. Я дирижирую волнами, но безуспешно, они всё равно заливают мне кеды. Настя брезгливо рассматривает выброшенную на берег медузу. Чем дальше, тем холодней, и тем больше шастает кругом комарья. На краю посёлка, рядом с пляжем, ещё работает столовая. Хозяйничают в ней непонятного толка сектанты, девушки в одинаковых белых воротничках и с одинаковым американским акцентом. Кормят дёшево и невкусно. Над кассой висит телевизор, непрерывно транслирующий проповеди. Христос — это наш юбилей, аллилуйя. Я всякий раз спрашиваю себя, почему моя дочь отворачивается к стене, когда я прихожу её обличать. Напротив нас трапезничает многодетная семья, тоже вся совершенно одинаковая, вплоть до цвета носков. Шесть улыбчивых девочек, все в клетчатых платьях. Может быть, мальчиков они сбрасывают в море? Нет-нет, из туалета приходит хнычущий субъект, штаны у него в ту же клетку. Хмель понемногу слетает с меня, как зыбкое покрывало. Наедаемся хоть и невкусно, но до отвала, выходим на центральную улицу, покрытую мелким горохом огней, и за несколько минут доходим до пансионата. Внутрь попасть не можем: отморозок-хозяин засунул в дверные ручки швабру, а сам музицирует на верхнем этаже. Мы орём в два голоса и безуспешно трясём дверь, мелкими камешками швыряем в окна. Наконец музыка смолкает, и хозяин шлёпает босыми ногами вниз по лестнице. Он, видите ли, не ждал нас так рано. В комнате я методично смазываю кефиром сгоревшие шею и руки. Хозяйская простыня не помогла; за день она успела выцвести на солнце. Сквозняк то и дело хлопает форточкой.

Встаём рано, на этот раз двери в наш флигель открыты. Хозяина не видно, вот и слава Богу. Кефир помог, кожа не слезает, хотя и красна, как вымпел. На улице не просто свежо, а холодно. Садимся в автобус до райцентра, и он начинает петлять по прибрежным полузаброшенным деревушкам. То приближается, то удаляется прямоугольный техногенный залив. Настя ест шоколад, чтобы согреться. Я предлагаю с этой же целью обнять её. Нет, не надо. Приезжаем в город — умеренно чистый, умеренно красивый, умеренно наполненный отдыхающими. Наш поезд только вечером. Заходим в столовую рядом с автовокзалом и едим умеренно вкусный суп. Бредём к центру города, по дороге обсуждая дома на центральной улице. Мне в этом году необходимо купить квартиру, а Настя уже успела это сделать два месяца назад, и теперь ей предстоит обширный ремонт. Делаем небольшой крюк, чтобы посмотреть на здешний шедевр конструктивизма, составленный из наклонных плоскостей и полукружий. Долго разглядываем дом с разинутыми ртами, прохаживаемся вдоль него взад-вперёд, чтобы хоть как-то осознать необычную архитектуру. Ради одного этого стоило приехать в райцентр. Настя предлагает мне купить квартиру внутри шедевра. Я разбираю её предложение всерьёз: плохая география, далеко от магазинов и транспортных линий, перекрытия наверняка деревянные, невооружённым взглядом видна плесень. Рядом протекает речка, наверняка много комаров. Нет уж, к этому шедевру я буду приезжать, любоваться им, а жить лучше в качественной скучной брежневке. Через пару кварталов — море, однако на дикий песчаный пляж, который я высмотрел в прошлый приезд, уже не пробраться, на него наложил руку соседний пансионат. Новые автоматические ворота, и за ними — ни души. Рассматриваем в тихом тенистом переулке остроугольную церковь, сложенную из каменных блоков, на которых остались давние царапины от осколков и пуль. В парке группа юных отморозков празднует свадьбу и требует с ними выпить. Мы церемонно отказываемся. Вслед нам летят оскорбления. Ступеньки, ведущие к морю, неплотны покрыты отдыхающими. Вода мутная, в ней плавают всё то, что лежит на набережной — спички, крышки от бутылок, тампоны, афишки дельфинария. Похоже, мы не будем купаться на этом курорте. Тем более, что — увидел в интернете статью — здесь спускают в море канализацию; власти не сумели договориться с очистными организациями

о цене услуг. Мы идём к общественному туалету, заходим в разные двери; в мужской половине оттираются двое молодых людей, принимавших участие в свадьбе. Пока я вишу над толчком, один из них бьёт в деревянную дверь кабинки и рассказывает другу о том, как у него чешутся руки. Я сижу в кабинке долго. Во время путешествий анус всегда растёт трусами. На третий день уже больно испражняться, надо бы купить крем и смазать на ночь. Когда я выхожу, наглых придурков поблизости уже не видно. На улочке, убегающей от набережной — две несовершенные копии константинопольской Айя-Софии, мусульманская, старая, и православная, относительно недавняя. У мечети чудесный средневековый контур, но её портят современная отделка и два новых минарета, торчащих, как заячьи уши. Мы идём вглубь, в мешанину узких улиц, в тощее хозяйство кривых полуденных теней, мимо каменных оград, стоящих здесь сотни лет, и мимо турецких бань, тоже сотни лет уже закрытых для посетителей. Заходим в караимский ресторанчик рядом с кенасами и едим знакомые блюда с неизвестными названиями, пьём белёсую, едва хмельную бузу. Настя выбросила прежнее платье, цветастое бабушкино наследство, и теперь щеголяет в другом, лёгком, бежевом, сквозь него просвечивают тёмные соски. Сидим близко, как усталая друг от друга семейная пара. Алкоголь с милой женщиной, хорошая замена любви. Выходим снова на раздавленную зноем улицу — она медленно вращается под ногами. Вверх, вниз, вправо, влево. Хоральная синагога с зычной утробой, из того же камня, что и предпоследняя церковь. Невпопад отреставрированная башня с магазином сувениров и шашлычной внутри. Настя застывает перед ларьком, ей начинают липко и ломано объяснять, какие сорта мыла производит здешняя мыловарня. Отхожу в сторону и вынимаю из сумки Шекспира, но хроники о короле Генрихе под лёгким хмелем буксуют. Лучше буду рассматривать Настю. Она долго и красиво покупает в ларьке дорогое душистое мыло — при том, что она кругом в долгах (и мне должна тоже). Куплено, Настя сияет, умная, чудесная дурында. Переходим дорогу, тут, спасибо карте, приют дервишей. Как раз поспеваем к началу экскурсии. Гид — стройный, уместно занудливый молодой татарин. Приют хорош: тёмный, древний, с накрепившимся, схваченным скобами минаретом, с низкой дверцей — чтобы входящие наклоняли голову — и с сырой, настороженной тишиной внутри. Здесь, под высоким гулким куполом, когда-то кружи-

лись дервиши, одной рукой, поднятой вверх, и другой, опущенной к полу, соединяя небо и землю. Впечатление было настолько сильным и чистым, что Настя даже заплакала, стоя в средневековой келье, глядя из окна на могилу одного из суфийских святых.

Разведённая огнями ночь на станции, ожидание поезда. Зал освещён скудными лампами, похожими на хоккейные шайбы. Читать здесь невозможно, и я выхожу на перрон. Низенький чугунный Ленин пытается нашарить билет в кармане пиджака. Наискось от него, немного ниже облаков, тужится мощный прожектор. Я вынимаю книгу и прочитываю несколько страниц. Добро, по обыкновению, тяжеломерно и напыщенно одолевает зло. Прямо передо мной лежит брюшком кверху и перебирает ногами мелкий жук-олень. Не хочется, чтобы кто-нибудь его тут раздавил. Я переворачиваю жучину носком ботинка, и он стремглав несётся к клумбе. Проходят двое милиционеров, с интересом за мной наблюдая. Я замечаю ещё одного жука, потом, чуть поодаль, ещё одного. Весь перрон неравномерно забросан жуками-оленьями. Большая их часть лежит на спинках и сучит ножками. Нет, ребята, всех вас я спасать не стану.

Ещё пара страниц, начало размытой любовной сцены — и вот выныривает мой поезд. Пока он останавливается, я перебегаю по перрону, пытаюсь угадать место остановки девятого вагона. Стоянка всего две минуты. Чёртов вагон закрыт. Я стучу в окно к проводникам, но там тихо. За два вагона от меня высовывается проводница: молодой человек, идите сюда. Фух, я уже думал, что здесь останусь. Пустые пищеводы коридоров, двери, двери, наконец, мой вагон, совершенно пустой. Почему продали билет на верхнюю полку, не дали нижнюю? В моём купе спит, воняя перегаром, маленький пузатый проводник. Когда я открываю дверь, он бормочет со сна что-то подлое, подхватывается и уматывает в другое купе.

Автобус «Богдан», разбитый и пропахший потом. Я засыпаю, утыкаясь ртом в рюкзак, стоящий у меня на коленях, и просыпаюсь от этого. Резвое цветение подсолнухов. Или каких-то других культур, на них похожих; кажется, для подсолнухов ещё рано. Проваливаюсь в сон несколько раз подряд — какие-то женщины, какие-то

знакомые — опять целуюсь с рюкзаком и опять просыпаюсь. Лучше было бы положить на него голову, но при этом становишься сутулой, непригодной для жизни буквой. Сквозь новый сон — озарение: город, в который я еду — железнодорожная станция на той же ветке, что и областной центр, а значит, я мог всё на том же поезде спокойно до него доехать, и не было бы ни раннего вставания с нижней полки, ни добредания до автовокзала, ни стрёмной автобусной поездки, а были бы вместо всего этого еще два часа хорошего сна. И обошлось бы дешевле. Блин, как всегда. Денег не жалко, а жалко, что я такой вялый и рыхлый. Уснуть в поезде удалось только в четыре, почему так — непонятно, мне ничто не мешало. Купейный вагон — лотерея; ну хоть не плацкартный, тот уж точно — выстрел в голову. Обязательно неподалёку или пьяная компания, или храпящий боров, или шумный ребёнок. В купе нарываешься редко, а сегодня просто сон не пришёл; и неважно, о чём ты думаешь — о работе, женщинах, футболе — до утра он не появится.

На въезде в город мелькает перечёркнутая надпись «Заречье», потом сама река, тоненькая, но шустрая, без тины. Начинается клочущий и кашляющий подъём на гряды холмов, к центру города. Мелькают башенка с часами, изогнутый угол церкви. Надо будет сюда спуститься, если время останется. Проезжаем через центр города, поворачиваем у гостиницы «Украина» — кирпичной хрущёвки. Автостанция: не большая и не маленькая, чистая и абсолютно пустая. Закрытый ларёк с газетами. Необитаемый пост милиции. А вот касса обитаема: худющая кассирша остервенело улучшает ногти пилкой. Как проехать в такой-то монастырь? Подождите, в половине двенадцатого будет автобус. Три часа ждать? Он же рядом с городом, может быть, туда какая-нибудь маршрутка ходит? Ждите, другого транспорта нет. Дверь в сторону города заклинило, поэтому я выхожу к автобусам, обхожу здание и оказываюсь у дороги на остановке. Щербатый дед, или, может, мужик, но такого возраста, что колеблешься, дед он или мужик, ах боже ты мой, ведь скоро и я буду таким же. Как проехать в монастырь? Дед, он же мужик, заинтересованно машет прокуренными пальцами, но отвечает его соседка, вероятно, супруга, тоже щербатая (это они сами друг другу зубы выбили?) женщина со следами уничтоженной алкоголем красоты. Надо проехать на четвёртом автобусе в военный городок и спуститься по дороге. А потом подняться на холм — и там будет

монастырь. Тут же приезжает указанный испитой дамой автобус номер четыре. Кондукторша — молодая, круглая и очень весёлая, всё время шутит с пассажирами. Еду стоя, голова выше уровня окон, и города совсем не видно. Военный городок — конечная остановка. Переспрашиваю у кондукторши, куда мне идти. Вам по этой дороге, всё вниз да вниз, а потом будет указатель перед поворотом на монастырь. Пока я осматриваюсь, автобус уходит. На остановке стоит плоская, как доска, девушка, вся в чёрном: короткое чёрное платье, безобразные туфли на высокой платформе, чёрная сумка, чёрные очки. Волосы пониже плеч, тоже чёрные. Ногти чёрные и облупленные. Звонит по серебристому телефону — ах, диссонанс. Автобус она пропускает, ждёт что-то другое. Я усаживаюсь на остановке, хочется выяснить, чего же тут ожидает некрасивая, но выразительная девушка в чёрном. Ей неприятно, что я на неё глазею, поэтому я стараюсь смотреть рассеянно, переводя взгляд с неё на кирпичные домики по другую сторону дороги. Остановка называется «Военный городок», но ничего военного здесь не видно. По убитой дороге осторожно спускаются и поднимаются дорогие автомобили. После нескольких дождливых дней наконец-то распогодилось, солнце подсушивает высокую придорожную траву, чувствуется высокая влажность. Козырёк остановки скрывает меня наполовину, так что снизу мне жарко, а сверху зябко — из-за холодного ветерка, который тянет, предположительно, со стороны монастыря. Я дважды чихаю и вынимаю из сумки рулончик туалетной бумаги, чтобы вытереть нос. Девушка, закончив разговор, медленно уходит по дороге наверх, туда, куда уехал автобус. Ничто не мешает пойти за ней и посмотреть, куда она идёт. По-своему, это было бы любопытно — прогулка наугад по незнакомому городу. Я провожаю её взглядом. Интересная девушка, ради которой не хочется менять свои не слишком интересные и не слишком обязательные планы.

Стряхиваю дрему и спускаюсь по дороге, долго, между ухоженных огородов, заболоченных впадин, заросших молодым леском невысоких холмов. Дорога всё время слегка подворачивает, то вправо, то влево, иду насторожённо, пешеходной части нет, и в любой момент из-за поворота может выскочить автомобиль. Как обычно и бывает в начале путешествия, рюкзак слишком тяжёл: из дому захвачено слишком много продуктов. Есть даже пластмассовое ведёрко, оно обороняет томаты, чтобы те не помялись. Ничего,

скоро будет намного легче. Тем более, что с томатами я не церемонюсь: время от времени останавливаюсь, добываю из рюкзака очередную помидорину и уминаю её обычным дорожным способом, так, чтобы не забрызгаться. Сначала откусываю попку и стараюсь высосать как можно больше сока, а затем последовательно выедаю отсек за отсеком. Плохо, если помидорина успела продырявиться до моего вмешательства — тогда она брызнет в самом начале, при откусывании у неё задницы, и пятно останется на рубашке до конца путешествия. Поэтому следует прежде всего внимательно её осмотреть и отсосать сок через дырочку, буде таковая отыщется.

Спуск заканчивается, я на самом дне котловины. Неподальёку бьёт колокол, через несколько десятков метров становится видна и сама колокольня. Спереди отпочковывается от шоссе и уходит влево широкая асфальтированная дорога, ведущая, как сообщает указатель, к нужному мне монастырю. Ну а в том месте, до которого я дошёл, карабкается на склон, в ту же сторону, очень привлекательная тропинка. Конечно же, я выбираю тропу, поднимаюсь, долго и высоко, но тропинка всё время куда-то сворачивает, и в конце концов становится ясно, что ведёт она не к монастырю, а прочь от него. К тому же я изгваздал ботинки в густой жёлтой глине. Приходится спуститься по боковой тропке, сквозь колючки, на ту асфальтовую дорогу, которой я поначалу пренебрёг. Прекрасно. Пустят ли меня в такой обуви в монастырь? Рву сырую траву и чищу ею ботинки. Вот так, стало чище. По асфальту, под высокими тенистыми тополями я быстро дохожу до монастыря. Возле самых ворот автостоянка, забитая до отказа дорогими автомобилями, и бетонный столб с гнездом аиста на макушке. Птиц в нём нет, вероятно, гнездо это рукотворное, так сказать, символическое. А может быть, аисты забросили его, когда проложен был асфальт и стало шумно от приезжающих и уезжающих автомобилей. Немного подальше, у пересечения акациевой рощи с цветущим гречишным полем, странная конструкция: ржавый колокол в три человеческих роста, увенчанный могучим крестом и опоясанный обручем, на который нанизаны колокола обычных размеров. Там же находится туалет, белёная кабинка с двумя отдельными узкими входами. Я уже созрел для посещения, так что нехотя иду туда — и делаю изнутри, как после оказывается, кадр дня: цветущее поле и колокол удивительно облагораживаются годами не мытым и засранным насекомыми окном. По моим на-

блюдениям, чаще всего православные туалеты чудовищны, с ними могут конкурировать только бесплатные туалеты в парках культуры и отдыха. Неподалёку, сразу за гречихой, виднеется деревянный скит. Я решаю пройти сразу же и туда, чтобы потом не терять время на новую прогулку в ту сторону. Вблизи скит очень привлекателен, это новострой в духе Кижей, окружённый двухметровым забором. Ворота закрыты, изнутри не доносится ни звука. Я снимаю несколько общих планов со стороны поля и, подняв руку повыше ворот, фотографирую многоглавую резную церковь, колоколенку и несколько хозяйственных построек. Не очень это правильно, монахи отгородились от мира и не желают, чтобы их беспокоили — но ни одного монаха не видно, а значит, и речи не идёт о каком-либо беспокойстве. Спешу обратно к монастырю. До моих грязных ботинок никому нет дела, на территорию меня пускают беспрепятственно — вообще-то, никто её и не охраняет. Заметно, что монастырь богат. Ухоженные клумбы, клетки с соколами и фазанами, множество безвкусных украшений: беседок, фонарей, фонтанов-крестов, откуда хлещет вода. Два больших, даже огромных храма. Один из них построен при царе Михаиле Фёдоровиче по древнерусскому лекалу, но потом перекрыт в стиле украинского барокко, с завитушками, с толстыми ангельскими ликами. Второй выстроен в начале XX века. Чудится, что состоит он из вращающихся красных колёс и надломленных белых плоскостей, приведённых к неустойчивой гармонии. Внутри второго храма идёт служба. Грязь на ботинках засохла, и я какое-то время сковываю её щепкой, прежде чем войти. Голосистый, немного заспанный диакон. Два хора, один поёт слаженно, другой как попало. Стены недавно выбелены, на них нет росписи, это приятно. Деревянный резной иконостас частично покрыт золотой краской. Та его часть, что ещё не вызолочена, выглядит намного лучше. Сложно сказать, зачем вообще нужна позолота, деревянная резьба так хороша без неё. Все скамейки заняты старухами, положить рюкзак мне не удастся. Я оберегаю его от грязи, поэтому нет и речи о том, чтобы попросту бросить на пол. Долго стою, слушая священников, диакона и попеременно вступающие хоры, пока плечи не начинают ныть от тяжести. Пора отдохнуть. Выхожу наружу и усаживаюсь на свободную скамейку в тени. Служба красиво, сдержанно льётся из динамиков. Здесь даже лучше слышно, чем в храме. Пресвятая Богородица, молюсь я, сохрани нас под кровом

своим и даруй здравие рабу Божию младенцу Николаю. На соседней скамье сидит девушка, чрезвычайно чувственная, и этим выделяющаяся из остальных паломников. Одета она в дорогой чёрный наряд, имитирующий рясу, однако сразу видно, что ряса не настоящая. Рассеяннo перебирает чётки. Непонятно, то ли она ждёт кого-либо, то ли желает с кем-нибудь в этом монастыре познакомиться. Почему-то эта сексуальная православная девушка вызывает у меня глубокую неприязнь. Зато с другой стороны от меня, на невысоких каменных перилах, расположилась другая, и очень милая особа: чистенькая, нарядная девочка лет пяти, играющая с разноцветными лентами. У входа в храм стоят вплотную, с увлечением читая одну и ту же книгу, мускулистый омоновец в пятнистой униформе и сутулый старец в мирской одежде, с выдающейся по длине и духовности бородой. За их спинами на неудобном асфальтовом пятачке батюшка пытается развернуть импортный трактор на дорожку, ведущую к колокольне. Я уже немного отдохнул, так что решаю зайти в иконную лавку. Очень большое помещение, мало соответствующее своему названию. Иконы стоят только в одном углу, а почти всё остальное пространство занимают стеллажи с книгами. Много святоотеческой литературы, как раз то, что мне интересно, жаль, что домой не утащишь. Но покупаю я монографию «Вселенские соборы» с увлекательным анализом патристики — долго эта книга от меня ускользала, то денег с собой не было, то желания. Ну и всё на этот раз, надо себя ограничить, и так много тяжести. Вообще в трудный этот год надо стараться экономить на книгах. А теперь надо заказать сорокоуст о здравии болящего младенца Николая и прочих членов семьи. Не в книжном отделе, и не в иконном — сидит за отдельным прилавком бодрый сухопарый монах, к нему выстроилась очередь. Не столько, впрочем, выстроилась, сколько сгрудилась. Для начала надо написать записку с указанием всех имён, для которых будет читаться сорокоуст. Вписываю Колю, себя с женой, обеих бабушек. Пытаюсь стать в очередь. Вопрос «кто крайний» оказывается неуместным, здесь несколько крайних, с разных сторон толпы. Становлюсь за крепкой большегрудой женщиной с двумя сыновьями примерно четырёх и шести лет, которыми она командует, как солдатами. Святой водицы испейте. Дети убегают пить святую воду, через несколько минут возвращаются, ловко просачиваясь сквозь толпу. Идите теперь к Богородице при-

ложитесь. Дети опять убегают. Женщина маневрирует в толпе, стараясь выбрать удобную позицию рядом с прилавком. Лучше держаться за ней, несмотря на густой косметический запах, который от неё исходит. Откуда-то высыпает десяток деревенских бабок, общаются на суржике. Цепкие, напористые, они создают в толпе нервность, хотя сами этого не осознают. Стоило мне зазеваться — и одна из бабок забрасывает руку между мной и женщиной, впивается ею, как клешней, в прилавок и изгибается протиснуться в образовавшуюся щель. Я решаю не отдавать территорию без боя. На меня давят сзади — и я тоже давя на захватническую руку. Бабке становится неудобно, и она вытягивает клешню обратно. Приходится проявлять жёсткость и непреклонность, дышать матроне в парфюмерный затылок, не давать себя никому опередить. Монах несколько раз встаёт со стула и обращается к толпе с просьбой не давить друг на друга, встать посвободней. Куда там. Наконец, подходит моя очередь, я расплачиваюсь с монахом, он записывает имена в общую тетрадь. А теперь надо растолкать бабок и выбраться из очереди. Дело сделано. Оказывается, есть в монастыре чудотворная икона. Ещё за одним прилавком полный монах продаёт её мутные, размазанные фотографии. Не поймёшь даже, какой стиль — продаваемое является неразборчивым серийным объектом для религиозного употребления. Выясняю у монаха, в каком из храмов находится святыня. В барочном — как раз туда я ещё не заходил. Монастырский двор густо засажен деревьями, это так неудобно для фотографирования — ах, если бы кто-нибудь поработал бензопилой. Колокольню ремонтируют, вдоль её стены медленно движется кверху ведро с цементом, останавливается у стропил, напротив отверстия с колоколом. Из отверстия выбирается на край стропил человек, сплёвывает, снимает ведро с блока, ставит на стропила, исчезает в отверстии. Законченная серия движений, короткометражный фильм «Поднятие ведра». Храм в стиле барокко начинается непонятно: сразу же за входом мраморная лестница спускается на несколько ступенек и разветвляется. Слева продолжение лестницы ведёт на довольно большую глубину, там виднеется тусклое помещение, где лежат на полу неряшливо одетые и зачастую босые люди. Виден также плакат, запрещающий ночевать в храме более трёх дней. Направо от разветвления ведёт ярко освещённый коридор с дорогами коврами дорожками. К лежащим людям идти не хочет-

ся, я поворачиваю направо. Вокруг нумерованные белые двери, словно в каком-нибудь учреждении или вузе. Ничего похожего на вход в храмовое пространство. Дохожу до конца коридора, сворачиваю ещё раз и упираюсь в дверь, отмеченную двумя нулями. Из предыдущей двери вдруг выпархивает бархатистый священник моих лет и вопросительно смотрит на меня, с вялым интересом, но без тени удивления. Я объясняю, что заблудился и что ищу икону Богородицы. Батюшка узенько улыбается. У храма есть ещё один вход, с другой стороны, многие ошибаются и приходят в этот коридор.

Икону я замечаю сразу же, она висит посреди храма на толстых позолоченных цепях и слегка покачивается на сквозняке. По художественным достоинствам она так же невнятна, как и её фотографии, но неожиданно я испытываю рядом с ней сильное чувство, о котором не хочется говорить, чтоб не разменять на медные слова. Сразу становится понятно: икона и вправду чудотворная. Я молюсь перед ней за Коленьку, потом целую стекло над благословляющей десницей Младенца. В этом году всё будет хорошо. Хочется купить и поставить свечи, я редко это делаю, но здесь хочется. За свечным столиком никого нет, монах-продавец куда-то вышел, пока я молился. Другие монахи, по большей части молодые, входят и выходят, моют полы, чистят подсвечники. Сколько придётся ждать продавца, неясно, а мне хочется ещё многое сегодня успеть. Напоследок опять гляжу на икону, на поскрипывающие цепи. Плечистый монах подпирает церковные ворота кирпичом, чтобы они не захлопнулись. Снаружи, на майском солнце, девочка, игравшая раньше с лентами, следит в оба глаза за филином, стоя у клетки. Филин заныривает клювом под крыло, выуживает оттуда перо и смотрит на девочку с выражением «как вы меня все задолбали». Рядом с клетками обнаруживается спуск — мраморная лестница, которую я поначалу не заметил. С верхней площадки открывается широкий вид на холмы и болота за дальним краем монастыря. Внизу, возле основания лестницы, расположен ещё один храм, толстостенный, круглый и, судя по виду, очень древний. За храмом виднеется пруд — лужа с лебедем, ещё более угрюмым, чем филин. Между храмом и прудом происходит активная фотосъёмка. Маленькая экспрессивная блондинка носится вокруг вялой пары молодожёнов, жестикулирует и командует, изгибаясь, щёлкает затвором. Чтобы снять че-

ту с нижней точки, ложится на траву возле пруда, подскакивает, велит молодожёнам подойти к воде. Лебедь от греха уплывает к другому берегу. По указанию блондинки молодожёны примеряют фальшивые улыбки. Муж с усилием приподнимает жену и начинает, неестественно оттопырив зад, кружить её на руках. После этого съёмка останавливается. Фотограф рассматривает отснятые кадры. Молодожёны, не сходя с места, обнимаются и раскачиваются взад-вперёд. Заметно, что ребята они приятные. Я спускаюсь по лестнице и захожу в круглый храм. Никого нет, в темноте едва различаю мозаику и фрагменты фрески. Что именно нарисовано, понять не удаётся, но кажется — что-то прекрасное. В дверях появляется квадратная, очень авторитетная служительница и требует, чтобы я вышел. Приходится подчиниться. Служительница запирает за мной двери. Фотограф и невеста, выставив, одна фотоаппарат, другая свадебный букет, сидят на корточках друг против друга. Потом невеста встаёт и, пошатываясь, бредёт вдоль пруда.

Болота и холмы, которые я видел с верхней площадки, отгорожены высокой решёткой. Выглядят они привлекательно, но, чтобы к ним добраться, надо сначала обойти весь монастырь. Поднимаясь по лестнице, я понял, что уже проголодался. Сажусь на скамье возле выхода из монастыря, распаковываю рюкзак, добываю помидоры, хлеб, сыр и одно яйцо. Молодая женщина в длиннорукавой кофте и юбке колоколом торгует мёдом, засахаренной черникой и вареньем из сосновых шишек. Звоню Оле: не нужно ли нам что-нибудь? Мёда у нас хватает, а вот черника и варенье — это интересно, возьми-ка по баночке. Слышно, как рядом с женой ноет Коля. Что там с ним? Ночью плохо выспался и теперь тоже не засыпает, непрерывно просит есть, висит на сисе и поёт. Сейчас мы с ним пойдём гулять — может, он поспит хотя бы в парке. Я покупаю чернику и варенье. Сосновые шишки загадочно проглядывают из коричневатых сумерек. Упаковываю банки в рюкзак и понимаю, что с весом перебрал. Рюкзак настолько тяжёл, что не хочется идти дальше. Ладно, посижу здесь ещё немного. Торговля у дамы в колокольной юбке движется бойко, ещё две тётки покупают по банке варенья. Всё, хватит отдыхать, взваливаю рюкзак на плечи. День становится всё жарче, наверняка я буду много пить из пластиковой бутылки, и постепенно с водой вес из рюкзака уйдёт. Выхожу из ворот; прощай, богатый впечатлениями монастырь, прощай и ты, чудотворная икона. Де-

вушка в короткой клетчатой юбке роется в багажнике огромного автомобиля с иностранными номерами, находит бутылку вина, перекладывает её на заднее сиденье и закуливает, дожидаясь кого-то, в монастыре задержавшегося. Стена, вдоль которой я иду, поворачивает дважды, первый раз плавно и второй раз покруче. За поворотом — несуразное трёхэтажное здание с башней, увенчанной крестом, которое сочетает административные и гостиничные функции. Боковая его стена напоминает крымские пансионаты: в три ряда уютные балкончики со стульями и столами, на одном из них читает газету человек с православной бородёнкой, в длинном халате, похожем на кимоно. На дороге, пронырывающей между зданием и монастырской стеной, раскорячился в неестественной позе немецкий кран. Несколько рабочих лежат в его тени. Дальше дорога начинает широкими петлями заползать на высокий холм. Кроме неё, имеется тропинка, помогающая срезать дорожные петли. На ней сидят ещё несколько рабочих. Я начинаю было карабкаться по тропинке, но оказывается, что она очень крутая и грязная. Риск упасть и изгваздаться очень велик. Спускаюсь обратно к вычурному зданию и отправляюсь в медленное странствие по асфальтовым петлям. Делать это с забитым рюкзаком за спиной трудно, и мне самому непонятно, зачем я так усердно штурмую этот холм. Первоначальный план был — спуститься в красивую долину за монастырём, а не карабкаться вверх. Так или иначе, подниматься интересно. По сторонам от дороги встречаются скалы с высеченными христианскими и языческими знаками, неглубокие пещеры, возле которых фотографируются туристы или паломники. На дорожном асфальте попадаются надписи вроде «Володя из Краматорска», «Севастополь, 2013», стрелка на боковую тропинку с надписью «Люда, мы здесь», или же стрелка, направленная вперёд, с надписью «там ничего нет». А вот официальная табличка: этот холм — памятник археологии, и сверху расположено древнее городище. Это хорошо, обидно было бы столько тащиться сюда и ничего не увидеть. Добираюсь до вершины холма, где имеются наполовину руинированные крепостные стены. Чтобы избежать лишней петли, пытаюсь по травянистому склону подняться к надвратной башне. Сразу же раздаётся окрик: «Шановный!». Прикрытый бугорком, стоит лиловый «Запорожец», рядом с ним — клетчатый стенд с фотографиями. Двое дяденек в ковбойках, представители краеведческого музея,

продают билеты. Вот как, оказывается, зарабатывают мужчины в этом депрессивном регионе. Покупаю билетик, пять гривен, хотя кажется, что смотреть в этой крепости не на что. Так оно и есть. Надвратная башня смотрится основательней снаружи, чем изнутри. Кроме неё, имеются обломки двух стен и непонятные деревянные шесты, под большим углом воткнутые в землю. В центре крепости — действительно незабываемое зрелище, хотя и со знаком минус: лежащий на спине дохлый, наполовину съеденный крот. Я впервые в жизни, кажется, вижу настоящего крота, не книжного и не телевизионного — мёртвого, в центре крепости, за вход в которую благодарные потомки воинов берут с неблагодарных по пяти гривен. Сволочи, такого даже в Крыму нет, а крепостные руины там интересней. Выбираюсь из крепости через пролом в боковой стене — эх, можно было залезть бесплатно. Дальше, на склоне холма, раскидывает руки чугунная княгиня вышиной в три человеческих роста. С круговой обзорной площадки у её подножия открывается вид на три монастырских храма. За камышовыми болотами, прилегающими к монастырю, обнаруживается зелёная речка, по которой спешит к далёкому городу прогулочный катер. Хочется сфотографировать ещё и княгиню, но только не из-под подола её сарафана. Пожалуй, приличное фото можно сделать только со склона. Я сбрасываю рюкзак и сумку у подножия памятника — кругом не видно ни души — перекидываю в карманы джинсов самое важное, паспорт и бумажник. Ох, какое это облегчение — побыть без рюкзака. Хоть бы кто-то украл, пока я здесь лазаю, банки с вареньем и черникой. Спрыгиваю с каменного бортика смотровой площадки в густые и, к счастью, совсем не колючие кусты. За ними меловой склон, неровный, с наклонными площадками, на которых можно стоять, балансируя, спасибо рельефным подошвам. Надо мной нависает обмякшая, большеногая княгиня. В тот момент, когда я собираюсь нажать на кнопку, на площадке перед ней появляется супруги средних лет. Они начинают снимать друг друга на фоне монастыря и реки. Дама принимает истомные позы и закатывает глаза. Поводит плечами, распушивает губы, задирает голые ноги на парапет. После неё позирует мужчина, ошипанный орёл с волосами, тщательно начёсанными на плешь. Поскорей, орёл, сфотографируйся и уйди отсюда, будь так добр. Ну нет, они не уходят, стоят и смотрят снизу на княгиню. Потом дама опять начинает позировать. Ничего не поде-

лаешь, снимаю памятник вместе с этой четой. Поднимаюсь сквозь кусты к пьедесталу, прыгаю, цепляюсь рукой за парапет, подтягиваюсь, елозя ногами по каменной кладке. Хоть бы кто руку подал. Но супруги заняты, ищут позади княгини место для того, чтобы помочиться. Их планы срывает бодро шагающий к памятнику отряд скаутов. Галстуки двухцветные, жёлто-зелёные, а сами ребята не местной, а какой-то южной породы. За минуту они облепляют подножие памятника, словно муравьи. Девочка с пирсингом, поплёскивающим в губах, карабкается выше и выше по чугунным ногам. От крепости по направлению к заболоченной долине за монастырём спускается тропа, посыпанная щебнем и меловой крошкой. Иду то по невысокому сосновому леску, то среди душистого разнотравья. Надо бы разыскать какое-то место, чтобы присесть и перекусить, подальше от скаутского гвалта. Тропа, сначала широкая, добротная, сужается и вползает в кустарник. Идти приходится медленно, отводя ветки с колючками, норовящие попасть в глаза. Никакого места, которое можно было бы так назвать, здесь нет и в помине, одни только нескончаемые извивы тропинки. Кусты и камни, спугнутая, ускользающая гадюка. Из признаков разумной жизни — зелёные бутылочные осколки да два сигаретных бычка. И вдруг — брызжет, срывается с поводка наклонное пшеничное поле. Но и здесь нет никакого места, да и вообще тропинка исчезает, как будто к этому полю она и вела. Ах нет, она виляет, ныряет под ежевичный куст и за ним летит кувырком по склону холма сквозь редкую сначала, но быстро густеющую еловую рощу. Стараюсь наступать на камни, чтобы не чавкать по грязи, её здесь намного больше. Ещё поворот — и на тебе, бурелом, ветром повалено несколько десятков деревьев. Тропинка перегорожена, дальше хода нет. Зато есть какое-то место — правда, немного страшноватое место — но можно снять рюкзак, закинуть его на торчащую ветку поваленной сосны, положить сумку в густую траву. Хочу присесть на трухлявый еловый пенёк, но оказывается, что это муравейник. Мураши начинают кочевать группами и по сумке, и по рюкзаку, но до меня пока не добираются. Делаю то, о чём мечтал с самого утра: добываю из рюкзака свежие носки и трусы, переодеваюсь. Закладываю использованное бельё в рюкзак. Ах, чертовщина! Банки с черникой и вареньем раздавили один из тетрапаков, и по нижней части рюкзака разлилась ряженка. Раскладываю подстилку, вынимаю продукты, выливаю в

кусты остатки ряженки и пытаюсь отчистить рюкзак с помощью туалетной бумаги. Более или менее получается. Пью из уцелевшего тетрапака кефир, приканчиваю огурцы, сыр и хлеб. Снизу из-за бу- релома слышен собачий лай. Собираю рюкзак наново, чернику и варенье укладываю на дно, чтобы не натворили новых бед. Стано- вится намного легче. Пока я вожусь с рюкзаком, лай приближается. Судя по всему, лают две крупные собаки. Ну их в баню. Скорей- скорей наверх по склону, по камням и грязи, потом по тропинке мимо поля и дальше сквозь те кусты, где не было никакого места. Лай отстаёт. Видимо, где-то я сворачиваю неверно, потому что вы- хожу не на поляну с княгиней, а к огромным скалам, непомерным антропоморфным колоссам. Чувствую себя попавшим внутрь одной из картин Мунка или Дали. Чудовищные, размытые рыла с разину- тыми пещерами-ртами. Скуластые боксёрские физиономии. Группа каменных плясунов, идущих вприсядку, упирающих руки в бока, выбрасывающих скалистые ноги с извивающимися по ним тропи- ми. На плече у одного из чудищ трепещет украинский флаг, по кус- тистой груди другого карабкается альпинист, похожий на жука- точильщика. Я обхожу скалы, они непрерывно меняются, скользят, нападают и отпрыгивают. На одном из склонов козёл, застывший, как идол, глядит в небо горизонтальными зрачками. А под ногами у него последнее из чудес этого дня: ровная сухая тропинка, что без приключений выводит меня через редколесье на шоссе. Как будто ничего и не было: не видно ни каменных гигантов, ни монастыря, ни крепости, ни княгини. По знакомой дороге, окружённой лесками и болотами, я поднимаюсь до остановки «Военный городок» и са- жусь в тот же самый бусик с той же самой весёлой кондукторшей. Теперь надо разобраться с путями отступления из города. Вы мимо вокзала едете? Нет, но я вам покажу, где выйти, там вокзал близко. Тянутся центральные улицы со скучными хрущёвками. Объезжаем стандартную центральную площадь с памятником стандартному князю, папе околмонастырской княгини. А вот уже поинтересней: обветшавшие каменные и деревянные домики в стиле модерн, те- нистые липы. И как раз надо сходить, подсказывает кондукторша. Прощай же, о дивная женщина, не судьба нам узнать друг друга ближе. Улица Красная, здесь располагается театр, обложенный ка- фелем, по пропорциям и облику больше напоминающий баню. Во- кзал: бетонная коробочка, чуть уменьшенная копия автостанции.

Нужная мне электричка уехала с полчаса назад, а следующая отходит поздно и едет так медленно, что мне на ней не успеть к отправлению поезда из областного центра. Значит, надо всё-таки тащить-ся на автостанцию, изучать расписание. Мог просто доехать до неё на автобусе. Ну ладно. Возвращаюсь по тенистой Красной улице, потом дохожу по главной улице до площади с князем — оказывается, его зовут Данила. Целый квартал занят огромным старинным домом, который, судя по табличке, был раньше вузом, но потом, по причине оскудения, сделался средней школой. Красивый вход: изогнутые колонны и цветочные барельефы, чрезвычайно облупленные. Венчаются они меланхоличной бородатой физиономией (Платон?). Дальше ещё несколько старых домов, не таких огромных, тщательно отремонтированных, окружённых общим ведомственным забором. Перед первым из них памятник в виде наклонно стоящего довоенного автобуса. По другой стороне улицы — деревянные домики, сложенные из гладких брусьев, снизу брусья уложены вертикально, посередине — горизонтально, а сверху, под крышей — опять вертикально. На всех ставнях в этих домах один и тот же скупой узор. Никаких излишеств и росчерков, всё лаконично и очень привлекательно. Вот и автостанция. На удобных для меня вечерних рейсах мест уже нет, и значит, придётся уехать из этого города уже через полтора часа. Не купил утром билет, зря рассчитывал на электрички. Тут где-то ещё один монастырь, хочу его быстро-быстро разыскать. Спрашиваю про монастырь у старух на остановке. Старухи морщатся и показывают в разные стороны. Спрашиваю у женщины с коляской. Идите вот по этой улице, а когда будет указатель, поворачивайте направо. Хорошо, спасибо. На указанной улице дома сталинские, с элементами имперского декора. Роскошные подъезды и даже статуи: пионер с горном, мать с ребёнком и рабочий, держащий на весу непонятную тяжёлую хреновину. Балконы обваливаются, из окон выглядывает советская нищета. Меняется рельеф, улица начинает сползать по склону холма, и тут появляется указатель на монастырь. Сворачиваю и оказываюсь в частном секторе, среди скучных белёных хат. Проскакивает перпендикулярная трасса, после неё дорога становится ещё хуже, она уже покрыта не асфальтом, а гравием, очень странно, что такая дорога идёт к монастырю. Но дальше совсем уже странно: дорога делает кувырок, проваливается в яму, и теперь это уже не дорога, а попро-

сту тропинка, вьющаяся между никуда не годными, полуразрушенными избами да заваленными старьём наркоманскими огородами. Тропинка, выбежав на поляну с покосившимся столиком и огромными лопухами, на поляне этой неожиданно заканчивается. Непролазные кусты, из-за них выглядывает хлястик акациевого леса. Монастыря здесь нет. Шёл я, никуда не сворачивая, и значит, указатель соврал. Надо возвращаться и снова спрашивать дорогу. Но не сразу. Здесь тихо, не видно ни души, и ничто, даже наличие полубитаемых домов, даже мнение тех людей, которые собираются тут по вечерам за столиком, пьют водку или играют в домино, не мешает мне помочиться в высокие лопухи. Настроение улучшается. Иду наверх, к малолюдной перпендикулярной трассе. Мужчина, похожий на школьного учителя, ведёт за рога велосипед. Нет здесь никакого монастыря. Есть храм, недалеко, но в другую сторону. Вернитесь на три улицы, там будет педагогический колледж, за ним спортплощадка, и потом храм. К счастью, мужчина всё объяснил точно. На пустынной трассе по пути к колледжу встречается ещё двое горожан: бомж, везущий тачку из-под апельсинов, и такса, с достоинством в оной сидящая.

Педагогический колледж — обширный старый дом из красного кирпича. Спортплощадка оказывается просто пустырём с развесистыми лопухами, с двумя турниками по бокам и вытоптанной площадкой перед футбольными воротами. На краю площадки щиплют траву две смиренные лошади, блондинка и шатенка. На фоне белёной монастырской стены выглядят они весьма архетипически. Храма здесь два, оба классического сложения: небольшой надвратный, похожий на ларь, с мелкой луковкой и скошенным крестом, и во глубине монастырского двора строгий пятиглавый, с усыпанными звёздами голубыми куполами. Не видно ни души, шикает и тренькает сломанный кран, изредка выпуская на клумбу толстую водяную колбаску. Пока я, разинув рот, рассматриваю храмы со всех сторон, у монастырских ворот возникает сморщенная старуха в застиранном платье. Она брязгает ключами, намереваясь закрыть калитку. Петляя и вопя, я бегу по огороду, как раз вовремя, чтобы быть услышанным и выпущенным. Повезло, чуть замешкайся — пропали бы мои билеты на автобус и поезд. Обхожу ещё раз монастырь, заглядывая через стену. Время уже подгоняет, но спешить не хочется. По дороге на автостанцию встречается ещё одна примеча-

тельность: четырёхъярусная водонапорная башня, выпирающая из каштановой аллеи. Внутри у неё музей. Я не могу устоять и покупаю билет. На первом этаже экспонируются старинные мотоциклы, два немецких, один итальянский и один французский. На втором висит несколько городских фотографий. Дальше ведёт на смотровую площадку винтовая лестница. Трижды я больно бьюсь о выступающие металлические рёбра. В одном из пролётов обнаруживается ниша со стёртым мраморным бюстом и лежащими рядом высокими колючими ветками. Над нишей висит трансформатор. Место загадочное и красивое. На смотровой площадке страстно целуются мальчик и девочка лет четырнадцати. При моём появлении они прекращают целоваться и завязывают разговор о терроризме и уличной герилье. Внизу, за перекрёстком, ещё один храм — белый куб, смоченный весенним светом. В отдалении пара барочных церквей, но идти к ним уже некогда. Отсюда хорошо видно, что церквушка, мелькнувшая утром при въезде в город — уродливый и претенциозный новодел. С другой стороны площадки открывается вид на загоренье холмы, морщатся квадратные водоёмы, множатся грунтовые дороги. Теперь вниз по лестнице, мимо влюблённых детей, и мимо беременной служительницы в вязаной кофте.

Наконец опять автостанция. До отхода автобуса четыре минуты. Здравствуйте, встаньте, пожалуйста, с моего места, у меня билет — садитесь на свободное — свободных нет, ну ладно, с неохотой, с великим одолжением, с недобрым словом. Сзади скуластые девушки пытаются согнать широкозадаго пентюха, который занял оба их сиденья. Билета у него вовсе нет, но ведёт он себя так, будто девушки обязаны ему помочь проехаться зайцем, и это срабатывает. Пентюх сдвигает мощную задницу, и девушки усаживаются в образовавшуюся щель: та, что поуже, на коленях у той, что поплотней. Автобус исполняет широкий разворот вокруг автостанции и выезжает на трассу. Девушки переговариваются: знаешь, Надя родила мальчика, знаю, я ей звонила. Солнце льёт прямо в глаза, моя позолоченная физиономия растёт в стекле над мятыми бархатными полями. Старик, сидевший рядом со мной, сходит, и верхняя, узкая девушка пересаживается на освободившееся место. Не проходит и пяти минут, как она начинает понемногу прижимать ко мне свою ногу. Мне нравится эта игра. Путешествие чудесное и, хотя трясёт не по-детски, я ныряю в сон, вынырываю, смотрю на острый,

карандашный профиль соседки. Маленькая родинка возле губы придаёт ей сходство с известной актрисой. Недолгая остановка возле угрюмой будки с билетным окошком. Слева — сортир, полторы гривны за обоссанную дырку, ни фиги себе. Подруга моей соседки выходит наружу, да и вообще салон пустеет: кто-то курит, кто-то разминает ноги. Девушка неожиданно берёт меня за руку — тёплые, немного нервные пальчики — и потом ловко облокачивается мне на плечо, так что мне остаётся только обнять её за талию. Я оглядываюсь — на нас никто не смотрит — и улыбаюсь ей. Так же стремительно она отклоняется, возвращаясь на своё сиденье: в салон поднимается её подружка. Ещё полтора часа езды. Чем ближе областной центр, тем больше транспорта, и тем медленней мы едем. Пригороды, гаражи, растрескавшиеся фабрики, большой цементный завод. Ржавые трубы на фоне матового, приглушённого неба. Спина ноет из-за долговременной скорченной позы. Девушка сидит на минимальном расстоянии, только изредка прикасается ко мне длинной ногой в изящном ажурном сапожке. Она сделала всё необходимое, теперь должен быть мой ход. Семь вечера, до моего поезда ещё два с половиной часа. Из её разговоров с подругой я знаю, что она уезжает в Крым получасом раньше. Вряд ли она согласится пойти со мной в гостиницу, флирт ещё только в проекте. Надо смотреть правде в глаза: в лучшем случае, я проведу это время с ней на вокзале, над чемоданами, в пустой болтовне. Никаких перспектив. Когда автобус останавливается, жду, пока выйдут остальные пассажиры, любуюсь её профилем, длинными пальцами, ногами, небольшой, но красивой грудью. Затем цепляю рюкзак, иду к выходу. Оборачиваюсь в дверях: девушка глядит на меня с неприязнью, вместе с подружкой они тащат к выходу огромный чемодан. Два шага вниз, ох, как же хорошо, воздух, вечер, под ногами твёрдый асфальт. Заканчивается посадка в троллейбус до центра города. Рывок — и я заскакиваю в задние двери, они сразу захлопываются, прищевив пару рюкзачных ремней. Приходится подождать следующей остановки, чтобы их высвободить. Сначала тянутся побитые жизнью хрущёвки, потом троллейбус выворачивает на пышный сталинский проспект, но пышность очень скоро сходит на нет, кругом расстилаются допотопные старые улочки. Что-то идёт не так, маршрут неясен. Я вынимаю карту и сверяюсь с ней. Оказывается, троллейбус объезжает центр по длинной дуге. Но на этой дуге

тоже немало любопытного. Ладно. Думаю о красивой девушке. Мне кажется, что я поступил правильно. Времени в обрез, надо хоть чуть-чуть осмотреть город. Не скоро я сюда снова приеду. Рядом со мной сидит дед в старом, почти бесцветном от стирок, но опрятном костюме, с крепкой тростью, и — вот это да — серьгой в ухе. Неподвижен, как игуана, зрачки мёртвые, глядят в одну неуловимую точку. В левом окне проворачивается адвентистский храм, похожий на фонтан: из центра бьёт огромная бетонная струя, распадаясь на несколько лопастей и упруго спадая вдоль радиусов. За храмом просторный овраг, на дне — длинный, зашитый камышом водоём. Вдоль него тянется к далёкому промышленному зданию ветка узкоколейки. От остановки троллейбуса можно было бы спуститься по асфальтовой дорожке к станции детской железной дороги. Это милое трёхэтажное здание с широкой лестницей, рельефной крышей и шпилем. На ступеньках сидит девушка в джинсовом костюме, курит и звонит по телефону. Рядом со станцией — поезд: миниатюрный тепловоз и два вагона, покрытых кривыми буквами граффити. Перед раскрытыми боковыми дверцами тепловоза стоят и напряжённо заглядывают внутрь два крепких мужика в спецовках. Картина очень привлекательная, и я хочу сойти с троллейбуса, чтобы пройти вдоль узкоколейки — но пока пробираюсь к выходу, двери захлопываются. Кричать водителю мне не хочется, ну и пусть, к лучшему, мне надо вовремя попасть на вокзал. Моё место уже занято, дальше еду стоя. Рюкзак висит на спине и раздражает окружающих. Суровый молодой человек делает мне замечание: знаю ли я правила поведения в общественном транспорте? Плевал я на правила, и на тебя тоже. Хочется ответить именно так, но вместо этого я покорно снимаю рюкзак и ставлю его на сумку. Он действительно мешает стоящей рядом женщине. Понемногу в салоне становится всё тесней. Троллейбус завершает петлю и въезжает в центр с другой стороны. Ещё немного потерпеть, и можно будет сойти. Ну вот и всё, воздух, много воздуха, тенистый сквер и красивые женщины. В чужом городе женщины особенно красивы. Вообще-то город маленький, но кажется очень большим, совсем как Харьков или Одесса. Центр внушительен: просторные бульвары и советские площади, наполненные молодыми, слегка агрессивными людьми, вылезшими потусоваться под конец выходного дня. Несколько церквей, особенно хороша многоглавая барочная. Старин-

ные улочки — простенькие, провинциальные. Многоярусный фонтан со сказочными персонажами, на этот раз настоящий, вода красиво скатывается с уровня на уровень. От подножия фонтана открывается вид на шумное шоссе и многоэтажный спальный район. Начинает темнеть, и я быстро шагаю на вокзал. Почти у самого вокзала стоит синагога, она некогда была частью не сохранившихся крепостных укреплений. Теперь в ней располагается общество «Динамо». Высокий шпиль баптистского молитвенного дома среди ухоженных кирпичных хрущёвок. Вокзал — сияющий, с напёрсточным залом ожидания, где на деревянных сиденьях лежат в обнимку двое студентов, мальчик и девочка в мини. К вагону приходится идти по надземному переходу, откуда видны расходящиеся во все стороны рельсы — в них отражаются длинными нитями вокзальные светочи. В моём купе нижние полки занимают две говорливые старухи, а верхние принадлежат мне и красивой женщине моих лет, которая говорит по телефону в коридоре: документы, накладные, расчётный счёт, расходные материалы. Потом она звонит дочери, голос остаётся начальственным, но становится нежнее. Вагон раздолбанный, на багажной полке корка засохшей грязи. Верхний свет едва тлеет, дополнительное освещение и вовсе не включается. Я жую батон вприкуску с сыром, запиваю ряженкой, гляжу на застилающую постель попутчицу. Зрелая, понемногу разрушающаяся красота. Фигура неточная, с чрезмерной мягкостью — зато хороши улыбка, голос, глаза. На шее цепочка с зодиакальным кулоном. Медленно, аккуратно поднимается по лесенке на верхнюю полку. Совсем не юная девочка, не акробатка. Я взмываю вверх одним движением, но правда, едва не сбиваю пяткой очки с одной из пожилых дам. Верхний свет потушен, можно было бы и спать, однако начинается новое приключение. Кондиционер — вмонтированный в потолок прямоугольник с раструбами — дует и мне, и моей соседке на голову и в ноги. За ночь простуда гарантирована. Соседка пытается заткнуть простудный кондиционер полотенцем. Ну какое полотенце, здесь нужно одеяло. И вот мы, уже вдвоём, втискиваем одеяло сразу во все раструбы. Пожилые дамы начинают каркать: им будет ночью душно. Красивая хозяйственница закрывает им рот длинной впечатляющей фразой. Вороны что-то скрежещут себе под нос, но связываться с ней боятся. Открывают дверь купе, чтобы шёл воз-

дух. Из тамбура несёт табаком. Вороны клопочут и фыркают всё громче, но женщина перекрывает их второй фразой, более лаконичной. Как приятно иметь такую убедительную единомышленницу. А теперь спать, наконец-то спать.

Кусты, лужи, бесконечные поля подсолнухов. Холмы, раскрашенные хилым солнцем. Лужи, скособооченные хаты, рыбаки на поверхности сна. Моя страна обширна и красива, как раскрытый рот алкоголика. Плавная станция, знакомая, как все станции. Проплывает локомотив, наполовину разобранный, хорошо видно его сложно устроенное нутро. Свесившись из окна, коротко стриженный молодой человек с прилипшей сигаретой разговаривает какое-то время со стоящей внизу полной женщиной. Потом, содрогаясь корпусом, она отходит в сторону и усаживается на скамейку рядом с сутулой до уродливости девочкой, поглощающей чипсы. Между ними завязывается беседа. Полной женщине жарко: она поводит коленями из стороны в сторону и неприятно почёсывается. В плацкарте за моей спиной — бесконечные разговоры: «Значит, если я уеду в Ирландию, там всё будет нормально» — «Один урок стоит 200 гривен. Я что, бахнутый, такие деньги платить?» — «Всё зависит от того, в какой вуз поступает твой малый». Молодая однорукая женщина с подвижной острой кулётёй сантиметров десяти в длину гортанно отчитывает свою свекровь. Речь её льётся непрерывно и состоит из путаных и не сочетающихся друг с другом подробностей. Пытаюсь кое-как распутать их, и, наконец, мне это удаётся, или почти удаётся — я опять засыпаю.

В этот городок я заезжаю всего на пару часов по дороге в областную центр, где собираюсь заночевать. Главное, что меня интересует, — кафедральный собор, огромный, древний, много раз перестроенный и в конце XIX века приведённый к изначальному византийскому стилю. С автостанции виден на большом расстоянии его купол. Есть и несколько других интересных объектов. Поглядывая в карту, я углубляюсь по грунтовой дороге вглубь частного сектора. Здесь рядами идут бревенчатые хаты с перекосившимися от ветхости окнами и букетами спутниковых антенн на кровлях. Небольшая церковь, тоже очень старая. К хорошо отреставриро-

ванной нижней части, полукруглой, толстостенной, с овальными окнами-бойницами, прилеплено сверху не пойми что — какой-то пионерский горн с крестом на макушке, не сочетающийся с мощным фундаментом. Изнутри слышно скрипучее и надрывное, но при этом прочувствованное пение приходского хора. Рядом с церковью полукругом разбросаны скамейки, пониже ворчит ручей, а за ним зябко подрагивают освещённые утренним солнцем пшеничные поля. Я съедаю несколько яблок, глядя на церковь и с интересом слушая несуразный хор. Ещё метров через сто, поближе к центру, встречается ещё одна, деревянная церковь, почти чёрная от времени. Расположена она на территории пожарной части, близко подойти нельзя, да и сфотографировать как следует не удаётся: её загораживает пожарная вышка. Снимаю только колокольню, ветхую, с провалившимися перекрытиями, чудом не падающую из-за ограды на узкую улочку. Центр находится на возвышении, дорога к нему ведёт мимо огромной облупленной больницы, стилизованной под средневековую тюрьму. Рыночная площадь, небольшая, но внушительная: разноцветные домики с балконами, утопающими в цветах, посередине ратуша с криво посаженной остроносой башней и мутно блестящим пенсне циферблата. Бегущие врассыпную боковые улочки с лениво изогнутыми особняками в стиле модерн, между которыми обитает книжный магазин. За дверью его ералаш и разгром, к потолкам тянутся небоскрёбы, составленные из бестселлеров, по углам зевают початые картонные коробки. На стеллажах книги расставлены кое-как, и не по жанрам, и не по алфавиту. В углу дородная продавщица вяжет чулок. Каким-то чудом я замечаю давнюю, очень редкую поэтическую книгу, которую давно хотел купить. Расплачиваясь, обращаю внимание, что по полу верхнего этажа, непосредственно над магазином, гулко и почти музыкально перетягивают что-то очень тяжёлое. Дверь тенькает за мной с укором. Голубь, сидящий над ней, пытается насрать мне на плечо, но немного промахивается. Я иду дальше по улице, похожей на водосток, вдвигающей дождливое небо в стены с причудливыми размывами. Заглядываю в один из дворов: эллиптические балконы, кружево скрипучих лестниц. По центру двора — средневековая башенка, переоборудованная под сарай. Хриплые ворота приоткрываются от стука мужчины средних лет, одетого в спортивный костюм с подвисшими коленками. Мужчина говорит «слава Украине» (ответа

не слышно) и заводит хозяйственный разговор о вёдрах краски и резервуарах. Ещё через квартал обнаруживается затянутый плющом сверху донизу краеведческий музей. Он кажется необитаемым, но едва я стучу пальцем по окну, там тотчас появляется заспанное женское лицо. Сутулая муза Клио впускает меня внутрь, продаёт билет и растворяет пыльные анфилады. Через первые комнаты, с чучелами волков и лисиц, образцами минералов и одиноким бивнем мамонта, я прохожу, не задерживаясь. Клио сопровождает меня, источая порционную неприязнь, включает и отключает освещение в каждой комнате. За отделом природы — тесная угловая конура, без единого окошка, посвящённая Кобзарю. Висит портрет, украшенный вышитыми полотенцами, искусственными цветами. Напротив, на карте района, отмечены стрелками перемещения Кобзаря по местным деревням, где он делал зарисовки. Под стеклом лежат несколько книг самого Шевченко, а также Леси Украинки и Ивана Франко — о, был бы кто-нибудь четвёртый. В следующем отделе обширная коллекция народной украинской одежды, шляхетских кафтанов и дамских платьев. Тут же громоздятся прялки, расписные горшки, глиняные бараны с завитыми рогами, деревянные музыкальные инструменты. Далее в трёх комнатах с закопчёнными потолками размещается исторический отдел. Здесь бессистемно перемешаны осколки древней посуды, модели линкоров, гусарские палаши, офицерские мундиры времён Первой мировой. Самый интересный экспонат — старинные часы чешского производства с медными фигурками поселян, предающихся бражничеству за длинными столами. Хорош и дамский пистолет начала прошлого века, крохотный, размером с пудреницу. В одном из последних залов — экспозиция рисунков известного польского художника, проживавшего в этом городе. Большая их часть была разворована в лихие девяностые. На оставшихся в музее изображены: обнажённая женщина с короткими волосами, лежащая на кушетке; девочка в школьном платье с длинными волосами, размётанными ветром; сам художник, сидящий на полу, скрестив ноги по-турецки. Последний его рисунок — абстрактная композиция, похожая на красное яичко, прилепленное к собачьему зубу, а он, в свою очередь, опирается на нечто вроде моторной лодки. Здесь же афиши к довоенным фильмам с расфуфыренными красавицами, лихими велосипедистами, крадущимися на цыпочках злодеями. В последнем зале — коллек-

ция икон, от древних, тревожно-одухотворённых, до пухлых барочных мадонн с поднятыми горе очами. После спуска по скрипучей деревянной лестнице — легчайший наклонный свет, вкусный провинциальный воздух, красивая зрелая женщина с фотоаппаратом в руках, тоже, по-видимому, туристка. Хочется догнать её и познакомиться, но я этого, как и всегда, не делаю. Сверяюсь с картой и выхожу на главную площадь городка. Напротив стандартного административного здания стоит стандартный католический костёл. Возле него наворачивает петли мальчик на самокате. Патер ведёт беседу с ромбовидной монахиней. У обоих чёрные облачения, но монахиня подпоясана лиловым шнуром, конец которого свисает до самой земли. Мимо простаивающего кинотеатра с выбитыми стёклами я выхожу на тенистую улочку, которая ведёт к искомому кафедральному собору. Снимаю на ходу что придётся: голубятню, захватившую часть дороги так, что автомобилям приходится её объезжать; старуху в домашних тапках и её внучку в надтреснутых очках; небольшую хибарку с вывеской «вокзал», больше похожую на лабаз. Мужчина в окне автобуса, притормозившего на остановке, показывает жестами: снимай и меня. Я его игнорирую, он разочарованно машет рукой. Читаю по губам: ну и пошёл на хуй. Вот, наконец, и кафедральный собор. Он кажется маленьким, но когда подходишь к ограде, обнаруживаешь, что видел только его верхушку: на самом деле он огромен, вытянут вверх, но находится внутри узкого и длинного оврага. Скульптуры святых на крыше совсем рядом, рукой можно дотянуться. Или, скорей, длинной палкой. Вниз в овраг ведёт металлическая лестница с шаткими ступеньками. Немного страшно: что, если ступенька отвалится, и я свалюсь с такой высоты. Но другие люди как-то же ходят. Перед входом в храм гид объясняет что-то по-польски группке туристов. Видно, что у храма трудная история. Готические контуры в российский период правления были размыты реставрацией в византийском стиле, появились округлые купола. Я отхожу по оврагу на приличное расстояние, пока храм не начинает помещаться в доступный фотоаппарату ракурс. Туристы понемногу втягиваются в храм, надо только дожидаться, чтобы никого из них не осталось в кадре. Но тут из пристройки выходит гладко выбритый молодой человек, выносит пузатый шкаф, ставит его между мной и храмом и начинает отдыхать от трудов своих. Ничего не поделаешь, фотографирую храм со шка-

фом и молодым человеком, а вдруг это к лучшему, вдруг пузатый шкаф — это как раз та деталь, которой этой фотографии не хватает, заранее ведь и не поймёшь. Возвращаться по той же лестнице мне не хочется, и я начинаю подниматься по тропинке на дальний склон оврага, где должен располагаться, судя по карте, бывший монастырь кармелиток. Тропинка оказывается довольно крутой и грязной, мне то и дело приходится цепляться руками за ветки. Больше всего мешают густые заросли амброзии. По сторонам видны небольшие поляны с признаками жизни: кострищами, пустыми пивными бутылками, использованными презервативами. Как ни странно, этот склон — популярное место отдыха. Намучавшись, я выбираюсь к бывшему монастырю. Теперь в нём расположен больничный корпус. Рядом со входом под красивой ажурной колоннадой сидит на стуле и жмурится под ярким солнцем старый-престарый дед. Неясно, способен ли он передвигаться самостоятельно. Может быть, его вынесли из отделения и усадили здесь, чтобы он подышал свежим воздухом. Вдоль колоннады приятно прогуливаться. Я прохожу вперёд-назад несколько раз, заглядывая в окна. В большинстве помещений пусто, только в одной комнате пьют чай и разговаривают две солидные тётки в больничных халатах. Я решаю обойти бывший монастырь и посмотреть, как он выглядит с другой стороны. Едва заворачиваю за угол — слышится шум и лай, ко мне несётся огромная собака. К счастью, её останавливает туго натянутая цепь. Собака продолжает хрипеть и рваться. Ну, значит, не судьба. Прячу фотоаппарат в сумку и обнаруживаю, что вязаного чехла, похожего на варежку, в сумке больше нет. Нет его и в моих карманах. Я окончательно раскисаю. Ну что за день. Не то, чтобы эта варежка была мне очень дорога, но я вообще не люблю ничего терять, и к тому же это одна из вещей, к которым я привык. Этот чехол со мной уже не один год путешествует. Возвращаюсь в центр города по тому же маршруту, внимательно глядя себе под ноги. «Варежка» обнаруживается возле того костёла, где были мальчик с самокатом, патер и монахиня. Здесь почти ничего не изменилось, только мальчик крутит петли уже возле административного здания. Всё прекрасно, всем большое спасибо.

Маленькая автостанция расположена рядом с площадью, сразу за неработающим кинотеатром. На скамье разговаривают на гортанном и не всегда понятном диалекте двое мужчин. Одному из них

на вид лет пятьдесят, другой немного постарше. Вот, говорит первый, Петро женился на молодой. Да, отвечает второй, он ведь пенсию получает, понятное дело. Женщинам только деньги подавай. У меня пенсии нет, и никому я не нужен. Приходит автобус до областного центра, разболтанный ЛАЗ. Он проезжал через несколько деревень и уже заполнен до отказа. Я с трудом втискиваюсь в заднюю дверь. Вокруг меня люди совсем другой, непривычной породы: землистые, крепкие, с резкими чертами, как будто нарисованные Брейгелем или Гойей. Стоять здесь немного страшно. Чувствуется напряжение, монотонное, но беззлобное. Кажется, что любое сказанное в этой толпе слово может привести к чему-то странному и непоправимому. После получаса изматывающей тряски в салоне становится посвободней, рядом со мной освобождается сиденье. Теперь я могу изучить карту предстоящего мне города. Рядом ёрзает мальчик лет восьми, и моя карта чрезвычайно его интересует. Приходится дать её пацанёнку, он возит пальцем, расспрашивает, что и где находится. Рассказывает, хотя я его ни о чём не спрашиваю, что едет из деревни в большой город, будет там жить у двоюродной сестры и учиться в школе. Родители его сидят на передних сиденьях, перегородив тюками проход, так что тем пассажирам, которые желают сойти, приходится с трудом одолевать баррикады. Наконец автобус въезжает в город: внезапно, безо всяких предварительных признаков, возникают спальные девятиэтажки. Я схожу на первой же остановке; мальчик издаёт шумный вздох, когда я забираю у него карту. В воздухе стоит сладковатая гарь.

Через десять минут, поблуждав между панельными домами, я нахожу нужную мне гостиницу. Это огромный советского времени туристический комплекс, давно не ремонтировавшийся и почти необитаемый. На рецепшене листает модный журнал белокурая женщина лет тридцати. Сверяется с компьютером: да, номер для вас заказан. Одиннадцатый этаж, комната 1132. Лифт выглядит новым, и, возможно, это единственная новая вещь на всю гостиницу. На потолке лифта мерцает узор, похожий на звёздное небо. Мой этаж пуст и затенён, но по мере того, как я двигаюсь (медленно, будто крадусь) по ковровой дорожке, надо мной загораются новые и новые лампочки, а за спиной гаснут предыдущие. Холл в конце коридора украшен двумя абстрактными мозаиками, пёстрыми, хаотичными, как нельзя лучше передающими то ощущение, что остаётся

после прогулки по холмистому центру. Гостиничный номер на- смерть прокурен. В коврах дыры, накатанные креслом на колёси- ках. С балкона город виден, как на ладони: ржавая поросль бли- жайших крыш; центр с остроконечными башнями, монастырскими стенами и ступенчатыми австро-венгерскими домиками; железно- дорожная ветка с рассеянными рядами цистерн и товарных ваго- нов; вставшее на дыбы здание университета размером со спичеч- ный коробок; небритые холмы со спутанными нитями дорожек и едва различимым муравьиным кишением отдыхающих; пригород- ные дали с раздетыми солнцем многоцветными полями; полновес- ный блеск петляющей речки; чёткий синеватый автограф гор со скользящими по ним, как на саночках, низкими облаками. Можно было бы простоять здесь всё оставшееся до заката время, но побе- ждает желание пройтись перед сном. Приближаясь к нижнему эта- жу лифт издаёт мерзкий скрежет, как будто давит застрявшего терминатора. Я сдаю ключ от номера белокурой администраторше и выхожу к шумной автостраде сквозь неравномерные гаражи с дремлющими чёрными псами. Смотрю на карту: неподалёку имеет- ся памятник архитектуры, усадьба конца позапрошлого века. Нуж- но будет пройти вдоль дороги, а потом пересечь мост над неболь- шой речкой. Места непонятные, город пытается закончиться, но никак не может, то и дело появляются станции техобслуживания, мастерские, широкие ангары с расставленными в шеренги тракто- рами. Чувствуется, что регион здесь аграрный. Перед самым мостом рядом со мной притормаживает автомобиль, и сухонький, как тро- сточка, иностранец спрашивает у меня на ломаном украинском, как проехать в такой-то пригородный район. Поезжайте прямо по этой дороге, советую я, посмотрев на карту, а потом повернёте направо. А мог бы сказать — поезжайте назад, а потом повернёте налево. До- рога всё равно кольцевая, и в обе стороны до этого пригорода ещё очень далеко. Речка зауридная: одетая в бетон, покрытая тиной и пустыми пластиковыми бутылками. Я спускаюсь по длинной лест- нице до опоры моста, пересекаю грунтовую дорогу и оказываюсь перед высоким забором, за которым начинается хвойный лес. На- право видна сгоревшая пристань, налево — большие распахнутые ворота без каких-либо поясняющих надписей. Прямо передо мной торчит из земли толстая труба. Конец у неё заварен горизонталь- ной пластиной, так что получается своего рода столик, только

очень высокий, под мой подбородок. На столике стоит пустая винная бутылка. Я подхожу к воротам: по аккуратным сплетающимся дорожкам петляет между сосен молодой человек в спортивных трусах и майке, с половинками кирпичей в каждой руке. Обозначенной на карте усадьбы нигде не видно. С другой стороны от шоссе большое городское кладбище, ну ладно, я хотя бы кладбище осматриваю. Прохожу к нему под мостом. Вот где классно: мощные опоры, пунцовый закат над ними, опрокинутый в медленную реку. Непредсказуемый катер, через неравные интервалы проскакивающий по свободной от тины середине реки то слева направо, то справа налево. Заваленная набок тележка из супермаркета, заботливо украденная кем-то и привезённая сюда для одухотворения прибрежных пейзажей. На небе изнывают кровавые лепестки, складываются слоями и разъезжаются, как на тонком льду, в безразмерном и высокопарном безразличии. Сквозь дыру в сетке-рабице я попадаю на кладбище. Старых могил не видно, на нескольких совсем свежих помаргивают лампадки. В центре кладбища — неистовое здание крематория, похожее одновременно на сиднейскую оперу и на рушащийся дирижабль. Врата, ведущие внутрь, подошли бы Аиду. На каждой створке округлая выпуклость — как если бы изнутри к ней прижалась гигантская раскалённая физиономия. Между страшными створками мерцает ленточка золотистого света. Я заглядываю в щель: внутри пустынно, перед большим крестом мирно горят десятки свечек, воткнутых в бадью с песком. Справа от креста стоит гроб, и перед ним монотонно читает молитвы сутулый человек в чёрном костюме. Всё это странно и хорошо. На небе паводок тьмы, и наклонные фонари воткнуты в твердь, как спички в обмундированную картофелину. Вот уже и ворота кладбища, их закрывают, о как же я вовремя успеваю. Сразу за кладбищем — железнодорожная станция, на ней стоит бледно мерцающая корректная электричка. Я пускаюсь бежать и успеваю заскочить в вагон прежде, чем двери хлопываются. В тамбуре две старухи обсуждают неслыханный кровавый закат. Схожу на одной из следующих остановок. Отсюда до гостиницы рукой подать. Воздух рассекают летучие мыши, тянет горелой резиной. Я проголодался. Хочется съесть тарелку супа, устал от сухомятки. Дама не рецепшене объясняет, как пройти в ресторан. Оказывается, надо опять выйти, обойти здание, и там будет другой вход. Ладно. Обслуживающего персонала в ресторане — две

девушки, одна сидит за стойкой, другая флиртует с пятью молодыми людьми в одинаковых спортивных костюмах. Марина, как ты могла бросить фигурное катание? Гроши трэба було заробляты. Я с наслаждением ем заказанный борщ. Ноги ноют — видимо, из-за плоскостопия. Цены здесь мизерные, самому приготовить будет дороже. Я прибавляю две гривны чаевых — официантка смотрит на меня, как на невидаль, а потом отдаёт их в виде сдачи.

В номере я первым делом опять выхожу на балкон и глазею на мерцающий центр, на подсвеченные силуэты церквей, на чёрный подсвечник ратуши. С верхнего этажа прилетает окурок сигареты. Я затапываю его и возвращаюсь в номер. Добываю из рюкзака зубную щётку и пасту, направляюсь в ванную. Сквозь тонкую перегородку слышно, как в соседнем номере шумно занимаются любовью. Дочищаю зубы, ложусь в постель. Стоны, прищёптывания, выкрики. Кажется, что женщина притворяется, слишком уж безукоризненно звучит её партия. Первая часть концерта продолжается полчаса, то сокращаясь до тонкого звукового ручейка, то расширяясь до мощного потока. Затем, после небольшой паузы, любовники начинают ссориться. Женщина кричит, что мужчина тряпка, а его жена сука и шантажистка. Слышен звук пощёчины, только непонятно, кто кого бьёт. Женщина нервно ходит по комнате и вызывает по телефону такси. Наконец всё стихает, и я тут же засыпаю.

Прсыпаюсь поздно. Долго лежу в постели, безо всякого желания чем-либо заняться. Размышляю, куда сегодня пойти. Переполненный туристами центр меня не привлекает. Зоопарк, в конце концов решаю я. В этом городе я видел уже всё, кроме зоопарка. Позавтракав в ресторане, добираюсь до нужного района за двадцать минут на старинном открытом трамвайчике. Билет в зоопарк недорогой, но и сам зоопарк совсем маленький. Клетки выстраиваются неровными концентрическими овалами вокруг мутного пруда. Многие из них пустуют. Для посетителей главной приманкой является бултыхающийся в отгороженной для него части пруда подросток-слон. Больше всего ему нравится падать набок, поднимая брызги, и выпускать над собой воду из хобота. Очень шустрый, очень весёлый слонёнок. Я медленно обхожу весь остальной зоопарк. Гималайский медведь тщательно и аккуратно бьёт одной лапой по висящей на цепи покрышке. Девять макак показывают посетителям анусы. Верблюд берёт губами хлеб у девочки сквозь прутья решёт-

ки. Львица глодает кусок плоти, чью-то продолговатую, неразборчивую голову. Вместе с ней в клетке трое львят. Один из них ходит снизу, рядом с мамой, и пытается поймать зубами кисточку на её хвосте. Другой сидит на возвышении, сложенном из бетонных блоков, и пищит, пытаясь привлечь её внимание. Пообедав, мать заскакивает к нему на возвышение и устраивается, чтобы вздремнуть. Верхний львёнок замолкает, но зато начинает скучать и ныть нижний, оставшийся в свою очередь в одиночестве. Лев размещён отдельно от своего семейства. Он то и дело подбегает к перегородке, разделяющей клетки, и напряжённо вдыхает запах львицы. Время от времени метит клетку, а один раз метко брызжет на проходящую мимо бабульку со скрипучей коляской. Я возвращаюсь к пруду и сажусь на скамейку. Напротив меня уродливая деревянная скульптура, стремящаяся быть трёхглавым драконом, но скорее напоминающая три половых члена, сиреневый, жёлтый и зелёный, с огромными бугристыми головками, на коих пририсованы углём глаза и ноздри. Я добываю из рюкзака том Шекспира и погружаюсь в чтение. Сидеть здесь на солнце хорошо, даже очень хорошо. Время от времени звоню Ольге и зачитываю ей куски из «Двенадцатой ночи». Ей не слишком интересно. Она только что покормила Колю, выпила чаю с молоком и теперь собирается вздремнуть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ФЕСТИВАЛЬ

(Весна 2022 года)

Две истории, обрушившиеся друг в друга. Поэт пишет прозу — но у него заблаговременно припасена связка отмычек в карманах. Будут ли стоять ангелы с факелами в тех коридорах, где намечены швы? Возможна ли отмена «сначала» и «потом» без затемнения со-ответствий? По каким линиям ускользания пройдёт раскол? После отключения газа кастрюля какое-то время продолжает шуметь. Ты снова говоришь мне о Гераклите, но называешь его на этот раз не тёмным, а червеобразным. Следовательно, вход в ту же реку разре-шён. Можно входить трижды, но не больше. Такое же необъяснимое число, как и семнадцать, если только не догадываешься сбросить предрелизную версию. Страх накатывает каждый вечер, но отсту-пает, когда я провожу время с друзьями. Обзваниваю всех, кто едет на фестиваль, а до него остаётся всего несколько часов. Смешива-ются ли карты города, исчезают ли локации? Резиновые нити затя-гивают слишком явные провалы. Минутная передышка между дву-мя затенёнными режимами. Три сирены: белокурая, с волнистой линией подбородка; чёрная, с хлыстом и в судейской мантии; ры-жая, потряхивающая перед собеседником шустрыми серёжками. Говоришь, проехать на «Запорожце» в самую северную точку Нор-вегии? Объехать на мотоцикле Чёрное море? Когда ты снимешь свой фильм, Анджей? Отнекиваюсь: лучше издам поэтическую се-рию. Или сотру ластиком все номера на офисной стоянке. Ты всегда с одним и тем же человеком — тенью английского дерева. Рокиров-ка сумерек; задача, в которой неизвестные пока скрыты. Только один щелчок, вокзальный. Какая неожиданность: рыжая сирена подходит ко мне, приглашает присоединиться к празднику. Бело-курая пьёт чёрный кофе. У меня до сих пор лёгкий жар, два дня подряд валяюсь в постели, прибывающих перенаправляю по теле-фону. Неожиданно один из них устроил скандал: всё на этом фести-вале делается не так, как надо. Отвечаю сирене: я в этой компании никого не знаю, буду чувствовать себя некомфортно. Пить утрен-

ний кофе, ощущать, как слова понемногу обретают вес. Как исчезает тот, кому надобно исчезнуть, чтобы всё пришло в движение. Есть и такие люди, любители лыжных курортов. Как медленно ты идёшь к очереди, какие у тебя тонкие, расклеивающиеся черты, — они нарисованы красным карандашом? На потолке готовые всех сожрать хищные керосинки, а также блошиные цепи с наручниками. Вы одна? То есть (запутываюсь) вы одна сегодня завтракаете? На вилку нанизан маслянистый сырник, снизу поблёскивает облачко сметаны. Почему этот салат такого странного фиолетового оттенка? Тексты перелицовывают заново, разводят по сторонам ринга вцепившиеся в обойму руки. После первой строки мерцает упрямое стёклышко. Можно просушить здание, полное трупов ласточек в забетонированных щелях. Читать философа-анархиста у одного из подъездов, пока на нос десантируются первые капли в юбочках. Утро — это всегда пауза. Конвейер прибывающих, но пока я успеваю держать в голове географическое положение каждого. Можно расслабиться, собрать книги, уложить в рюкзак. Сфотографировать шифровку солнца на вытертой крышке конструктора. Сколько с корнями вырванных дверей — время их не щадит. Всегда думаю с нежностью о месяцами пустующей квартире. О гостье — пушистой, чёткой, перекрещенной револьверными ремнями. Дикие заросли вдоль закованной в бетон речки. Песок, вынесенный разливом на плиты. Зубастые лебеди в камышах. Теорема Ферма, кажущая длинный язык кирпичной кладке. Именно в этом месте так хорошо работается, среди книг, среди свисающих с потолка рассыпчатых цветков, среди картин, похожих на небритые мужские щёки. Согнувшись над планшетом, ты бегло набираешь статью для научного журнала. Моя госпожа, их плешивый главарь повсюду сеет хаос. Главное — движение, а не обслуживание всё накапливающегося долга. Истребление моли, но не той пыли, в которой она рождается. Никто не знает, отдан ли уже приказ. Вот причина, по которой телевизоры существуют. Лапа тянется к жирной курочке на экране. Щёлкают имена исполнителей: что умеет играть лучше других? Концерт Хачатуряна? Впервые об этом слышу. Приходится закапать в глаза лекарство, деревья на заднем фоне размываются окончательно. По тонкому льду, по толстому льду, по льду, посыпанному остатками заботы. В комнате с недосыгаемыми потолками десять мужчин глядят на мою спутницу, а не на экран. Приглашают прихо-

дить в кино клуб почаще. Как долг путь из институтских застенков, как бирюзова надетая наискось шапочка. Героиня показала тебе слишком правильной. Куда лучше у этого режиссёра выходят фильмы о роковых женщинах. Таких, как ты сама? Дворы скорей замусорены, чем безопасны. Клумбы ограждены зелёными шинами, ямы — сияющими алюминиевыми перегородками. Здесь тоже неподалёку бомбоубежище. Утром хорошо освещена стоящая напротив пятиэтажка — как раз в то время, когда ты разговариваешь по телефону, простуженная, лёжа в постели вместе с большим чёрным котом. Надеваешь ли ты при этом фальшивую бороду? В этот ранний час первые участники фестиваля уже в городе. Каким будет на этот раз мой старый товарищ Игорь — гладко выбритым, уверенно шагающим или опирающимся на трость? Честное слово, я рад этому недолгому провисанию сюжета. Жду звонков, читаю «Тысячу плато» на мобильном телефоне. Когда глотаю горячий кофе, мгновенно покрываются влагой линзы. Здесь незадача с ранними голубями, я слышал сквозь сон курлыканье, но, к счастью, отдалённое, в половинную мощь. Вода из подземных источников, при кипячении образуется обильный белый налёт из гидрокарбонатов. Будет ли применено против нас ядерное оружие? В любом случае, нападение кажется неизбежным; обстрелы и провокации уже начались, в сепаратистских республиках объявлена эвакуация. Якобы наши вооружённые силы собираются их атаковать. Утешает лишь то, что в этот раз наша армия неплохо вооружена, но поможет ли это с превосходящим по силам противником? Горячую воду в квартире дают лишь в определённые часы утром и вечером, а нагревательного бака в ней нет. Вчера я начал мыться под совсем прохладной водой, понимая, что скоро и такую отключат, — однако за пять минут она потеплела, спускаясь по трубам. Теперь немного саднит горло, приходится его полоскать фурасом. Вынужденная закалка всегда заканчивается у меня одинаково. Текст, как разбитое стекло, отражает не только ветки, но и любой внутренний беспорядок. Вы собираетесь сегодня на футбол? Нет, идёт дождь, поле совсем грязное. Будем просто стоять у моря и бросать в него камешки. Получим посылку с гречкой, туфлями, книгами — так же торжественно, как складываются заушники у дорогих очков. Обойдём с коричневыми бутылками в руках — неизбежно просачивается сквозь них близкое прошлое — огромный заброшенный дворец, повинуюсь психогео-

графическому инстинкту. Обязательны: костёр, собака, постамент со штырём для пока/уже отсутствующего политического лидера. Привычка выключать свет, даже если ты за него не платишь. Несвоевременное, бередящее психику переключение регистров. Отчим у Игоря — авторитетен, блумовиден; при случае умеет объяснить, как надо синкопировать ритм отношений с женщиной для соблазнения. Игорь с ним подрался из-за его грязных гомофобских шуток. Жёны — первая, изначально с той же фамилией и с теми же закапанными воском диоптриями; вторая — та, что жалуеться теперь в соцсетях на плохое качество курортной obsługi. Круглая белая башня в духе де Кирико, с высокими немymi окнами. Сложенный в гармошку вход, выбитые стёкла, растущие сквозь бетон кусты. Пересадочная станция, где обострённое алкоголем зрение обретает второе дно, а спуск женщины по эскалатору — идеальное равновесие, отстраняющийся от формулировок геометрический смысл. На ускользающей из-под ног палубе: как же рада я тебя слышать. Немного подрагиваешь, как бы сдуваемая черновым, нечётким ветром. О, если бы зафиксировать эту рассеянность, если бы зубчатое колесо не тянуло на себя струнный квартет и уснувшие в углу комнаты стеклянные фужеры. Покаянно хлюпающие тюбики с гелем. Рептилии на окрашенных талым снегом мишенях. Странное место без дверей, с порхающими молями, пригодное только для временной ссылки — не станет ли оно постоянным? За каждую складку пространства приходится платить удвоенную цену. Именно третье, хорошо защищённое измерение способствует полному растворению во времени. Как будто мы способны прожечь и полы, и потолки одной лишь рассеянной силой выпрошенного у геодезических отметок желания. Точки отклонения, разноцветные бёдра исключённых из рассмотрения девушек. Возможность исправленного, грузового ума. Надеюсь, что все уже в пути, и связи нет поэтому, а не из-за бомбёжек. У одного из участников начался ковид, лежит пластом, железнодорожные билеты пропали. У другого отменили автобус, слишком стрёмно ехать по простреливаемой ракетами местности. Мрази всё чаще лупят по жилым кварталам. Две поэтессы, живущие возле окружающей, прячутся в ваннах. Неподалёку горят вражеские танки. Кабельный интернет прервался, у них осталась связь только через мобильный. Привычка обрывать себя, даже если говоришь об об-

рываниях. Прекраснейшая из ночей — без сирен и бомбоубежища. Двойная полоса препятствий: молчи там, где не думаешь молчать. Откушенный кусок, роскошная жующая челюсть. Послушать другую сторону: визг, улюлюканье, перемалывающие, хрустящие жвала. Симфонические танцы с неумелым дирижёром. Лучше уйти посередине, посверкав карманным фонариком. Тысяча и одна ледяная поверхность — внутри распухают мясистые, наполненные кровью цветы. Нужен ли дождь для защиты от мокрого снега? Рабочий ноутбук приходится подключать вместе с холодильником на одну розетку. Запасной игрок решил добираться автостопом — отличная идея, но на полпути приходит известие, что жена у него рождает. Повод выпить лишнюю порцию кофе — за здоровье новорожденного поэта. Нет особой надежды на международную поддержку, санкции — как это мелко. Закройте нам небо, друзья, тогда мы вам поверим. Белорусский поэт поёт песню о партизанах. Ему стыдно за своего нелегитимного президента. Ребёнок всё утро рассказывал о ком-то без ухов, без глазов, без коленков и без губов — хватая взрослых за соответствующие части тела. В нашем районе пока всё более или менее нормально, вчера ходили на почту и за водой. Готовили всё утро коктейли Молотова по рецепту из интернета. Видели пойманного территориальной обороной диверсанта. Четыре воздушных тревоги за сутки, устали бегать в бомбоубежище. Сидим в коридоре, держимся ближе к несущим стенам. Во время одной из воздушек пахло гарью, ездили пожарные машины. Люблю всех оставшихся и волнуюсь. Всё-таки слабый дирижёр этот Ваня, лишь бы погромче да попышней. А вот приглашённый виолончелист, совсем юный, и правда прекрасен. Приятно смотреть на кудрявую бородку, на то, как романтически он закатывает глаза. Ты говоришь, что у старшей дирижёрки, Натальи, получается намного интересней. Берёшь меня под руку, чтобы не поскользнуться. Это похоже на тихий электрический ток, но намного нежнее и мягче. Обращаю внимание на то, какой у тебя некрасивый, смазанный профиль. На то, как странно ты смотришь, чуть раскосо, есть в тебе что-то от бешеной козы. Кажется, ещё не все предохранители полетели. Фиолетовое тонкое пальто. Остановка, с которой маршрутки уходят в сумбурную неизвестность. Спрашиваешь, о чём я думаю. Честно говоря, о сыне, о его состоянии, оно то хуже, то лучше. Из-за этого и я лабилен, меня

заносит то в эйфорию, то мгновенно в полное отчаяние. А вот что очень хорошо, и об этом я тебе не скажу, — что с момента нашего знакомства мне больше нет никакого дела до Даши, — эта многолетняя любовь отпустила, больше не держит за горло. Пожалуй, не буду ждать, пока ты сядешь в автобус. Здесь неподалёку живёт мама, зайду к ней, возьму книжку с поэмой о джазовых музыкантах. Благодаря тебе я и сам стал джаз слушать — теперь это что-то вроде вдумчивого разговора, замещающего твоё присутствие. Мышь Джеральд, так тебя зовут в социальных сетях. Голова испускает радугу, а из ладоней вырываются электрические разряды, похожие на длинные полоски резаной бумаги. Встреча с первоприехавшими на вокзальной площади, похожей на центрифугу. Что это ты везёшь, книги? Пограничник уставился так, будто хотел глазами просверлить насквозь. У Игоря ногти выкрашены чёрным, на нём странные, очень просторные штаны на завязках — выглядит он путешественником, вернувшимся из Индии. Вместе с ним художница в гриме, с чёрными каплями слёз, нарисованными на щеках. Она не отрывает глаз от Игоря и ловит каждое его слово. Тот видит её во второй раз в жизни, но ведёт себя непринуждённо, как будто монаршая судьбина приучила его к подобным формам поклонения. Девушка заказывает фирменный коктейль «Смерть мозга». Две порции, пожалуйста. Столик наш стоит над обрывом, ниже — полуразрушенная, разрисованная стайей сперматозоидов станция канатной дороги. Сообщение: «Временами бухает, утром слышали автоматные очереди. В паре кварталов остановили технику. Но конкретно у нас все ещё дом цел и все такое». Очень быстро учишься держать вещи наготове, так, чтобы только брюки надеть и выскакивать. В туалет сходить можно и в бомбике. Обидно, если немного зазеваешься, регистр автоматически переключается на английский, подчёркивает невинные слова. Эта дрянь «Вконтакте» мало того, что блокирует отправление моих сообщений — ещё и делает запросы о геолокации. Снёс к чертям, до конца войны. Вообще выключил любую геолокацию — говорят, через такие запросы можно отслеживать места, где собралось много людей со смартфонами, а после наносить по ним удары. На западе страны недовольны: понаехали, дескать, быдлобеженцы с деньгами, спрашивают, где здесь наши теннисные столы. Квартуру снять по объявлениям невозможно, остались подвалы за штуку долла-

ров в месяц. «Была б наша, кто бы её останавливал. Взорвали недавно остановку, дом дрожал». Офисное помещение будет доступно раньше, делается всё возможное, чтобы это произошло завтра. Сейчас оборудуются душ и кровати. Из окна — вид на дворец Лянцкоронских. Тысячекратно рад тебя видеть: стала такой суровой, совсем под стать временам. Но теперь и любая сентиментальность стала допустима. Разговоры ни о чём, втроём, вчетвером — с курортным возвращенцем и художницей. Возвращенец пытается прочесть наизусть какие-то рифмованные тексты. Игорь авторитетно заявляет: это стихотворение художественно несостоятельно, однако внутренняя сила в нём есть: я понял это, когда у меня из зуба выпала пломба. Помнишь, Андрей, как ты надул меня в карты, — вот в тот день мне этот зуб и запломбировали. Сто раз извинялся за подростковую глупость, равнодушно бормочу извинения и в сто первый. Игорь любит эту тему поднимать, но смутить меня ему не удаётся — ну, где тот Андрей, которым я был десятки лет назад? Художница рассказывает о своём хеппенинге: она заходила в монастырь московской церкви, объясняла старухам на свечном ящике, что Бога нет, и что в храмах правит одно лишь бабло. Я спорю с ней и, конечно, не от большого ума. Верующие согласны совершать пожертвования — в том числе на то, чтобы в храме было красиво, и чтобы священник и причт не бедствовали. Купленная мной бутылка французского вина переходит из рук в руки, потом я ставлю её внаклонку на гранитном блоке — лоскутке пейзажа, разъедающем сходящиеся линии. Видимо, остов фестиваля будет расшатанным — как мост, по которому едет эшелон с беженцами. Чтение не запрещается, значит будем чтецами, жнецами, венцами. Как в прежние времена, пересказываем просмотренные фильмы. Говорим об агенте Купере, который приехал расследовать убийство как раз двадцать четвёртого февраля. Обо всех наших бывших любовниках и любовницах — здесь есть что вспомнить — мы специально перекрасимся для этого в жёлтый цвет. Есть ли возможность поддержать бреющиеся фигуры? Перед нами множество затенённых помещений, вложенных друг в друга. В некоторых — обломки бутафорских колонн и лестницы, ведущие никуда. Можно, взявшись за руки, подниматься выше, выше — пока не упрусь в решётку, преграждающую ход на чердак. Смешная хлопотливая женщина, продающая билеты, — и дождь,

под которым ты ждала меня, пока отвесно поднимался подмигивающий, мирный дрон. Чёрный кирпичик к белому, мычащему. Минус первый элемент равноценен пропущенному звуку. Именно зазор между пожаром и здравым смыслом отвечает за дальнейшее движение. Пешие переходы на границе: можно ли проходить мужчинам? Судьбам, исковерканным Бетховенской радостью? Бреющим подле вязкой почвы нотам? Как же здесь много лишнего, в этом городе. Ты скептичней самого пристального урбаниста. Теперь это патриотично — не выносить к мусорным ящикам использованную стеклотару. Механические зайцы ошетиняются полуметровыми лезвиями. Всё ли ещё важна точка сборки, спаивающая подвижные кадры? А что, если она будет нестись со скоростью снаряда? Возвращенец идёт к парадной лестнице, а я говорю, что мне нужно сказать тебе пару слов наедине. Разговаривать можно лишь на точном языке, умело лавируя между двумя наступившими грозowymi тучами. Почему сирены то громкие, то чрезвычайно тихие? Я уже проспал одну — нарочно устроился подальше от окна, чтобы не будили рокошующие птицы. Игорь проник в Китай, в шлёпанцах на босу ногу, но там был собачий холод. Спать пришлось, за приличные деньги, в настоящей ночлежке. О ситуации с сыном я не могу говорить без слёз. Этот жест утешения, поддержки, когда я разрыдался. Ты протянула руки — я потом видел, так же ты обнимала в другое время свою подругу. Ошибка, обмолвка, путаница со знаками, с начала и до конца. Что-то вдруг совсем иное пролетело, коснулось нас, и мы стали долго, страстно целоваться. Не только твои губы — нос, шея, уши, рыжие волосы. Наконец я сказал: не слишком правильно будет, если мы займёмся любовью здесь, на задней лестнице. Давай остановимся. Всё, выдохнули, и ничего не было. Не было? Не было. На запасной путь, пока бомбят основную колею, прилетает шаровая молния, заманивает: где вы были, когда я разгружала вагоны с зенитным оборудованием? Хочешь быть полезным — состриги слишком длинные ногти. Гляди вверх, на веснушки тополей, окруживших досчатый помост с граффити в стиле «Забриски поинт». Забросить чепчик за мельницу и остаться в благословенном меньшинстве. Сразу видно, что человек вы не семейный — вон какие у вас длинные штанины. Попытаемся их разрезать длинными клиньями, взять в окружение мирные пуговицы. Бензин есть на заправках,

теперь проще ездить в центр, так что пиши о жилье. Табуирование матери, спецоперация по спасению траурных одежд воронами. Неистовый, однако, пиздёж. Спецслужбы за нами приглядывают — маленькие, коренастые. А не сепары ли здесь собрались? Во все нет. Если хотите почитать что-либо — начните с Александра Введенского. После каждого сообщения выныривает с десятков разноцветных рожиц — будто звёздочек на генеральском кителе. Умножают, как хлеба, негласные буквы. Заилевшую совесть забрасывают мотивированными пожертвованиями. Рыщущие по городу горшки остаются без слоновой кости. Деймосом станет захватчикам степь. Внутри каждой водной колонки сидит наводчик. Небо закрыто символами. Вспышки, катастрофические миражи в подвешенном регистре безумия. Подтверждение автобусов и карнавальных наценок. Сдерживай снег на короткой дистанции — возможно, это снег на истощение. Наш оппонент умеет цепляться к каждой детали, расспрашивать о любых незначительных мелочах. Упирает на свою правильность; цепляется к накрашенным ногтям и одежде Игоря. Отъебись, негромко гудит тот под нос, отъебись. Потом меняет тактику и предлагает надоеде немедленно, не откладывая в долгий ящик, заняться любовью. Как, вам не стыдно признаваться в своей гетеросексуальности? В том, что у вас всего одна-единственная партнёрша? Но ведь это же позор, это ни в какие ворота не лезет. Письменный стол со множеством ящичков, число их колеблется. Некоторые закрыты, некоторые открываются наполовину, если ввести шифр. Есть и такие, что, как в сказке, распахиваются ровно в полночь — поигрывая, проигрывая наждачной бумагой. Я раскладываю на досках упаковочную клеёнку, поверх выкладываю стопками книги из трёх издаваемых мной серий. Всё в подарок, уж чем не хочется заниматься — так это продажей. За спиной гудящая рыжая молния, ей предшествует спуск по обглоданным ступенькам. Брать очередной кубик, очищать от шелухи, макать в угрожающий воздух. Зверь, притаившийся в ране, никому не нужный зверь. Слова понадобятся, в лучшем случае, для отчеств и заклинаний. Несколько человек ушло с отвращением на лице, говорит Игорь, во время моего выступления; считаю его успешным. Чуть больше старинных знакомых, о которых мы забыли, читая сводки. Статуя уже сунула руки в карманы: что нам до разделения на «хочу» и «буду»; угостить тебя сигареткой? Ос-

тавляй ноги свободными, по ночам играй в метро на электрогитаре. Ход, пускай и неправильный, уже сделан. Избавляемся от балласта: эвакуируем немощных, сокращаем аплодисменты. Между текстами точно хлопать не нужно, это мешает сосредоточиться. Стихи авангардные, читать их и так нелегко. Дождаться тебя, глядя на призраки военных грузовиков, соскальзывающих с моста. Поигрывать сверкающей буквицей, надевать и снимать очки для ближнего чтения. Бояться качнуть головой слишком энергично — а вдруг слетят? Счастье: нахлобучивать случайный момент, как лыжную шапочку. Кажется, вопросительные знаки успешно заменяют скобки. Не придумать ли адресата для этих бесконечных вопросов, понимающую всё сообщницу, обитающую в Праге? Остановки, передвижения по ещё не заполненному пространству. Сочетания гласных звуков и носящихся кругами птиц. Над ними что-то приготавливается: слишком часто мелькают вертолёты. У кого есть охотничьи ружья — организуют патрули. Воды в доме нет, а оптоволокно есть, дигитализация в действии. Прогноз: когда яблоки зацветут, всё наладится. По заметённым снегом полям катятся вражеские бензовозы, грузовики с боеприпасами — а наши жгут их во время внезапных рейдов. Брони много, но заправить её нечем; враги начинают отходить. Ракеты запускают уже не по наводке, а по заранее разведанным координатам. Будет и разруха — но отстроимся заново. Идём по Заводской набережной, мимо которой плывут полосатые льдины со вмёрзшими котелками. Припорошённость, отягчённый металлом воздух. Красноглазые собаки, вызывающие у меня опасение, а у тебя нежность. В свободное время ты плетёшь маскировочные сетки, чтобы не чувствовать себя ненужной. Утомляющее отсутствие событий — само по себе ежедневное событие. Тысячи шагов по зачёркнутым буквам складываются в геометрически изящную, но неразрешимую задачу. Помогаю тебе забраться на уступ рядом со станцией. Индустриальные вариации с пылающими на исходах труб газовыми факелами. Тёмная партитура дымов, что оседают на здания только с одной стороны. Изгибающиеся железнодорожные тропы, обугленные пьяные мостики. «Если бы я хотел зачать ещё одного ребёнка, я сделал бы это здесь». Всё главное происходит впервые, вкривь и вкось, не по заученным схемам. Чистовик грязней кропотливо исправленного черновика. Заходим в стоящие друг про-

тив друга заброшенные корпуса коксохима, с висящими, вырывающимися из пазов лестницами. Ты ступаешь по скрипучему стеклу, танцующей походкой обходишь оборванную трубу — она источает ядовитый пар. Бетонные столбы, косноугольные тракторы на пьедесталах. Неуместная гладкость и зеркальность. Подвальное помещение, где я молюсь, как заправский прихожанин. Коллекция застывших поз, однообразных паролей. Английский органист, подвижный и шарнирный, раскланивается с таким видом, будто находится на приёме в королевском дворце. Незабвенное колыхание мощного тела ведущей. Мы не умеем разводить костёр, но знаем, где находится органнй зал, этого достаточно. Всё, что осталось от тайны — мамкины слёзы, опять она пыталась помыть посуду в холодной воде, и это несмотря на кашель. Скупой платит дважды, но потом и трижды (это обо мне). Рискует собственными нервами, здоровьем близких. Порочная теория порождает порочную практику, и нет этому ни конца, ни края. Дымовой хвост правил, торчащий, как печная труба, давно виляет хозяином. Ты говоришь, что противников тоже надо слушать, у них может быть своя правда. Это меня угнетает. Что ты предлагаешь — сдаться, как чехи полвека назад, переждать, поберечь нацию? Само наше существование сейчас зависит от способности к сопротивлению. На фестивале больше всего умиляют и раздражают свободные микрофоны, это своего рода лотерея. Кто там будет — заранее неизвестно. Игорь советует оставить лишь опытных авторов, но я сопротивляюсь. Есть уже сложившаяся традиция — привлекать к фестивалю всех желающих. Это смешно, это иногда печально, но только так фестиваль может полноценно существовать. Начинает микрофонить манерный молодой человек в артистическом шарфике. Раскланивается, читает нечто одскульное в стиле Вертинского, не менее красиво уходит. Барьеры, препятствия: можно ли сопротивляться тому, что опустошает фестиваль, подрывает его основу — но наполняет его живой кровью, превращает в саму жизнь? Приходит сообщение от издателя, которому я высылал до войны лучшую свою рукопись. «Простите, болел омикроном, ничего не читал с конца января, а сейчас не знаю, когда смогу читать, и останется ли издательство». Мы с Игорем идём по парку, он помогает мне тащить рюкзак, в котором осталась бóльшая часть книг, для следующих мероприятий. Интересуется, нельзя ли в мо-

ей серии будет издать и его опус. Если это будут верлибры, особенно фаунд поэтри — то, разумеется, можно. А вот в рифмованных стихах я не уверен, мне рифма сейчас совершенно чужда. Я продолжаю писать и регулярный стих, говорит Игорь, я думаю, что это воссоздаёт мир, добавляет ему недостающую структурность и гармонию. От верхней части парка к храму ведёт бульвар со ступенчатыми террасами, фонтанчиками в виде космических аппаратов и асимметрически расставленными, как на супрематическом рисунке, деревянными сиденьями. Предыдущая ночь была трудной, и я не выспался. Поздно, совсем поздно позвонил перевозчик: освободилось место, и можно эвакуировать маму в Италию. Быстро собрались, по обыкновению, в состоянии лёгкой истерики. У мамы поднялось давление, она вела себя, как сомнамбула; вместо кошелька положила банковскую карточку на тарелку в мойке. Пришлось выезд отменить, попробуем ещё раз через неделю. На этот раз надо тщательно всё спланировать и подготовить, чтобы обошлось без лишней напряжённости. «Хоть тушкой, хоть чучелком, а я до фестиваля доберусь», — говорит по телефону ещё один великий Опозданец. Надеваю очки, чтобы во время небольшого перерыва дочитать пару страниц из билингвальной книги. При воздушных тревогах учу по ней английский. Обрывки выпаданий в дрёму. Улица, заставленная конфетными коробками, внутри которых лежит оружие. Ниточка голоса: «кто я родился?». Мизинец давит на дужку очков, а кажется, что на клавиатуру. Гудит пылесос, хотя бы не сирена. Есть ли смысл проводить вертикальные полосы? Человек — письменный стол, внутри которого трудятся роботы-монтажники, каждый раз пересобирая его по-новому. Я думал, что осталось много, бесконечно много, а был единственный сверхплотный фрагмент. На поверку, под микроскопом, видно лишь небольшое число плохо складывающихся осколков. Давно уже вычеркнул я смерть из числа сообщников — но она возвращается, нахально блокирует дороги — впрочем, с самого начала дезинформирована, встречают её разъярённые женщины с коктейлями Молотова. Осторожней со словом «град». Изменение масштаба контринтуитивно. Что является следующим толчком? Вероятны дождь и незнание, ведь объект поиска находится на расстоянии двух кварталов. В убегающих зеркалах невозможно отличить подлинную старину от фальшивой. То небы-

тие, где мы ещё не были: стопки школьных тетрадей, дырчатые лампы-ловушки. Структура соответствует плавному течению времени, членению его на равномерные единицы. Смартфон, сброшенный внутрь стиральной машины. Притушённые красные глаза — притворство? Можно использовать фотографии с аватарок. Низкие стаи каркающих бомбардировщиков. Бывают и странные улыбки — открытые лишь к одноразовому использованию. У саксофониста удивительная шляпа, на выбивающихся седых кудрях висит чайная ложечка. Процесс идёт снизу вверх, иначе грозил бы нам вечным циклом. Нисходящие спирали лестниц. Лесть, спрятанная в разноцветной шубке, выманивает абсурдных ежей. Вот он, второй переключатель — окститесь, щепки, лунки, больничные пояса. Ты считаешь: что должно было произойти, произошло. Мы всегда скатываемся по заранее предусмотренным желобам. Задержка на эпистрате, в кармане с кнопкой; сипло хлещущая вода. За колонной уже разливают водку в пластиковую посуду. Суровый ведущий окатывает шумную аудиторию взглядом, как из шланга. С площадки под куполом очередь выступающих кажется неотфильтрованным знаком. Давай продолжим начатое. Это настоящее вдохновение: двор с единственной мерцающей лампочкой, открытый подъезд, где летит сверху близорукая, мягкая пыль. В дальнем его колене — вид на трёхстворчатую церковь. Шёпот и ласка длинных, оплавленных временем перил, циркуль проглоченного сияния. Чуть больше, чем новость — одно застывшее мгновение. Ты — обстрелянная всеми паузами, всеми благословенными уходами. Говорить ли о покосившихся крысах, о проплёскивающих овалах с воровскими вывесками? О вгрызающихся в тень прямоугольниках и ветках, расплетающих всеобщее негде-и-некогда? Человеки — терпеливые, как парковочные автоматы. Желтынь преданных светофоров, вываливающие требуху гаражные кооперативы. Волосы, уши — ограда, внутри грохочет сердце уборщика. Хищная, плотоядная фигура равновесия. Триангуляция губ мелкими трещинами. Рыбы, хватающие ртами нотные знаки. Параллельность тел и мыслей, колеблющиеся тростинки в гранитных залах. Госпожа «запрос отправлен», вышедшая из медикаментозной комы. Превратилась ли в бесстрашное насекомое? Была ли изнасилована вражеским метрономом? Игорь встретил первый день войны в зоне отчуждения, где он с друзьями-

канатоходцами готовил снаряжение, чтобы потренироваться среди заброшенных зданий. Вдруг над ними стали летать вертолёты, потом самолёты, потом и ракеты. Пришлось медленно идти по дороге к атомной станции — ни в коем случае не прятаться, чтобы не приняли за вражеских диверсантов. Наши бойцы посадили на какое-то время безбашенных туристов под арест, но закончилось всё на удивление благополучно. Теперь Игорь в подвале варит из металла изделия, способные проткнуть шины военных грузовиков — они пользуются спросом во всех районах города. На одном из перекрёстков его автомобиль с разбитым стеклом остановил полицейский, велел открыть багажник и увидел, что тот заставлен бутылками с коктейлем Молотова. Полицейский обнял Игоря с нежностью, как брата, которого не видел десяток лет. Совсем рядом с Игоревым домом расположен завод, где изготавливают наши знаменитые противокорабельные ракеты. Оккупанты послали в главный корпус уже штук восемь изделий, но всё принял на себя недостроенный дом, которого не было на их устаревших картах. По ночам, во время бессонницы и затемнения, Игорь разрисовывает при свечах стены подвала, используя только чёрную и белую краски. Высокие горы плюются чернильными брызгами. Внутри солнца, окружённого волнистыми лучиками, открыта дверца, за ней — прошитая булавами темнота. На геометрически правильных пригорках произрастают не то дома, не то кристаллы соли — над верхушкой у каждого моргает глаз. Из кактусов растут до небес бесклювые птицы. Рыбы возвращаются на свои станции, кроме одной — намагниченной, поясничной. Обретёт ли она новый знак, не столь связанный со счастьем — и если да, то благодаря какой мистической инициации? Достижима ли, вопреки обратному движению волн, та бездна, что оплавляет решётку правил? Может, благодаря дуракам, инвестирующим в динамитный заряд любую озабоченность. Хаос и туман — вот повторяющееся состояние судьбы. Тень осовевшего расписания — огромный тёмный зал, куда мы выбегаем с чтений, чтобы хлебнуть бренди, выслушать правдивый рассказ о жизни беженцев. Колеблющиеся в танце руки, чьё-то плотно прижатое ко мне бедро. Негромкое чтение посреди музыкальных пауз. В некоторые залы впускают лишь по записи, их надо покидать прежде, чем терпение маэстро иссякнет. Надо мной склоняется девушка, заслоняясь оранжевым орга-

ническим стеклом. В руках у неё фонарик, она бережно облокачивается на моё плечо. Ведущий говорит медленно, ласково, проглатывая окончания. «Если кому-то из зрителей станет больно, пусть поднимет левую руку». Бросить императора в горн настройки, не обязательно снимать кузнечика у него с головы. Речь идёт не о лакуне как источнике возгорания, но о проекте, зияющем всеми гранями — из-за чрезмерного, не способного к оплотнению роста. Составленная из хворостинок и плёток летняя кухня. Деформированные, отёкшие колонны. Суповые наборы электричек в соседний муниципалитет, фактически же просто отдалённый район мегаполиса — там тоже проходят фестивальные мероприятия. Разбитная заушь стандартных действий и припрятанная за пазухой пожарная каланча. Тянется, тянется полоса по городу — свернуть, пустить её сквозь кирпичные трубы. Мелькание горизонтальных полос и снобство, уже не способное приглушить школярской свободы. У мальчика жар, обострение протекает, как и обычно. Закончится в течение двух суток, но это всё равно выбивает из колеи. Скольжения, закрытые двери, заполнение формуляра. Третий этаж и четвёртый, гостиница спрессована по горизонтали, зато непривычно объёмна внутри. Других гостей не видно, но присутствие их ощущается — слышно чьё-то дыхание, прощёлкивание ключей, упавшее с губы неласковое слово. Иголкожая душевая кабина с претензией на добавочное измерение. Изучив детально свой идеально квадратный номер, ты заходишь в мой, злоумышленно треугольный, чтобы послушать, как я готовлюсь к выступлению. Тебе я читаю стихи гораздо лучше, чем битком набитому залу. Перекусываем взятыми с собой апельсинами и бежим в культурный центр, где я не только читаю тексты, но и рассуждаю во время круглого стола об особенностях поэзии в моём городе — то есть литературных посидушках за коньяком и пирожными (вылетевшей фразы обратно не вкрутишь). Ты сидишь на одном из задних рядов, склонив голову так, что рыжие волосы полностью закрывают лицо, только выblёскивают из-под них то и дело узкие зелёные глаза. Посреди марафона, внимательно прослушав моё выступление, ты выходишь покурить, и возвращаешься с улицы вместе с весёлым, смутно знакомым мне пареньком — я вижу, как вы оживлённо разговариваете в фойе перед залом, где проходят чтения. Лишний раз ощущаю, что выгляжу я лысовато, полногато

и не слишком-то молодо рядом с такой девушкой. После очень формального мероприятия с не менее формальными зрителями организаторы фестиваля зазывают меня на обед в старинный еврейский ресторанчик. Сiju как на иголках, зная, что в это время ты гуляешь по городу вместе со своим новым знакомцем. Литературные зубры рассказывают о том, на каких других фестивалях они успели побывать в этом году, и о том, как там было хорошо. Местных слушать интересней — например, кто-то из них организовал библиотеку в анархистском сквоте, то и дело атакуемом полицией, и пытался устраивать там кинопоказы. Говорим о чокнутом, но интересном поэте, попавшем в оккупационную зону. Ему помогли оттуда уехать, когда мина разнесла кухню, но в чужом городе он стал драться с любовником, вывешивать стихи об этом на авторитетном ресурсе и впадать в алкоголизм. По его же просьбе я помог ему отправиться домой. Там он и продолжает прозябать вместе с мамой и перепуганным котом, ненавидя всех на свете бездарей, например, меня. Говорим о сайте, созданном одной из присутствующих за столом поэтесс-программисток. Известные и существенно менее известные поэты вывешивают на нём поэтические видеоролики собственного изготовления, записанные в домашних условиях. Получается весело, всякий норовит наряжаться во что горазд и проделать какие-нибудь трюки с камерой. Самый удивительный человек среди нас — сидящая справа от меня знаменитая датская поэтесса (вообще за столом перебор знаменитостей). Совсем простая в общении, с удовольствием смотрит на носящуюся между столиками дочку переводчика. Приходится не раз и не два объяснять ей политическую обстановку. Да, это сложно понять, мы этого безумия сами не понимаем. Пересказываю последнюю принесённую фейсбуком новость: некая импортная интеллектуалка сказала, что после войны мы будем слишком националистически настроены, и европейцам с нами будет некомфортно. Такое отношение, именно в эти адски тяжёлые дни, вызвало у меня огромную брезгливость. Покидаю компанию и наконец-то созваниваюсь с тобой, высказываю в рассечённый витринами грязный воздух. Что-нибудь успокоительней? Парикмахер, вращающий в руках ножницы, как герой спагетти-вестерна бутафорский пистолет. Мир и война тесно теперь переплетают друг друга. Так мало сплю из-за частых ночных тревог — в основ-

ном, дремлю на досках в бомбоубежище — что уснул под бором у зубного врача. Он ввёл в десну обезболивающее и проводил манипуляции, вычищал поражённые кариесом ткани в зубе, это почти не ощущалось. Я лежал в мягком кресле, хлоп — и отключился. А сегодня с утра, когда бомбили аэропорт, даже не проснулся от дальних взрывов. И один мой коллега-тестировщик тоже — он живёт на этой же улице, но ближе к центру. Между нами, вот не знал этого раньше, старый танковый завод; так что дома у обоих в опасной зоне. Самое ужасное сообщение за неделю — о тысяче с лишним гражданских, засыпанных в подвале театра, бомба упала прямо в сцену. Завалы никто не разбирает, поскольку они оказались в простреливаемой местности. Да и сделать это невозможно, уничтожены пожарные части с автотранспортом и необходимым оборудованием. Акт создания из пустоты — подойдёт ли для одной из следующих глав, для последней главы? Человек, отказавшийся по политическим мотивам от своего языка и всего прежнего творчества, до сих пор мне дик и странен. Тот случай, когда внешний дискурс, хотя бы искренне принятый, работает против принявшего его автора, выжигает его изнутри. Сможет ли он обрести, пусть не сразу, на другом языке новую литературную жизнь, с полным дыханием? Вероятней всего, да. Контурное изображение, неустойчивая позиция: молодая женщина за ноутбуком, двое мужчин, ведущих неспешный, призрачный разговор. Механические головы веселья. Выбитая шальным смыслом неизвестная сумма. Теперь вся страна превращается в беженку, это состояние становится привычным и обыденным. Жил да был перистый архитектор, не самый приятный человек, жулик, продававший одни и те же проекты разным клиентам. В итоге о воровстве история умалчивает, а построенные им дома до сих пор стоят и радуют глаз. Можно потерять интерес к сексу, потому что он уже не находит литературного обоснования. Какие яства поглощают персонажи? — вот что теперь волнует до самых тёмных телесных глубин. На первый план выходят иные вопросы, чем в мирное время — сна, безопасности, сопротивления враждебной среде. Вышеуказанные мужчины и женщина, не прикасаясь друг к другу (ибо что такое прикосновение?) лежат в продуваемой всеми сквозняками жёлтой палатке, заключённой внутри небольшого помещения, почти чулана, который является, в свою очередь, отгорожен-

ной частью помещения большего (импровизированной госпитальной палаты?), одного из многих в затемнённом здании, вероятно, замке — на одном из холмов пылающего после налётов авиации города. Книга стихотворений, подписанная твоим юным спутником, вполне бездарна, однако способна произвести впечатление на юную даму. Поначалу сборник оказывается в моих руках — вижу, что автор не забыл указать свой номер телефона — а потом в твоей сумочке. Проставлена птица (утка на парковом озере?) в реестре дня, и отскользнуты брейгелевские улицы. Гостиница кажется беременной слишком рано наступившей темнотой. Мы выходим на ажурный балкон и стоим под снегом, падающим сквозь блуждающий, чуть освещённый хаос многоугольных крыш. Надень штраф, надень и вратарские перчатки; паузы, заполненные ретушью, очевидные монтажные склейки, ласкающие друг друга руки. Необыкновенно мягкая и упругая кожа. Внутренний ритм холла, опустошаемого лётной погодой. Отступление к краю пропасти по податливым, шатким литерам. Вращающиеся на шарнирах, вечно молодые очки. Сколько угодно не затеняющей времени иронии. Допустимо засилье одного и того же звука: так уходят в раковину волосы из электробритвы. Любовная логистика: как переместиться с плюшевого диванчика в холле в кривоугольный номер, не переставая при этом целоваться? Пишите мне обо всём, и особенно о несуществовании. О вечерних траекториях, сжимающихся и расходящихся, стирающих собственные следы. Идеальная композиция, когда развязка наступает в предшествующей части. Вовсе её опустить, за излишней пятнистостью колорита? О, извечная трусость проектировщика, любителя стиральных порошков. 2011 человек по переписи 3231 года, прямые потомки циклопа. От масштабов искривляемого случаются: оторопь, drobный жар, преждевременная эякуляция. Но только не с нами. Синенькие качели между двух высоких берёз в центре грозной поляны. Те дети, которые у нас могли бы быть — вместо них появилось лишь несколько книжек. Что-то вроде вялой, выскальзывающей из описания бесконечности. Как потом было тебе идти внутри скрипучей гостиницы, ориентируясь по кашлю и медным звонкам? Под кофточкой у тебя ничего не надето, нет необходимости возиться с бюстгальтером. Грудь нет, всё совсем как у мальчика — вот и повод для мелких комплексов, при твоей-то прекрасной фигуре. Уровень

радиации в пределах нормы, от десяти до четырнадцати микро- рентген в час. Не делать лишнего, прижимать паузы, как пружинки. Упокой наши усопшие плюсы. Сегодня высокая волна, набережная сократилась наполовину, из моря нанесло гальку. Младший сын в магазинчике стоит и смотрит на бутылочку с мыльными пузырями. Не нужны тебе пузыри — говорит ему Оля. Нужны тебе пузыри — в последнее время он отвечает впопад, и это нужно поощрять — а значит, мыльные пузыри тут же оказываются у сорванца. Изорвал сегодня бумажный светофор — как сам сказал, веселясь, «сделал мусор». Снова листаю ленту. Неужели жители восточных городов, сидящие теперь под обстрелами, тысячами уничтожаемые наступающей вражеской армией, должны каяться и извиняться за свой «неправильный» язык? Значит, давешняя европейская интеллигентка, говорившая о национализме, была прозорлива? Найден рынок «Прогресс» в одном из ближних подвалов, теперь без хозяйственного мыла, спичек и туалетной бумаги мы не останемся. Пиротехник приехал, можно слопать все яблочки, выпить ряженку, чтобы не вводила в заблуждение. Паста-контрабандистка, пересекая границу, становится достоянием авангардного искусства. По комнатам летают ночные горшки, будто вишнёвые косточки. Кафе обростает пышными дымящимися бровями. Ничего не видно, хоть глаз выколи, но слышно, как ты сбрасываешь с себя остатки одежды, как тянешься к сумочке — оказывается, и ты, и я, не сговариваясь, взяли с собой презервативы. Вот что значит опытные, взрослые, ко всему готовые люди. Спутанные волосы неясного во тьме цвета, из-под них — жарко целующиеся губы. Увлажнённый клитор, по которому блуждают мои пальцы. Я отчего-то наивно предполагал, что ты можешь быть девственницей, но этого не случилось. До этого единственной любовницей была моя жена, — но теперь есть ты; туманишься, ускользаешь — в праведную электронную глушь. Сначала в пунктах гуманитарной помощи хозяйничали наши активистки, но они стали воровать, их выгнали, итальянцы отправляют помощь сами. Податливая гортань — следствие мягкого степного гула; наши враги, пришедшие из лесов, не умеют говорить, лишь издают бессмысленный рёв. Одно из мероприятий, предельно неофициальное, проходит в специально оборудованной квартире, на-стоящем богемном логове. Игорь, позвавший меня сюда, доброже-

лательно мурлыкнул мне полслова и переключился на общение с самой красивой из поэтесс-беженек. Её экономные движения контрастируют с шумом, заполняющим комнату. На нижнем ярусе импровизированного зрительного зала демонстративно, напоказ целуются две девушки-лесбиянки. Ещё одна девушка, в короткополой шляпе, распевается в коридоре, раз за разом повторяя первый куплет фолк-песни. Я читаю стихи, сидя на табуретке у нижнего яруса — не уверен, что хоть кто-то меня слушает. Каждое слово даётся с трудом, как будто иду, спотыкаясь о корни, раздвигаю колючий кустарник. Источником разного рода литературных злоупотреблений является чёткое планирование. Не примеришь ни одной дымной оперы, не дрогнешь на нити, непустишь в пляс девяносто телефонных коленцев. Слишком частый рефрен о невмешательстве — приглашение к продолжению концерта «по обстоятельствам». Снежинки правильной формы заказаны нам ещё до рождения. Вернуться в нужное место (и особенно время) мешает некий нотариально оформленный трепет. Ты уже почти готова кончить, когда раздаётся телефонный звонок. Это мама, и мне надо ответить: она может звонить много раз подряд, а если не дозвонится, начнёт терзать звонками всех пока не причастных родственников. Я спокойным голосом рассказываю о том, как удачно устроился в гостинице, желаю спокойной ночи, отключаю в телефоне звук, — и пусть больше никто нас не беспокоит. Блеск экрана, сообщение от друга-переселенца: если сможешь долгонуть сколько комфортно до зп — было бы круто, а то нас местные риелторы опрокидывают. Прежде, чем вернуться в постель, пересылаю ему три тысячи. Не проходит и дня без переводов и пожертвований — то на тепловизоры, то на бронежилеты, то помощь военным врачам, то волонтерам, то заблудившимся в этой войне друзьям. Пора браться за деньги, которые я откладывал для покупки квартиры жене и больному ребёнку в Италии — на текущий момент это становится уже неактуально. Неясно, сможет ли мой банк и дальше продолжать работу, не пропадут ли все сбережения. Стрёмно и снимать их — вдруг квартиру обворуют или меня мобилизуют в армию? Лучше рационально их тратить — только на нужные дела. Это попытка восстановить реальность, избежать самораспада. Нечто похожее на творчество. Театральное зрелище: разбегающиеся по сцене тараканы, сидящие на потолке жирные

моли. Запретная манипуляция чужими фантазиями; тройная сшивка материала, даже отсутствующего, даже фейкового. Резонанс — это рыба смерти; легче лёгкого провалиться в подвальный этаж. Легко ли вы меня нашли? Пришлось попетлять, но к счастью, вы совсем близко к выходу. Драное чучело оленя, есть ли у тебя зажигалка? Только кипяток и два суповых набора. Безумные глаза Игоря, когда он захлопывает железный занавес — вероятно, на кухне начнётся групповой секс. «Я противник всех гигиенических правил, но только не предлагайте мне заниматься любовью без презерватива». Нет поэтов определённого характера, к которым не примешивались бы поэты характера неопределённого, протеического. От этого у меня начинается шум в правом ухе. Ни у одного поэта нет чёткой поверхности; ничего не имея общего с силой тяжести, поэты вибрируют по разные стороны от совокупляющихся с ними литературных критиков. Если дело может обойтись без краж — то почему безвестный драматург сосёт грудь у оципанной воробьихи? Будет ли ждать возвращения протагониста его подруга — или мужлан с чёрной буквой во лбу, ломающий хребет любой истории? К счастью, не надо налаживать короткую схему: две батарейки, ёлочная ветка между ними, минимум опасных погребушек. Так начинается Мордор, и не стоит думать, что он ограничивается всего лишь одной страной; внутрь нас есть. Последняя глава, даже не написанная, утратила смысл — да здравствует усопший автор, да здравствует послушный радиоволнам кибернетический организм. Над городом низко, с ужасным рёвом летают самолёты. Жители перепугались, высыпали из домов, а обычно во время воздушных тревог даже дети продолжают играть на площадках. Смерть — ковыляющий позади с палочкой прохожий. Едва замешкаешься, и она догонит, вгрызётся тебе в рот. Долго ещё, проснувшись, отмываешь язык с мылом, пытаешься уютной домашней магией воспрепятствовать крупнокалиберному колдовству войны. Местные начинают роптать, говорят: «Если вы все здесь, то кто защищает ваши города?». С удовольствием рассуждают о том, как у неких беженцев реквизировали десятки тысяч долларов. А на каком основании отобрали сбережения у этих мифических граждан? О, эти вечные «понаехали» и неприязнь к богатому иноязычному востоку. Ребёнку хочется покусать паровоз, стоящий возле вокзала, обожает всё, связанное с железной

дорогой. Долой клавишу «ё»! Расположена нестандартно, не могу найти её при затемнении. Военный мем: ряд голубей на карнизе, третья говнострелковая рота. Утомительные поиски прозрачности; палец, пройдя сквозь стекло, упирается в лесное пространство. Баржа, обдуваемая речным ветром. Видения: Старшего брата, Младшей сестры, качественного бренди, вкуснейшего форшмака. Применим любимую тактику отражений. То, за что можно какое-то время подержаться, что долго не тает в воздухе. Вспомните о щипковых инструментах. Тянет быть мелочным. Вот где возникает Призрак — в складке, на слежавшемся сгибе, в траченных молью половиках. Среди пользованных до никотиновой зависимости музыкальных инструментов. Ты, ты, держащая в ладони лужицу вытекшего из меня семени с лёгким недоумением — как с ним теперь быть? Делаем ставки, какая из песен, в чьём исполнении? Интересней прослушать начальные аккорды, то, как бард разыгрывается, иногда ошибается — прежде чем вступит главная тема. Ты уже готова была кончить сама, но мамин звонок перебил настроение, и приходится начинать всё с начала. Совсем другая в любви, избыточная, властная. Запомнил каждую родинку на твоём теле. Мир продолжает непредсказуемо меняться. Дом-город скрывается за ресницами диагонально летящих снежинок. Как это вообще возможно — перестать быть единым целым, разлепиться, разъединиться, хотя бы на время. Попытка связного мерцания, разговоров, окутанных всё тем же бестелесным ведомством. Гнев разрушенных моральных маятников, стирающих признаки любой революции. Гамма холостых пропорций: что, если выколоть глаз сельскохозяйственной ярмарке, сделать её похожей на пирата? Вы взорвёте этот город, чтобы он достался лишь встающим из могил предкам. Политика фантазии, раскраивающая в этот раз и сексуальное, обещающая несбыточное единство. На мой сольник пришли, кроме заросшего бородой Юры Черниченко, который трудился на фестивале волонтером, ещё несколько похожих на манекены девушек, сумрачно сиявших, пока я читал тексты и болтал ерунду, подначиваемый директоршей издательства. К окончанию мероприятия собралось непредсказуемо много народу: на барже должно было скоро начаться одно из топовых мероприятий, презентация переводной антологии прозы. Случайные зрители приняли меня доброжелательно, попросили подписать книги, пожу-

рили добродушно за то, что я пишу нерифмованные стихи. Выступавший вслед за мной усатый поэт, член многочисленных пропахших ладаном союзов, сообщил, что мои стихи — это не стихи, и стал сыпать собственными ушлыми эпиграммами. Юра шепнул, что представляет его в кожаном костюме и с хлыстом в руке — есть в этих заскорузлых бездарях нечто садистское. Страх возникает не только в меланхолическом зиянии, но от любого следа, проведённого в пустоте, от гула военных самолётов — вероятно, отечественных. Грубая амплитуда, зато своя; наказывают, однако, лишь слабых. Искусственные слёзы падают как и куда угодно, только не в глаза. Киснут в дверном проёме собравшиеся заночевать микстуры. Час времени — нечто камерное, уютное, находящееся в безусловном подчинении, противостоящее захлёстывающей волне паники. Внутри нас нарастали громоздкие, полые фразы, постепенно заваливали горизонт. Бились в гулком стекле комком грязи, ощупывали утеплённую подкладку. Охотились на оттенки, для которых не изобретён ещё ни передатчик, ни метод перевода на язык подтаявшего пространства. Всему находится место, даже абордажным крючьям. Шансам разорвать цветовую полосу после агрессивной молотьбы. Сформировать реальность вне линейных координат. Запас легкомыслия, видимо, возможен лишь на собственном, родном языке. В любом другом нас обступают рекламные стены. Летят слепые убийцы, рушат соседний город. Сегодня два удара подряд, и мой коллега, не желающий идти в убежище во время тревог, стал свидетелем того, как взорвана была расположенная по соседству школа — там училась когда-то его девушка. Утро, узкая речка, выламываясь из-под льда, дробится о скалистые берега. Заброшенная мельница с трухлявыми, местами проваливающимся полами — мы пришли сюда небольшой компанией, чтобы провести слэм. Солнечные штриховки на твоих щеках, падающая с разрушенного чердака пахучая древесная пыль. Знаки природы и архаики, считываемые наобум, в естественном порядке. Страстная внутренняя неподвижность, длительный период самонастройки. Резвящаяся в своё удовольствие кривая линия, со всей сопутствующей мебелью. В этом вытянутом помещении, заваленном почему-то школьными стендами, разгоняется противный нутряной кашель. Слэм я проигрываю одномоментно, потому что не разобрался в его правилах. Позволено читать целых две

минуты, а я выпаливаю всего лишь один короткий текст и замолкаю. Мой оппонент, вчерашний смазливый мальчик, и быть может, твой следующий возлюбленный, долго мусолит полный мутных символов текст о войне, где вражеские войска возглавляет сам Дьявол. Разумеется, он побеждает перевесом в пять голосов. Можно расслабиться (как будто я напрягался) и следить за тем, как твоя шубка мерцает в пальцах у света, бьющего сквозь дырочки в крыше, когда ты читаешь абсурдистские любовные фрагменты. После бурной ночи с тобой мне всё время хочется спать, и я вправду начинаю клевать носом, примостившись в углу на бочонке. Ты усаживаешься рядом, берёшь меня за руку. Мы смотрим вместе на промахивающие сквозь мельницу-станцию поезда метрополитена. На серых людей в переполненных аквариумах на колёсах. Полы мельницы шевелятся и потрескивают при каждом прибытии поезда. Полосатый холодильник облеплен магнитами, на которых каждый выступающий может написать своё имя. Пока соведущий, местный могучий панк, завершает дурацкий слэм, пока другой соведущий, приезжий, предлагает всем в подарок шарики с пуэром (о что это за чай!), мы сбегает по деревянным ступенькам в подвал и обнаруживаем огромное пустое помещение со стоящим посередине внушительным ядовито-жёлтым пылесосом. Страстно, стремительно целуемся, твоя рука расстёгивает на мне брюки, цепко держит крепчающий хуй. Предлагаешь заняться оральным сексом — «ты ведь понимаешь, что рано или поздно это произойдёт», но я, дурак, отказываюсь, дескать, негигиенично. Ты пожимаешь плечами, надрываешь острыми, изранившими меня ночью ногтями упаковку, накатываешь презерватив на мою головку, но нас тут же спугивает опускающаяся по лестнице уборщица. Из соседних подвальных помещений слышны фортепианные и вокальные звуки — похоже, что там расположена музыкальная школа. Ты говоришь, что нам пора всё прекратить — я делаю вид, что не слышу. Только не сегодня, пусть будет у нас ещё один день счастья от литературы и жёсткой половой любви во времена всеобщего безумия. Выходим покурить наружу, к гаражному кооперативу, украшенному подтаявшими лужами, словно серёжками. В первый раз мы курим вместе, о моя чудная девочка, папахивающая дымком при поцелуях. Главное уже сказано, ты бросаешь меня сразу после фестиваля. Как мне дать понять, что не

секс для меня самое главное (у меня такого никогда ещё не было, говорила ты — и у меня тоже, такого полного совпадения просто не бывает), самое главное — ты сама и дружба с тобой, которую, я надеюсь, теперь мы бережно выстроим заново. Наполнив лёгкие дымом и морозным воздухом, снова сбегает по крутым ступенькам в подвал, из которого уборщица успела уйти, передвинув пылесос в угол. Вместо того, чтобы строить чёртову дружбу, сразу же сходимся ещё раз — яростно, жадно, перекатываясь по свежесмытому полу. Ты почти сразу кончаешь и обмякаешь в моих объятиях. У меня в этот раз не получается, но ничего, я с запасом наизвергался ночью. Слышны очередные чтения, фестиваль продолжается. Лежа на тебе, не выходя из тебя, целую трепещущие закрытые веки, скрывающие нечёткое, неопределимое. Только через несколько минут ты готова вернуться со мной в зал, где проходят чтения. На долгой-предолгой, кажется, теперь уже бесконечной лестнице мы продолжаем целоваться и прижиматься друг к другу. Одежда у нас в полном беспорядке, волосы растрёпаны. Как хорошо, что Игорь привёз не только пуэр, но и несколько бутылок джина, крепкая выпивка нам нужна, как воздух. Наверху перерыв после слэма, участники разбрелись по углам и разбились на беседующие кучки. Юра рассказывает нагримированной поэте о том, как трудно сейчас у беженцев с жильём. Ему самому приходится задорого снимать комнату, из которой хозяин-медик наотрез отказался убрать стоматологическое кресло. В комнате ещё и сломана дверь, по утрам хозяин заглядывает через дыру, вежливо здоровается. Выдал жильцу разрозненные ключи, тот сходил на барахолку, нашёл торговца с целой грудой брелков и выбрал один из них, с чужими ключами — а теперь использует их, нащупывая в кармане, в качестве стресс-игрушки. Однажды хозяин исчез на всю ночь, вернулся насквозь промокшим, вместе с велосипедом, которого у него до тех пор не было. Игорь подключается к разговору. Если уж они пересекаются с Юрой, разговор через полминуты неизбежно заходит сначала о Тимоти Лири, а потом о психотропных веществах — хотя каждый утверждает, что с темой знаком лишь теоретически. У меня тем временем просыпается смартфон и ловит два сообщения в мессенджере: во-первых, мои стихи военного времени скоро выйдут в польском журнале, а во-вторых, один из авторов требует убрать из соцсетей сделанные

мной переводы его стихов «на этот язык». Принято, без лишних слов удаляю их. Если бы все авторы поступили столь патриотично, я бы тут же перестал быть переводчиком, что само по себе и неплохо. Устал, хочется уже отдохнуть от любого писательства, пусть и продолжает бродить внутри литературный жар. Хозяйка бара подсказывает: здесь рядом есть душевая комната, можно пойти туда и привести себя в порядок. Едва мы заходим туда, как тут же начинаем трахаться снова — в этот день мы постоянно готовы к сексу. Теперь уже ты никак не можешь кончить, всё вразнобой, но нам и так хорошо. Говоришь, что чувствуешь вину из-за того, что у меня не выходит, и помогаешь мне, плотно обхватив член маленьким кулаком. Я в очередной раз извергаюсь, глядя на твою прекрасную пизду, на лобок, обритый по последней моде, с тонкой полоской волос, идущей наверх — мне сложно сказать, зачем это тебе, я олдскульный чувак и не привык к такому. Сидим на полу душевой, блаженно улыбаясь друг другу, семя постепенно уносят в сток брызжащие сверху струйками воды. Время не существует, но его не было в нашей истории с самого начала. Помогут ли текущие договорённости остановить войну? Они могут быть реализованы только через референдум, но его можно провести лишь в условиях, когда огонь прекращён и враг ушёл из всех захваченных регионов. Пойдёт ли он сам на то, чтобы выпустить из челюстей откушенное? Правда ли, что наша авиация разбомбила аэродром в тылу врага? Скорей всего, нет, работа диверсионной группы — или же боеприпасы сдетонировали по халатности, как заявляет начальник военной разведки. Погружение в морок препинаний, препятствий, совершенно иной по структуре материал. Медленное отступление, по всем дорогам, от геометрического центра. Прощальные периоды ясности, перед погружением в тусклую травматическую область. Масочный режим, открытый хищными птицами. Та попытка прорыва, что не касается уже никого. Малые события-катастрофы, сгибающие и разгибающие историю, проецирующие внутреннее на внешнее — руки у ребёнка под футболкой, зубы кусают их — будто в бутылке Клейна. Пищеварительный тракт — это, топологически, внешняя поверхность организма. Может ли не быть заметным существование двух источников, запоздалое подключение ещё одной, резервной линии? Неумеренное раздувание древесных почек, поглощение свежего

воздуха. Эпоха одиночного хождения из угла в угол. Текст выгорает изнутри, теряет присутствие, распадается на рваные раны. Жужжит дымный электрик, укушенный пчелой. Партизан переносит вибратор из пункта тестирования в точку отплытия. Если опыт однообразен — подключите пресноводную рыбу, только не делайте ухи до выключения прожектора. Когда выйдете из вокзала, садитесь на первый трамвай. И свежеприбывший поэт действительно садится на первый же приехавший трамвай, а тот увозит его вглубь промышленной зоны. Приходится руководить по телефону его возвращением к Южной улице на маршрутке. Прибывший поэт устраивает перформанс: бегают, как муха, по стенам, катается по полу, эротически кусает микрофон. Поднимается по стремянке к бетонному потолку и читает оттуда стихи, прищёлкивая пальцами. Панк-ведущий-панк светит на него мотоциклетным фонарём. Светящиеся нотные знаки, прозрачные плёнки. Дымовая завеса, разобранный на части. Сначала ты учишься мелевать по лекалу, потом превосходишь Хозяина, хотя бы бородой. Лирические отступления, затемнения экрана считаются попытками к бегству. За несвоевременно введённый пароль полагаются наручники. На гвёздиках, один другого острее, должны быть развешаны фотографии Клее. Что там с закапатским айтишным хабом, нельзя ли к нему присоединиться и ездить на ровере по воскресшим холмам? Начинаем искрить из-за рассогласованности терминологий. Не обязательно представлять себе реальность как поглощающее ничто. Окошко, в которое лень впускать цезуру. Развёртку подвала укрывает собачий мех. Бар заполнен бардами, здесь всё равно, кого держать за руку. К счастью, по радио транслируют Самоубийство, хорошая идея для выкуривания пчёл. *Тридцатипятилетний бармен копирует Папу Римского и очаровательно танцует — его яркая ряса развевается над плещущей водой. Я щёлкаю пальцами, словно конферансье на утреннем представлении, потому что давно никому не удавалось меня удивить. Ведущий закрывает глаза и опускается на колени, чтобы перевернуть скрипучую барную стойку. Мгновение спустя в дверях возникает отчим, он даже на острове хочет оставаться самим собой.* Экстракт из рогов марала и девять врачей, включая онколога — это, конечно же, поражает воображение. Незачем воровать то, что само падает в руки, только ткань попортишь. Цирк приехал, да

здравствуют боевые клоуны. Всё, что может быть высказано, не будет съедено глазами. Думайте в пропорции один к трём, играйте на виолончели один к пяти. Выданы металлические объекты для скорейшей разделки борща. Не прекращаются точечные удары цитатами Бродского. С нами пылесос, диво дивное, с нами вся классическая поэзия с потугами на эпос. Игорь признаётся, что каждый день переводит с латыни по одной строке Горация. Узкое место, как горлышко: ты хочешь залезть на крышу остановки. Пляж с тяжёлыми серыми волнами плотно усыпан бетонными блоками, разломанными челюстями. Полосатые шатры на фоне многоэтажек и схлопнувшаяся, беспомощная скульптура, похожая на анимэ-персонажа в надувной лодке. Суббота — день ясности, время самого насыщенного авангарда. В воскресенье займёмся классической прозой. Будем смаковать каждую страницу под велосипедной осью. Так что же нужно сделать, когда делать ничего не нужно? Довольствоваться пространными объяснениями, босяцкими считалками? Выбраться к соседнему магазину — лишь бы не видеть склонившегося вчерве к твоей душе Призрака. Попросту прикосновение безобидного пьяницы — но ты высказываешь на дороге, ждёшь маршрутку там, где она не ходит, собираешься провести остаток ночи на вокзале, среди людей, ожидающих эвакуационный поезд. С трудом я уговариваю тебя вернуться к нашей компании. Если услышим сигнал «Атом», припомнил инструкцию Игорь, лучше не ждать главу района, чтобы он произнёс причитающиеся слова и раздал пропуска в метро, а сразу идти в соседний винный магазин — пусть ядерный взрыв запечатлеет наши силуэты в позах горнистов, с бутылками в руках. А здесь, потвоему, мало алкоголя на четырнадцать минут подлётного времени? Мэр, страдающий биполяркой, в одну неделю говорит «возвращайтесь», в следующую — «не надо». Онлайн-кинотеатры показывают вместо рекламы трупы жителей, замученных солдатами-захватчиками, изнасилованных и наполовину сожжённых женщин, застреленных в упор детей. Теперь, когда эти кадры известны всему миру, подонки, заметая следы на вновь оккупированных землях, используют привезённые с собой мобильные крематории. Быть немного циниками, немного Швейками — разве что так можно выдержать этот сжимающий горло ужас. Одна из участниц наших прошлых фестивалей погибла во взорванном здании област-

ной администрации, светлая ей память. И паки — столь романтическая картина, от которой нельзя оторваться: двое под падающим снегом на балконе длинной, завитой, как локон, гостиницы. Цела ли она ещё, не выгорела под постоянным залповым огнём? Можно ли было по своей воле оказаться внутри столь нестрогой геометрии? Вместо крови на щеках чернильные пятна, а на кончиках пальцев зловещие циферки. Моделирование тонкокожих поэтов, сгорающих в птичьем клюве. Оглушённые чужой болью ночные пространства, не связанные больше ничем, кроме наших скупых движений. Лежащие застывшей грудой в едва освещённом подвале. Нарушители цветового карантина — пусть, а нарушители комендантского часа? Можно вцепиться в диковинный шёлк, даже в отпечаток благоразумия. Всех нас подтягивает к водовороту. Оговорки по Юнгу, удавшиеся искусникам плоские черви шага. Могучий пылесос, на коем восседает бутылка джина. Звёзды-паучки, вытатуированные на ступеньках. Таимся по сусекам адского храпа, ищем эшеровское печенье и сигареты. Игра во взрослость — это сама взрослость, во время войны каждый день идёт по курсу двух месяцев. Предпочтительней наклоны с наполненными водой пластиковыми бутылками. Рисковать, сжиматься до гармонических уравнений, до сигарет с марихуаной. Влюбляться в одну и ту же пару нестриженных спортивных площадок. Давайте отталкиваться от реальности: речь по-прежнему о том, сумеют или нет орки окружить наши наиболее обученные войска, имеет ли шансы государство остаться в прежних границах. Увешанная совами кухня, человечность мелкой пробы. Тривиальная оптика ненависти, скрадывающая оттенки, зазубривающая металл. Разученная спонтанность: поэты соревнуются в наперёд заданном сегменте. Антигерои второго плана — равнодушные европейцы, постящие фотографии лиловых балетных па. Ревёт и стонет панк-ведущий; тот редкий случай, когда не так важно, хороши ли сами тексты, всё равно побеждает автор, человек. Ходим по длинным коридорам, но не продвигаемся ни на шаг, два старых друга, два мудака кризисного возраста. Детальки конструктора, лежащие на берегу моря. Зрачок почтового сигнала, опустившийся с пятой отметки на четвёрку. О, я знаю, где невыносимые чистоты и где противоправные пересечения дорог. Бедно проклеенные, отслаивающиеся разговоры, в которых слова отражаются от невидимых сте-

нок, бесполезно удваиваются, болтаются в логических петлях. У каждой вещи по два имени, но одно из них болезненно, рахитично. Последние черты реальности зияют, как дыры в промокашке. Хвататься за резкий ветер, за пепел совместимости, за никчёмные, заглушённые вокалом аккорды, достраивать их палочками от мороженого. Учебник популярной дегуманизации, выворачивание наизнанку рук и глаз, сопровождаемое неприцельным стариковским пердењем. Приехала сюда ради тебя одного, робко держащего за руку, окружённого застывшими, напряжёнными статуями гостей. Лучше бы пошли на джазовый фестиваль, с гвоздями да колбочками промеж упорно дующих щёк. Какое облегчение — вырваться с затхлой окраины в стремительное, холодное отчаяние. Всё ещё отступаем по музыкальным планкам, держимся за каждую фальшь, как за псалом над телами убитых. Приходится писать черновик, а чистовик не предусмотрен — всё главное происходит в первый и единственный раз. Не вижу ничего предосудительного: есть некий язык, и мы его расправляем, только чтобы положить обратно в коробочку. Ношеное в починку не отдаём, оно выйдет из моды раньше, чем тренерские замашки. Текст войны развивается по собственным законам, пытаюсь расставить все доступные знаки вдоль своих силовых линий. Техника ржавой прокрутки, носящиеся по периферии клочки человеческих судеб. Есть ли запас прочности у галки на шатком проводе? Холодная история, как поцелуй в лифте, поднимающемся не на тот этаж. Игрушки позаманчивей: беглые улыбки, подносящие тень и колеблющийся свет к губам говорящих, кустарные знаки ревности, пока ещё отсутствующей. Завязки сюжетов, ожидающих воплощений. Столь долгожданные подарки ты выбрасываешь, даже не развернув отсыревшей обёртки. Дни чередующихся шахматкой пассажиров, затонувших в чистой длительности. Нескрываемое предтравматическое расстройство. Башмак, пришпиленный к посвистывающей набережной. Иллюзия, скорее модель пространства, всё ещё необходимая на практике; однако с фантазиями говорящих манекенов и часовых механизмов приходится распрощаться. Поэзия должна быть маленькой и скромной. Все памятники поэтам, независимо от национальности, надо отдать в переплавку, сделать из них зенитные орудия. Ты танцевала на офисной лестнице, когда я подарил тебе снаряд, простите, толстый том Джойса. О, сколь

тугодумным сделался после самокрутки с травкой — странно было смотреть на хихикающего, возбуждённого Игоря и на столь радикально изменившуюся окраску твоих волос. Остатки реальности нуждались в удвоенном контроле. Я тщательно обдумал адрес, прежде чем сказать его таксистке — это была ты, в расстёгнутых шортах. Игорь, совсем как в романе Достоевского, предложил рассказать самые позорные истории, с каждым из нас произошедшие. У него самого это был понос, из-за коего пришлось выскочить из междугородного автобуса и, скорчившись, сигануть под ближайшую былинку — кустов в этой местности не наблюдалось. У меня всё самое позорное было связано с тобой, с тем периодом, когда ты меня бросила. Бумкает в подтверждение вытянутый на километр ночной колокол. Разворачивается, гремит гусеницами по страге уже далеко не абстрактная машина ненависти, пытается ухватить клешнями куски нашего мяса. В подворотне рядом со грудой щебня рабочие монтируют шипящее солнце. Игорь одалживает у них перемазанные мазутом, грубо пахнущие сигареты без фильтра. В кармане покачивается бутылка вина, на этот раз чилийского. Превращает ли секс войну в неразборчивую количественность, заполняя и отстраивая паузы, приручая самые чудовищные и наглядные свойства? Летящая через комнату монета свидетельствует о задержке в развитии; попробуй этот вариант, с мятой. Семь ракет за ночь по моему родному городу. Ваша планета — Сатурн, начинаем спектакль внутреннего сгорания. Рассматривание изорванных карт добавляет глазам пыли. Уже не линия, но ещё не оболочка, продутое сквозняком соединение точек, бесцельная линия разворота — добровольное лишь понемногу становится насильственным. Уложенные друг на друга бетонные блоки, текущая между ними река. Довоенные стихи кажутся наивным фольклором. Оси координат нарисованы на щеке, небрежно; на каждом этапе тайное сообщество переименовывается в честь нового маргинала. Переброшенный над потоком тонкий мост речи — место возвращения, дробного ритма, ошибочно брошенных на весы гирек. Лот может измерить непрерывно растущую глубину — сначала лишь трещины в породе, а затем и пропасти. Очерки неведомых помех, шагов по предутренним лестницам. Раздвоенные лица, иссечённые блуждающей мелодией, охотницей на голубей. Меня окружают синие предметы, говоришь ты, и однажды,

когда рухнул ливень, я надела синий бушлат, зашла в полиграфический центр, попросила распечатать мне ноты блюза. Вымытая, подкатилась бочком под правильную дверь, попала к тем, кто съел арбуз. На этот раз у врагов пригорел флагманский крейсер, отправился по заранее указанному направлению. Кто в теремке живёт, кто на кирзовые сапоги плюёт? Это я, мышка-хлопушка, дистанционного пульта воружка. Тиран мечтает быть съеденным; обменивает идентичности на холокостные пелёнки. Давайте займёмся групповым сексом, предлагает Игорь, но мы не ведёмся. С кем ты гуляла по промышленной зоне? Пропустишь всего один звонок, и он тебе отрежет руку. Если всё так неустойчиво, то черепков не собрать — да и никому, кроме тебя, это не нужно. В сценарии не прописано, больше или меньше боли, как долго вращается треугольная режущая кромка. Мы читаем на берегу тексты, созданные поэтами-самоубийцами. Мероприятие кажется пробным и быстро заканчивается. Оставляем на потом, то есть на никогда, стихи того автора, из-за которого мы отмахали километры до кладбища башенных кранов. С некоторых пор ты полностью для меня закрыта. Я не умею читать новые знаки, которые от тебя исходят. Может быть, и не хочу, настолько они тривиальны, при всей своей свежести. Молодость — ещё одна чавкающая челюстями машина. Является ли боль дешифровкой сигналов по улыбочивому ключу? Теперь и её не будет в той письменной коробочке, где я замкнут — до тех пор, пока ящерицы не растопчут эту бесполезную раковину. Дворцы из морозного пара, поднимающиеся над ночным вокзалом. Рассчитывать можно лишь на чудовищ, на их заплесневевшие механизмы. По крайней мере, понятно, как они работают, какие штиблеты нельзя бросать в приёмники. Поговорим ещё о князе Мышкине, виновном в массовых убийствах. Если вы любите литературу, она придёт к вам вместе с объёмными взрывами. Мы сидим, покачивая ногами, на высоких барных стульях. Такой пьяной я тебя ещё не видел — но пила ты не со мной, пока я несколько часов блуждал по тёмному, всё более бесчеловечному городу. В последний раз кажется, только кажется, что мы починим нашу дружбу. С кем бы ты ни провела предыдущую ночь, главное — что ты рядом, смотришь на меня с обычным лёгким прищуром, говоришь, что ужасно соскучилась, и вот мы уговариваемся, пьяная любовь моя, о новых совместных путеше-

ствиях. Тихое театральное сияние, платье в горох, поворот на десяток незапятнанных градусов. Не могу следить за порхающими балеринами, то и дело отворачиваюсь, чтобы взглянуть на странные, ни на что не похожие звёзды, на обугленные конструкции. Ещё долго, несколько дней можно тянуть эту нитку сквозь ноздри верблюда. Порхающие блинчики, гимнасты с растёгнутыми дверцами. Браслет с миниатюрными тепловозами, на котором не удаётся написать ни имени, ни номера телефона. Всклопоченные почтовые свечки. Маленький мир, где сороки стреляют из арбалетов, а пляжи расчерчены шипованными медузами. Главное — наступить на все предложенные тебе капканы, ограничиться дальнотрением. О, щёлкающая короткими зубками архитектура пауз. О, дыхание яблочных микрофонов, о, пухлый младенец, восседающий на морковном торте. Животное с биноклем отчитывается о пройденных ракурсах: это правда песня национального единства? Засела красная щепка в мозгу тумана; червоточинка, щуплость подснежная, где твои птенчики? Щебечут ли в поездах о забрызганных пеплом литературных огрехах? Вынимают ли тела исковерканных критиков из-под обломков? Как видишь, я невероятно растолстел, это антидепрессанты, но ещё и наследственная тяга к обжорству. Приходится говорить лишь о главном, кратко, но концепт слишком очевиден, слишком прост, в отличие от облачных фрагментов. Как тащить на себе такую громоздкую тучу? Укладывать в карманы глотателей огня, истуканов с визгливыми голосами. Удерживать в раскормленном равновесии гидр, готовых разорвать гидранты. До такой степени намозолить глаза могут открытые настешь больничные травы у входа в метрополитен, да расхристанные мольфары, завладевшие дирижёрскими палочками. По сути, первым среди сброшенных ради устойчивости мешков с грузом оказывается собственное «я». На чём же, на каких невесомых точках сгиба, на каких откладывающих крушение спиралях продолжает дымиться конструкция? Не вернуться ли на стройплощадку? У бойцов только раздолбанные берцы и броники, всю остальную амуницию приходится покупать родным и коллегам. Из десяти миномётов работают четыре, так что большинство миномётчиков, по факту, является пехотой. Моя электропила, говоришь ты, осталась у дедушки вместо самого дедушки. Едешь, едешь по набережной — вдруг из мелководья торчит хвост нера-

зорвавшейся ракеты. Бросаешь без лишних предисловий бульонным кубиком в лоб. Господи, спасибо за Брекзит. Все живём внутри одной и той же пропорции. При каждом обстреле вероятность выжить множится сама на себя, что отнюдь её не увеличивает. Ты оскорбляешь моё неуважение к обществу. Преподаватель школы искусств из Глазго, фантазёр с рацией, предлагает передавать поэзию и призывы к миру на вражеских частотах, тем самым парализуя коммуникацию между частями противника. Однако согласовывать свои действия с военными ему не хочется, дескать, Дон Кихоту интересней общаться с поэтами, чем с бойцами. А если он по ошибке попадёт на частоты нашей армии, станет ей мешать? О, если бы вы знали адвоката, щиплющего струны мортиры. Бе-бе-бе, сказала ты и пересела за другой столик, спиной ко мне, лицом к вырезанному из бумаги силуэту. Сфабрикованная невинность, ослушки, очитки. Вход А не совпадает с выходом Б — там-то тебя и ждёт, раскрашивая маршрутку, ухмыляющийся часовой. Берега съедены примерочными туфлями. Воробей такое слово выплюнет, что не откусишь. Доколе танцующая походка в тактическом вакууме? Можем ещё подписаться под петицией о раннем старении, о перевёрнутых лодках. Силуэт горит в металлической коробке, я брожу рядом, без шапки, но с аркебузой. Путаница, акробатика вкусовых присосок. После шторма море выносит на берег кусочки янтаря, Оля разыскивает их цепким зрением опытного грибника. Ребёнок вцепился в самокат и горько плачет, не хочет с ним расстаться на полчаса ради футбольной тренировки. Я рисую у тебя на щеке фломастером что-то вроде пылающего корабля. Двойной ряд экспонент, возможность вернуться в исходную точку на новой страте. Становится понятней, почему жизнь — черновик, почему шелушащиеся письма узурпировали ряд фонарей на засахаренной набережной. Вращение флюгеров обращает в ничто связанные с тобой воспоминания. Архитекторы и военные специалисты — вот кто устанавливает режимы отказа. Параллельны ли воздушному шару хохочущие линзы? Придётся оградить их бронёй сарказма, как старшекласснице. Рядом с нами кофе в пластиковых стаканчиках, и мы всё ещё немного напоминаем людей. Фестиваль продолжается в окраинном «МакДональдсе». Под пистолетами утренних посетителей читается наизусть Серая тетрадь, пятьдесят мегатонн в берестяном эквиваленте. Даёшь обзорит-

ский эстимейт. Свечка в горошину, пародия на игольный прокол в двух билетах. Куриные косточки, съеденные прожорливой ладьёй. Жду возле ряда фотографий с городскими видами, когда откроются ворота лифта, и покажется ненавистный краешек субботы. «Ты одет сегодня, как на праздник». Да, жизнь превратилась в непрекращающееся, мучительное торжество. Решится ли в этой войне хоть что-нибудь за две недели? Ухабистая бесконечность, замкнутый лабиринт, из которого нет разумного выхода. Читаешь по слогам названия западных городов, пальцем водишь по прочерченному между ними графу. Новая задача, о трёх коммивояжёрах: один бежит с этажа на этаж в поисках чистого туалета, другой подогревает свистульку для кляузничества, третий оттопыривает нижнюю губу, хмуро сводит кустистые брови. Вопрос: когда у тебя лопнет терпение? Лучше бросать страницы недокуренными, а персонажей недостроенными. Похищенному верить, будь это, к примеру, название засекреченного коллектора. Кальмары обрыдались, беспомощно держась за кукушкины слёзы. *Твоя грудь топорщится, не успев уместиться в цельном циклопе. Сейчас я закрашу её красным, а портье удалит полоску сантиметром ниже ключицы. За пятачок можно приобрести вахтенного офицера. Он чувствует себя как дома на мачте, играя никем не освоенную роль японской дочери.* Делая поправку на завравшуюся снежную крупку, финны вступают в Альянс. Запись выживших лекал, строго дозированные порции ужаса, вины и наслаждения. У Юры завязались знакомства с часовщиками, его метроном работает неподобающе быстро. Рутинные обстрелы крупных городов, с десятками новых жертв, продолжаются даже на Пасху. Ливень, барабанищий по крыше соседнего дома; кипение мелких капель, подсвеченных изпод подола туч сающимся солнцем. Наша компания напечатала имплант, накладку на кость для военного с раздробленным плечом. В городе не смогли найти подходящее устройство для того, чтобы выполнить имплант в титане. Глава медицинского департамента прислал фотографии с операционного стола, только для тех, у кого крепкие нервы — много крови, открытая кость, но не мрачно, а радостно. Из европейского офиса идёт поток гуманитарки, включая партии стандартных имплантов для наших больниц. Люди возвращаются из других стран измученными, обозлёнными. Ты рассказывала об эпизоде в супермаркете, когда в результате

DDoS-атаки банковская система «легла» и расплачиваться можно было только наличными. Посетители супермаркета, накануне праздника, орали на ни в чём не повинных кассиров и бросались набранными в корзинки продуктами. Это было для тебя шоком: за то время, когда город обстреливал противник, ты привыкла к тому, что люди делятся последним, помогая друг другу. Социальная фейковость становится явственной. Противник пытается поджечь весь юг, нападать сразу отовсюду — где-нибудь, да получится, и это можно будет продать как победу. Ждём теперь тяжёлое вооружение, обещанное союзниками, ждём нефтяное эмбарго. Надеемся, что это переломит ход войны. Правила ледяных пустынь, обглоданных солнцем сосулук. Утро пасмурное, вопреки прогнозам, и поэтическая сессия отменяется. Слежу за тем, в каком состоянии горло; выздоравливает оно медленно. Мой маленький монтажный театр не поддаётся починке. Пространство новой обнажённости, недоверия к конечным суммам. Ловушка лакун, расшитых бисером. Сжать ли пространство в кулак, раз не выходит взять его измором? Продолжить ли планомерную осаду? Речь покидает искажённые зимой интерьеры, но ничего не прибавляет к пятнистому мерцанию птицы. К щелчку, что катится по наклонной брусчатке. Оставленность, разорванность — от меня осталась лишь половина. Рано или поздно, но отпадёт, со скрипом зубовным, всё то, что казалось главным. Сосредотачиваешься, чтобы завершить предыдущую схему, это само по себе интересно. Новых планов не строить, попытаться высвободить плотно занятое дыхание. Архимед, чертящий круги на песке, успел доказать свою теорему. Пусть фрагментарно — хотя бы вырвал жилы у видимостей, сложил в пустующий карман. До вовлечённости далеко, как до квадратной луны. Полагаются три прибавочные строки, с целью усушки. *Солнце-клубок прячется за верхушками зданий, тени соскакивают на мост. Петарды бросают со всех этажей, и они мигают, как фонарики. Ноют сирены «скорых», ты куришь и смеёшься. Вода всё ближе, она капает с краёв твоего лица.*

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. БУДНИЙ ДЕНЬ

(Осень 2013 года)

Просыпаюсь и тут же снова засыпаю. Мимо меня поначалу беспорядочно топчется туда-сюда Коля, а потом проходит на кухню жена — готовить завтрак. Ничего, ничего, отрываюсь, как мыльный пузырь, попадаю было в сон, а он меня отбрасывает. Это реальность, утро, четверг. Переворачиваюсь на другой бок, но мешают звуки портативного телевизора из кухни. Прижимаю правое ухо к простыне, на левое кладу подушку. Коленька скучает и ноет, моя мама фальшиво напевает ему: «мы везём с собой кота, чижики, собаку, кошку-забияку». Ещё лежу, и ещё лежу. А теперь всё, я уже достаточно вертикален. Пытаюсь подняться — ох, нет, недостаточно. Продолжаю лежать. У меня крепкий утренний стояк. В проходной комнате темно, на балконе сушится бельё. По ночам в квартире холодно, и я сплю в куртке-алюске и шерстяном шарфе, иначе проснусь с больным горлом. Начало ноября, но топить всё никак не начнут. Сажусь в кровати, какое-то время провожу неподвижно, адаптируясь к вертикальности. Протягиваю руку и беру с тумбочки пластмассовую хлебницу (точнее, бывшую хлебницу), где обустроились два мои мыла — грубое хозяйственное и мягкое дегтярное. Иду в ванную, с помощью дегтярного намыливаю тело и принимаю душ. Выхожу на кухню («вот и папа проснулся»), обнимаю Олю, прижимаюсь щекой к её плечу. Она, не отрываясь, смотрит визгливую передачу с клоунами-докторами. Возвращаюсь, падаю в постель: всё ещё не слишком вертикален. Мама передаёт мне с рук на руки Коленьку; ей хочется сходить в туалет. Разнывшийся малыш у меня на руках затихает. Улыбается, потом хватает меня за нос острыми коготками — пора бы их подстричь. Я притворно хмурюсь, но на деле подсмеиваюсь заразительному Колиному хохоту. Подхожу с малышом на руках ко круглому зеркалу. Коленька мгновенно ощущает металлический узорчатый край; но особенно интригует его бумажный цветок, наклеенный поверх трещины в стекле. Приходит Оля и забирает сына у папы. Снимает подгузники, несёт Коленьку в

ванную, мыть попку. Тот сохраняет лучезарно-философское выражение лица даже под струёй воды, окатывающей его из крана. Мне пора начать работать над стихами. Могу пропустить время, и тогда пиши пропало: выйду из подходящего для стихов полусонного состояния. Придётся ковыряться с прозой, а это не так интересно. Я беру три недавно купленные книги, один журнал, одну распечатку. Кладу их на подоконник, рядом с пустым Колиным горшком. Врач мне говорила, что сидеть лучше по-американски, задрав перед собой ноги на стол. Со стихами это возможно, а с прозой не получается. И на работе так не посидишь — разве что поздно вечером, когда никто не видит. Оля в соседней комнате напевает Коленьке детские песенки. Я кричу, требую перестать или закрыть дверь: это ужасно отвлекает. Меня никто не слышит, я подбегаю к двери, закрываю её сам. Становлюсь ужасно истеричным, когда работаю с текстами. Всех вокруг раздражаю и раздражаюсь сам. Спасибо, золотая Оля: забрасываю ноги на подоконник, беру в руку приготовленный для меня бутерброд. Читаю одного, затем другого гениального автора. Читаю третьего автора, украинского, неповторимого. Над переводами его текстов я корплю уже долгий срок, почти без продвижения. Такое чтение должно разогреть мою психику и настроить её на собственные стихи. Но психика не разогревается. За моей спиной происходят некие перемещения: мама раскрывает входную дверь, выкатывает наружу стоящую в коридоре коляску, спускается с ней на лифте. Вслед за ней выходит Оля с ребёнком на руках, идёт вниз по лестнице. Через пять минут мама возвращается, добывает из холодильника суп и разогревает его. А нельзя было подождать? Видишь же, я пытаюсь писать. Нельзя подождать, ты не один живёшь в квартире. Слово за слово, начинается ссора, а мне нужна тишина; я собираю книги, перехожу из кухни в спальню. Окно раскрыто на проветривание, Оля жить не может без свежего воздуха. Приходится его закрыть, не только из-за холодного сквозняка, больше из-за шума трассы, который не даёт сосредоточиться. На набережной появляется Оля с коляской и показывает мне кулак. Я развожу руками: не могу иначе, надо прекратить шум. Взамен раскрываю балкон в проходной комнате, где я ночевал. Возвращаюсь к письменному столу. Нет, чтение опять ничего не даёт, всех авторов я уже читал раньше, никто из них меня не удивляет, ни с кем я больше не резонирую. Буду писать прозу. С ней и проще, и труднее. Во всяком слу-

чае, в такой текст гораздо легче войти. Если стих предполагает прорыв на новую территорию, то проза — обживание уже знакомых пространств. Я действительно с лёгкостью набрасываю две новые страницы. Потом в комнату заходит мама, чтобы попрощаться перед уходом на работу. Продолжает обижаться из-за моей грубости на кухне. Мне кажется, ничего особенного не произошло: сейчас, когда мы живём вчетвером на крохотной территории, уровень внутренней агрессии в семье велик, и планка, с которой начинается скандал, существенно выше этой мелкой стычки. С Олей мы ссоримся часто и бурно; я громко матерюсь, она распускает руки. Сегодня я, по крайней мере, не сказал ни одного нецензурного слова, а такое бывает редко. Не вставая из-за стола, я нервно бормочу: извини, мама, но сейчас иди, иди, не мешай мне, пожалуйста. Трижды отражённая в створках трюмо, мама крестит мне спину перед тем, как выйти из квартиры. Поток прозы легче лёгкого перебить, а войти в него обратно трудно. Я задумываюсь, а стоит ли пытаться, утреннее время дорогое, и остаётся его немного. Вопрос решается сам собой: звонит Оля, ей нужно зайти в супермаркет и выбрать хорошую рыбу, без жёлтых пятен, а мне, следовательно, — перехватить у неё коляску на набережной. Пока они с Колей возвращаются из парка, и у меня есть ещё несколько минут. Я коротко и растрёпано молюсь. Надеваю верхнюю одежду и попутно пролистываю фейсбук. Моя знакомая, поэтесса и драматург, выложила новые фотографии. Полузаброшенные посёлки, высокое небо над ними. Какой у неё точный глаз, удивительные ракурсы. Несколько новых лайков к выложенным мной вчера вечером переводам. Одно сообщение, от этой же поэтессы: когда мы повезём Колю в её город на консультацию, она не сможет нас разместить в своей квартире. Разъезжается с бывшим мужем и не знает, где сама будет жить через неделю. Значит, придётся остановиться в гостинице, может быть, надолго. Это недёшево, да и всё, что связано с Колиным лечением, обходится в большие деньги. Закрываю дверь и, не дожидаясь лифта, сбегая по лестнице. В углах лестничных площадок висит чёрная паутина. Потолки закопчены, на стенах разводы сажи — недавно в подъезде был пожар из-за неисправной проводки. Двор залит лёгким, прерывистым светом из-под перистых облаков. Навстречу друг другу торопятся на занятия студенты консерватории, студенты таможенной академии. Первые одеты артистически пёст-

ро, а вторых легко опознать по унылой униформе. Ворота, замыкающие двор, настезь открыты, и над ними на осеннем ветерке развевается двуцветный флаг. Я подбегаю к переходу; недавно здесь поставили светофоры, но я постоянно об этом забываю. Выскакиваю на проезжую часть и едва увёртываюсь от автобуса. С противоположной стороны улицы Оля снова грозит мне кулаком. Зелёного светофора ждать ещё шестнадцать секунд. Рядом со мной стоят студентки-таможенницы в коротких форменных юбках, одна — в обнимку с индусом ниже неё на полголовы. Проезжают маршрутка, грузовая фура и такси, за ними дорога свободна вплоть до самого моста, и я перехожу её, хотя до перемены света остаётся ещё несколько секунд. Оля хмурится — ну неужели сейчас начнёт промывать мне мозги? Пока я пересекаю остаток проезжей части, внутри скапливается сильное раздражение. К счастью, Оля уже смотрит на уснувшего Коленьку, нежная улыбка оживляет её лицо, делает его прекрасным и юным. Хорошо, что она не стала злиться. Какое-то время мы идём вместе по набережной. Я внимательно смотрю на разноцветную плитку, чтобы колесо коляски не налетело на притаившиеся здесь и там бутылочные осколки. Не замечал их, пока не появилась коляска. Каждый месяц приходится покупать на рынке новую камеру взамен пробитой, а если быть ротозеем — то чаще. На набережной видно, что транспорт с левого берега зажат на мосту в пробке и почти не движется. Как удачно, что я живу и работаю в центре, а значит, никак не связан с маршрутками. Оля рассказывает о состоянии ремонтных дел в купленной нами квартире. Работники, которых присоветовала моя мама, её бывшие ученики, закончили штукатурить и красить на кухне. Мало того, что раздолбали электрическую розетку рядом с батареей, на прощание ещё и украли респиратор. Оля созвонилась с паркетчиками, те как раз окончили шлифовку в обеих комнатах. Необходимо вынести мебель в коридор и на кухню, чтобы они начали лакировать. Ладно, я поговорю на работе с товарищами, завтра на перерыве всё сделаем. Возле скульптуры, что изображает женщину, обхватившую руками голову — вместо самой головы красуется овальное отверстие — Оля сворачивает на боковую дорожку и уходит от нас по направлению к супермаркету. Пересекает дорогу на опасном светофоре, где автомобили постоянно поворачивают на красный свет. Я люблю её походкой — плавной, точной. Коленька, одетый в тёплый костюм

медвежонка, почмокивает во сне губами. Я везу коляску через площадку под мостом, где открывается вид на двойной ряд мощных опор, уходящий в притенённую бесконечность. Погода пока ещё солнечная, и по опорам скользят отражённые блики. Несколько лет назад я часами мог стоять с удочкой, глядя на игру световых линий. Теперь всё лишнее отсечено, время строго распределено, и даже на главные вещи его хронически не хватает. Осколки встречаются на этой площадке намного чаще, приходится выписывать между ними замысловатые каракули. За мостом отпочковывается вторая дорожка, подальше от воды, поближе к проезжей части. Прохожу каштановую аллею, и за ней, после аляповатой часовни, аллею берёзовую, объезжаю памятник воинам-афганцам в виде застывшего бронзового взрыва, — вокруг него, как обычно, тусят скейтбордисты. Теперь площадка с фонтаном: во включённом состоянии он напоминает пушистого котёнка, а в выключенном, как сейчас, — сжавшегося в клубок ежа. Я останавливаюсь и вынимаю из сумки электронную книгу. Одной рукой держу её, другой покачиваю коляску, чтобы ребёнок не проснулся. Лучезарная погода портится, небо над рекой стремительно затягивают грозовые облака. Коля открывает чёрные глаза, глядит куда-то поверх моей головы. Снова закрывает и снова открывает. Это сигнал к действию: в это время он уже хочет есть, а значит, скоро будет нервничать и хныкать. Я дочитываю страницу и убираю книгу, разворачиваю коляску, прохожу в обратном порядке через аллеи. Звоню Оле — она уже на кассе. Иди поскорей, здесь дождь собирается — я так и думала, у меня с утра раскалывается голова. Где встречаемся? Давай на набережной, возле гостиницы. Поднимается резкий ветер, здесь нас с Колей уже не отгораживают от реки деревья, и везти коляску против этих воздушных порывов трудно. По реке приближается дождь: гладкое и прозрачное пространство покрывается волдырями. За первыми разреженными полосами идёт фронт густого ливня, где речные волны разглаживаются, как под утюгом. Я перехожу на бег, хотя из-за ветра не получается передвигаться быстро. На бегу пою все подряд, какие приходят в голову, детские песни; Коленька начинает было беспокоиться и ныть, но услышав папин голос, умиротворяется и стихает. Приходится целую минуту ждать, пока на светофоре не загорается зелёный. Ливень движется со стороны моста, накрывая дом за домом по набережной. Наконец я пересекаю проезжую часть

и завожу коляску под бетонный козырёк перед гостиничным входом. Одновременно у дальнего края гостиницы появляется Оля, несущая два тяжёлых пакета с продуктами. (Всегда её прошу — не нагружайся, тебе нельзя, бери только самое необходимое, а остальное я сам куплю на выходных). Оля торопится, видя наступающий дождевой фронт. Я оставляю коляску, бегу к ней навстречу, перехватываю пакеты, и под козырёк мы влетаем вместе под уже начавшимся градом. Я не верю своим глазам: лета давно нет, ноябрь начинается — и тем не менее, это настоящий град, крупный, хлёсткий. Ледяные кругляши скачут по ступенькам. Из соседнего кафе выглядывают бариста и официантка. Град мелькает и постепенно разбавляется размашистым ливнем. Решаем, что всё-таки надо идти домой — мы ведь совсем рядом. Накрываем коляску полиэтиленовым чехлом, который лежал прежде на полке возле колёс, а на место чехла заталкиваем один из продуктовых пакетов. Коля изумлённо смотрит на ливень, сжимая кулачки, время от времени выкрикивая «бу!» и «ба!». Теперь Оля везёт коляску, я несу второй пакет. Мы с ней сразу же вымокаем до нитки. Ворота во двор заперты, и охранника не видно. Я вынимаю связку ключей, чтобы открыть боковую, пешеходную калитку. Придерживаю её, пока Оля поднимает коляску на бордюр перед дверью, провозит внутрь и спускает с бордюра. Теперь к подъезду, его я тоже открываю. Колёнышка в порядке, в коляске совершенно сухо. Оля берёт его на руки, тащит наверх. Я переносу пакеты с продуктами к первому лестничному пролёту, кладу их на тумбочку под почтовыми ящиками. Нажимаю кнопку лифта и возвращаюсь за коляской. Вытягиваю и её в лифтовую зону, перекладываю пакеты на опустевшее сиденье. Лифт у нас в подъезде старинной конструкции; надо вручную открыть внешнюю решетчатую дверь, раздвинуть деревянные створки, завести коляску в лифт по диагонали, чтобы она поместилась, поставить её после этого прямо, чтобы не мешали колёса, закрыть за ней левую створку, устроиться в тесноте поудобнее самому и закрыть створку правую. Нажать кнопку, медленно подняться на свой этаж, после чего проделать все операции в обратном порядке. На этаже я слышу громкий Колин рёв. Пятясь, завожу коляску в квартиру, в коридорный простенок за дверью, затем наклоняюсь над коляской, притягиваю дверь за привязанный к ручке ремешок и щёлкаю замком. Сбрасываю мокрую верхнюю одежду и спешу к ребёнку. Оля ушла

на кухню готовить себе чай с молоком и звонить по телефону. По её мнению, ничего страшного не произойдёт, если Коля немного побудет один. Мне это не нравится: мальчик орёт изо всех сил и перегружает больное сердце. Не слишком ли мы его разбаловали? Тем не менее, раз уж Коля завёлся, только лишь песенками не отделаешься. Пока я переодеваюсь в сухую одежду, громко и с выражением читаю «Богородице, Дево, радуйся» и «Верую во единого Бога Отца, вседержителя». Молитвы помогают, Коля прислушивается и перестаёт кричать, уровень недовольства снижается до ровного хныканья. Переодевшись, я сажаю его себе на плечи, расхаживаю по квартире. Ещё недавно я боялся с ним так обращаться: как ребёнка контролировать снизу? что, если он потеряет равновесие? Но я убедился, что Коля ведёт себя на плечах у папы ответственно и осторожно, наклоняется для баланса к папиной голове, держится за волосы или уши. Мы подходим к зеркалу и заглядываем в него. Молодой человек на моих плечах уже улыбается, хотя и неуверенно. Вылитый я — но глаза у него мамыны, тёмные, и форма носа по сравнению с оригиналом улучшена, появилась выразительная горбинка, а толстая перепонка между ноздрями сократилась, стала не такой заметной. Я усаживаю ребёнка на его любимое креслице, стоящее на подоконнике. Проезжающие внизу автомобили занимают Колю недолго, — начинает отталкиваться пятками, так что сиденье опасно дрейфует к краю. Разворачиваю креслице так, чтобы его спинка упиралась в стенку. Теперь Колю начинает интересовать коробка конфет, подаренных его бабушке учениками. О том, что конфеты вкусны, Коля не догадывается — они привлекают его яркими фантиками. Он вынимает конфеты по одной, мнёт, бросает обратно в коробку, размахивает цветными бумажками, возит ими по оконному стеклу. Оля возвращается из кухни с большой кружкой чая с молоком. Коля издаёт приветственный вопль и тянет к ней руки. Ню, говорит ему Оля, уже не плачешь? Берёт его на руки и переносит на кровать. Расстёгивает бюстгальтер и даёт грудь, — Коля ест жадно, заглатывая воздух, а Оля прихлёбывает чай из кружки, в то же время рассказывая мне о звонке своей мамы. Прояснилась судьба посылки, которую та выслала нам неделю назад. Оказывается, в Черновцах, на полпути к нам, сортировщик не разобрался, что из Италии пришли две разные посылки от одного и того же лица. Скрепил их вместе и выслал обе по верхнему адресу — Олиной се-

стре, Тени. Теперь та передала нашу посылку с рейсовым автобусом, который будет в Новом центре уже через полчаса. Как раз есть время, чтобы добраться и перехватить. А по дороге, попросила Оля, зайди ещё и в хозяйственный, возьми увлажняющий крем и подгузники для Коли. Дождь окончился, но стало сыро и холодно, в выбоинах на дороге собрались глубокие лужи. Возле будки охранника стоит группа из семи или восьми дворовых активистов, обсуждает, как собирать деньги со владельцев автомобилей. Молодые люди успели уже превратить двор в платную ночную стоянку. Но по крайней мере, он теперь закрыт по вечерам, и в него не заходит с набережной молодёжь, чтобы облегчиться. Я выхожу из двора через калитку, у свадебного салона поворачиваю на улицу с безликими жёлтыми зданиями, с единственным граффити, изображающим домохозяйку с артистическими наклонностями: она, встав на цыпочки, вывешивает чулки на просушку. Свисающие с верёвки полосы повторяют рисунок на шкуре стоящей рядом с ней зебры. Сразу за жёлтыми зданиями смотрят друг на друга через дорогу два заброшенных особняка. Первый из них — руина хроническая, с рухнувшей крышей и выросшим внутри молодым леском. Когда проходишь мимо, в оплетённых плющом верхних окнах появляется и исчезает, будто чёртик в коробке, стоящий за особняком небоскрёб. Дом на другой стороне попрочней, он обезлюдел всего несколько лет назад, и выглядит более трагично. Упорно сопротивляется разрушению, но не выдерживает этой борьбы — то у него рухнет опорная балка, то обвалится одна из лестниц. Сейчас на решетчатом балконе второго этажа стоит собака и лает во влажное пространство. Бог её знает, как она туда попала — не летает же по воздуху. Я сворачиваю в Ломаный переулок и выхожу через него в классический еврейский квартал с двумя старинными синагогами. Один из домов тщательно отреставрирован, — в нём жил знаменитый ребе, — а другие по-прежнему пляшут вприсядку. Вот и нужная мне автобусная остановка. Я забираю у шофёра передачу, расплачиваюсь и торопливо иду к хозяйственному магазину. Ассортимент здесь шире, чем в том супермаркете, где Оля была с утра. У входа заминка: я долго проталкиваю посылку в узкую ячейку для хранения. Хватаю одну из маленьких тележек, провожу её сквозь вертушку на входе в торговый зал, пробираюсь через вертушку сам. Я редко бываю в этом магазине и не знаю, где какой товар лежит. Крем

нахожу сразу, но долго разыскиваю подгузники, приходится даже спросить у работницы, выкладывающей новый товар на полки. Хватаю их — и вот я в очереди перед кассой. Бесцветная кассирша медленно, с запинками пробивает каждый товар. Успеваю вытащить электронную книгу и прочитать две страницы. Расплачиваюсь и спешу к ячейке — но ключа от неё в кармане нет. Не видно его и в тележке. Я выбит из колеи; звоню Оле, но она начинает потешаться над моей беспомощностью. У меня нет времени это всё выслушивать, подскажи, что я могу сделать. А ведь верно, надо спросить у кассира и охранника, самому не пришло в голову. Кассирша ключа с номерком не видела, и она вообще таких вещей не решает. Охранник спрашивает: что было в ящике? А что в свёртке? Идите за мной. Мы проходим в маленькую комнату позади кассового зала, там сидит ещё один охранник и следит через камеры за кассовым залом и площадкой перед ячейками. Он выдаёт мне ключ, — я просто позабыл закрыть дверцу. Ох и придурок. Скорей, скорей, не брать же сегодня отпуск. Бегу с тяжёлой посылкой в руках, время от времени переходя на шаг, чтобы отдышаться. Дома выкладываю крем и подгузники на тумбочку в прихожей. Забрасываю в сумку приготовленные Олей банку с гречневой кашей и бутерброды. Оля рядом, стоит с Коленькой на руках. Жалуюсь ей: из-за всех этих покупок опаздываю на работу. Опаздываешь ты из-за своей глупости. Зачем ты вообще пошёл в хозяйственный магазин? Но ты сама сказала, что нужно зайти. Ты ведь видел, что времени нет. Всё это можно было купить в субботу. Ну какого чёрта! Конечно, я никуда бы не пошёл, но я считал, что дело срочное. Думал, у Коли не осталось подгузников. Знаешь, больше не посылай меня в будни за ненужными вещами. А что это за крем? Ты же не тот крем купил, это взрослый! Что за херня, ну какой ещё крем?! Оля не переносит мата; тюбик летит в меня и больно бьёт по губам. Я перехватываю его, пока он падает, и тоже швыряю — в сторону, сминая его о стену прихожей. Коля пугается, видя разозлившегося папу, и прячет голову внутрь Олиного халата. Оля свирепеет и начинает кричать: ах ты ничтожество, убирайся вон отсюда! Ни на что не годен, ни покупки сделать, ни даже отлюбить нормально не может! Я высказываю за дверь; в такие моменты в меня могут полететь любые предметы, подвернувшиеся Оле под руку. Из-за моего быстрого ухода она не получает сатисфакции. Пока я поднимаюсь по Крутогорной улице,

Оля трижды звонит мне и трижды объясняет по-разному, почему я ничтожество. Каждый раз я отвечаю «раз так, давай разведёмся» и обрываю звонок. Нервничаю, размахиваю руками, бормочу под нос: сама просрала научную карьеру — и ещё смеет меня поучать? В четвёртый раз, после паузы, Оля более спокойным тоном сообщает, что перечитала инструкцию: крем подходит и для грудных детей. Но не смей материться при Коле, я до сих пор на тебя зла. Извини, мне самому неприятно. Это всё из-за того, что я так нервничаю, когда опаздываю. Дошёл до офиса, больше не могу разговаривать. Поднимаюсь по мраморным ступенькам к столу охраны и турникетам. Как всегда, трудно нащупать в сумке бумажник с электронным пропуском — из-за лежащих в том же её отделении зонтика, банки с кашей, кошелька и антисептика. Приходится положить сумку на столик рядом с охранником, залезть внутрь обеими руками. «Гвард» — похожий на суслика человек с близко посаженными глазами — неодобрительно смотрит на мои манипуляции. Наконец я прикладываю бумажник к датчику, турникет скрежещет и пропускает меня внутрь. Лифтом я обычно не пользуюсь, его слишком долго приходится ждать. Поднимаюсь на пятый этаж по боковой лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Вытираю влажные подошвы ботинок о резиновый коврик у входа в оупен спейс и спешу на рабочее место, — оно расположено в кубрике слева от лестницы. Почему-то не видно Димы Бритвина, моего начальника. Заглядываю через перегородку — в соседнем кубрике нет на месте Дарьи. Может быть, у нас бизнес-митинг? Чтобы сэкономить время, не иду к вешалке, а сбрасываю куртку на кресло. Подхожу к митинг-комнате: да, угадал, весь актив юнита уже там. Почему-то не видно нашего продакта, прилетевшего к нам из Швейцарии на прошлой неделе. Когда я захожу, меня встречают роскошным известием: Ойген простыл под дождём, и сегодня его не будет. Не будет его и завтра, у него утренний рейс в Цюрих. Напряжение спало, все расслаблены и улыбчивы. Ойген в этот раз нагрянул к нам как снег на голову. Объявил буквально за пару дней до прибытия, что отправляется в командировку. Дима и Даша продумали, какие текущие вопросы надо будет с ним решить, и стали ломать голову, чем бы занять его в нерабочее время. Ойген был человеком неопределённым — достоверно было известно, что живёт он один, любит кошек и, в меньшей степени, девушек, — во всяком случае, стремится за-

вести приятельские отношения со всякой симпатичной сотрудницей, которая приезжает в цюрихский офис. Ойгена посадили на свободное место между мной и Димой. Хотя он мало со мной общался, я был целую неделю на лёгком взводе. Обнаружилось, что Ойгена ничем в свободное время занимать не надо, и что главная цель его визита — поправить разладившиеся отношения с девушкой из команды архитекторов, которая обитала с нами на одном этаже. Отношения так и не поправились. Ойген был грустен и непривычно предупредителен со всеми нами. Воспользовавшись его уступчивостью, Дима согласовал с ним переход с Svn-а на Git в качестве основного репозитория для программного кода и даже дату предстоящего релиза нового продукта, — выход его Ойген затягивал, чтобы сделать продукт как можно более совершенным и привлекательным для пользователей. Это был немалый прогресс, прямо-таки повод открывать шампанское — но, правда, офисными правилами такое настрого запрещено. Кроме результатов визита, мы обсуждаем на собрании текущие задачи. Две наши гранд дамы — Даша, чёрная королева команды программистов, и Марина, розовая королева тестинга (цвета — их волос и основных тонов одежды), снова бесконечно спорят о деталях процесса. По сути, это спор о распределении власти внутри нашего отдела. Даша считает, что тестирование должно быть вспомогательным процессом, помогающим программистам. Начинаться должно сразу при формировании запроса на изменение, ещё до проверки кода архитектором. Марина энергично настаивает, что тестирование должно быть заключительной, важнейшей фазой, когда все предварительные проверки уже пройдены и завершено программистское модульное тестирование. Дима, выступая в роли арбитра между двумя враждующими гранд-дамами, пытается стандартизировать наш хаотический на сегодняшний день процесс. Однако сделать это так, чтобы все были довольны, ему не удаётся. Отдельной нерешённой проблемой остаётся загрузка команды тестировщиков, слишком высокая в предрелизное время и слишком низкая посередине между релизами. Конечно, тестировщики могут при недогрузке писать техническую документацию, но это не слишком рациональный способ распределения времени. Всё у нас не по SOP-ам, говорит Марина, и FDA может к этому придаться. Группа PQA не должна слать задачу на исправление. Вообще-то процессы в разных командах должны

быть одинаковыми. По факту они всё-таки разные, говорит Дима. Нас должен интересовать в первую очередь наш собственный процесс, а не выравнивание с другими командами. У них есть своя специфика, и она может оказаться для нас неудобной. Даша проходит-ся по предстоящим релизам старого продукта, сообщая, какие задачи для них она согласовала с Ойгеном. Эта, монотонная часть митинга затягивается. Я борюсь с подступающей дремотой и, в какой-то момент проваливаясь в неё, вижу интерьер швейцарского офиса, открытые пространства со множеством сотрудников, лаконичный интерьер с винтовыми лестницами между этажами, раздвижные жёлтые шторы на окнах столовой, а в клиентском отделе — фотографии приглашённых для рекламы знаменитостей, прижавших к ушам ладони, дескать «мы слышим вас». Вынырываю из сна, освежающего, радостного, ибо поездки в Швейцарию являются наибольшим счастьем моей работы, — и вижу, что Даша фотографирует меня на мобильник. Я мнителен, и мне часто кажется, что она кропотливо собирает на меня компромат. Честно говоря, я не самый дисциплинированный работник и даю ей много необязательных поводов для пополнения досье. После окончания митинга Даша присоединяется к ребятам, собравшимся в лифтовой зоне у стола для кикера. Зовёт своего обычного партнёра, Кирилла, огромного спортсмена-дзюдоиста — на лице у него начинает мерцать рассеянная и застенчивая полуулыбка, потом он отвечает ей, почти шёпотом: «Ну пойдём». Я какое-то время стою рядом со столиком и наблюдаю за игроками. Коллеги отошли от рабочих столов на пятнадцать минут, — по корпоративным правилам, это разрешено делать без разлогина, — но игра обычно затягивается на все сорок пять. У Кирилла прямо-таки талант, он с первых же игр сделался лучшим игроком в нашей программистской команде. Вот в настольный теннис наш спортсмен играет уступчиво, можно взвинтить темп и дожать его, ну а здесь — нет, выдаёт изумительные пасы, забивает мячи в одно касание, чуть подправив направление катящегося мяча фигуркой нападающего. Забивает и отражёнными от бортика ударами, и дальними от собственных ворот. Линию, где вертится его «шашлык» — пять пластиковых игроков на металлической жёрдочке — соперникам пройти почти невозможно. До того, как он взялся за дело, лучшим игроком была Даша, у неё накопился большой опыт во время командировок в швейцарский офис. Но иг-

ра Кирилла в нападении свежей и разнообразней. Сейчас он, тем не менее, играет в обороне, защищает Дашины тылы. Это выходит у него не так ловко, в нападении против него — Артём, игрок опытный и хладнокровный. Он расшатывает Кирилловы позиции, меняет ритм игры, пытается загнать мяч одним неожиданным щелчком. На другой стороне поля Даша ничего не может поделать с тестировщиком Даней, защищающим противоположные ворота. Он хорошо изучил её тактику, ловко отражает и перехватывает удары. Без случайностей не обходится: то Кирилл, пробуя выбить мяч со вратарской линии, загоняет себе невынужденный гол, то Артём пасует неожиданно для Дани мяч назад и попадает прямо в угол своих ворот. Даша в эту минуту не тимлид, а страстная ведьма с волосами, заплетёнными в толстый узел. Отмечает каждый свой гол, вскидывая вверх тонкие, голые до плеча руки. Мне нравится этот жест, но — полюбовался, и хватит. Если бы я не так сильно опоздал, тоже поиграл бы, а сегодня времени на это нет. Возвращаюсь на рабочее место, переносу куртку с кресла на вешалку. Королева тестинга, ничего в программировании не смыслящая, опять разъяснила мне на митинге, как надо кодировать. Копипастом. Так, дескать, вся генетика создана. И хороший ли это продукт? Тот продукт хорош, который хорошо продаётся. За стенкой кубрика, скорее, заборчиком, слышна музыка в чьём-то наушнике. Столовую перенесли в подвальное помещение, и сегодня туда невозможно попасть на лифтах: они перевозят груды свёртков на третий этаж, арендованный аудиторской фирмой. Я перекусываю на своём рабочем месте, воспользовавшись тем, что Дима ушёл на совещание к верховным менеджерам. Смотрю в окно: вышедшее на минуту из-за туч солнце ещё далеко от той точки, где оно обычно садится. Сейчас оно слева, над склоном холма, так густо засаженным зеленью, что он кажется лесным массивом — а на самом деле под деревьями стоят дома, маленькие, непропорциональные, с рябыми кирпичными стенами. Думаю: о нежное, щемящее чувство, когда читаешь документацию, написанную женщиной, в которую ты влюблён — и хорошо написанную, без единой ошибки. Или разглядываешь перед Хэллоуином нарисованные её рукой на стенах кровавые петли. В ответ на чetyре поста в мессенджере — долгожданная скобка. Трудна она, любовь в социальных сетях. Похоже, всё кончилось, когда я сказал, что проза её неудачна. Дикий внутренний холод и какая-то нежелудоч-

ная тошнота. Не могу смотреть на себя в зеркало: старый, толстый, беспомощный, во всём бездарный. По крайней мере, этот диалог ещё не прервался, ещё тянется тонкая линия, никому не нужная, виртуальная связь. Береги её, истерик, береги её. Окончив полдник, я возвращаюсь к задаче о пересчёте поверхностей при движении компонентов с нажатой клавишей Shift. Проблема вызвана тем, что для компонента вычисляется не только внутренний, но и скругляющий контур — кстати, быть может, это тоже можно ускорить. Но пока Эрвин, один из швейцарских архитекторов, предложил делать в отдельном потоке вычисления для каждой позиции. С потоками я имел дело редко — значит, можно научиться чему-то для меня новому. Просмотрев пару лекций по асинхронному программированию, создал цепочку из двух задач, разделив существующий код: в первой задаче шли вычисления геометрии обоих контуров, во второй — обновление рендеринга и деформация шаблонов. Теперь стал происходить креш на стороне рендеринга: дело в том, что вторая задача тоже открывалась в отдельном потоке, а мне надо было вернуться с вычислениями в исходный, главный. Вчера я обсуждал этот вопрос с Лёшей, нашим техническим лидером, и он посоветовал мне использовать метод планировщика задач, использующий контекст синхронизации. Действительно, такой метод помогает связать вторую задачу с исходным потоком. Вычисления контуров проходят без крешей, но отсутствует обновление рендеринга, даже если я заказываю его напрямую. Долго разбираюсь, в чём дело, и понимаю, что ошибка в разделении кода — я просто забыл включить во вторую задачу функцию перевычисления шаблонов. Обратил внимание и на то, что проверочный метод, вызывающийся для каждого вычисленного скругляющего контура, игнорирует свой аргумент. Быть может, его стоит вызывать только один раз и заранее, а не каждый раз для новой позиции? Не поможет ли это само по себе увеличить скорость? В итоге потоки мне ничего не дают, на их вызов тратится добавочное время, да и сами они заканчивают работать в некий неопределённый момент, не обязательно скоро. Даже если сам компонент перемещается с приличной скоростью, контура и поверхности перерисовываются с большим опозданием. Эрвин говорил о том, что львиная доля времени уходит на алгоритм, разделяющий поверхность контуром. Я полез было внутрь нашей вспомогательной библиотеки, вызывающей стандартный

алгоритм, но мне показалось, что оптимизировать там ничего не удастся. Всё лаконично — кроме конвертации данных, только вызов вспомогательного алгоритма, прицепляющего полином к поверхности, и затем самого разделителя. Вторая из текущих задач удалась мне намного лучше. Надо было отобразить степень удержания в цвете, на этот раз не на главной поверхности, а на шаблоне замка. У меня был уже алгоритм, поточно вычисляющий нужные оттенки. Первая загвоздка была в том, что он требовал нормали к шаблону, а они существовали не во всех точках. Я обошёл это, добавляя неопределённые значения в список цветов. Вторая беда была посерьёзней: при переключении с контроля формы на визуализацию удержания приходилось пересоздавать саму поверхность; затем стандартная функция, её обновляющая, генерировала ненужный мне элемент отмены. Здесь пришлось покрутиться. Лёша предлагал мне подменять на ходу цвета внутри класса поверхности. Сначала я так и делал, но убедился, что этот подход является излишним. Достаточно было заменить поверхность на рендеринге, не трогая сцену пересечений. В библиотеку добавлен был лаконичный метод, принимающий в качестве аргумента цвета, новая поверхность для рендеринга вычислялась теперь внутри него. Я не уверен, что этот способ понравится Эрвину, — посмотрю, что он скажет во время проверки. Ещё какое-то время приходится исправлять неполадку: отменялось не только перемещение контура, но и переключение контроля качества. Проблема в том, что последнее обновление шаблона происходит внутри элемента сцены, и оно перетирает все предыдущие. Приходится устроить обратный вызов; похожие действия в этом элементе уже совершались, так что это в достаточной степени безопасно. Тестируя изменения перед тем, как отправить на проверку, нахожу ошибку: поверхность перестала обновляться после отмены, её контур буквально виснет в воздухе — правда, с расцветкой всё на этот раз верно. Приходится поменять логику обратного вызова, она даже немного упрощается. Заодно я избавляюсь от введённой мной отменяемой переменной, содержащей недетализированное впечатление. Обслуживание её обходится слишком дорого, а впечатление можно передать через конструктор шаблона — только поменять аргументы фабрики, поправить её вызов из метода взаимодействия для замка. Я сразу же начинаю готовить и вторую часть задачи: степень удержания там вы-

числяется уже для части впечатления, ограниченной контуром, и для текущей оболочки, полученной после операции опустошения. Теперь этого можно достичь однотипными функциями для обратных вызовов, переключений контроля качества, вычислений цветов в реальном и предварительном режиме. Для поверхностей я выношу эти функции в отдельный класс. Остаётся неясным, стоит ли распространить их и на шаблоны, — это потребует выделения общего интерфейса для шаблона и поверхности, что может быть слишком искусственным подходом и сделает интерфейсы запутанней. Остаётся открытым главный вопрос — не слишком ли замедляется перемещение контура теперь, когда постоянно перевычисляются цвета и для шаблона, и для ограниченной части впечатления? Если это так, цвета надо будет считать только после окончания перемещения. Ответ от Эрвина приходит почти сразу — мой вариант подходит, остаётся несколько замечаний. Во-первых, надо вычислять цвета только для внешней поверхности — сейчас внутренняя поверхность и полка между ними окрашены в ядовитосиний цвет, смысла в этом нет. Во-вторых, и это главное, изменив метод для вычисления контроля формы, я испортил цвета превью на финальной стадии, сейчас там просто чернота, прямо как на картине Малевича. В-третьих, шкала, которая показывает процентный уровень удержания, вычисляет его теперь только для одного из шаблонов, а не для всей поверхности. Переделать два первых пункта несложно, хотя работа и кропотливая, приходится добавлять новый аргумент с маркером внутренней поверхности сразу во многие методы. Третий же пункт требует существенной переработки всей системы вычислений контроля качества, и мы с Эрвином договариваемся вынести его в отдельную задачу на будущее, не для текущего релиза. Так или иначе, задача решена, и я этому очень рад. Ещё одна — рассинхронизовать изменение ширины и высоты вентиляционных выходов для каналов, имеющих Д-форму. Текущая синхронизация может приводить к тому, что неактивный выход ныряет глубоко под поверхность, и его в свою очередь приходится поправлять — возникает порочный круг. Задача даётся без труда: буквально за несколько минут я нахожу участок кода, где размеры выходов копируются друг в друга, и ограничиваю копирование условием, вытянув форму канала из параметров. Можно было проверить, впрочем, интерфейс выхода — не знаю, какой из способов

здесь больше подходит. Так же быстро решается и задача о переключении режима движения канвы с перемещения на поворот в случае нажатой клавиши контроля. Правда, при этом у меня начинают падать интеграционные тесты, приходится вынести проверку нажатия в отдельный класс, изготовить удобную для тестов куклу. А вот с ещё одним дефектом канвы находит коса на камень. Где-то посреди вычисления внутреннего контура происходит креш из-за того, что буфер, содержащий предварительно вычисленный режущий контур, к этому времени оказывается очищен. Сначала, поставив брейкпойнт в методе, где очищается буфер, я нахожу в коде основного продукта подозрительный фрагмент, который мог привести к дефекту: очистка буфера, происходящая только после окончания режущей операции. Она происходит в отдельном потоке, а в основном в это время заново инициализируется канва. Если пользователь быстро кликает по канве, он успевает запустить вычисление контуров, и буфера могут быть очищены после вычисления первого из них. Я делаю простейшее исправление: добавляю локальную переменную, которая блокирует вычисления контуров до тех пор, пока операция не отработала. Но это ничуть не спасает ситуацию, креш продолжает воспроизводиться. Для того, чтобы разобраться, приходится залезть внутрь вспомогательной библиотеки, скомпилировать её последнюю версию, встроить внутрь основного продукта и подключиться из дебаггера библиотеки к исполняемому продукту. Суть проблемы в том, что после вычисления контура его буфер очищается также и в случае, если вычисляемая параллельно карта расстояний оказывается пустой. Но при этом точки контура всё равно возвращаются в основной продукт, и тогда он запускает вычисление контура внутреннего, не имея необходимой базы. Нахожу одну из потенциальных проблем: при вычислении класса равенства для данной канвы надо заменить обычное копирование на перемещающее для уникального указателя. Исследую построение карты расстояний — и снова беда, при ошибочном вычислении не возвращается код ошибки, только пустая карта уходит наверх, и режущий контур признаётся валидным. Исправляю это, добавляю возвращаемые логические значения, но хлоп — продукт продолжает падать, уже на рендеринге режущего контура. Сохраняю этот контур и текущую поверхность с помощью диагностического класса, открываю для визуализации. Ужас какой, при повторной акти-

визации канвы она проходит по самому краю отрезанной поверхности, образуя контур тонкий, многократно самопересекающийся — настоящий фрактал, который не могут показать толстокожие рендеринг-функции. Я в тупике и пока не знаю, как с этим бороться. Наверное, надо исследовать алгоритм построения контура. Хуже того, Даня, опытейший наш тестировщик, обнаружил, что рендеринг может падать и при вращении, на самых простых контурах. Спасибо Эрвину — он подсказывает мне, что дело может быть попросту в удвоенных точках контуров. Теперь ничего не стоит написать заплатку, где подобные точки будут устранены. Однако корень зла в том, что алгоритмы разрезания работают неверно; вероятно, придётся писать запрос к алгоритмической команде, чтобы их нам починили. После этого мой быстрый фикс можно будет благополучно отменить, во избежание программной замусоренности. Я вспоминаю, что обещал одной из сотрудниц-волонтёрок, собирающих деньги на армию, передать небольшую сумму для поддержания ею подразделения военной разведки. Прихватываю кошелек, поднимаюсь по лестнице на десятый этаж и вручаю своей — очень правильной — знакомой несколько сотен. Лучше так, чем истратить их на выпивку с поэтами. По дороге заглядываю в менеджерскую комнату. Там сидят, вместе с первоверховным офисным начальством, и Дима с Дашей. При спуске по лестнице открывается вид на парковку и ряд металлических скамеек в офисном дворе, где перекуривает несколько сотрудников, включая нашего Даню. Вернувшись на место, я какое-то время работаю над предыдущей задачей. Понимаю, что дремота никуда не делась, она опять на меня накатывает. Как раз в это время, между четырьмя и половиной шестого, сонливость самая вкрадчивая. Завариваю на кофе-машине двойной американо — надеюсь, он поможет мне продержаться ближайшие полтора часа. Чтобы воспроизвести самый сложный из порученных мне дефектов, надо открыть ордер старого формата, перейти в закладку «вентиляционный канал» и переместить приёмник звука в другое положение. Проблема в том, что при этом неожиданно смещается и звуковой выход. Происходит это в три этапа: сначала, при загрузке ордера, все параметры, присутствующие в проекте со старым форматом, получают состояние «всегда равны» для сравнения с прежним своим значением. На втором этапе — после того, как мы сместили звуковой приёмник — по узлам движка

распространяется грязь, и часть «всегда равных» параметров получает противоположное состояние «никогда не равных» — именно так работает у нас оптимизация для неизменённых входных данных. Параметр, ориентирующий звуковой выход исходя из положения приёмника, тоже становится «никогда не равным». Несмотря на то, что он пуст, параметр этот триггерит операцию, вычисляющую звуковой выход; из-за оптимизации система считает, что значение его изменилось с момента предыдущего исполнения операции. Попытки отключить вычисления внутри операции не дают никакого эффекта: этого мало, чтобы остановить начавшееся падение доминошных косточек. Самое меньшее, что я мог сделать — загружать из ордера, помимо окончательного значения звукового выхода, ровно такую же величину ещё и в параметре с промежуточным, неспроецированным значением. Такой параметр чист, и его присутствие рассекает предыдущую цепь вычислений, ведущую от положения звукового приёмника. Таким образом, звуковой выход уже не прыгает в сторону, однако из-за оптимизации вычисления продолжают. Выходной параметр операции, оказывается, в свою очередь, «никогда не равным», за счёт этого она поджигает по цепочке следующие операции, и в итоге меняется, хотя и немного, положение вентиляционного канала и связанных с ним коллизий. В конечном счёте, такое рассечение только скрывает настоящую проблему — ведь если бы оптимизация работала правильно, операция просто не обрабатывала бы при неизменённых данных. Как сказал Лёша, с которым я успел и эту проблему обсудить, — движок работает по своей логике, и оптимизация не сбоит, но совместная их работа порождает крайне запутанную проблему — мало ли какие операции они ещё могут при различных сценариях поджечь с помощью «никогда не равных» параметров. Сегодня я обговаривал этот дефект ещё раз, уже с Эрвином, по мессенджеру — но, видимо, мне не удалось донести до него главную Лёшину мысль: при скрещивании ортогональных логик у нас возникает зазор, делающий функциональность непредсказуемой. Эрвин предпочитает отладить текущий вопрос, введя дополнительную грань между «никогда не равным» параметром и операцией — так, чтобы движок отслеживал состояние этой грани, а не состояние параметра. Вместо основательного перепроектирования движка ему хочется перебросить ажурный мостик над очередной раскрывшейся внутри нашего

продукта бездной. На этих мыслях я проваливаюсь в сон и снова оказываюсь в Швейцарии. Это времена первой моей командировки, самой запомнившейся. В первый день, ещё не рабочий, мы поднимаемся всей нашей рабочей командой на высокий холм, откуда город виден целиком, вплоть до дальних окраин, карабкающихся на высокие, заснеженные даже осенью, горы. Вдоль крутого подъёма расставлены фонари в виде бородатых жирафов и сфинксов со светящимися головами. Посередине пути установлен метровый жёлтый диск — это Солнце, первый объект в расположенной вдоль тропы модели планетарной системы, где пропорционально соблюдены размеры космических объектов и расстояния между ними. Стенд с первой планетой, Меркурием, едва заметной дробинкой, установлен метрах в сорока от главного светила. Чуть короче расстояние до Венеры, но сама она крупней, размером с вишнёвую косточку. До Земли добираться дольше, стенд с ней уже совсем недалеко от вершины холма. Марс нам найти не удаётся, наверное, он затерялся на одной из боковых дорожек. На маковке холма стоят вплотную друг к другу стрельчатая радиовышка и ресторанчик под открытым небом, где мы съедаем по порции сосисок со вкуснейшей квашеной капустой. С одной стороны площадки открывается вид на вызревшие поля, где вкрадчиво крадутся туманы, на горбатую канатную дорогу и параллельные гряды соседних возвышенностей. С другой стороны — город, компактный, насыщенный, проштрихованный ярким дневным светом. Над центральной его частью проносится воздушный парад: кувыркаются, накладываются друг на друга, разлетаются разноцветные самолётики. В стационарную подзорную трубу видно, как на центральной площади взмывает и затем стремительно падает кабинка в одном из механических аттракционов. Через квартал от неё ползёт, оплетая высотные здания, полосатая змея железной дороги. Втроём с Дашей и Лёшей, отделившись от остальных коллег, мы спускаемся по чередке металлических лесенок в долину за холмом. Дальше нет асфальтированных проездов, только ухоженные грунтовые тропы. Время от времени нам попадаются двухэтажные домики с широкими ставнями и островерхими черепичными крышами, вокруг них монотонные ярусы виноградников, отбрасывающие строгие решетчатые тени на устланные гравием дорожки. На одном из поворотов тропы, перед хвойным леском, мы видим Сатурн — десятисантиметровый мед-

ный диск с поперечной тарелочкой, установленный на высоком бугристом камне вместо пьедестала. Как же мы пропустили Юпитер? Судя по карте, прикреплённой к камню, до Урана идти ещё несколько километров. Делать это нам кажется не обязательным, и мы начинаем спуск по направлению к озеру мимо искусственного, окружённого перилами, водопада, переходящего в шумливый горный ручей, — он петляет между скалами, как слово, записанное буквами неизвестного алфавита. Даша и Лёша идут быстро, спортивно, я едва поспеваю за ними — всё, как во время работы. Начинают попадаться здесь и там первые городские дома, обширные, деревянные, с неокрашенными оградами, с окнами, заставленными цветочными горшками. За распахнутыми настежь воротами двое рабочих в комбинезонах чинят моторную лодку. А у следующего строения как будто подрезан первый этаж, чтобы не мешать уличному движению; верхний этаж и крыша нависают над дорогой. На школьных стенах, толстых, добротных, художники-любители намалевали несколько фресок. Юноша поднимает над собой развевающийся квадратный флаг на фоне размытой зелени, двое сидящих мальчиков младшего возраста глазят на него, разинув рты и обняв друг друга за плечи. Учитель — в просторном комбинезоне, с причёской горшком — читает нечто из большой амбарной книги группе плохо прорисованных учениц, что держат раскрытые тетради на коленях. Юноша в спецовке, с молотком в руке, задумчиво изучает другого юношу, полуобнажённого, атлетического, столь же задумчиво поигрывающего циркулем. На следующем здании, вероятно, полицейского управления, изображён сельский праздник. Солдаты и поселяне кружат в танце белокурых девушек, то в белых развевающихся передниках, то в облегающих платьях. Арлекин играет на виолончели. Грустный человек в мятом костюме извлекает музыкальный ветер из трубочки, больше похожей на поварёшку. Священник, наклонив кубическую бутылку, — Лёша сначала думает, что кинокамеру, — наливает вино двум полуистёршимся собутыльникам. Ручей, вдоль которого мы продолжаем спускаться, ныряет под автостраду и выбирается наружу возле стройки с торчащими безо всякой логики сваями, — над ней доминирует магически точный, внушающий некую надежду красный кран. Ручей уходит в сторону, под бетонный шлюз, а мы оказываемся на краю очередного склона, откуда видна вблизи центральная часть города: растяну-

тая речная излучина, выгнутые спиралями узкие улицы, высокие арки внутри зданий, террасы со скверами, над которыми возвышаются кривоугольные башенки. Спустившись по каменным ступенькам, переходим на другую сторону реки у особняка, опустившего в воду сваи, как вёсла. Огибаем въездные ворота со средневековыми часами, выпускающими каждые полчаса на прогулку фигурки князей, принцесс и священников. Выпиваем по стаканчику глинтвейна посреди ярмарки, растёкшейся по улицам тремя шумными рукавами. Фотографируемся возле фонтана: из огромной буквы f льётся тонкая струйка в полную до краёв мраморную миску. Здания в виде ромбов и треугольников, вцепившиеся в наклонную мостовую фонари. На одном из них герб: змея в короне обвивает зубило и клещи. Между замком и музеем современного искусства, — тройной волной из стекла и стали, — прячется маленький парк со скульптурами. Одна из них изображает юношу и девушку, соприкасающихся ягодицами, обхватывающих друг друга сзади за бёдра. У юноши вместо обычной головы — ощеренный череп, едва прикрытый тонкой кожей. Девушка, как отмечает с опаской Даша, очень похожа на неё лицом и фигурой. С плавным скрежетом крутится мобиль, составленный из многочисленных колёс, цилиндров, труб и рычагов. Ближе к музею возвышается розовое дерево из соединённых друг с другом октаэдров, — привет Дэвиду Линчу. Троллейбусная остановка светится, как раскалённая жаровня, и кажется ещё одним, добавочным экспонатом. Через несколько минут мы добираемся до серо-суровой железнодорожной станции, под ребристым потолком которой покачивается надувной ангел — фиолетовая женщина, выставившая жестом регулировщика пылающий меч поперёк направления рельс. Электричка приходит по расписанию с точностью до секунды. Даша сидит со мной плечом к плечу, совсем как в юности, когда мы ездили с её семьёй к ним на дачу. За окном стремительно несущегося вагона проворачивается озеро, меняются виды на пригородные посёлки с высокими церковными шпилями. Мы ходим возле лодочной станции в сгущающихся сумерках; рассудительный, умеренный ветер треплет красные и зелёные флаги, подвешенные на высоких шестах. К причалу один за другим подходят сияющие прогулочные теплоходы. Вдоль заросшей высокой травой прибрежной поляны выстраивается ряд зачехлённых яхт. Поднимаемся на второй этаж ресторана рядом с нашей гостиницей; здесь пере-

плетаются резкие запахи пива и сыра раклет, но мы к ним быстро адаптируемся. Находим столик, где нас уже ждут остальные члены нашей команды и присоединившиеся к ним местные коллеги. Из основных блюд, на выбор, мясо маринованное и мясо слабoproжаренное. «Дичь» — Ойген, чтобы пояснить, поднимает согнутые пальцы, показывая ушки животного, и я догадываюсь, что это лань. Сборные гамбургеры, компоненты которых мы выбираем сами в длинном меню с непонятными немецкими названиями, — а в качестве гарнира получаем понятную жареную картошку. Наши ребята пьют пиво, девушки лёгкое местное вино. На стене за нами мозаика с актрисой Скарлетт Йохансон, выполненная в стиле поп-арт. Официанты в очках с золотыми оправками выглядят интеллектуалами. Разговор за столом ветвится на несколько параллельных русел. На левом фланге Марина рассказывает о последнем танцевальном фестивале в Осло, в котором она принимала участие. Условия были суровые; жить пришлось, благодаря организаторам, на берегу фьорда в палатке, и ночью она замерзала даже в спальном мешке. Эрвин рассказывает о временах своей учёбы в университете. Преподавателем у него был знаменитый Никлаус Вирт, — он говорил, что правильно написанной программе даже не нужно тестирование. Поэтому Эрвин сделался настолько придирчивым к качеству программного кода. Помимо технических и математических у нашего главаря есть ещё два увлечения — футбол и музыка. Каждый будний день он гоняет мяч на стадиончике возле лодочной станции, а на выходных музицирует со своей большой семьёй; сам он хорошо играет на фортепиано, сестра — на виолончели, дядя — на скрипке. Даша вовсю сияет в присутствии швейцарского начальства и демонстрирует своё изрядное владение как английским, так и немецким. На противоположной стороне стола происходят разговоры серьёзные, политические. Сначала речь идёт о модных климатологических веяниях, озабоченности которыми мы понять не можем: казалось бы, если зимы потеплеют, просто будет меньше травматизма, а летом для нас ничего не изменится, ведь летом и так постоянно сидим под кондиционерами. Потом речь заходит о военных угрозах. Лёша опять объясняет швейцарским коллегам ситуацию с возможным вторжением России, сетует, что европейцы относятся к этой теме равнодушно. Мы не хотим воевать, терпеливо объясняет Ойген, русские — выгодные партнёры, и мы хотим торговать с ни-

ми. Это недальновидно, начинает кипятиться Лёша, и это граничит с предательством. В центре стола тестировщики разных национальностей обсуждают супергеройские фильмы и последний сезон модного стримингового сериала. Марина без энтузиазма ковыряет вилкой варёного осьминога, а я уплетаю его за обе щёки. На полках между окнами, где помаргивают огоньки с другого берега озера, выставлены мутные бутылки с глубоководными рыбами — кажется, попавшими сюда из другого моего сновидения. Расскачиваясь на цыпочках, Даша ядовито говорит: как же хорошо тебе спится, Андрей. Я мгновенно вынырываю из дрёмы; опять она меня застучала спящим. И что ты делал на десятом этаже? Как же, рассказывай, сдавал он деньги на армию. Опять ходил, как это у тебя называется? — девочек окучивать. Я предлагаю: давай сходим наверх и спросим, что именно я там делал. Даша жестом отказывается. Тебя слишком часто нет на месте, и ты при этом не разлогиниваешься. Работаешь меньше положенных восьми часов. Есть же правило пятнадцати минут, возражаю я. Есть, но ты им всё время злоупотребляешь. Работать надо, понимаешь? Работать надо! Даша развивается: любимая тактика чайки-менеджера, поклевала и улетила, — но я её догоняю. Хорошо, давай обсудим, а в каких случаях я могу уходить со своего места без разлогина? В туалет я могу выйти? Андрей, ты издеваешься надо мной, что ли? Если тебе так часто надо в туалет, иди к врачу и лечись. Я как раз и лечусь, у меня больной кишечник. Справку из гастрологии надо тебе показать? Даша опять повышает голос: садись и работай, сегодня надо закрыть билд. Уходит в свой кубрик, слышно, как она всё ещё нервно беседует с кем-то из швейцарских коллег по скайпу. Антон спрашивает: может быть, она тебя ревнует? Ни к кому так не придирается. Думаю, она меня просто хочет уволить. Я стараюсь успокоиться сам. Решаю, чтобы не засыпать, пить ещё больше кофе днём, в самый смутный период. Если честно, моя бывшая приятельница права — хотя и прицепилась к ерунде, к этому десятому этажу. Но вот, например, моё сегодняшнее опоздание. Мог я хотя бы раз вовремя прийти на работу? Теперь надо проверить несколько чужих заданий для сегодняшнего билда. Первое из них — о креше: продукт падает, когда для юнита с кровью сохраняются в базу и антигены, и антитела. Дело было в неверном копировании из одной структуры в другую, при этом загрязнялись индексы в целевой структуре, часть информа-

ции терялась. Второе задание — очень лёгкое: надо просто переименовать файл секьюрити, плюс заменить соответствующую строчку в мейкфайле: из-за несоответствия названий случаются ошибки при инсталляции. Ещё один баг — в настройках производственных процессов. Если задаётся более трёх операций и для них более шести финальных продуктов, система после предупреждения всё равно даёт сохранить изменения, и в базу падают пустые записи. Сами изменения понятны, но с этой задачей возникает другая беда: Ульяна просто залила файл в билдовую ветку продукта из версии, но не скомпилировала его, и теперь при сборке возникает ошибка. В файле использовано поле, доступное только в транковой базе данных. Надо либо домёржить датабазные изменения в ветку, либо удалить из файла все упоминания об этом поле. Я спрашиваю в текстовом мессенджере у Эрвина, пойдут ли изменения базы в бранч. Он отвечает через полчаса: нет, это не для бранча. Ульяна сегодня в отпуске, поэтому я прошу Василия сделать новую версию файла, без того злополучного поля — а я итог проверю и замёржу. Параллельно я просматриваю предлагаемые изменения ещё по одной проблеме: при завершении производственного процесса окошко виснет из-за неверной трансформации, но только под графическим интерфейсом. На апдейте, несмотря на режим просмотра, поля в таблице остаются доступными для редактирования. Алгоритм у трансформации был диковинным изначально. Основная таблица фальшива, она собирается из россыпи отдельных полей и малых таблиц, приходящих в инпуте. Если хотя бы одно из исходных полей для данной колонки доступно для чтения, то и вся колонка объявляется доступной, в противном случае её защищает трансформация. Но при этом не учитывается, что исходные поля на апдейтах могут оказаться как доступными, так и заблокированными. После того, как запрошена защита, при отработке сообщения по всем полям идёт блокировка, но зато сбрасывается и атрибут «только для чтения». А если так, поля в основной таблице оказываются разблокированы. Сначала я всего этого не понял, только увидел, что Антон в запросе на изменения написал что-то очень странное. Перекрёстную логику он инвертировал на прямую: теперь из атрибута «только для чтения» сразу следует доступность. Смешно, но абсурдная логика в абсурдном месте раньше приводила к правильным результатам. Нет, это неправильно, говорю я Антону, давай вернём

прежнюю трансформацию, она странная, но умная. Зато в основном коде защитим поля. Алгоритм таков, что для проверки изменений каждый раз приходится генерировать новые юниты и задавать отдельную операцию — это занимает несколько минут, и я в промежутках пытаюсь проверить ещё одно задание, крайне загадочное. В дефекте написано, что надо отменить генерацию баркода в тех случаях, когда после тестирования получается невалидный результат для группы крови, но по коду выходит что-то совсем другое. Отменяется проверка и генерация исключения в тех случаях, когда резус-фактор пуст или не изменён. Я бы расспросил Серёжу, который эту таску делал, но он уже ушёл, приходится разбираться самому. Тем временем Антон заканчивает вариант с защитой в исходном коде, показывает мне — всё работает точно так же, то есть неправильно. Давай тогда сделаем в полях частичную защиту, предлагаю я, это другой механизм, он может сработать. Метод научного тыка, говорит Антон. Не люблю эту шутку, но что тут ответишь — действительно, мы пробуем разные варианты решения наугад. Я звоню Серёже, он стоит где-то в автомобильной пробке. Объясняет: это нужно, чтобы баркод генерировался только в зависимости от группы крови. Исключается тот случай, когда группа не пуста, а резус пуст. Но он же в этой функции не генерируется, здесь только какие-то проверки. А ты посмотри дальше по коду, где эти проверки используются — как раз в зависимости от них мы запускаем генерацию. Спасибо, Серёжа, я понял, теперь могу заапрувить таску. До завтра, хорошего тебе вечера. Антон уже сделал вариант с частичной защитой — стало ещё хуже. Всё равно поля остаются доступными, но ещё и повисают, когда в них попадает курсор. А номера юнитов теперь почему-то перебегают из первой колонки во вторую, когда закрываем сообщение. Это не может быть испорчено в текущей задаче, здесь что-то другое — надо будет посмотреть попозже, уже после билда. Включаем трейс, проверяем по нему, как работает трансформация, и я вникаю в ситуацию с парными атрибутами «только для чтения» и «доступно». Ясно: если приходит ложный атрибут «доступно», надо в ложь поставить и «только для чтения». Если нет, вычислять его так, как он раньше вычислялся. Как дела с билдом, спрашивает Дима. На мне осталось одно ревю. Сейчас Антон сделает трансформацию, и всё должно заработать. У Кирилла ещё одна задача, реворк, а дизайн по ней делал ты. Я подхожу к Ки-

риллу, его место далеко, через несколько кубриков. Сейчас рядом с ним сидят Даша и Даня, у всех кипит работа. Даша говорит мне, что сама проверит реворк. Значит, мне надо закончить только Антонову задачу. Звонит мой телефон — это мама. На всякий случай разлогиниваюсь и выхожу в пустую митинг-комнату, чтобы никому не мешать. Привет, говорит мама, как у тебя дела? Всё в порядке, сейчас закончу с работой и пойду на стадион. Не ходи никуда, видишь, какой ливень. Лучше пережди его и возвращайся домой. Я выглядываю в окно, дождь и правда серьезный. Вниз по проезжей части катит целая речка, автомобили перемещаются с трудом. Я всё равно пойду, есть зонт, — и не пытайся на меня, пожалуйста, давить. Как там ребята? Коля спит, я его укачала. Оля варит ему суп — позвать её? Нет, лучше не отвлекай. Я возвращаюсь к Антону. Новый вариант трансформации работает. Проверяем с ним несколько сценариев. Пока не всё идеально: когда формируется запрос о завершении процесса, одним и тем же цветом показываются и заблокированные, и доступные поля. Но здесь мы ничего не испортили, так оно было и с прежней трансформацией. Дефект заключался не в этом, и мы его, наконец, поправили. Антон заливает изменения, я их аппрувлю в системе. Подхожу к Даше: мы закончили, может быть, здесь нужна моя помощь? Даша, не поднимая головы, сухо отвечает: мы справляемся, ты можешь идти. Я добываю из ящика в столе свой старый зонт — раньше он был «мужским», с чёрной ручкой, но во время одного из ремонтов мастер заменил ручку на розовую. Говорю «до завтра» соседям по кубику. Бритвин пока уходить не собирается, смотрит на дождь из широкого окна. Едва выхожу из офиса, ветер выворачивает зонт наизнанку, — я иду под трепещущей красной чашей, что собирает падающую воду. Пара спиц уже сломалась, и теперь они висят на ткани, к которой пришиты, опасно мечутся перед глазами из стороны в сторону. На другой стороне улицы несколько вымокших до нитки студенток ждут рейсовый автобус. Черпая ботинками из шумящих потоков, я перехожу через дорогу и присоединяюсь к ним. Уже стемнело, в световых колодцах проносятся крупные капли. Светофоры мигают жёлтыми глазами под кропотливой волокитой ливня. Сквозь дырку в ткани зонта холодная струйка брызжет на шерстяную шапку, я уже чувствую влагу за пазухой. Подъезжает нужный мне, плотно упакованный автобус. Вопреки предчувствиям, останавливается — водитель жадни-

чает, слава водителю. Я складываю зонт и протискиваюсь внутрь мягкой человеческой массы на нижних ступеньках. Хватаюсь за чью-то ляжку в чулке, прежде чем нащупать поручень. Висеть на нём совсем не легко, однако становится легче на следующей остановке: кто-то сходит, вырывая себя из тёплого человеческого мяса, кто-то одновременно заходит, проталкивая предшественников вглубь норы. Удаётся встать поосновательней, освободить руку и передать заранее приготовленные три гривны. Белобрысая девушка, с которой мы сплетены тесней, чем при половом акте, протягивает купюру дальше, по направлению к водительской кабине. Сзади сопят и наваливаются мне на плечи двое пьяных футбольных фанатов; запах от них стоит несусветный. На повороте, потеряв равновесие, один из них хватается меня за ворот куртки, — какое-то время я терпеливо пытаюсь выдернуться из мощной руки. К счастью, это замечает его товарищ, чуть менее пьяный, вытягивает у соседа из клешни мою куртку и разворачивает его к себе лицом. Никаких извинений, да я их и не требую, лишь бы эта публика вела себя спокойной. Вот и нужная остановка, двери приоткрываются, и все стоящие на ступеньках плюхаются в глубокую лужу. Мне всё равно, ботинки ещё до этого промокли. Толпа поднимается к стадиону по длинной лестнице. Качающиеся зонты заслоняют столбы света, поднимающиеся в небо над бетонной чашей. Дождь уже не хлещет, а клубится, и похоже, что к нему примешивается снег. Из-под козырька стадиона доносится какофония: несколько человек играют на духовых инструментах и стучат палочками в барабаны. Проходим сквозь стадионные ворота, мимо безликой колоннады, возведённой ещё в сталинские времена. Суровые парни в чёрных плащах проверяют билеты, сразу за ними полицейские досматривают сумки. Я открываю свою: там только подстилка для сидения и электронная книга, банку из-под каши я оставил на работе, зная, что стекла с собой быть не должно. Над нами серая громада стадиона, ручейки болельщиков текут на верхние сектора по спиральным лестницам. Вдоль внешней стены стадиона — десятки входов в туалетные комнаты, мужчины заходят и выходят, хлопая разноцветными дверцами. Вероятно, женских туалетов здесь нет. Между туалетами в стенах стадиона расположены витрины небольших магазинчиков: одни торгуют пивом, другие — футбольной амуницией и мячами, подписанными выдающимися игроками команды. Перед

входами на сектора билеты повторно проверяют, чтобы обладатели дешёвых не проникли к дорогим местам. Я прохожу на своё место в дорогом центральном секторе. Эта часть стадиона самая пассивная, обычно здесь гложет волна, поднятая в секторах подешевле. С местом мне везёт, вид на поле идеальный — однако прямо за моей спиной проход, где непрерывно ходят люди. Того и гляди, кто-нибудь заденет коленом голову или пнёт плечо. Сиденье замызганно, я вынимаю салфетку, протираю его, поверх кладу подстилку. Игроки уже на поле, разминаются, бегают трусцой, катают полосатый мяч. Чувствуется, что им зябко. Из раскрытого над полем чёрного небесного квадрата, извиваясь, опускается снег — теперь один только снег, без дождя. На электронном табло крутят ролик, футболисты с разными цветами кожи желают остановить расизм. Поле в чудовищном состоянии, здесь и там в лучах софитов поблёскивают глубокие лужи. Игроки выстраиваются, чтобы прослушать гимн Лиги, пожать друг другу руки перед началом игры. За правыми воротами фан-сектор скандирует: «Героям слава!». Бьют барабаны, блеют дудки. Матч начинается — нельзя сказать, что блестяще. Обеим командам надо приспособиться к тяжёлому полю. Атаковать по той его части, которая ближе к фан-зоне, не выходит: в ложбине образовалось настоящее болото. Мяч не катится, игроки чавкают бутсами. В такой игре меньше техники, но гораздо больше нервов. После первого же удара по воротам вратарь соперников, отбивший мяч на угловой, падает в жидкую грязь. Теперь он изгваздан с головы до ног, с него обильно капает жижа. Инициативой владеют хозяева, монотонно навешивают в штрафную, а итальянцы без труда навесы эти отбивают. Зато они остро контратакуют и на первых же минутах забивают гол. Полузащитник выдаёт пас через половину поля, и шустрый нападающий, опередив поскользнувшегося защитника, вовремя подставляет голову для хлёсткого удара. Рядом со мной сидит неприятный тип: всё время на взводе, с самого начала матча непрерывно орёт что-нибудь или скандирует фанатские речёвки, брызгая на меня слюной. Я отчасти даже рад, что наша команда проигрывает. Сосед при этом испытывает некоторую подавленность и верещит не так отчаянно. Хотя, может, он просто надсадил голосовые связки. Перед перерывом наша атака активизируется, лучше сказать, выходит из спячки. Мяч то и дело получает нападающий Зозуля, но распорядиться им удачно не может. То бьёт

впритирку со штангой, то попадает в защитника, то слишком долго возится, и мяч у него отбирают. Сосуля, умоляюще кричит сосед, ну пожалуйста, Сосуля. Чёрта с два, первый тайм так и оканчивается в пользу гостей. Команды идут в раздевалку. Итальянцы, поначалу молочно-белые, похожи на грязный снег, наши — на сточные воды. Я вынимаю было электронную книгу, чтобы не скучать во время перерыва. И тут осознаю, что мне хочется узнать, как там дела с Кирилловым заданием. Всё-таки мой дизайн, и я чувствую, пусть и запоздало, свою ответственность. Чтобы не помешал гул, выхожу за пределы стадиона к площадке перед туалетами. Звоню Даше, но она сбрасывает трубку. Звоню Диме, он тоже сбрасывает. Что за чёрт? И снег, и дождь прекратились, в воздухе летает какая-то неопределённая мокрость, оседая на дуговых фонарях. Я решаю до конца перерыва обойти стадион, глядя на сырые пятиэтажные дома, быстро тающую снежную накидку на газоне, дождевые потёки вдоль асфальтовых дорожек и непрерывно стучащие, будто клавиши печатной машинки, туалетные дверцы. Стадион, кажущийся изнутри необъятным, огибаю всего лишь минуты за три. На задней его стене обнаруживаю профессионально сработанный мурал, изображающий этот же стадион в окружении далёких от него в реальности городских примечательностей: цирка, памятника Славы, железнодорожного моста, кафедрального собора. Далее к стадиону примыкают уходящие в темноту хозяйственные пристройки. Обойти их до начала второго тайма мне вряд ли удастся, так что я не спеша возвращаюсь к своему сектору. Мне перезванивает Дима: с заданием Кирилла всё в порядке, его уже послали швейцарским архитектором на проверку. Говорит он из какого-то тихого помещения, не напоминающего по звучанию ни офис, ни его шумную квартиру с тремя малыми детьми. Даша мне так и не перезванивает, а это на неё совсем не похоже. После разговора с Димой мне мерещится, что мои старые-престарые товарищи, менеджер и тимлидка, где-то вместе уединились. Давно замечаю, что Даша неровно дышит к Диме, — это по глазам видно, и по тому, как она оживает в его присутствии. А я, дурак, продолжаю столько лет подряд её ревновать; эта подростковая любовь так никогда до конца и не проходила. Скорей всего, они ведь и правда сейчас сидят вместе в кафе, обсуждают приезд Ойгена. Мне здесь вообще расстраиваться не из-за чего. Я снова сажу на своё сиденье, но от футбола на всё начало второго

тайма отключаюсь. Про моего соседа так не скажешь, он опять на взводе. Мяч попадает к щуплому бразильскому легионеру, играющему за нашу команду. Покажи, кричит сосед, что ты настоящий мужчина, а не какой-нибудь (задумывается) шпindelь! Бразилец отдаёт пас вразрез между двумя итальянскими защитниками на полузащитника Коноплянку, тот выходит один на один и мажет. Сосед надрывается: сука! молодец! и всё равно сука! В руке у соседа большой пластиковый стакан с пивом, он то и дело размахивает им, брызги летят на мои брюки. Игра заметно оживляется. Хозяевам удаётся прижать итальянцев к штрафной площадке, но реализовать преимущество они никак не могут. Гости обороняются плотно и умело, опасные моменты остаются крайне редкими. Зозуля принимает мяч в штрафной и бьёт с разворота, но защитник отбивает мяч на угловой, вовремя выставив длинную ногу. Коноплянка несколько раз подряд навешивает в район вратарской площадки с фланга. Итальянцы легко отбивают его навесы и в два-три быстрых паса пытаются развернуть контратаку. Так они забивают второй гол: после перехвата следует долгий перевод мяча на полузащитника, тот проходит по флангу, простреливает вдоль ворот, и нападающий, проехавшись ногами по грязи, замыкает комбинацию. Мой сосед сидит молча, со сжатыми челюстями, раскачиваясь из стороны в сторону. Хозяева бросаются отыгрываться, делают это бестолково, обнажают тылы и едва не пропускают третий мяч. Итальянцы проводят контратаку через центр поля, нападающий убегает сразу от двух защитников и вратаря. Кажется, это уже всё, но мяч попадает в штангу и подоспевший к нему первым вратарь забирает его в руки. Ещё минут десять проходят в яростных атаках хозяев, борьба идёт за каждый квадратный метр поля. Наши смотрят в эти минуты очень хорошо. Хрупкого бразильца сбивает недалеко от штрафной площадки рослый итальянский полузащитник, тот эффектно падает, словно срезанный косой. Коноплянка закручивает со штрафного в дальнюю девятку — боже ты мой, красота какая. Мяч от перекладины отскакивает к Зозуле, тот подставляет голову и забивает первый гол в итальянские ворота. Мой сосед оживает, я снова слышу его охрипший голос. За первым голом — почти сразу же второй, бразилец вытанцовывает его на пятачке между вратарём и защитниками, никто из них не успевает его остановить. Сосед подсказывает, выкрикивая что-то несвязное, и выливает мне пиво за шиво-

рот. Чтоб ты сдох — это я про себя говорю, я слишком осторожен, читай труслив, чтобы с ним и вправду конфликтовать. Остаётся мало времени, обе команды пытаются закатить победный мяч, но ни у одной это не получается. В последние минуты я болею за итальянцев, пусть испортят поганцу праздник. Но если честно, игра нашей команды в этом сезоне — одна из тех мелочей, что примиряют меня с жизнью. По стадиону проходит волна, затихая на дорогостоящей трибуне и снова поднимаясь на следующей, простецкой. Матч заканчивается на атаке хозяев, под аккомпанемент гнусавых болельщических дудок. Я иду к выходу, мокрый, умеренно расстроенный, умеренно радостный. Успеваю выйти со стадиона через боковые ворота ещё до толкучки, пока большинство болельщиков смотрит, как игроки-хозяева поднимают руки, приветствуя трибуны, благодарят их за поддержку. Спускаюсь по улице Воскресенской, совсем недавно — улице Ленина. Следовало бы назвать её Банковской, так здесь много финансовых учреждений. Вокруг меня умеренно возбуждённая толпа; в основном, это молодые люди спортивного телосложения. Довольные тем, что нашим удалось отыграть два мяча, они обмениваются деревянными шуточками. Рядом с ними я чувствую ненулевой уровень опасности из-за моей смешной шапки-петушка, сто лет назад вышедшей из моды. На перекрёстке сворачиваю и отделяюсь от основного потока, направляющегося к проспекту. Из противоположных углов ярко освещённой площади глядят друг на друга церковь и управление МВД — так сказать, местные скрепы. Крыша грязновато-бежевой сталинки увенчана целой рощицей юных берёзок. Россыпь старинных двухэтажных домишек, на одном из незакрывающихся подъездов табличка «Стоматологический кабинет за углом, а здесь жилые квартиры». Немыслимой красоты канализационный люк со стёртыми буквами, с орлом, у которого отъедена временем одна из голов. На полпути к Пассажу — обёрнутое полосой брусчатки здание в стиле модерн: полукруглые окошки, фантазийные балкончики. Верхние этажи пусты, и окна в них разбиты, а снизу всё ещё работают продуктовый магазин и отделение банка. Снесут или не снесут? В этом городе и то, и другое возможно. Именно здесь я задумывал поселить героиню хоррор-повести. Стоило бы взяться опять за наброски, довести до ума. Повести, положим, не выйдет — но, может, хоть рассказ? Чтобы сэкономить минуту-другую, я ныряю в наклонный диагональный двор,

однако такая идея оказывается неудачной, во дворе множество луж, приходится их обходить или перепрыгивать. Справа — отбеленный домик, на стене его советское по виду граффити в виде листика календаря, немного опережающего сегодняшнюю дату. Изогнутая, как лук, Баррикадная улица, вот ей впору пришлось бы название Ресторанной. У входа на круглосуточный цветочный рынок курит скучающая молодая торговка. Похоже, что ей понравилось бы любое происшествие, как хорошее, так и дурное. Она на всякий случай провожает меня глазами — но я не происшествие, а заурядный му-дак в нелепой шапке. В одном из ресторанчиков двое кавказцев тоже смотрят футбольный матч, — верней, один из них смотрит, а второй, раздвинув пальцы, медленно и отдельно говорит что-то первому. В другом окне немолодая женщина сосредоточенно пьёт виски. Из ресторанных недр доносится задохнувшийся звук саксофона и жидкие хлопки. После ещё двух заведений следует неосвещённый участок, без единого фонаря. Я помню, что где-то посередине таится раскрытый люк. По другой стороне улицы пройти нельзя — там грязь ища возле полностью достроенного, но пустующего торгового центра. О наш вечный экономический кризис. О смены властей и разборки криминальных авторитетов. О страсть к совершенству, заставляющая облицовывать мрамором стены безвкусных поделок. Теперь освещение уже полное, люк я аккуратно обошёл стороной. Высотный офисный дом в американском стиле, с парковкой на нижних этажах и с огромными часами на верхних, — каждые полчаса они наигрывают начальные такты «Пер Гюнта». По диагонали от него — здание в духе Гауди, плавящееся, колышущееся, изгибающее окна и крыши со множеством криволинейных ска-тов. Рядом кубистический особняк с лепниной, напоминающей месопотамские барельефы. Я волновался из-за того, что в последние месяцы его окружили забором и разобрали на втором этаже ветхие балконы. Все эти старые дома под ударом из-за строительного бума. Внезапный резкий скрежет над головой — и опять, и опять. Ветер оборвал на уровне пятого этажа растяжку с рекламой и молотит о стенушитым в её нижнюю часть металлический прут. Чуть не задевает соседнее окно. Надо побыстрее отойти отсюда, все эти крепления в любой момент могут на меня рухнуть. Вход в офисное здание тёмное, внутри никого не видно, сообщить об аварии с рекламой некому. Сразу за высотным зданием стоит старинный крас-

нокирпичный дом с деревянными балконами — сколько таких было уничтожено за последние годы, а этому везёт. С другой стороны улицы стоят приземистые одноэтажные домики. У одного из них боковая стена сплошь покрыта кондиционерами, будто ядовитыми грибами. Далее — весьма таинственный объект: хорошо отреставрированный особняк с рядом голубых елей под окнами, не похожий ни на жилой дом, ни на офис. Угловой дом в виде буквы «С», давно не ремонтировавшийся, с огромными застеклёнными верандами, со светом изнутри прикрытых деревянных ставней. Акациевая аллея перед школой. В ней на секунду одновременно гаснут и потом опять разгораются все фонари. За поворотом, перед заброшенными особняками — топлес-бар на месте бывшего ресторана «Дворянский», преобразованного потом в уже тоже бывший ресторан «Хуторок». Под апельсиновым фонарём у вынесенного наружу столика пьют кофе две юных особы со следами насыщенного жизненного опыта на лицах — может быть, проститутки, а может, барменши. Собаки возле двух заброшек не видно, но где-то неподалёку она поскуливает. На заборе, огораживающем левый особняк, ряд крупных объявлений: «Сон на ульях», «Сливные ямы, бетонные работы», «Осторожно, зона падения сосулек», «Пилатес: вы почувствуете разницу». С правой стороны дороги ряд светильников, охватывающих мёртвые треугольные пространства. Дальше, за особняками, ряд одинаковых металлических столбиков, навевающий ритмом некоторую мистическую оторопь. Почему-то все знаки дорожного движения стоят внаклонку, и трудно чем-то, кроме разгильдяйства, объяснить столь тонко задуманный художественный эффект. Автомобильная мойка работает ночью, трое работников обхаживают бирюзовый «Ланос». Открыта и парикмахерская при мойке. Молодой человек, похожий на футбольную звезду, накручивает бигуди белокурой женщине. Лицо её закрывают крупные буквы, приклеенные к стеклу, но хорошо видны загорелые стройные ноги. Находясь ещё под впечатлением как от их загара, так и от наклонных дорожных знаков, я сворачиваю к воротам своего двора. Разумеется, они заперты. Роюсь в сумке, но связки ключей не нахожу — вероятно, забыл её дома, когда принёс посылку. Второе за день мощное проявление моей рассеянности. Как назло, в будке нет охранников, так что некому открыть. Можно обойти весь дом по набережной: с другой стороны двора тоже есть калитка, магнитные

замки на ней сломаны, и ключ не нужен. Но к воротам уже идёт главарь привратной шпаны, жадный, разнообразно прыщавый Антоша. Сообщает: стоял бы ты здесь целую ночь, если бы я не открыл. Купи у меня дистанционный пульт, будешь открывать сам. Господи, ерунда какая, мне вполне хватает ключа. Ничего ему не отвечая, иду к подъезду. Вслед мне летят вялые оскорбления: что ты за человек? человек ли ты вообще? Ни копейки от меня не получишь, Антоша, даже на благоустройство двора, — не надо было мне постоянно хамить, и уж совсем не надо было хамить Оле. Ключей от подъезда у меня тоже нет, приходится набрать номер квартиры на домофоне. Открой, мама, я забыл ключи. В подъезде на втором этаже опять пахнет газом. Плохо это может закончиться. А у нас на площадке снова не включается лампочка. Может быть, наша очередь её заменять? Из окна видно, как над городом светится туман. Было бы красиво, если бы не присохшая к окну корка грязи. Дверь в квартиру заблаговременно мамой открыта, я снимаю сапоги, отношу свою сумку на кухню. С лёгким раздражением отвечаю «всё нормально» на стандартный вопрос мамы «как дела?». Сбрасываю куртку в средней комнате на швейную машину, тихонько захожу в спальню. В темноте видно, как лежит жена — в неудобной позе, сжавшись в клубок, а рядом с ней поживает Коленька, причмокивая во сне губами. Мне очень больно, говорит Оля. Жгучая боль в желудке, уже целых два часа. Боже мой, почему ты мне раньше не позвонила? Я думала, само пройдёт, я ждала тебя с футбола. Давай мы скорую вызовем. Оля молчит. Оленька, давай вызовем скорую. А как же Коля? Он побудет с бабушкой. Если больно, точно лучше вызвать врачей. Ладно, давай вызовем. Я звоню в скорую со стационарного телефона. Иду на кухню, — к счастью, есть немного свежесваренной ромашки. Ставлю кастрюльку с ромашкой на огонь, через полминуты переливаю в Олину чашку тёплую жидкость. Возвращаюсь в спальню. Оля с моей помощью садится в постели, пьёт мелкими глотками. В комнату протискивается мама — выяснить, что происходит. Делает это так громко, что просыпается Коля и трёт сонные глазки. Я коротко объясняю положение вещей и прошу выйти. Ах, милая моя, радость моя. Оля растрогана, я сто лет её так не называл. Не волнуйся, Андрей, всё будет хорошо. Мне уже немного легче, ромашка помогает. Коля начинает плакать, я уношу его в другую комнату к маме, и та пытается его укачать. Звонит домофон, это при-

была скорая. Через минуту к нам заходит плотно сбитая женщина лет сорока пяти, с металлическим ящиком. Расспрашивает Олю, что случилось, давно ли был ужин и что та съела. Салат из редьки? Это может быть острый гастрит или обострение язвенной болезни. Может быть и острый панкреатит. Советую проехать вместе с нами в медсанчасть и сделать УЗИ. Если это панкреатит, обязательно нужна госпитализация, иначе могут быть серьёзные проблемы. Я помогаю Оле одеться и собираю пакет с вещами, которые могут пригодиться в больнице: шлёпанцы, мыло, зубную щётку, халат, полотенце. Мы медленно спускаемся по лестнице. Оля опирается мне на руку и плечо, у неё большая слабость. В фургончик скорой помощи Олю помогает посадить докторша. Едем сначала по набережной, затем по центральному проспекту, переходящему в проспект нецентральный, заполненный панельными хрущёвками, затем по короткой улице со сплочёнными серыми сталинками. Последняя из них, самая просторная, изогнутая покоем — это нужная нам медсанчасть. Вылезает из фургончика. Оля показывает жестом, что помогать ей не нужно. Спрашиваю, как она себя чувствует. Острой боли уже нет, в животе нехорошо, но спокойней, чем было раньше. Ждём несколько минут, пока нам не открывает двери дежурная медсестра. Идём по тусклому коридору, пол которого выложен клетчатой плиткой. На стенах стенды с фотографиями врачей отделения и полезные советы: сдавать анализы на гепатиты В и С, не иметь случайных половых связей, бросить курить, пить и есть. Плакат с грозным предупреждением: нельзя входить в отделение без бахил. Игнорируя его, идём в УЗИ-кабинет. Оля снова рассказывает свою историю бородатому врачу с мешками под глазами, снимает с себя верхнюю одежду и свитер. Вы захватили полотенце или покрывало? Да, мы об этом подумали. Оля ложится на койку, врач смазывает гелем её живот и возит по нему головкой прибора, одновременно смотря на экран, где пульсируют неясные пятна и тени. Время от времени нажимает на кнопку, изображение останавливается. Увеличивает масштаб, чтобы рассмотреть один из фрагментов. Докторша, приехавшая вместе с нами, сидит в углу и ждёт результатов. Нет, это не панкреатит, говорит бородатый врач. Проблемы с желудком и поджелудочной. Очень похоже на язву, вам надо сделать ещё и гастроскопию, чтобы уточнить. Пока придерживайтесь первой диеты по Певзнеру. Интернет у вас есть? Найдите первую диету

и разберитесь, чем вам сейчас можно питаться. Вот моя визитка, приходите для дальнейших обследований. Слава Богу, это не панкреатит, можно отправляться домой. Ох, как же я переволновался. И продолжаю волноваться, язва — это что-то новое, это серьезно. Докторша скорой помощи предлагает подбросить нас до центрального проспекта всего за 30 гривен. Это дешевле, чем ехать на такси, и мы соглашаемся. Внутри фургончика Оля тихо говорит мне: когда тётка осталась с нами, я сразу поняла, что она хочет заработать. Вот и хорошо — кто знает, когда бы мы дождались такси. Теперь, когда напряжение спало, поездка в разболтанной скорой кажется романтической: вокруг сполохи реклам и светофоров, блики на мокром асфальте, всплывающие и пропадающие клёны, приготовившиеся к листопаду. Чтобы проехать в центр напрямик, водитель поворачивает на крутую улицу с выдавшими виды одноэтажками, с редкими фонарями на деревянных столбах. Затем обрисовывается знакомый район, по левую руку — стадион, другой, не тот, на котором я был вечером. Проносится мрачное здание, которое Оля зовёт Замком Паутины из-за похожих на паутину решетчатых окон. Наконец мы доезжаем до проспекта и сходим, киваем на прощание водителю и врачу. Идём по непривычно пустой аллее, где днём торгуют картинами местные художники, — впервые за много лет взявшись за руки, ощущая усталость и дружескую близость.

ГЛАВА ПЯТАЯ. МЕССЕНДЖЕР

1

03/08/2013 20:43 Полина: Андрей, я прочитала твою подборку в антологии. Было очень интересно, спасибо. Как на одном дыхании. Особенно интересно про женщин. Думаю, и прозу ты напишешь очень интересную... Перечитала — и три раза «интересно», ну уж так вышло.

03/08/2013 21:51 Андрей: спасибо! так получилось, что в этот сборник попала большая часть моей эротической лирики. писалась она года два, а потом подчистую пропала, пошло вместо неё что-то другое. после тридцати изменилось отношение к сексу, стало каким-то более свободным и ироническим, что ли, и при этом отчётливо вошло в противоречие с религией. вот это новое отношение и хотелось зафиксировать.

03/08/2013 21:53 Полина: А что за религия, если не секрет

03/08/2013 21:58 Андрей: С религией всё традиционно — православный, воцерковлённый. Но не слишком просто, с учётом того, что я чем дальше, тем меньше принимаю православную мораль, у меня проблемное отношение к церковной истории, богословию и т.п.

03/08/2013 22:24 Полина: Эти стихи, которые ты назвал эротической лирикой, показались мне очень смелыми. Вообще этот сборник, на мой взгляд, на переднем крае тэскэть литературных боёв

04/08/2013 13:50 Андрей: Ну, я, к счастью, ничего об этих боях не знаю. Так, что-то смутное, понаслышке :)

04/08/2013 14:00 Полина: Ишь ты какой хитрец... :)

04/08/2013 14:03 Андрей: ...А сам и вовсе не дерусь. Имхо, литература предназначена для одного лишь сплошного удовольствия (пишущих) — и ещё там делить что-то? Понятно, но всё равно непонятно.

04/08/2013 14:18 Полина: «Литература предназначена» уже позиция довольно-таки крутая. У тебя есть стихи о верлибре и о рифмованном стихе, которые весят на некую платформу. Я, впрочем, не к тому, что надо воевать. Просто интересно, что скажешь.

04/08/2013 14:29 Андрей: у меня нет отчётливой позиции в этом споре (а о чём там бишь спор?) — были бы стихи хороши. рифмованные стихи определённо не отыграли свой ресурс, и то, что делают сейчас, скажем, василий бородин или алексей порвин — меня очень воодушевляет

04/08/2013 14:31 Полина: А что они делают?

04/08/2013 14:37 Андрей: удивительное :) но как критик я ноль, и мне лучше помолчать, чтобы не начать перепевать чужое литературоведение. к тому же я думаю, что не стоит всё выговаривать, самое главное должно вариться где-то внутри.

04/08/2013 14:47 Андрей: или так: вася бородин пишет майским воздухом, порвин — плакучим осенним деревом :)

04/08/2013 14:50 Полина: Охх))

04/08/2013 19:52 Андрей: заврался: сухим и немного скрипучим деревом.

08/08/2013 11:32 Андрей: кстати, похоже, что я буду на львовском форуме — с 12 по 15 сентября — участвовать в презентации книги переводов сливинского, я там был одним из переводчиков. но подозреваю, что в это время ты будешь далеко от украины :)

08/08/2013 14:39 Полина: Да, буду далеко. Но с выходом книги поздравляю. Подаришь мне?

08/08/2013 14:42 Андрей: ну, ещё бы. заберу у издателя экземпляров 5-7 для подарков. (главное, чтобы мы увиделись раньше, чем они расползутся :)

08/08/2013 14:49 Полина: А стихи там будут только на русском?

08/08/2013 14:52 Андрей: ещё не знаю, он в своих книгах часто приводит и оригинал, и перевод.

20/09/2013 12:29 Андрей: ...А вот и нет: только переводы на русский. Он рассказал, что намучился с билингвой в одной из предыдущих книжных серий, когда пришлось от руки пририсовывать хвостики к латышским буквам (в типографии не оказалось нужных шрифтов). Одну из книжек сразу кладу на полку отдельно — пускай там тебя дожидается.

20/09/2013 12:33 Полина: Большое спасибо за то, что помнишь обо мне, буду очень рада получить такой подарок. Что у вас в городе, дождик? Вспоминаю своё путешествие как дивный сон. Давай иногда переговариваться о поэзии и погоде.

20/09/2013 12:45 Андрей: Здесь хаос, то дождь, то солнце, то стремительные тучи. К нам на фирму приехал архитектор из Швейцарии, сидит рядом со мной, всё время засыпает, несёт чушь, ставит мины, я его уже почти не боюсь (а напрасно). Тебя я тоже иногда вспоминаю как дивный сон, жалко, что не нашлось времени пройтись по промзоне, и не увидели ночью ДК Ильича — хотелось проверить и уточнить впечатление, полученное при прогулке с Игорем. Днём он не такой. (ДК, а не Игорь). И — давай переговариваться. Да только я в интернете что-то нечест.

20/09/2013 12:48 Андрей: Коленьке почти 2 недели уже как стукнул год. Сидит на окне, лупит кашку с мясом, руководит трафиком.

20/09/2013 12:52 Полина: Красота) Андрей, дорогой, потискай Колю за меня.

20/09/2013 12:54 Андрей: Без ложной скромности — красота :)

После этой короткой переписки я не спал остаток ночи — из-за слова «дорогой». Всё ясно: в придачу к Дарье, я влюбился ещё и в эту поэтессу, жившую в поездах и самолётах между своим любимым городом Х и Берлином — однако заглядывавшую время от времени то в наш город, где у неё жило несколько родственников, то в посёлок где-то в сибирской глуши, в котором она родилась. Вообще-то всё было ясно ещё в тот день, когда мы с ней познакомились. Я и радовался, и злился на себя, но уснуть всё равно не мог. Ближе к утру появилось стихотворение, которое я тут же выложил на ленте фейсбука. Полина отметила его лайком.

вот ведь —
написала мне в личку
«дорогой»
и теперь целый день
у меня приподнятое настроение
хотя
хлещут ливни
и разливаются воды
и стрекочут гарпии
и
грипп выкашивает
одного за другим
сослуживцев
и
ветер
вывернул наизнанку
и разломал мой зонт

вот ведь —
ни к чему не обязывающее
противное иногда слово
(если произносить его
с фрикативным «г») —
но речь не об этом —
русское такое слово —
тебя и приближают
и сразу же ставят на место —
уже три русские девушки
написали мне в комментах «дорогой»
и три украинки
написали «милый»
но
только один раз
после такого
я всю ночь не спал
и думал
«блин, скорей бы зарплата»
(ну это я совсем о другом)

Конечно, Полину можно назвать русской только с большой натяжкой — родилась она в Сибири, но родители у неё украинцы, и сама она в конце концов переехала жить сюда. Да и милым из всех украинских читательниц меня называла только загадочная лингвистка Slishu, следы которой давно затерялись в интернете. На то и стихи, чтобы хоть немного приврать.

3

24/09/2013 20:41 Андрей: Деревья и кусты иногда попускает озноб, и они крепко задумываются. Ветер довольно твёрд. Опираюсь на него спиной, и он тянет меня домой мимо заросшего плющом бесформенного особняка. Разговариваю с тобой, например: «Всякий город мистичен, однако здесь с таинственностью явный перебор» или «Послать всё на *** и завалиться на 10 часов в кровать с томом Набокова — это было бы...» Правильное слово выдувает из головы ветер.

25/09/2013 21:47 Андрей: Можно сказать — обед прошёл не напрасно, я узнал два новых слова. Кирилл Качура, сотрудник, внешность, жизнь и приключения которого следует описывать отдельно — упомяну только, что у него есть брат в «коралловой рубашке», и что братья Качуры неуловимо напоминают братьев Кличко, даром что они не боксёры, а дзюдоисты. Итак, Кирилл Качура, «в третий раз я повторяю его имя, и делаю это с удовольствием», сообщил, что смотрит по утрам кулинарную передачу, которую ведёт «упоротая белобрысая баба», и что он пытается вслед за ней готовить блюда, но у него ничего не получается. Я попытался выяснить, что значит «упоротая». «Упоротая — ну это типа угашенная». Всё стало на свои места.

25/09/2013 22:08 Полина: Объяснение исчерпывающее. Не так, как в словарях: «закольцеваться — образовать кольцо».

05/10/2013 21:04 Андрей: Завтра едем в Х, у Кольки будет генетическая экспертиза. В моём городе такого не делают. Надо разобраться, что же это у него с сердцем такое. Надеюсь, бюджет наш не лопнет, он и так в этом году резко отрицательный ввиду покупки квартиры.

05/10/2013 21:39 Полина: Ну, ничего, ничего. Держитесь!

05/10/2013 21:42 Андрей: Скажи, а ты, случайно, не в Х? Хотелось бы с тобой увидеться.

05/10/2013 21:41 Полина: Вообще-то я приеду в Х через три дня, надо решить вопросы с детским издательством. Да, можно было бы пересечься, но только я пока не знаю, будет ли у меня время.

05/10/2013 21:47 Андрей: Хорошо, давай попробуем.

Мы действительно встретились с Полиной в городе Х, но очень коротко, она в этот день спешила по делам, а потом опаздывала на поезд до Львова.

4

17/10/2013 22:21 Полина: Как там у вас всё закончилось?

18/10/2013 08:28 Андрей: Профессора назвали новый диагноз по Колиному сердцу, я почти уже научился его выговаривать: дилатационная кардиомиопатия. Смысл и отличие от предыдущих диагнозов пока не осознаю. Может быть, имеет место ещё и синдром Барта: это генетическое заболевание, когда повреждена одна из хромосом, и в организме не вырабатываются некоторые белки. Это бьёт по сердцу и по иммунной системе. С этим синдромом, кажется, есть возможность сладить, если компенсировать ребёнку недостающие белки. Но есть этот синдром или нет, мы узнаем только в конце месяца, когда будет готов результат генетического анализа. Нам назначили новое лечение по сердцу, посмотрим, что из этого получится. В следующий раз повезём Кольку в Х примерно в мае.

18/10/2013 08:33 Полина: Держитесь, ребята.

18/10/2013 09:21 Андрей: Держимся. После путешествия настроение гораздо спокойней. Появились какие-то новые для Коленьки перспективы. А в Х было трудно, Коля зацепил где-то вирус и успел бронхитом поболеть. Сегодня иду на работу — даже не верится.

18/10/2013 17:30 Полина: Малыш настоящий боец. Очень хорошо, что перспективы, и что настроение.

19/10/2013 19:29 Андрей: Завтра увижу старого друга, самого древнего из читателей моей поэзии, тоже поэта и переводчика, но, кроме этого, ещё и культуртрегера. В его квартире на окне вместо шторы висит красный флаг, на кухне — схема метро города Ленинграда, а в ванной — политическая карта Советского Союза. Над уни-

тазом — страшно сказать — нарисованы карандашом Бродский и Че Гевара. И вечная проблема со штопорами: не возьмёшь с собой — бутылку не откроешь. Правда, в этот раз я ограничусь чаем. Хозяин совсем не коммунист, скорее уж тяготеет к украинскому национализму, не имея при этом ни капли украинской крови. Родители его родом из Иваново. Раньше у него на стене висел плакат с Тимошенко, протягивающей в ладонях горсть украинской земли (в народе он называется «вы у меня землю жрать будете»). Потом Юля стала пройденным этапом. Только злой доктор Тягнибок может сломать хребет продажной системе и всех спасти. Интересно, не переключился ли он теперь на Кличко. Тому сподручней хребты ломать.

19/10/2013 19:42 Андрей: Некогда он перевёл на украинский, ни много, ни мало, «Лолиту», а теперь трудится над «Моби Диком». «Лолиту» ни одно издательство не взяло, потому что у него все ездят не на автомобилях, а на возах — он, видите ли, против заимствования чужестранной лексики, если есть хорошая украинская. Получился очень почвенный перевод, с сочными словечками. К примеру: вместо «давал ей держать в неловком кулачке скипетр моей страсти» вышло «давав їй тримати в млявому кулачку берло моєї жадоби», и так везде. Г.Г. превратился в какого-то украинского помещика, который в своей глухомани привык трахать крепостных девочек и в Америке решил не изменять своим привычкам.

20/10/2013 09:11 Полина: А можно ли разжиться этим переводом Лолиты? Должно быть что-то очень весёлое!

19/10/2013 16:42 Андрей: В этом, уже далеко не первом варианте, у него, я вижу, чуть поменьше возов и побольше авто: [*Приведена ссылка на перевод «Лолиты», сделанный Юрой Черниченко*]

19/10/2013 23:15 Андрей: Мой эксцентрический товарищ теперь, оказывается, сторонник Путина — уверен, это у него ненадолго. Колеблется, как ему поступить на следующих выборах: и хотелось бы по старой памяти проголосовать за Тягнибока — ан теперь уже не с руки. Изю всех вышеупомянутых объектов в квартире осталась только карта Ленинграда. Красное знамя-занавеску доела моль, карту СССР из ванной он отдал кому-то, и теперь в этой ванной рекламирует бикини распалённая девица. Мой приятель — закостенелый холостяк, не чуждый, отчасти, и сексуальной свободы. Днём он учит детей премудростям тэквондо, а по вечерам играет на гитаре джаз-рок со своей группой.

08/11/2013 20:34 Андрей:

окончилась рабочая неделя
и это прекрасно
и завтра с друзьями
мы будем оттаскивать мебель
из центра комнаты к той стенке
где уже наклеены обои
в теннис кириллу я опять проиграл
но не обидно
проиграл с небольшим разрывом
и с большим наслаждением
но зато с любовью
всё как обычно паршиво
то ли из-за моей трусости
то ли из-за глупости
но уж никак не из-за избытка морали
скорее из-за трусости
хотя глупость тоже имеет место
да и вообще не понятно
чего больше любви или глупости
какие бездарные бедра
то есть дебри я случайно описался
боже мой здесь тоже нет ударений
эдак проводка сгорит
от перегрева
от трусости глупости и неуместности
а ударений так и не будет
в общем в любви я проигрываю всухую
каждую неделю
хотел написать о том что коля
рассказывал маме что папа ляля
а написал о любви —
о бездарной многолетней любви
к дивной украинской девушке
сослуживице которой до лампочки
литература философия и кинематограф

зато программирует она как бешеный чёрт
лучше всех в нашем отделе —
ох какой же я идиот —
ну и чёрт с ней с любовью
даже не поймёшь
то ли её слишком мало
то ли слишком много

08/11/2013 20:38 Андрей: я приврал, разумеется, но не так, чтоб уж очень сильно.

08/11/2013 20:40 Полина: Да всё понятно, можешь не объяснять. Разумеется, сказал всю правду и ничего, кроме неправды))

08/11/2013 20:49 Андрей: Просто есть такая правда, которая каждые полтора часа обновляется, и всё, что было сказано раньше, становится враньём.

08/11/2013 20:51 Полина: Не враньём, а неполной правдой... Я думаю, фиксировать свои состояния в стихах можно и с большей откровенностью, чем мы это делаем. Всё позволено.

08/11/2013 20:53 Андрей: Если уж надумал говорить одну правду — будь готов, наврёшь с три короба. И наоборот, для того, чтобы сказать нечто подлинное, можно солгать и подождать, пока это враньё не станет правдой)

08/11/2013 20:54 Полина: Да уж)))

08/11/2013 20:57 Андрей: Прямо не знаю, что делать с полувившимся стихом. Только не соцсети: их весь мой отдел с интересом читает. Значит, сразу в книгу, и никому в отделе её не дарить ;)

08/11/2013 20:59 Полина: Значит, не соцсети...

08/11/2013 21:03 Полина: А впрочем, я бы поставила и в соцсети. Пусть привыкают к тому, как функционирует поэзия. За столько лет могли бы и разобраться, что стихотворение — это не справка в бухгалтерию.

08/11/2013 21:29 Андрей: после публикации в фейсбуке одного из предыдущих опусов весь отдел судачил, о ком это я. выдвигались три кандидатуры. все три смотрели на меня косо. пришлось выкручиваться и разъяснять; напрасно я полагал, что у меня всё на лбу написано.

08/11/2013 21:30 Полина: на лбу, конечно же, не написано. но если был опыт, то второй пройдет более гладко.

13/11/2013 19:33 Андрей: Классики постоянно пишут обо мне интересные вещи. Например, Лоренс Даррелл: «Даже в темноте ему хотелось покраснеть. Господи, как нелепо. Любить — нелепо, вроде как упасть с каминной полки, вдребезги». Ну, каминная полка — это лишнее, пускай вместо неё будет польский платяной шкаф, 1975-го года выпуска.

13/11/2013 20:04 Полина: Действительно, каминная полка обескураживает. А шкаф просто убил.

13/11/2013 20:05 Полина: 75 года выпуска. Я слишком хорошо их знаю.

13/11/2013 20:19 Андрей: Вечерами, опять-таки на работе, пишу роман. Главный герой заходит на кухню и говорит: «Боже, как неэргономично». Болван, кто тебя за язык только тянет.

13/11/2013 20:24 Андрей: Бескомпромиссно пишу в тетрадке, хотя перед носом компьютер.

13/11/2013 20:28 Андрей: И почему это я решил, что из этих гомеопатических порций составитя в итоге именно огромный роман?

13/11/2013 20:39 Полина: Бескомпромиссно, действительно.

13/11/2013 20:50 Андрей: А другим глазом читаю Троелсена, про платформу .NET4: «несмотря на то, что каждый из объектов соединения имеет собственное имя, определяется в уникальном пространстве имён и упаковывается в отдельную сборку, все они реализуют общий интерфейс. Вдумываться, что именно делают все эти члены, пока не нужно». Спасибо, Троелсен, сразу стало намного легче.

14/11/2013 19:52 Полина: Написала тебе стишок.

14/11/2013 21:28 Андрей: ой.

14/11/2013 21:52 Полина: Да, как-то так получилось.

14/11/2013 21:55 Андрей: а где он?

14/11/2013 21:56 Полина: У меня в телефоне пока.

14/11/2013 21:57 Полина: Ты же знаешь каково это.

14/11/2013 21:58 Андрей: не знаю, у каждого всё по-своему.

14/11/2013 21:58 Полина: Правда.

7

15/11/2013 18:38 Андрей: Ужас какой — я ей только что признался в любви. Скучная была сцена. Даша всё восприняла холодно-кровно и тут же отправилась звонить домой по телефону.

15/11/2013 18:42 Андрей: А я буду прозу писать. Чего там мой засранец-герой собирался делать на кухне?

15/11/2013 18:53 Андрей: Извини, пожалуйста, за всю эту фигню, я сам не свой.

15/11/2013 18:55 Андрей: И никому не рассказывай ;)

15/11/2013 21:58 Полина: Ох (

8

20/11/2013 19:12 Андрей: Связались со мной ридеры из столичной премии, предложили быстренько, пока конкурс не закрылся, послать туда подборку стихов. Смешно, но как приятно.

20/11/2013 19:20 Андрей: Я человек внеконкурсный, но надо и правда послать что-нибудь, раз уж так :)

20/11/2013 19:34 Полина: -)

20/11/2013 20:11 Андрей: Любовная маета и фигня быстро уходит в прошлое. Очень понравилась твоя новая публикация в «Сетевой». Хорошо бы ты как-нибудь заехала, я уже успел соскучиться.

20/11/2013 20:36 Полина: Спасибо!

20/11/2013 20:38 Полина: Ещё бы не уходит, если нет ответа:)

20/11/2013 20:39 Полина: Хочу в ваш город!

20/11/2013 20:45 Полина: Спасибо, согрел мне сердце, я рада, что тебе понравилось.

9

23/11/2013 18:02 Андрей: Чёрт, я перечитываю свои старые стихи и вижу, как твоё появление смещает их смыслы. Ну вот, самый простой случай:

приходит сибирячка на вокзал
а там идёт стандартная охота
и негде, разумеется, присесть

и словно погребальный махаон
песок холодный обгоняет тело
и солнечное стрекотанье
проводников дороже всех идей

В 2011-м году написал о тебе. Ничего необычного: стихи часто предшествуют событиям и людям.

23/11/2013 22:44 Андрей: Коляша-барабаша крутится в пластмассовой ванной, шлёпает ладошками по воде. Любит купаться. (А вот — не удержусь — несколько осенних фотографий. Такой вот у меня щекаст.)

24/11/2013 02:13 Полина: Прекрасное стихотворение! Коля тоже прекрасный.

10

25/11/2013 23:11 Андрей: Милая, красивая, умная Полина — поздравляю с днём рождения. Хорошие слова распирают, но почему-то не даются.

25/11/2013 23:17 Полина: Спасибо, Андрей. Напиши мне как-нибудь под настроение стихотворение. Это будет мне гигантским подарком и отрадой (никого не просила никогда такой вещи)

26/11/2013 00:05 Андрей:

есть, есть настроение
написать стихотворение
далёкой и очень близкой женщине
такое стихотворение
которое не будет напечатано
ни в одном журнале ни в одном сборнике
стихотворение для двоих людей
взбалмошного и влюбчивого поэта
и утончённой кандидатки технических наук
тоже поэтессы
или лучше сказать
прекрасной поэтессы и неважного прозаика
ничего не надо
чтобы написать это стихотворение

только ночь
чёрная ночь
с голубоватым пламенем фейсбука
спящий коля
сложивший губы бантиком —
боже как я его люблю
а так сопротивлялся орал не нужны мне дети
теперь хочется ещё детей —
и
твой затылок
на аватарке
и
тихое счастье
захлёстывающее мелкими волнами
несмотря или благодаря
не знаю
счастье нелегко объяснить
тихие-тихие волны
гаснущие
прозрачные
ничего не надо
ни правок
ни сомнений
ни последней ударной строки
скроенной по всем дурацким
правилам литературы
для того чтобы всё испортить

26/11/2013 00:22 Полина: Прелесть!)

26/11/2013 00:25 Полина: Зависла над словом «орал»)

26/11/2013 00:28 Андрей: пускай будет «кричал»)

27/11/2013 10:25 Полина: Да, а кто тебе, негодник ты эдакий, внушил, что я неважный прозаик?

27/11/2013 11:03 Андрей: Ожидаемый вопрос. Мне очень нравится твоя детская проза. Нравится драматургия. А вот роман... Там много отличных, страстных страниц, но мне не хватило стилистической зрелости и композиционной точности. Ну и надо было, конечно же, оставить эти выводы при себе. Особенно учитывая то,

как тощи мои собственные усилия в прозе. Но когда писал стихотворение, почувствовал, что оно не должно стать пастилой, и это неожиданное (для меня самого) нападение, мне кажется, помогло удержать в стихе какой-то баланс.

27/11/2013 12:16 Полина: Ну почему же при себе.

27/11/2013 12:17 Полина: Не обязательно.

27/11/2013 12:21 Андрей: Ну вот, брякнул — и сам не рад. И всё оправдываюсь и выкручиваюсь.

27/11/2013 12:35 Андрей: Вот даже не знаю, как сказать насчёт этого стихотворения. Я давно не писал с таким сильным чувством, правда. И не спал ещё долго, сидел на кухне в радостном отупении.

27/11/2013 12:53 Андрей: Коля давеча впервые ездил верхом на папиной шее. Папа раньше опасался — а не свалится ли? Как его снизу контролировать? Ну, да ничего. Коля проявил осмотрительность, сознательность и остался доволен. Папа же был просто счастлив.

27/11/2013 13:20 Андрей: кроме этого, коля дерётся, всех дёргает за носы и волосы. очень любит книги: листает, рвёт, грызёт. разбаловали мы его донельзя, и сами этому рады.

27/11/2013 14:42 Андрей: У одной Олиной подружки муж в кого-то влюбился. Жена рассуждает: он стал следить, чтоб не носить дырявых носков, но пока не следит за трусами. Значит, всё ещё не так плохо.

27/11/2013 15:04 Полина:)

27/11/2013 15:32 Андрей: перечитываю долгожданную скобку:)

27/11/2013 16:25 Игорь: Привет. Как дела?

27/11/2013 16:40 Андрей: Ничего, просрал вторую большую любовь за 3 недели. У Оли нашли язву двенадцатиперстной, лечится. Не хватает разве что гражданской войны для полноты ощущений.

27/11/2013 16:52 Игорь: а что значит «просрал вторую большую любовь»?

27/11/2013 17:05 Андрей: первую я просрал на работе — помнишь, рассказывал, что люблю одну женщину — так вот, я признался ей в любви, и вся ситуация слилась в унитаз. а второй раз я влюбился, можно сказать, в соцсетях — думал, это невозможно, но это вполне возможно. и видимо, всё закончилось вчера, когда я сдуру написал этой девушке, что мне не нравится та проза, которую она пишет. обиделась, и, наверно, вообще во мне разочаровалась.

27/11/2013 17:09 Андрей: в общем, я в последние недели от-
жигал такое, что даже сам себе удивляюсь.

27/11/2013 17:12 Игорь: понятно — у тебя была смелая
осень? я даже не знаю что сказать.

27/11/2013 17:14 Андрей: какая там смелость — наоборот,
дикая робость

27/11/2013 17:16 Игорь: но ты же признался первой —
а вторая — еще не факт, что обиделась... давай я ей напишу что-
нибудь))))

27/11/2013 17:20 Андрей: я ей щас сам что-то напишу, собст-
венно, уже пишу — фразу тебе в личку, фразу — ей.

27/11/2013 17:16 Игорь: меня прям разбирает любопытст-
во — кто это)

27/11/2013 17:20 Андрей: но на мои фразы она отмахивается
сегодня скобками

27/11/2013 17:23 Игорь: у тебя сейчас в онлайнe примерно 6
девушек: Оксана, Оксана, Наташа, Салли, Виктория, Марина

27/11/2013 17:26 Андрей: ой, ну как я забыл про марину, на-
до и в неё срочно влюбиться.

27/11/2013 17:28 Игорь: есть еще у тебя Галина Рымбу, Ири-
на Бондик, две Наташи))) Оксана Боровец — красивая

27/11/2013 17:30 Игорь: Оксана Ефименко — красивая

27/11/2013 17:31 Игорь: можно я их всех зафрендю?

27/11/2013 17:32 Андрей: френди на здоровье

27/11/2013 17:38 Андрей:

сосредоточился чтобы написать ещё один стих
чем ещё заниматься на работе
только писать стихи
ну не работать же в самом деле
тут связывается со мной игорь
великий поэт нашего города игорь шмелёв
потом будут вспоминать вот была эпоха игоря шмелёва
в истории нашей городской литературы
и кто-то робко добавит а как же андрей осмоловский
идите проспитесь никакого осмоловского не было
его придумал игорь шмелёв
и все стихи за него написал

в том числе и любовные
связывается со мной игорь
спрашивает как дела
да прекрасно отвечаю просрал вторую большую любовь
за две недели
сначала здесь на работе
невнятное объяснение
с потрясающей программисткой
и мягко говоря коредамп
потом здесь в фейсбуке
сказал не нравится твоя проза
ну всё девушка обиделась
любви конец
отмахивается одними скобками
игорь настаивает кто такая,
из твоих френдесс сейчас в сети
галина рымбу ирина бондик две наташи
салли марина и ещё две оксаны (проверяет)
оксана боровец — красивая
оксана ефименко — красивая
как же, скажу я ему
что моя любовь в оффлайне
и вообще как я забыл о марине и салли
есть шанс просрать третью а может и четвёртую любовь
и это за три-то недели

27/11/2013 17:40 Игорь: класс!!!!!!!!!! надеюсь ты его разместишь в жж или в фейсбуке — это же шанс!

27/11/2013 17:42 Андрей: я его уже послал оффлайновой девушке

27/11/2013 17:43 Игорь: правильно!

27/11/2013 17:44 Игорь: она красивая?

27/11/2013 17:45 Игорь: пришли фотку — без упоминания имени

27/11/2013 17:48 Андрей: дудки. главное, фотография девушки, которую я профукал на работе, тебя не интересует, а ведь я её любил, с перерывами, невероятное количество лет.

27/11/2013 17:49 Игорь: точно, пришли и её — прошу

27/11/2013 17:55 Андрей: Вот её и пришлю. У меня тут специфическая фотография — с нашего хэллоуина, она там в образе и не очень похожа. Красивая девушка в центре, с топориком и окровавленными руками. И вот ещё есть немного перепуганное фото восьмилетней давности, когда она только поступила на работу. А фотку другой барышни не дам, ты её во френдах опознаешь и, чего доброго, отобьёшь.

27/11/2013 17:58 Игорь: да, хороша. А по поводу отбития — из меня такой отбитчик))) это я делаю вид, что смелый и френжу — я никого не зафрендил

27/11/2013 19:03 Полина: Андрей, ты как стихия какая-то)

27/11/2013 19:04 Андрей: сама ты стихия

27/11/2013 19:06 Полина: Андрей, я не обиделась на то, что тебе не нравится моя проза.

27/11/2013 19:08 Полина: Какой Игорь любопытный)

27/11/2013 19:12 Андрей: (с галиной рымбу и оксаной боровец я вообще незнаком, только во френд-ленте присутствуют).

27/11/2013 19:14 Полина: Да лаадно, не оправдывайся))

27/11/2013 19:14 Полина: Ха-ха!

28/11/2013 10:03 Полина: Ну, а сегодня?

28/11/2013 10:04 Полина: Сегодня будет ещё одно стихотворение?)

28/11/2013 10:42 Андрей: А, кто меня знает. Вечер на работе покажет.

29/11/2013 03:14 Андрей:

в три часа ночи

выкручиваться

привычное занятие

но теперь можно делать

это иначе

например написать

целое стихотворение

непонятно о чём

лишь затем

чтобы сказать ближе к концу

милая
сегодня я снова
думал о тебе
вспоминал тебя
глядя
как редкое авто
— вероятно такси —
едет по набережной
на другом берегу
(том что ближе к тебе
на целых 2 километра)

29/11/2013 03:17 Андрей: ...строк 30 истребил за день, оставил только те, которым доверял, самые простые. пора переходить на прозу :)

29/11/2013 09:17 Полина: Опасно читать тебя, Андрей. Мало-помалу отравишь своими печалью и желанием.

29/11/2013 09:50 Андрей: Нет, я не очень ядовит.

11

30/11/2013 18:17 Игорь: Как дела? На личном фронте влюбленностей? Мне тут Вася написал: он спрашивал по поводу возможности печатания моей книги в НЛО в сериях «Новая поэзия» и «Диаспора» — ему ответили, что шансов никаких... Так что прощай, Андрей, — я ухожу.

30/11/2013 18:22 Андрей: ну, это понятно, что в НЛО ты сразу не попадешь, надо сначала завоевать позиции в других издательствах и попасть в шорты всех главных премий. НЛО — это для тех, кто уже крут.

30/11/2013 18:23 Андрей: Хотя, блин, в «Диаспоре» могли бы и взять.

30/11/2013 18:25 Игорь: не уговаривай меня — я в печали.

30/11/2013 18:27 Игорь: как бы мне хоть а.б. получить?

30/11/2013 18:29 Андрей: а я в непечали — девушка из интернета сказала, что на меня не сердится. проку от этого мало, но всё равно приятно :)

30/11/2013 18:31 Андрей: мне-то на премии наплевать, мне красивых женщин подавай

30/11/2013 18:32 Игорь: ты так фотку и не скинул специалисту

30/11/2013 18:39 Игорь: мне тоже красивых подавай — но нет так уж нет. я бы все премии поменял на ту единственную, которая мне больше не звонит

30/11/2013 18:41 Игорь: или на всех сразу — но именно на всех — чтоб всех и когда хочу)

30/11/2013 18:43 Андрей: хорошая программа, примерно такая же по выполнимости, как книга в НЛО или премия а.б.

30/11/2013 18:44 Игорь: ну спасибо за оптимизм

30/11/2013 18:46 Игорь: Вася сказал, что сейчас в моде — сложные стихи. Срочно садимся писать сложные стихи

30/11/2013 18:48 Андрей: А я как раз стал писать крайне простые

30/11/2013 18:51 Игорь: и я пишу простые — Вася говорит, что в этом и проблема, почему не берут в космонавты

12

01/12/2013 17:33 Полина: У меня дивный был ноябрь. Целых три твоих стихотворения. Я их любовно скопировала в особый, заветный файл.

01/12/2013 18:50 Андрей: Для меня тоже. Осень вообще была какая-то перенасыщенная, и особенно ноябрь — столько разных эмоций за один месяц. Надеюсь, эта нежность никуда не денется, даже если стихов больше не будет. (А если описать подробно последние полтора года, получится толстая, интересная книга, да только я пишу совсем другую).

01/12/2013 18:55 Андрей: А в стихах я ударился опять в авангард. Вообще-то это опять о любви, хотя из текста это и не следует.

HOLY MOTORS

1

с центром тяжести
неладное
висит
пустячок ответа
колечко
юное
машет картонной трубой

черёмуха
вскользь да вглядь
и неуютно
как на свадьбе —
даже не
пришли погубители

голыши и баклуши
тень смертная
и точек над и не расставишь

2

пожар
ибо скользит рукотворное небо

без особенностей
и лишних замечаний

каюсь: холод
и здравый смысл
и немного абстрактная сборка

на песчаных холмах страсти

3

брошенное имя
как влажная бездна

в государстве струнного всхлипа и
безответного электричества

снег или просто
снег
полиморфизм
с фаянсовой луной
заказного слуха

01/12/2013 19:16 Андрей:

А вот это получилось просто потому, что увидел сегодня твоё сообщение)

и
хотел бы написать
ещё одно
но препятствует
какая-то скоба в душе
или может быть сетка
перегородившая водосток
или
стало слишком привычным
писать стихи этой женщине
нет ощущения праздника
(вот
подожди
сейчас
выпорхнет оно
долгожданное слово)
это ведь не работа
когда
пишешь стихи
это должно быть
как
первая выловленная рыба
как первая
матолимпиада
(хотел сказать
про поцелуи
но вычеркнул от греха подальше)
как
первая
пачкотня в тетради
застенчивая
трепетная
а не
самоуверенная

как я сейчас в 19:16
после пяти проверенных
и — жуткое слово — зааппрувленных
фрагментов программного кода

01/12/2013 19:20 Игорь: так и не прислал мне фотографию той, которая в оффлайне)))

01/12/2013 19:22 Андрей: а ты всё настаиваешь)

01/12/2013 19:25 Игорь: чисто мюжское любопытство))))))

01/12/2013 19:27 Андрей: сейчас у меня 2 диалога открыты — вот и выгляни из своего и посмотри, кто тут рядом с тобой :р

01/12/2013 19:28 Игорь: выглянуть в твой онлайн??????

01/12/2013 19:30 Андрей: или в оффлайн)

01/12/2013 19:32 Игорь: ты меня окончательно запутал — т.е. её у тебя нет, но у меня есть???

01/12/2013 19:34 Андрей: ты удивляешь меня своей логикой.

01/12/2013 19:37 Игорь: в хорошую сторону или в плохую? — у меня не получается разгадывать загадки

01/12/2013 19:39 Андрей: ты удивляешь меня в любую сторону

01/12/2013 19:41 Андрей: что-то теперь уже я странное сказал

01/12/2013 19:44 Игорь: Елена Лемешко Диана Айше Лена Горб Лариса Рева Лена Мазурок Анастасия Бутко Ольга Константинова

01/12/2013 19:45 Игорь: кто она????????

01/12/2013 19:46 Андрей: нет, она в оффлайне, я ей за сегодня ещё один стих написал и сейчас сбросил. смешно видеть ваши аватарки на одной странице — и при этом ты ещё спрашиваешь, кто это

01/12/2013 19:48 Игорь: я отомщу — я напишу стихи про эту ситуацию)))))))) от своего имени

01/12/2013 19:49 Игорь: а твой стих я уже увидел в нете

01/12/2013 19:51 Андрей: о да, ты меня напугал

01/12/2013 19:51 Андрей: а ты его ещё где-то видел, не в этом контакте?

01/12/2013 19:52 Игорь: На поетриклабе.

01/12/2013 19:53 Андрей: ну да, там я выложил, туда наш отдул не заглядывает.

01/12/2013 19:54 Андрей: то есть отдел. все же они френды в фейсбуке.

01/12/2013 19:55 Игорь: Отдул Дмитрий Бритвин??????

01/12/2013 19:57 Андрей: откуда ты знаешь это священное имя?

01/12/2013 19:58 Игорь: оooooooooooooooooooooooooo) это Он

01/12/2013 19:59 Андрей: Санта Мария Пирогов?

01/12/2013 20:01 Игорь: Илон Санта Мария Пирогов

01/12/2013 20:00 Полина: Мой фейсбук оккупирован Осмоловским))

01/12/2013 20:02 Полина: Страшусь открывать и жду каждый день.

01/12/2013 20:03 Андрей: Игорь меня донимает, прямо сейчас, в соседнем окошке — тормозит, спрашивает, кто это. Грозится прямо сейчас про эту ситуацию начать писать стихи. Я пока отмахиваюсь.

01/12/2013 20:05 Полина: А как часто ты влюбляешься, дважды в месяц?

01/12/2013 20:06 Полина: вычеркнул от греха подальше — это просто здорово

01/12/2013 20:09 Андрей: серьёзно и долговременно — 2 раза за 10 лет. средней тяжести — ещё 2 раза. кратковременно и легко — кто бы мог подумать — тоже 2 раза. но теперь ты каким-то образом эту симметрию нарушишь.

01/12/2013 20:11 Андрей: Если теперь ещё и Игорь в тебя влюбится, 2-мя десятками посвящённых тебе стихотворений в месяц дело не обойдётся))

01/12/2013 20:12 Полина: Математик!

01/12/2013 20:13 Андрей: Теперь уже разве что арифметик.

01/12/2013 20:15 Андрей: И архимед.

01/12/2013 20:16 Полина: -)

13

05/12/2013 15:25 Андрей: Генетическая лаборатория сообщила, что не сумела провести анализ, на фильтровальной бумаге было мало крови. Сегодня отправили Колину кровь в город X на повторный анализ в поезде, через проводника (это довольно-таки

незаконно, перевозится биологический материал). Пробирка лежит в термосе со льдом. В Х её должен перехватить и доставить в лабораторию наш знакомый, балбес с высочайшей самооценкой, тот самый, который заботится о носках, но не о трусах. Он сейчас там в командировке. Этот вечно занятый деловой человек может куда угодно опоздать часов на шесть, так что есть небольшие опасения.

05/12/2013 19:30 Полина: Да, анализ крови у ребенка — сложная процедура, быстро высыхает, и в самом Х по пробкам трудно перевезти, держитесь, бойцы. Сообщите результаты.

06/12/2013 19:48 Андрей: Всё в порядке, кровь в лаборатории, результаты будут под Новый год.

14

10/12/2013 02:12 Андрей: ночью на балконе замёрзшие майки дрожат и тенькают друг о друга. из-за перепада температур стёкла гнусаво поют, оневозможивая мой сон. ещё немного, и всё полетит вверх тормашками. до нас добрался польский ураган? там какого-то мужика слизнуло с балкона.

10/12/2013 19:35 Полина: Андрей, знаешь, спасибо, что ты мне пишешь.

10/12/2013 19:50 Андрей: и тебе спасибо, просто так

15

15/12/2013 21:02 Андрей: Накатила зимняя хандра, может быть, и надолго. Сегодня — о ужас — из офисного подвала убрали теннисные столы, готовят новогодний сабантуй. Опять ретро; в прошлый год все наряжались гангстерами и платиновыми блондинками. В этот раз на стенах подвала висят фотографии Высоцкого, плакаты «Партия сказала надо, комсомол сказал готов. На поля, на стройки!» и «Ясен план, скорей за дело, строить Родина велела», с потолка свисают на серпантининах десятки пластинок фирмы «Мелодия». (Но и дома, в заповедном, неоткрываемом ящике их тоже полно. Скрипичный концерт Шостаковича в исполнении Ойстраха — вот что надо найти в инете и переслушать).

15/12/2013 21:15 Андрей: Без алкоголя я такие мероприятия не выдерживаю (ой, опечатка), скучища, особенно если будет приглашённый затейник. И официальная программа в виде речи директора о наших победах гарантирована. Ну, а вместо алкоголя у меня под Новый год, по сложившейся традиции, антибиотики. Неплохая должна быть дискотека, у нас много красивых девчонок, но и это тоже — давным-давно — не для меня. {Брюзжу}

17/12/2013 02:11 Андрей: кого только не увидишь в половине второго зимней ночи на улице крутогорной: меня, идущего на новую квартиру с большущим пакетом (одеяло) и рюкзаком (подушка); мужчину, вылезшего из дорогого автомобиля, чтобы посать на рекламный щит; едва плетущуюся барышню, несущую на шесте десятки разноцветных шаров.

20/12/2013 21:15 Андрей: Сегодня в подвале антуража прибавилось: жестяной профиль Ленина, парадный портрет Брежнева, мерцающий всеми орденами, бобинный магнитофон «Юпитер», рижский приёмник VEF, журналы: «Модели сезона» (79-й г, с удовольствием пролистал), «Работница» (81-й г), «Роман-газета» (тоже 81-й, с романом «Живая вода»), «Новый мир» (по виду — вчера вышел, ан нет). Противогаз. Настольный календарь 85-го года, на обложке — идущий в атаку воин с ППШ, ещё бы, юбилейный год. К турнику не подобраться, он скрылся в лиловом и абрикосовом «дождике».

20/12/2013 22:03 Андрей: всё, сомкнулись надо мной чёрные воды, я даже стих об этом написал, нижняя точка депрессии, и этот диалог я не в силах больше поддерживать, тем паче, что он стал монологом, я говорю в трубу или в марианскую впадину. отключаюсь, и надолго.

всё
сомкнулись надо мной
чёрные воды
(тут хочется
начать писать какую-то муру
описывать физические
химические и обонятельные
характеристики
чёрных вод)

но
это не важно
дорогая
важно то
что они кое-как
с некоторым усилием
но
всё-таки
сомкнулись
и вовсе это стихотворение
не предлог
(увы)
для того чтобы назвать
тебя
между делом
дорогой
просто они сомкнулись
и надо зажмурить глаза
лежать на дне
а если и говорить
то изредка
когда совсем невтерпёж
как сейчас
и только стихами

20/12/2013 22:12 Полина: Это не монолог.

20/12/2013 22:15 Полина: Или, если монолог, я внимательно слушаю

20/12/2013 22:18 Полина: Только что опубликовала в «Сетевой Словесности» стихотворение, недавно написанное

20/12/2013 22:21 Полина: Я имею в виду, тебе написанное

20/12/2013 22:23 Полина: Короче!

20/12/2013 23:03 Андрей: хорошо, спасибо, что слушаешь, не буду сворачивать монолог. сегодня, правда, дышится тяжело как никогда за год, но будет легче, просто тяжелее как-то некуда. ох, ну что я за фрукт.

20/12/2013 23:13 Андрей: (нет, ну в прошлую зиму было потяжелее, когда коля чуть не умер).

21/12/2013 10:26 Полина: Хочется тебе сказать слова поддержки, но все они кажутся фальшивыми. И не всегда меня хватает.

21/12/2013 12:44 Андрей: ничего, сегодня всё уже не так плохо, спасибо коле. но депрессия — штука такая, буду теперь то вверх, то вниз, как на качелях

21/12/2013 13:01 Полина: Я не уверена, что я смогу это переносить, Андрей.

21/12/2013 13:14 Андрей: дело почти привычное, я разберусь, не волнуйся

16

23/12/2013 21:12 Андрей: неделя проходит в тактической и позиционной борьбе с депрессией. в понедельник она было взяла верх, но сегодня я отыгрался. помогает ставший хроническим процессом переезд на новую квартиру и связанные с ним занятия. сегодня с олей долго тащили в густом, заполненном огнями и силуэтами тумане детскую кровать, изъятую у олинной знакомой (похожей на молодую жанну моро — но чуть меньше изыска, чуть больше почвы; в непримечательном гараже вместе с кроватью у неё помещаются два огромных лексуса, хотя стоп, кровати там больше и нет).

25/12/2013 00:32 Андрей: Страннее всего, что тебе не видна эта мерцающая химера, плавная просторная фантазия, в которую превратился город около полуночи: ни размытый золотой дом на склоне — днём пасмурная прокуратура, — ни американообразная башня с часами, играющими каждые 15 минут Грига, ни месопотамский модерн, уже без пугавшего меня полгода жестяного забора, опять с балконами, с чем-то новым и весёленьким внутри. Туристы в полночь на такой улице, где их не может быть и днём. И тут же — проезжает рейсовый автобус с пассажирами, хотя здесь не ездят автобусы. Не удивлюсь, если из какого-нибудь двора выедет трамвай. В этом тумане не верится, что завтра может напасть тоска, и уж во всяком случае — у меня появились новые оружия.

25/12/2013 11:12 Полина: Новые оружия?

25/12/2013 13:36 Андрей: если каждые несколько дней смещать смысл, заряд и как бы распределённость, депрессия за этой акробатикой слегка не поспевает. её сила в том, что в реальности всё остаётся по-прежнему.

25/12/2013 13:43 Андрей: ещё есть идея: тоске надо противопоставить что-то масштабное, например, глупость, тогда она растворится, как ложка соды в бочке воды. но эта идея ещё отчётливо не продумана, хотя чего-чего, а глупости у меня хоть завались.

25/12/2013 14:03 Андрей: можно посмотреть на это и иначе — подпрыгиваю, как карась на сковородке

25/12/2013 15:52 Полина: Сражайся, Арджуна.

17

29/12/2013 00:46 Андрей: есть информация: ты в лонге премии, а меня не взяли. мне это не так уж и важно, а тебя я, выходит, не зря сагитировал. но это строго конфиденциально и ещё немного зыбко, так что ты не радуйся заранее :)

29/12/2013 08:47 Игорь: спасибо за инфо. Я не радуюсь)) Как говорят в нашей деревне: жигули — не машина, лонг — не шорт)))) Приезжай в гости, раздавим опять бутылочку

29/12/2013 10:12 Андрей: Я сейчас не могу — антибиотики

29/12/2013 10:20 Игорь: Приезжай просто так!!!! Не обязательно со спиртным общаться

29/12/2013 10:24 Андрей: Ок, я приеду на выходных

18

30/12/2013 11:24 Андрей: сегодня я люблю тебя, такая идёт волна. совершенно не конвертируемая в стихи (к счастью)

30/12/2013 11:26 Андрей: мог бы оставить это наблюдение и при себе. извини.

30/12/2013 16:12 Полина: Спасибо, что не оставил)

31/12/2013 23:54 Андрей: с новым годом, и будь счастлива

01/01/2014 09:02 Полина: С Новым годом, Андрей. Счастья, здоровья семье.

01/01/2014 09:39 Андрей: Спасибо!

04/01/2014 20:14 Андрей:

каждый раз удерживаю себя
не надо
о любви не надо давай уже
в следующий раз
и не стихотворение это а
непонятно что
сам видишь
вот и отложи в сторонку
в следующий раз понял в следующий
да понял
отложу или лучше вытру файл
не буду занудой
ох боже мой
сколько любви (перечёркнуто) секса (перечёркнуто)
чёрт знает чего пропадает
пропадает пропадает и никак не выпропадет

19

06/01/2014 19:13 Андрей: давеча мама делала уборку в старой квартире, обнаружила под моей кроватью бутылку ужасной водки, использовавшейся исключительно для хозяйственных нужд, для протирки чего-либо (я уже и забыл о её существовании) — и заподозрила меня в алкоголизме. ну что ты, мама, разуверял я её, я пью только коньяк, изредка виски.

06/01/2014 19:44 Андрей: ох уж эти уборки. припоминаются разборки на первом курсе, когда мама нашла пачку «лаки страйк», спрятанную в настольном хоккее.

06/01/2014 23:29 Андрей: с рождеством! радости!

07/01/2014 13:52 Полина: история с лаки-страйком ужасно порадовала.

07/01/2014 22:12 Андрей: на рождество разверзлись хляби, клюнул осенний дождь. красота: блёсткие точные ветки, под ними мигает ночное такси — а на заднике, в том же ритме и тем же цветом — тревожатся светофоры, прикрытые длинными проточными гвоздями.

08/01/2014 15:12 Андрей: молчу, коплю слова, а они куда-то укатываются, как сквозь решето

09/01/2014 11:02 Полина: Пришли мне свой роман.

09/01/2014 15:12 Андрей: ну, если хочешь, вот файл с вариантом 1-й главы и очень ещё далёкий от разума набросок 3-ей (пол-главы, остальное в черновике, в тетради).

09/01/2014 15:32 Андрей: и тут уже я затрепетал, выслав свои жалкие буквы матёрой прозаине.

09/01/2014 16:08 Полина: Я до сих пор тебя не извиняю, что ты назвал меня плохим прозаиком)) но я тебя оценивать в таких терминах не буду, не беспокойся.

09/01/2014 16:35 Андрей: м-да, просмотрел тексты и увидел, как много буксует, править и править. и с каждой правкой становится всё хуже, понятное дело.

09/01/2014 16:42 Андрей: есть повторяющиеся пассажи и штрихи, надо опять прополоть. при повторных перечтениях натыкаюсь на новые и новые мины.

09/01/2014 16:51 Андрей: нет, прозаиком я пока даже и не стал.

09/01/2014 17:03 Полина: Как всё запущено)) «прозаиком», «не прозаиком», «стал», «не стал». Текст классный, продолжайте, сударь))

09/01/2014 17:11 Андрей: насчёт прозы у меня устойчивая параноя)

20

13/01/2014 19:32 Андрей: Из X прислали заключение: у Коли повреждён TAZ-ген, и, следовательно, подтверждается синдром Барта. Думаю, такой диагноз всё же лучше, чем какая-то неведомая науке болезнь. Вполне вероятно, что Оля — носитель этой мутации, у женщин она никак не проявляется, только передаётся через них детям. Надо будет проверить весной, от этого зависит здоровье следующих малышей, если мы вообще ещё решимся.

13/01/2014 21:15 Андрей: побывал на вечере пожилого донецкого поэта. сбежал после того, как он рассказал, что лукоморье было неподалёку от г. мариуполя, но рос там ясень, а не дуб — а также, что китайские императоры улавливали вибрации, в виде благотворных стихов передавая их своему народу. вообще, главное слово в его рассуждениях о поэзии было — вибрация, и он действительно вибрировал всю, ох какой темперамент у старика.

13/01/2014 21:53 Полина: Удивительное рядом.

13/01/2014 22:01 Андрей: как меня радует, что ты есть — там, с другой стороны этой белой трубы. буквально на расстоянии буквы.

15/01/2014 20:17 Андрей: У меня вдруг улучшились отношения с женой, уже не орём друг на друга постоянно, как перед переездом. Всё равно время от времени выносим друг другу мозги по мелочам, но гораздо миролюбивей. Вот он, разрешённый квартирный вопрос.

15/01/2014 20:31 Андрей: Коля всюду ползает по квартире. Научился за последние месяцы. Возможно, ему помогли лекарства, назначенные в Х. Очень хочется надеяться, что они сделают своё дело: это бывает только в половине случаев, заболевание крайне редкое и малоизученное. Во всей стране им занимаются только в этом институте, а в нашем городе даже не умеют диагностировать.

16/01/2014 12:31 Андрей: История с донецким поэтом имела продолжение — он прочитал мой сборник и позвонил мне сегодня утром, мы мило поболтали о том о сём. Есть хорошая новость — никакой смерти нет, её придумали иудеи. А в армянском языке зашифрован код воды.

16/01/2014 13:53 Полина: Это он так сказал? Красоты.

16/01/2014 13:57 Андрей: Да, он полон изящных идей :)

21

19/01/2014 13:57 Андрей: Антибиотики вдребезги разнесли мне пищеварение. Катаральный гастрит, дуоденит, а может, и ещё чего-нибудь. То-то я гляжу, меня всё время подташнивает, и голова кружится. Строгая диета. Год пройдёт без алкоголя.

19/01/2014 14:08 Андрей: Сегодня делали гастроскопию. Чудные ощущения, когда тебе через рот толкают в пищевод трубку с фонариком.

19/01/2014 19:51 Полина: Сочувствую, Андрей.

19/01/2014 23:03 Андрей: всё будет хорошо)

19/01/2014 23:10 Андрей: ждёшь часами, так садняще, твоего ответа. но должны же быть какие-то препятствия. а зато потом такая тишина, такой великий покой внутри, когда видишь твои два слова.

20/01/2014 12:03 Андрей: Коля приползает в ванную, усаживается на бархатную подушечку и смотрит кино «Вращение стиральной машины».

21/01/2014 19:17 Андрей: Оля удалилась с подружкой, пошла по магазинам, и получился довольно радостный день с катанием на папе, чтением и листанием Хармса, бросанием мяча и кушанием овсянки. Теперь я Колю укачал на руках, переложил в кресло-качалку, сижу на тёмной уже кухне, ногой качаю кресло, руками щёлкаю по клавиатуре.

24/01/2014 14:41 Андрей: Минус двенадцать, ясный морозный день. Над котельными растут млечные стволы, их пушит и раздёргивает ветер с реки. Блики от выдернутых клочьев скользят по сугробам. Автомобили осторожно, ощупью движутся по гололёду. Издалека — барабаны, шумит городской майдан, пока мирный.

26/01/2014 02:51 Андрей: полнолуние, диковинные облака, напоминающие то шустрых зверей, то загребущие ведьмовские лапы — и буйные пляски сдуваемых деревьев за окном, и выжидательное, покровительственное помаргивание телевышки.

28/01/2014 11:40 Андрей: Город засыпало снегом по самые брови, и продолжают над ним трясти сито с крупой. Река дует в ей перпендикулярные улицы, как в горны. Ветер на Екатерининской площади завязывает метели тугие косы.

28/01/2014 20:15 Полина: Красиво.

01/02/2014 19:01 Андрей: часто о тебе думаю, накапливаю слова, только для внутреннего пользования. нечто вроде призрачных одеяний.

01/02/2014 19:01 Андрей: Настал период открывания всевозможных дверей и даже попыток включения газовой плиты — встаёт, придерживаясь за плиту, и тянется к ручкам. А также исследований содержимого мусорных вёдер. Глаза да глазки.

01/02/2014 19:15 Андрей: Игр «оторви себе немножко плинтуса с гвёздиками».

01/02/2014 20:29 Полина:)))

04/02/2014 14:23 Андрей: Ходили сегодня к местным кардиологам. Состояние сердца у Коли немного улучшилось: выросла сократимость и уменьшилась на пару миллиметров толщина сердечной стенки (она у него слишком толстая).

04/02/2014 14:41 Андрей: гривна меж тем летит под откос, а валюту не купить. дали зарплату — и куда деть эти бумажки, пока они хоть что-то стоят?

05/02/2014 12:21 Андрей: нет, всё-таки не будет пока люстр в новой квартире, ибо мы ухватили в одном из обменников евро. здравствуйте, 90-е.

05/02/2014 17:11 Полина: Да ты что.

07/02/2014 21:19 Андрей: Происшествие в квартире прежней. На крыше растаял снег, и соседей с верхнего этажа подтопило. Они вызвали сантехников. Те обнаружили, что в сточной пластиковой трубе намёрз лёд, стали бегать по этажам и лупить по этой трубе молотками, пытаюсь его разбить. Роптавших жильцов с ходу обкладывали матом, не мешайте, блядь, работать. В конце концов пробили в трубе дырку над нашим этажом, завязали её тряпкой и удалились. Талая вода, не найдя себе прохода в трубе, сорвала тряпицу, растеклась по лестнице и замёрзла. Так что с первого и до третьего этажа — каток, ходить можно, только крепко вцепившись в перила.

07/02/2014 22:03 Полина: История про ремонтников поражает воображение.

09/02/2014 14:10 Андрей: Повсеместное таяние, вездесущее журчание. Пар кутает кирпичные стены и ружейные стволы деревьев. Девушка в полосатых чулках, в летних туфлях на высоченных каблуках каким-то чудом проходит по льду к двери закрывающегося подвального магазина; улыбающийся парень закатывает за ней и за собой роллетную дверь. Февраль, любовь.

09/02/2014 22:03 Полина: Замечательно)

12/02/2014 23:11 Андрей: Сегодня освящали новую квартиру. Священник, протоиерей Александр — из числа самых приятных знакомых, весёлый и умный поп. Коле всё понравилось: и молитвы, и рисование фломастером крестов на стенах, и кропление святой водой, и горящие свечи, воткнутые, для равновесия, в стаканы с гречневой крупой. Только позолоченное Евангелие он на всякий случай от себя отодвинул. Попутно отец Александр рассказывал: о музыканте Санни Бое Уильямсоне 2-м; о том, как непохожи бывают близнецы (один его знакомый — кларнетист от Бога и запойный алкоголик, а его брат — по внешности мать не различит — трезвенник, генерал авиации, и у него медведь на ушах поплясал); о том,

что в лифте у нас пахнет стоматологами; о пользе говорящих хомячков — по его требованию я залез в ютуб и посмотрел, как говорящий хомяк играет на гармошке; о том, что его младший сын вместо того, чтобы употреблять общепринятые слова, выдумывает собственные: мама у него Адя, Микки Маус — Балабайкин, любое питьё — пиво, чипсы — письки (заходя в магазин, требует у продавщицы пива и писек).

14/02/2014 15:28 Андрей: Грязь, свет и любовь. Или: любовь, свет и грязь. Охапки света, ушаты грязи. Особенно грязны автомобили: слоняются туда-сюда перемаранные разноцветные чушки. Женщины помоложе — их сегодня особенно много — на особой волне, в выжидательно-любовном регистре. По женщинам постарше хорошо видно, кого из них сегодня любят, а кого — не слишком.

14/02/2014 16:15 Андрей: ...а вот подарок — стишок из «твоего» цикла, довольно-таки эротический:

и вот он вот
всегда неожиданный праздник
праздник-отщепенец
и хочется что-то сказать
и не находится слов
а точнее скопилось
множество слов
но
не для бумаги
или электронных носителей —
тех простых
которые говоришь
слегка захмелевшей женщине
кусая её за ухо
и расстёгивая
предпоследнюю пуговицу

14/02/2014 16:28 Андрей: (Стихотворение не слишком корректное, ну и чёрт с ней, с корректностью, её будет ещё вдоволь, больше, чем нужно).

14/02/2014 16:32 Андрей: радости и тепла тебе, Полина

14/02/2014 19:13 Полина: Ох

14/02/2014 19:15 Полина: Спасибо, мой дорогой

14/02/2014 19:18 Полина: Прелестный стишочек

14/02/2014 19:41 Полина: Я бы поменяла предпоследнюю пуговицу на верхнюю или на вторую сверху. Когда расстегивается предпоследняя, слова уже не шепчутся, и ухо не кусается.

14/02/2014 19:53 Андрей: спорный вопрос. ты считаешь, что во время самой предпоследней пуговицы уже пора заниматься любовью? но и при этом, по-моему, всё ещё могут быть и какие-нибудь слова, и уши. к тому же любовь может случиться ещё и до всяких пуговиц, смотря какой наряд, так что ситуация довольно запутанная.

14/02/2014 19:55 Андрей: но не хочу с тобой спорить, пусть пуговица будет верхней, или второй, или нижней — любой, какая тебе подойдёт.

14/02/2014 19:59 Полина: Стихотворение прекрасное, при любой пуговице. Вышибает стекло. Как по инструкции. Мне нравится его холодность и самодисциплина.

14/02/2014 20:05 Андрей: а у меня тут стёкла вышибает, потому что после текстового разбора хочется заняться любовью. видимо, пришла пора турника и прочей аскезы.

14/02/2014 20:09 Полина: Невыносимое стихотворение)

14/02/2014 20:11 Андрей: милая

23

16/02/2014 18:39 Андрей: Оставили сегодня Колю на бабушку и пошли на Троицкий рынок. Желудок работал неважно, от любви, недосыпания и переутомления опять обострился гастрит. Троицкий рынок на горке, когда поднялись, меня подташнивало и немного кружилась голова. Хотели купить Оле английский самоучитель, но нужный магазин был закрыт. На обратном пути заходили в многозвенные дворы, краснокирпичные, напоминающие одновременно бастиины, дачные участки и гаражные кооперативы. В дальнем ковшике между ветхими зданиями, частично деревянными, а частично непонятными, обитающими по адресам Красная площадь, 2д и 2е, обнаружился небольшой мальчик в пятнистой куртке, скачущий по огороду в резиновых сапогах. Он объяснил нам, что сизая кошка — Галины Михайловны, а другая, грязно-белая — её жены. Мне-то казалось, что я хорошо знаю свой город.

16/02/2014 18:54 Андрей: вот ещё твоё, но сырое, возможно, буду редактировать или дописывать:

есть отгадка в свежем имени
новой певчей стрекозе
в каждом облаке надкушенном
в дальнем яблоке огня —
и в очерченном движением
подотчётном сквозняке

16/02/2014 19:40 Полина: Стихотворение очень элегантное.

16/02/2014 23:18 Андрей: спасибо)

17/02/2014 12:18 Андрей: бедный мой желудок, то и дело слопаю что-то несвежее или не положенное по диете.

17/02/2014 13:01 Андрей: испытываю искреннюю симпатию к моим трудолюбивым подданным, но в их среде вызывают бунт, недовольство и недоумение безответственным поведением властителя

18/02/2014 12:01 Андрей: в столице после долгого затишья опять началось

18/02/2014 15:01 Андрей: ох, какая там дьявольщина, а казалось, всё налаживается

18/02/2014 15:12 Андрей: как хочется, чтобы всё закончилось неожиданно: мирно. если только это ещё возможно

18/02/2014 16:30 Андрей: уже нет

18/02/2014 16:35 Андрей: ах ты боже мой

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОТРАЖЕНИЯ В БЕГУЩЕЙ ВОДЕ (Весна — лето 2022 года)

Туманное, бурлящее полотно, база проекций. По окончании Пасхальной седмицы, хотя какая уж теперь седмица, я перебираю старые дневники, сохранившиеся Олины и свои записки. Вспоминаю, как мы с ней познакомились, как встречались, как жили вместе до Колиного рождения. В памяти всплывают и недавние времена, когда мы собирались за бутылкой вина вчетвером — с Юрой и Настей. Куда теперь всех нас разбросала война? Главный из оттаявших дискурсов — стыд о неверно прожитой жизни. Классический мир продолжает распадаться, уже до столь неразличимых элементов, что о них невозможно сказать «твое» или «мое». Падающий лифт набирает скорость, а когда скользящие мимо глаз этажи сливаются в одну световую полосу, начинает казаться, что он стоит на месте. История, как слизень, ползёт по стенке, оставляя вязкие следы. Читаю первую попавшуюся записку, свою: «Котёнок, какие продукты и вещи нужны на завтра? Жду подробных указаний. Явно понадобится верхняя одежда. Спасибо за обстоятельное письмо. Я провтыкал и забыл побеседовать с врачом о гепатопротекторах». Попытаться переработать оставшийся материал — всё равно что шагнуть в бездну. Куда более слабая сила, чем притяжение: плотная, окутывающая паутина, от которой хочешь побыстрее избавиться, но застываешь в ней, замороженный семантикой. То, чему позволено быть скорей уж из сочувствия, в итоге ломает тебе руку. Появилось ли что-нибудь новое у тебя в жизни, спрашивает Настя. Вот эта электробритва, отвечаю я, делаю пассы вокруг подбородка подвернувшимся футляром с очками. Болтунишка Тимур сказал ей, что видел меня на набережной в компании настоящей кинозвезды. Я передам Оле, ей будет приятно. Но и досадно, что Тимур её не узнал: они виделись когда-то на дне рождения у Юриной сестры. С тех пор Оленька изменилась, постройнела и похорошела. Промеривание и примеривание, хромакей, отдающийся назойливым гулом в

самых обычных вещах. Мама, схватившаяся за бинокль, с разочарованным видом сообщает мне: «она большая». Под нами, пониже холма, тянется подлесок. Воздух расталкивают огорчённо галдящие птицы. Утраченная связность предполагает десятки сочетаний одних и тех же элементов — однако приходится заботиться о чистоте полотна, о незамутнённых матричных преобразованиях. Даже спонтанность приходится отстраивать по правилам, случайно возникающим из сторожащего нас хаоса. В качестве козырей — электрические вышки, каменные опоры мостов. Подпитка для текстовых упырей, насельников телеграма. Примерная шелковистость собачьих будок. Лобби собирателей орехов. Море выносит камешек идеальной голубой расцветки, возможно, искусственный. Упыри показывают по телевидению свою прежнюю мечту, план расчленения нашей страны — а не подавиться? И откуда такая уверенность, что другие государства такие же, спят и видят, как бы откусить чужую землю? Предположим, что именование «ты» возможно и на этой, куда более зыбкой почве, — хотя сразу ясно, что это мина замедленного действия. Зато придётся обойтись без увязанных со временем, то есть почти ни с чем, наречий — таких, как «впервые». Оля, опираясь на мою руку, ступает на корень, торчащий из воды, и прыгает на противоположный берег ручья. Над нами поспевающая черешня, рвать да рвать, но часть ягод падает в мутную воду и уносится течением. Большинство пружинок и режущих кромок пока скрыто, на них просто не обращаешь внимания. Кажется, что все пути свободны, однако мы их баррикадируем в поисках устойчивых компромиссов, уже невозможных при разрастающейся катастрофе. Инаковость оставляет жирные пятна на жакете. Я снимаю его, ласкаю упругую Олину грудь, кусаю набухающие соски. Не переставая целовать её, переворачиваюсь, провожу набухшим членом по мягким большим ягодицам. Может быть, ради этого, сбивающего с панталыку, случая и стоило жить. Очень странно: плотская, грубая реальность секса так не похожа на представления о ней. Ты не просто трахаешь красивую девушку, но ещё играешь роль, живёшь вдоль неоформленной системы координат, не сточившейся о быт или философию — а в этой сетке поощряется наигранный, киношный энтузиазм. В город X нам возвращаться рано: вчера туда прилетела стая ракет, убила нескольких жильцов многоквартирного дома. Оля стоит, расставив ноги, опираясь о дерево, пока я засаживаю

ваю ей, приподняв юбку. Лучше всего при этом смотреть на её взволнованный, классически точный профиль. Наконец изливаю семя. Оля просит меня задержаться в ней, без презерватива это чуть болезненно, зато так резко, так реально. Хуй понемногу ослабевает и выходит сам. Я закатываю кожу обратно на головку, застёгиваю шорты, ощущая опустошённость и лёгкое гудение в голове. Что за чертовщина, оказывается, всё это время за нами следил, сидя у плотины, пастух с гнилозубым ртом. Собираемся и быстро уходим. При ходьбе сперма стекает у Оли по внутренней поверхности бёдер — какая едкая, говорит она, морщась. Достает салфетку и стирает её. Весёлая загородная прогулка на N-й день близкого знакомства; мы вышучиваем общих друзей наперебой. У Оли злой язык — скажет, как бритвой отрежет. Думаю, что почта бреет горизонтально. Можно позаимствовать из прозы глухие колени. После праздника Победы ожидаем очередного повышения ставок противником, и тогда уже, кто знает, массированных бомбардировок. Радиоперехваты показывают, что захватчики активно применяют пытки к мирному населению, да ещё и хвастаются этим перед родными. Горит уже второй вражеский корабль, такие у нас праздники. Самое отвратительное в буднях — то, что я постоянно довожу мать до давления своим неуживчивым характером. Не выдерживаю самого её присутствия, нахожусь на грани нервного срыва. Насколько легче нам жилось порознь, когда не было ни войны, ни эвакуации. В одной из квартир напротив насыщенное движение за яркими шторами; то ли обыск, то ли вечеринка. Коренастая блондинка выпускает струю дыма и уходит с балкона в ярко освещённую комнату. *Она полностью обнажена, только джинсы да свисающая с отворота нижнего кармана зажигалка. Рыжебородый внимательно смотрит на неё, но ничего не говорит, понимая, что ждать здесь нечего. Женщина проходит в тёмную комнату, где на низком столике её ждут двое парней. В эту секунду в окно стучат. Зажигалка соскальзывает, но женщина ловко подхватывает её и опускает в карман. Стучат всё настойчивей и громче. Рыжебородый вскакивает. Слышен голос диктора, вещающего о погоде.* «Если меня переведут завтра, то сюда же — хватит и халата. Но в отделении понадобится постель и пижама. Принеси старые, только стиранные. Супы и каши не нужны, здесь есть. Незачем таскать лишнее. Деньги в кармане нашёл? Там ещё есть, под пуговицей. Сегодня опять дежурит этот же пень. На-

строение уже испорчено. Надеюсь на завтрашний день, в отделении я буду самостоятельной. Вот, мой кот золотой. Резиновые тапки принеси, а одежду уже потом». Ключи потеряны, а сколько их скопилось уже в связке. На фоне призрачного материала скрещиваются сабля писателя и молот философа. Плавно поводят холёными ручками, бомбят адскими таблетками. Попытки зачатия по графику, вопреки постным дням. Обречённые фрагменты расслаиваются от прикосновения. Подписаны и завизированы запросы на опустошение. Тропинка через дикий сад музыкальных фраз — последнее кольцо обороны. Можно разогнаться, бросить мяч пятнистой собаке, шлёпнуться в грязь и потом застирывать брюки. Деревья говорят на колючем языке, вопреки вечерней подсветке. То, что я воспринимаю как давление — всего лишь подвисание автоматики, желание перейти на другие рельсы. Взрывчатка заложена на этапе проектирования, как и способы обойти инертную степень. По крайней мере, дорожные знаки лишены очарования. Присвоение исключений, рыба о четырёх головах. Из лекционной аудитории выходит лаборантка, несёт колбочки со спермой. Оля накапливает раздражение, а потом взрывается так, что зашатаешься. Во время командных игр в школе Оля мучилась, пережидала их где-то сбоку. Так усердно и так бездарно их сплачивали, что выработали устойчивую аллергию к совместной показухе. Девушки, прыгающие на батуте с калашами в руках, снято режиссёром Маразмицей. Натягивание резиновых перчаток, прямой массаж простаты. На причале монтируется сцена для очередного концерта. Примериваются, как рубить капустный кочан цветным колесом. Поглотители вод жонглируют горящими головами. Украдена страница с блуждающими дымами. Последовательность из разрушенного кристалла, мёртвого тела полицейского, сжатой, как пружина, четырёхчасовой прогулки. Для выработки уверенности Оля ходила в драном пальто по самым дорогим магазинам, приценивалась к товарам, которые не собиралась покупать. Завязывала дружбу с мыльными операми, вылизывавшими каждую кофейную каплю. Вела сквозь самоуверенный смех пугливую шляпу, заполненную туманом. Изображала энтузиазм, прикрепляла картинки с геолокацией. У вас уже закончилось, или этот праздник надолго? Неоднозначность, прореженная карантинной набережной. По элементам поэтических конструкций можно стучать палочкой, как по клавишам ксилофона. «Не

надейтесь, туземцы, мы здесь навсегда». Тогда за что вы платите? Всё время было ощущение, что ещё неделю или две. Вцепились в учтивые противоречия без обратного хода, в железные конюшенки. А надо было замедлиться, насладиться процеженным сиянием. Дать возможность фантазму понемногу завоевать реальность: прилепленной к престолу жевательной резинкой, фестивалем старинных автомобилей с фанерными корпусами. Юра говорит: бензина мало, и он очень дорогой. Стоял вчера на заправке с полчаса в очереди — а тот, кто заправлялся перед ним, уехал, вырвав из колонки шланг. Каждое утро он собирает на балконе лопаткой перевернувшихся на спинку жуков, вытряхивает их за бортик, но они залетают обратно, дурашки. Если в начале войны Юре снились кошмары о рассыпающихся зубах, то теперь об израненных руках, из которых он никак не может вынуть осколки. Бывают и сны более мягкие. Пустой супермаркет в городе X, по форме как сопло космической ракеты. Внутри, в темноте, ряды стиральных машин. По радио идёт передача «Трогательные песни о ненависти». Пытается выстроить систему права как рекурсивный алгоритм на множестве общественных отношений. Ловушка захлопнулась: не существует ни механизма, ни воли для прекращения войны. Она становится искривленной обыденностью. Сильней ощущения реальности только неразбавленное презрение, по большей степени даже не к тем, кому оно положено. Постоянная пробивочка: откажетесь ли от части страны, чтобы война прекратилась? С прозой хотя бы меньше разочарований. «Массаж для котов и мышей. Кошачий психолог отвлекает котов от марта, переводит бабушек на русский язык. Не может пожертвовать дочерью, пишет жене второе письмо: приезжать не надо, свадьба откладывается». *Поэма «Сыр» не выходит из-за болезни. Месяц я провожу на ногах, режиссирую квартиру и кухню.* Книга теперь ничем не отличается от сотен других старых дев в бумажных обложках, сокращающих зимнюю скуку библиотекарям с ментоловыми сигаретами, стряхивающим пепел в кофейные чашки. Сталкиваясь в дверях подъезда со смутно знакомой девушкой, проглатывающей короткое «сте», растерянно смотрю ей вслед и одним махом пролетаю четыре пролёта, отделяющие меня от письменного стола. Картонный петрушка движется по прямой. Хватает затейливые фигурки из слоновой кости — пустынные, как заброшенные заводы — но, ни на что не решившись, ставит их на место. Материал

неисчерпаем, а проза попросту зайдёт в тупик, перестанет существовать как таковая; вовсе не оттого, что вычерпает ложкой море. Даже если рухнут опорные столбы, можно будет по-пластунски перемещаться под завалами. Письмо задаёт устойчивую матрицу; нужен совершенно иной человек, чтобы первичные, столь наскучившие элементы предстали в мягком освещении, заиграли тёмным блеском. Великанья походка: ходим, высоко задирая чёрные ноги в сандалиях. Жира, жира меньше. Неубиенный зверь закручивается ливневой спиралью. Остаётся лишь пересказывать зыбкую материю, ногти невольников, запасные книжки каратистов. Оля может разбивать мамины тарелки одним лишь усилием слуха. Юбка-солнце и раскинутые руки. Ветреный день, знаки слипаются с акведуками. Тянут в укрытие орех, покрытый бурой кожурой. Ограниченный плоскостью ряд цифр пританцовывает, крутит тонкими запястьями. Проигрыш всегда очевиден, а выигрыш доступен лишь через время, благодаря правильно установленным, хотя и смятым фильтрам. Чем женщина отличается от косой волны? Стыд велик, будто пузырчатая ворона, севшая на крышу. Треугольная развёртка с розовой кофтой, сумкой и биссектрисой. Кто-то должен держать зонтик, путать следы. Предрассудок заставляет вырвать жизнь с корнем, уложить её в пропахший мышью пакет. У отступления отчуждён только пончик — огромной навозной мухой. Шепоток коротких каштановых локонов. Разумеется, она читала именно эту книгу. Если только читала какую-нибудь вообще, кроме как о казематах и шестернях. Неужели мы предполагали, что все наши неудачи сведутся к одному-единственному шву? О нет, весь рисунок состоит из улыбающихся заплат, некуда поставить пробу. Сначала охранник, потом и маэстра — догадаются ли посмотреть, где плюс, где минус? Нелюбопытство ко всему, что не входит в узкую колею, пригодную для жизни. Но, по крайней мере, необычного ребёнка не отталкивают, и это даёт ему возможность развиваться. Где бы Оля ни жила, она пережигала розетки (краснеющие спирали электроплитки в причёсанном воздухе). Что вы уставились? Люстру подвешивает к потолку фотограф, ибо я этого делать не умею. Давление в одной и той же ослепшей точке. Я могу даже стать на колени, чтобы задать абсурдный вопрос. Идея фикс — собственное жильё, слишком долго мыкалась по общежитиям. Букву пытаются передать друг другу без помощи рук, захватить подбородком. Я контро-

лирую каждое передвижение, а проще сделать всё самому. Деактивировать поворотное колесо надреза при щелчке по компоненту. Отрицание обоеполых гаджетов, как то: подсолнечных зайцев, сведущих муравьедов, колонистов-менестрелей. В розыгрыше участвуют наборы согласных букв и вырванные с корнем самокатные рули. К чему нам глубокая, как ночь, питейная культура и замысловатые каракули здоровой жизни? Ладушки, есть ещё шест, каблук и корейская фарфоровая фигурка, означающая в переводе на обеденный «дурачина». Прикрепляйте фотографии праздничных имплантов. Коллега в стабильно тяжёлом состоянии после ранения. На другом берегу водохранилища зверьё наводит пушки. Закрепить, не высовывать нос целую неделю. Добиться статуарности явлений, ибо всякое перемещение чревато кривляющимся злом, заплутавшим среди винных заводов. Рано или поздно обязан был наложить всемогущую лапу на кухню. Мама чувствует себя предельно некомфортно, и я тоже. Её оскорбляют мои требования вымыть руки с мылом после посещения туалета, где она, сделав основное дело, ополаскивает задницу тёплой водой. Идёт после процедуры на кухню, хватает общие тарелки, столовые приборы, готовит пищу. Оказывается, ещё благополучный вариант, если я нахожу кусочки мамино дерьма, прилипшие к мылу — по крайней мере, на этот раз она им воспользовалась. Как отучить её от нечистоплотных привычек? Юра подарил когда-то нам с Олей свежих, сочных персиков из своего сада. Я принёс их домой, наутро оказалось, что мама все слопала. Сказала — гнилые. Что ни сделает, всё с лучшими намерениями. Такая вот непрекращающаяся радость живёт рядом с нами — неряха, сплетница — и даже не подозревает об этом, думает, что она цветочек. (Сам я ничем не лучше, только приучен женой к чистоте). Мама постится ровно один день, а на второй от души напирается вреднятины — копчёной колбасы и чего-нибудь жареного. Становится плохо с желудком. Причина, конечно же, — «отравилась редиской». Это напомнило Оле случай с соседом, когда он, облакавшись самогоном, объяснял, что ему стало плохо от несвежего хлеба. Сам ужасно устал от своих хейт спичей о маме, но по-другому просто не получается, всё время срываюсь. Не верить майским прогнозам, в них любят сгущать тучи. Поставить стул на рельсы — предлагает Вовка. Без присмотра его оставлять нельзя ни на минуту: вчера молотил игрушечным молотком по Олиному ноутбуку, пока не разбил

одну из клавиш. Прямоугольная система координат с одинаковыми масштабами вдоль осей не соответствует реальной симметрии кристалла. Потерянные, детерриторизированные знаки — «украшения скифской знати». Призрак схватил Олю, плачущую, за плечо, вывернул руку, затащил её в подъезд. Угрожая ножом, заставил снять трусы. Настоящий «тюремщик», так говорят в Олиной семье. Она тогда прибежала ко мне в слезах (что именно произошло, не сказала), а я смотрел полуфинал чемпионата мира и предложил ей присоединиться. Послала меня и ушла, а случай этот всегда вспоминала, как один из примеров моего эгоистичного и неадекватного поведения. В милицию заявление не написала. Лишь спустя полтора десятка лет рассказала мне, что же на самом деле в этот день случилось. Сдала в никудышной лаборатории анализы, и они у неё ничего подозрительного не выявили. В итоге наградила меня полным набором хламидий, трихомонад и уреаплазм — от них я несколько лет потом лечился у разных врачей. (Нетерпеливая Оля каждый раз бросала лечение посередине, и воспаления возвращались). Растянутый до неприличия восьмигранник текста. Горло опять болит: на этот раз повинна мороженная рыба, которую я вычистил до того, как она стала тёплой. Позднее взросление и простая, как репа, мораль: герой наказан одиночеством за дурное поведение. А может, он настолько завязан на творчество, что ему такое, как с гуся вода? Модные темы: взаимный семейный абьюз, садомазохистские взаимоотношения. При всём том старается быть обязательным в деловых и денежных вопросах. Скучно, друзья мои — не найдётся ли добавочных расцветок? Раскроет Оля книжку по кристаллографии, изданную в мордоре, а там подробно и ясно объясняют всё, что она по этой теме до сих пор не могла уяснить. *Наукой она занялась случайно и с запозданием. Как изобретатель, Бог в целом добр, однако если не сменит свой тон, возникнут комары. В местах самой нежной краски, в лесу, находит время и место записаться к мелюзге в миротворцы. Входит без ручного труда, берёт в одну руку дорожный посох, а в другую гранатомёт. Идёт по единственному пути над школой и котлованом.* Горизонтальное измерение — коллекции либо словаря? — незатейливым образом подменяет собой время и даёт автору возможность безопасно проникать в одну и ту же историю и покидать её в течение произвольного числа итераций. Речь идёт о транзакционном и функциональном письме, теоретически не нуж-

дающемся во внутреннем состоянии. О поклейке обоев с помощью крахмала (сохраняются невредимыми не только интерфейсы, но и вязкие сгустки под бумагой). У Оли кошмары в новом помещении, пока она к нему не привыкнет. Демоны выкручивают ей руки, перевязывают верёвками. Ворона лежит под столом, выставив обглоданные ноги. «К холодильнику доступа нет, из палаты меня не выпускают. Кормят своим, и только кое-что добавляют из принесённого. Продолжают ставить капельницы. Последняя была в час ночи. Вчера дежурила непорядочная санитарка, я вернула тебе деньги, чтобы она их не украла. Кот золотой, очень скучала. В городе ужасный грипп. Мы с Колькой-Мишкой волнуемся за тебя, не простынь. В роддоме мне больше нравилось, всё познаётся в сравнении». У Юры близорукость, у Насти дальновзоркость, на двоих получается одно полноценное зрение. Настя совершает путешествия по звуковым ландшафтам. Вполоборота туманится председатель, держится самокатами. Трудности помогают не столько учиться, сколько разучиваться письму — для того, чтобы выявлялось оно само, а не условности, им порождённые. На дне рождения у одноклассника дети играли в кафе, «продавали» оставшиеся после праздника напитки, а наш Вовка стал напитки эти разливать. Оле пришлось увести его домой. Нынешнее моё понимание, образца две тыщи двадцать второго года: о любовном интересе приходится полностью забыть ради других задач, иногда более важных — ребёнка или работы — а часто и менее важных, вроде литературы. В любом случае, возможностей для любви нет, но и заморачиваться по этому поводу не стоит. Далось такое понимание высокой ценой: отчаянием, депрессиями, разладом в отношениях с близкими людьми. Ещё мне кажется, что не стоит жить под одной крышей ни с одной женщиной, в том числе и с матерью, просто чтобы не портить жизнь ни ей, ни себе. Как только закончится война, отправлю маму из нынешних более безопасных мест домой. Наши с ней взаимоотношения нестерпимы, и я не уверен, что смогу остаться в пределах психического здоровья. К добавочному стыду, вылетела из головы важнейшая из дат; не сообразил даже по обильному количеству звонков — мало ли с кем из подружек мама болтает. Она была ужасно обижена, сказала, что это худший её день рождения за всю жизнь. Кашель у мамы не проходит уже несколько месяцев, ежедневно уговариваю сходить ко врачу, но она отказывается, истерит. Запретил ей мыть что-либо — по-

суду или полы — по-моему, это тоже разгоняет кашель. Мама считает, что болеет из-за нервов, а я боюсь, не туберкулёз ли. Времена карантинного уединения представляются сейчас недооценённым счастьем. Стекланные пауки, механические чучела. Разбитый шаровой молнией аквариум. Вовка едет на самокате в школу, сжимая игрушечный электровоз. К лацкану пиджачка прикреплены значки Сатурна и ракеты. Орёт во всё горло, изображая полицейскую сирену. На верхней школьной площадке, с которой открывается вид на грузовой порт, Вову встречает закреплённая за ним маэстрал-воспитательница. «Медведь — птица высокого полёта; полёта со скоростью отключенного света». Молодой человек в вышиванке залетает на своём транспортном средстве в обувной магазин и сообщает продавщице-итальянке, что пить воду грязными руками нельзя. Моя компания разрабатывает робототехнику для разминирования освобождённой территории. Для поиска мин снимки местности, сделанные с дронов, анализируются методами трёхмерного моделирования. Мы с Олей бежим по длинной ашеровской лестнице, прыгая через ступеньки; подъём — это одновременно и спуск. Куда ни шло, остались без реальности, с одним лишь расходным временем. *Вопросники солнечного света пока не возвращены в библиотеку.* Могут ли устроить половинчатые ответы во времена смыслового голода? Вариации насупившихся туч, между которыми трудно было бы проехать игрушечному электровозу. Кривляющиеся оперные персонажи, первые недоразумения: что делать с руками-ногами, как приспособливать к статической электрике закосневший язык? Оля и моя кошка кричат друг на друга, смотрят друг другу в глаза, пока не выясняют, кто же в комнате главный. *Опять промах, собираем из букв жёлтые линейки. Яркие расписные чучела — но коллекцию из них не составишь. Со временем регламент ухудшается, в тёмных углах накапливается сор. Свежий воздух продаётся в мелкой дозировке. Пусть мужья и жёны вымрут, как некогда динозавры, из-за почётногo пребывания в лунном столбе.* Я бы процедуру женитьбы повторил, с теми же участниками. Где ещё собирались столь разные люди в искажённом кинокамерой пространстве? Просмолённая крыша супермаркета, далее троллейбусная остановка и кладбище за жестяным забором. Игорь, сидя на верхушке раскладной лестницы, разучивает роль. Юра помогает с освещением; теперь у нас несколько ярких ламп, иногда мы прикручиваем их

к пюпитрам, но чаще приходится просто держать. Я предпочитаю резкий диагональный фон и мягкую подсветку снизу. Лучше изъять из кадра бессмысленные детали. Делать предметы прозрачными, один за другим, как только они себя исчерпали. О, счастливая соизмеримость перемещений во временных и пространственных измерениях. Крытый рынок, усилием воли превращённый в торговый центр — поди-ка разыщи здесь презервативы нужной марки. Дежурная радостная улыбка кажется то растерянной, то сардонической. Внутри объёмного пиджака заряжены обоймы шпаргалок для экзамена по философии. Будем читать классику авангардными глазами. *Растянем удовольствие на целую тыкву, незачем портить и без того сокрушённый выходной.* Игорь совсем иной в присутствии группы девушек, в нём включается большой актёр. Рассуждает о том, что ему не следует сходить с женщинами — он их измучивает, и в итоге те после расставания не остаются ему даже друзьями. В коридоре на поставленных набок кроватях стоит детский велосипед. Юра подвешивает к нему лампу — она бьёт в потолок, заполняет помещение рассеянным светом. Одна из соседок, щёлкнув выключателем, подсказала верное решение: Игорь и Настя, беседуя, выходят из полной темноты к свету лампочки, который резко очерчивает их силуэты. Юра, приближаясь ко включённой камере, начинает раскачиваться, как дерево. Настя, видя это, смеётся и никак не может остановиться. Репетиция сорвана: едва кто-то приступает к чтению текста, все тут же начинают шутить и хохотать. Настя объясняет: «Мне все говорят, что я странная. Но я не такая странная, как героиня — та вообще сумасшедшая». Надо расширять странность во всех направлениях, пока она не совпадёт с наперёд заданной. Игорь заявляет: «Вы настолько непрофессиональны, что я теряю мотивацию. Ну как можно было не подобрать героям никакой одежды?» В углу комнаты стоит качественный проигрыватель советских времён. «Очень редкий, я его чуть не зубами выхватил на Озёрке», — говорит Юра. Мы переносим его вещи, чтобы разгромоздить часть комнаты. Настя: «Знаете, никакого фильма не существует, просто у всех страсть разрушать Юрину квартиру». Ставим стол, накрываем скатертью, добавляем четыре стула. «По сценарию, дядя берёт её за подбородок. И вот мне стало интересно: как надо за столом чужому к подбородку потянуться?» — «Тут салатика, бутылки с шампанским» — «Да, и правда, есть проблема» — «Ну мож-

но привстать... Просто я как всегда не знаю сценарий» — «Но ты вообще знаешь, какой мы фильм снимаем?» — «А может, это вообще мультик?» — «Мы потом придём к тому, что проще из пластилина сделать весь фильм» — «К тому же, если что-то не так идёт, на пластилине легче выместить злобу» — «Ты плохо сыграл! И пластилиновый актёр летит в стену». Сидим за столом, читаем сценарий, передаём его из рук в руки: «Завтра я скажу вашему дяде, как вы испортили Кларе настроение... Огорчили её своим неважным аппетитом» — «Ну скажи-скажи» — «Вы только посмотрите на девочку» — указывает пластиковой вилкой — «Она ведь совсем в отчаянии. Так, а тут я должен взять тебя за подбородок, только не знаю, как это сделать. Ах ты, куколка моя» — глядит в шпаргалку — «Как же вкусно ты готовишь» — прыскает от смеха — «Зачем вы сказали про овсянку комками, я каждый раз на этой реплике начинаю ржать... Какое сокровище достанется твоему будущему мужу» — Юра обмахивается осветительной лампой; опять хохот — «Я говорю с Карлом, а ты в таком изумлении смотришь на меня. Кушай там себе что-нибудь» — «У меня прямо аппетит проснулся после этой сцены» — Игорь режет невидимую сосиску на пустой тарелке — «Надо всё это время снимать, а потом вырезать нормальные кусочки, когда человек не смеётся» — «Да, и он будет кусочками так, дёргано двигаться» — «Пусть все молчат, а голос за кадром озвучивает... озвучивает взгляд человека» — «Актёр ест, и голос за кадром: Грин чавкает» — «Появляется облачко со словами» — «Суфлёр для чавканья» — «Никогда не было так смешно» — «Во времена Кафки не было так смешно» — «Начали» — все смеются — «Ну начинается всё одинаково» — «Андрей, ну почему Кафка? Ты всё настаиваешь» — «Игорь жуёт так здорово — сидит с совершенно деревянным лицом и пережёвывает что-то» — «Скучно сидеть просто так» — «Значит, надо воздуха прожевать немного» — «Получается комедия» — «Комедия по Кафке, отлично» — «Юр, а ты до нас не курил здесь ничего? Может, остались пары, и поэтому мы так смеёмся» — «В квартире было накурено. И наколото» — «Вам весело, а мне лампу держать» — «Ты как атлант. Древнегреческая подставка для лампы» — «По-моему, вы не попадаете в текст» — «А что, был текст?» — «Эпизод про комочки, дубль первый» — «А представь, такой фильм и будет. По-другому не получается. Я не вижу выхода» — «Выход там!» — показывает на дверь — «Я как бы ем, но я не

подозреваю, что ты что-то собираешься разливать» — «Ну молодец!.. Юра, наверно, я всё-таки стул тебе сломаю» — «Иди-ка сюда» (делает вид, что кусает за ухо и потом сплёвывает кусок уха на пол) — «Мне очень интересно, как дядя дал своё согласие на ваш визит сюда. Дядя над ним так трясётся — не каждый отец так любит своё чадо. Кстати, я рад, что вам удалось приехать, а не сидеть дома со старухой экономкой. Она так болела в последнее время, что... Блин...» — «Я помню, что дойти до кухни у неё занимает целую вечность» — «В прошлый раз вы говорили, что хотите выкурить сигару» — «В предыдущем дубле вы говорили как-то по-другому» — «Нет, в прошлый раз, когда вы у нас гостили, я просто помню» — «Трудно разрезать карандашом кусок апельсинной корки, при всём желании» — «Выдайте Грину нож» — «У тебя есть пластиковый нож? Нет?» — «Можно взять вторую пластиковую вилку» — «И что, резать ею?» — «Какие-то пассы делаешь колдовские, лучше просто ешь» — «Я уже съела весь мандарин» — «Твои руки, подноси их ко рту, как будто ты ешь» — «Ни фиги не понимаю в этом» — резкость изображения пропадает — «Вот, мы здесь стали серьёзными, а ты куда-то нажал» — «Ну хорошо, давайте, поехали с самого начала» — «Мне интересно, как дядя дал добро на ваш визит сюда» — смеются — «Всё насмарку сегодня, ты представляешь, это ужас какой-то» — «Я не понимаю, как ему дядя разрешил вообще приехать сюда. Я не понимаю» — «И я не понимаю. У нас тут живой диалог. Надо по-другому: я тоже не понимаю, как» — «В каше у нас комки. Я тоже не понимаю, как дядя разрешил» — «Не хотите ухо? Совсем хорошие уши. Поди сюда, и ну-ка сделай, как обычно, разлей воду там, всё такое» — «Кусайте его, он сегодня провинился» — «Где столовое серебро, почему мы едим из пластика?» — «Грин, давай, действуй» — «Фух. Мне интересно, как это дядя дозволил ваш... Тьфу, господи. Позволил ваш визит сюда» — «А дальше?» — Настя подносит сценарий к своему лицу, разворачивая его так, чтобы Игорю было видно — «Да не надо мне показывать текст. Дядя над ним так трясётся» — «Я тоже не могла понять. Он частый гость у нас в доме. Его дядя, он так строг» — «И всё время трясётся» — «Мы ему даже смешное прозвище придумали: трясун». Юра грустно смотрит на меня, как бы говоря: что за фигню ты, Андрей, затеял. Соглашений не будет, воюем до конца, до полного бессилия одной из сторон. Проще не выдумывать новых разметок. Если плоскость

отброшена — всё равно, что использована. Оттаявшая рыба изгибается вопросительным знаком. Вырванный из стены хобот усиливает сопротивление вещей. Стук в дверь — но крёстная занята важным делом с морщинником в шёлковой вышиванке. Оля просит у неё активированного угля и марганцовки. Сокращая выбор до бетонного пятиугольника, уменьшает и разноцветные рамки. Трансформации функционируют от противного. Альтернатива — сортировка ненужностей, прогулка по бурому камню. Бытовая симфония вместо космической, удвоенный ряд с синкопой. Попытка вписать в лишённый очертаний предмет чуть больше семантики, чем тот способен вместить. «Даже в окно не посмотреть — белые стёкла, только верхушки деревьев видно где-то высоко. Попал вчера под дождь? Послушали сердце малыша портативным приборчиком — стучит! Сделают повторный снимок лёгких; если дело сдвинулось, переведут в патологию. Бесконечно ставят капельницы, рука отекает и болит. Никто из врачей не говорит, какие мне дают лекарства. Отхаркивающее тебе заказали? Кашель тяжёлый и мучительный, как рвота, но ничего не выходит». О, как бы удивился сторонний наблюдатель, едва выглянув из розетки! Усталость — мелочь для оплёвывающих камень. Ядовито ли штормовое стекло? Жонглирование туалетной бумагой ведёт вас на северо-мешок. Подсчёт червей в тележных колёсиках свихнувшимися птицами. Утопление в кюветном молочке. Животное, ну зачем же из красного тазика. Победителей выплакал кот, а мы перещёлкаем их по пальцам: ряженных, кувывркающихся в урагане склейки. *Свист угольной почвы: водворяется Гнездо на камне, и стаи ошалевших мотыльков летят назад, назад. «Эй, кто там? Вымахивайте как можно ближе, пожарники! Приезжайте, накормите грибами — и вам станет ясно, что мертвые к делу привыкли».* Не заводятся дети, не работают кони, не стекают деньги в тазы. Палки, с помощью коих выковыриваются симфонии, на поверку оказываются губками. Номера автомобилей публикуются в конце трилогии. Капитан, дай нюхнуть бойких питонов. О черти наглые предместий — мы наклеим на них лоскутки, будем ставить у окон. Бетонировать, оладью в топку! Если покатишься, как льдинка, из ласкового мешка — беда. Завтрак рядом с дымящимся мусоросжигателем, ищем натуру для съёмок. Игоря раздражает мой нигилизм в одежде и в подборе пищи. Полуобвалившееся здание: толстенная балка висит на тонкой металличе-

ской полоске. Из подвала ведёт паутина подземных ходов, частично затопленных. В одном из них на миг появляется фигура Призрака с ножом. Стены покрыты ядовитой сажей, здесь недавно жгли шины. Игорь случайно прикасается к стене и перемазывает себе лицо. Несколько месяцев он провёл затворнически, сосредоточившись на графике и живописи. Теперь краски природных объектов производят на него резкое и опьяняющее воздействие. Учительские интонации, как почерневшее серебро. Исклёванный телевизор, заполненный шестизначной цифирью. *Предвижу варёную картофелину в черносотенном мундире. Дом в виде кубика Рубика, где каждая комната обставлена полоумцем; трёхэтажное челюстоглазие.* Взабившаяся сборка, записывающая знаки татуировок. В зубчатой империи детства гвардия уходит, а диктант остаётся. Ни единого взгляда без маркировки. Тоска по бытовой нормальности: сам себе бродячая сковородка. Тросточие крашенных переписчиц, проколотое мжичкой на износ. Соединяем плюс с плюсом и ставим табуретку на голову. Соблюдаем правила обмылков в стеснённых условиях. Встрёпка не воздействует на распределённые числа. Лучше чувствовать себя пластилиновым Сатурном очень маленькой массы. Хотя бы один светящийся колодец забросан грязью. Люди, звери, методы. Направления спонтанно ветвятся. В комнате для аудиенций разложение стихий предшествует грязным футболкам. Средства защиты в первую очередь отменяют совесть. К финишу первым приходит дождь. Отражённое колыхание или вправду женская фигура, опирающаяся о подоконник локтями? Продолжаем с ретивым отчаянием, со стеклянными руками. Два грузовика постоят рядом, касаясь друг друга упругими боками, да и разъедутся, оставляя на память маслянистые пятна. Из брюк выпирают лакированные фразы. Одной грязной тарелкой прибавится, да ножичком, обрызганным свекольным соусом. Чётную часть секунд следует отменить. Изогнуть почтительной водопроводной трубой и разбить о камень. Даже цветы в научной сей голубятне проваливаются в подпол, словно клавиши. Литература — щепотка соли для барсучьих теорем о восходе солнца. Сжёванная в цвет комнатка перед Большим взрывом. *Влюбленный, ты стреляешь в ладонь, а она куда-то бежит. Плевать, что пара ветвей и никакой ямки. Оправдываем только чаем. За электричкой поднимаются к светилу сна молоточки. Аритмичность сипаев подменяет выдохшийся кобальт.* «Редактор вер-

нул, но Андрей сказал, что не вернул. Значит, всё-таки напечатали мою статью, напечатали. Скоро займусь проектом будильника. Миллионы не заработаю, но опыт получу хороший. Пока меня всё устраивает. Новая страница, я должен получать удовольствие. И зачем я только согласился. Я будилайлю, вы будилайлите, они будилайлят». Вместо ответа — одиночество, как написано в некоем авантюрном романе. Тем временем происходит реванш вражеской пропаганды в Европе. Дескать, если перестать снабжать нашу страну оружием, она примет мир на условиях агрессора, пойдёт на уступки территорий. Мало достоверной информации о положении дел на фронте, обе стороны наперебой пытаются убедить в своей победе. Похоже, союзникам надоело быть добряками: дадут нам оружия ровно столько, чтоб мы не проиграли, но ни в коем случае не выиграли. *Фантастическая сюита выкашливает веер — пробуем? Лишь пессимисты выживают. Текстовое полотно высокой прочности, одержимость цветом. Похоже на шахматную задачу, только с непривычными фигурами — да и ходят они тоже непредсказуемым образом.* Список утрат на цветущей плоскости: жесты, дожди. Трансформации статичны, но неустойчивы, поэтому количество совпадений уменьшается. Отмываем орнамент в проточной воде, и он теряет, один за другим, фрагменты. Писательский танкер даёт четыре коротких гудка. Безрассудны те, кто послал нас за морожеными продуктами. С огорода видна атомная станция, семафоры скрипят над железнодорожными путями у дамбы. Подпишите здесь и там, выбейте стёкла, подождите у бочки с известью. О подвижном куполе просьба не распространяться. Для Тени все посторонние добрые, она всё им раздаст, и лишь Ольга — вечная конкурентка и врагиня. Петляющая челюсть полевого волшебника. Кто-то в рыжем стакане растёт? Шлифовальное войско с бейсбольными битами, скруглённый ритм наследника. Логический шум перерабатывается в скоропортящиеся консервы. Мы уже на дне, и отталкиваемся от него пятками. В рост идёт лишь то, что делает ноги легкоплавающими, выворачивает «почти» наизнанку. Как опознаются верхние ноты: по дрожанию плеча, по отталкивающему жесту? Чуть больше тепла, чем в уличной молотье, в спуске по напряжённому рукаву к трамвайной завязке. Была семья одна, а ныне другая, контроль и над ресурсами, и над сыном потерян: это выводило маму из себя, она считала меня предателем. Целыми неделями то оскорб-

лѐнно молчала, то устраивала истерики по пустякам. Я бывал настолько взвинчен, что бился головой о дверцу шкафа. Раздувшиеся, как воздушные шары, комедианты; непрерывная смена масок. Солнца с металлическими шипами посреди заросшего тиной бассейна. Дракон, кусающий карусель за огненный хвост. Радио с президентской речью выключено. Идѐм с Олей на хозяйственный рынок покупать нагревательный бак. Пусть висит, словно длань карающая, над унитазом. Преступный ноготь касается подсолнухов, разлетевшихся по дверям комнат, по кладовкам с банками для консервирования. Заговорщики в минуты восстаний бьют о разрисованный носорогами кафель мамину посуду. *Репетиция новых романсов, вывешенных на шестах у подъезда. Искры, пожимающие друг другу руки.* В первый из съёмочных дней я поджидаю Игоря и Настю с чемоданом, который мы используем в качестве реквизита. Подходит кудрявый мальчик: «А вы там деньги держите?» — «Нет, в нём пусто» — «Покажите». Я раскрываю пустой чемодан. «А когда вы туда положите деньги?» — «Не сегодня» — «Давайте играть в футбол». Пока не появилась Настя, мы гоняем пластиковую бутылку возле лестницы, ведущей на второй этаж Ледового дворца. Иголкожий создаѐт гостиницу из пепла. Необходимо проверить каждый из магических кругов, а к ним в придачу почѐтные кресла и сияющие микрофоны. Живую длительность механических, кукольных движений. Нас здесь не ждут — значит, читаем газеты в собственное удовольствие. Тщательно умоемся и наденем свежие футболки. Паучок-паучок, не ложись на бочок. Сосновые вершины отражаются в Олином глазу. Пушистые грибы, похожие на женские соски, прячутся под листьями. На мшистых стволах шевелят усами большие чѐрные жуки. Один из них, в качестве трофея, помещѐн в пластиковое ведѐрko вместе с брусничными ягодами — и только в рощице возле бабушкиного дома мы его выпустим. Кошка лакает воду из лужи, оставшейся в выщербленной плитке перед входом в провинциальный магазин. Старая рука сливает кровь из глаза. Человечюмочка, смешно подпрыгивая, убегает от человека-скелетика. *Короткое замыкание между шурупом и зрением, в подкладке — ни одного чиновника.* Дядя Василий, бывший учёный-металлург и отставной диакон, поселившись в бабушкиной квартире, превращает её в православное логово. На балконе стоит икона и светит лампочка под ней, удивляя поздних прохожих. Вентилятор, оконная рама,

стопка книг по геометрии. Пирамида, по которой стекают грязные разводы. Усталая ухмылка, кисть со тщательно обработанными ногтями, переставляющая огонь на место, где стояла пепельница. Шторы, просверленные бессонницей. Размытая фигура в конце коридора, приближаясь, обретает черты пожарного с мокрым веником. Стёкла заднего обзора не впрок, если библиотекарь харкает кровью. Тень в крокодиловых сапожках вытирает платком пот со лба. Внесите роскошное имя для мошенницы. Выпуклая повадка, летающая по ветру сумочка. Прозрачная фигура, входящая в белый коридор. Казематные стены, угрюмые крановщики с велосипедными спицами. Всегда ждёшь от них чего-нибудь большего. Сладостная, избыточная болезненность переключается в классический режим. На столике у окна блестящий кувшин, за окном заросшее плющом здание и ряд пирамидальных тополей. Ковш экскаватора, вращаясь, несколько раз бьёт под разными углами в празднотающиеся лужи. Придётся возвращаться к лодкам, утопленным в заросшем камышами пруду. При перелистывании книг на ночь волна расширяющегося пространства смывает юродивые галстуки. Дядя, в комичной фуфайке на диаконском пузе, заходит в туалет и мочится, не закрывая за собой двери. Это демонстрация превосходства доминирующим на территории самцом? По стенам квартиры развешаны дядины рисунки. Ангел, изогнутый в поясице, даёт указание яйцу воскреснуть. Иконы Иоанна Грозного и Распутина. Дядя ночами не спит, а, искушаясь, внемлет звукам супружеского секса из нашей с Олей малюсенькой комнатки. Заходят к диакону Василию бородатые православцы, осматривают его художества, восхищаются праведной жизнью в панельной хрущёвке. Помимо подвигов рисовательных, издаёт он черносотенную газетку, где обвиняет мировые правительства в предательстве царской семьи. Рассылает её толстыми пачками по дальним монастырям. Уж если я и охристианился на время, то вопреки дяде, а не благодаря ему. Бабушка постепенно теряла память, подменяя её воображением, прочно фиксируясь на некоторых объектах. Несколько месяцев подряд норовила выбежать из квартиры на лестничную площадку и поскандальить с соседом, обвиняя его, что тот не вернул ей вантуз. Наши с Олей долгие прогулки по лесам вокруг города В. бабушка воспринимала болезненно; чем ближе подходил вечер, тем больше она нервничала, сидя у окна и глядя на дорогу, по которой мы воз-

вращалась. Пыталась застрашать нас рассказами о найденных в лесу трупах, чтобы мы далеко не ходили. Часто вспоминала свои студенческие времена, но совершенно не помнила смерть бабушки. Однако практический разум её не покинул. В последние бабушкины месяцы дядя настаивал, чтобы квартиру переписали на него. Слушайте меня, я лицо духовное, и мне квартира нужней. Вам же надлежит проявить смирение. Мама поддавалась его давлению, но бабушка говорила ей: зачем ты это делаешь, он же хочет тебя обмануть. Вот что у тебя останется — и показывала дулю. Дядя Василий пригласил нотариуса, чтобы оформить завещание на себя одного, и бабушка разыграла спектакль: ничего не знаю, кто вы все такие и зачем сюда пришли? Чего я сама хочу? Оформить завещание? (Смеясь беззубым ртом) нет, я хочу в туалет. Первый из дядиных планов благополучно провалился. *Предвестница беды многоножка над нами ползёт, раздвигая хобот. О пожар, за что же ты лечишь одних врачей? Мир сгустился в матовый бугорок. Недоумение в тысячу мелких морщинок остаётся растянутым и многомерным. В овраге вода чуть слышно журчит, чтобы люди были злы, но оставались живы. Суматоха в буфете, звон разбитой посуды. Как назвать вздорные и скоропалительные страшилки, которые распускают сегодня по редакциям и читают в метро?* «Кот золотой сегодня на работе? Ты почти как заведующий реанимацией: у людей праздник, а он трудится. У меня сразу возникло подозрение: а женат ли? Почему он всё время торчит здесь, регулярно дежурит, да ещё и такой противный? Выяснила: не женат. Кто на такого позарится? Вчера было прекрасное настроение, казалось, ещё совсем чуть-чуть, и буду здорова. Но сегодня почти совсем как в субботу, только без температуры. Дежурный врач мне говорил, что анализы лучше. Рука с катетером скоро просто отпадёт. Всё это время, ещё со среды, в вене торчит иголка. Колька-Мишка зашевелился, когда я стала письмо писать. Передаёт привет. Я сегодня тебя видела: только звонок прозвенел, и я ринулась к двери, выглянула. Дальше мне нельзя. Как ты поживаешь? Не написал мне о своих занятиях. Понемногу читаю Чапека; саламандр жалко, и они мне нравятся. Сами по себе безобидны, им только ноаж нужен». Вечером повторяется один и тот же ритуал: Вовка берёт одну из книжек с картинками, называет всё, что видит на них, как бы скрепляя именами само существование мира: «Это трактор. Это цистерна. Это дырка. Это палочка» — «Это

датчик» — разъясняет Оля, — «он показывает содержание различных веществ в молоке». «Тут крутится зубчатое колесо» — сообщает Вова, показывая на паровоз. «Десять букв. Десять разбитков телефона. Это страшное». Путает слова «причёски» и «реснички». Я нечёса, и Оля смеётся: «над тобой будто нимб сейчас». Вовке: «скажи спокойной ночи, помаши ручкой». Он повторяет «помаши ручкой». Две бесценные любви мои, сколько месяцев уже вижу вас только на экране. Сможете ли вы приехать в этом году, остановится ли война? По крайней мере, Вовка получает в Италии всю нужную ребёнку-аутисту помощь, а я пока не потерял работу и могу поддерживать вас деньгами. Но поехать погостить, пройтись с вами по кривым генуэзским улочкам — пока никак, мужчин во время войны из страны не выпускают. Представим себе бродячего философа, вроде Сковороды, обладающего вдобавок метким глазом и способностью выхватывать револьвер из кобуры так же быстро, как герои спагетти-вестернов. Процесс письма сам собой стремится к рутинизации, а я пытаюсь его обмануть, сохранить подлинность и свежесть. Так долго не работал над стихами, что сама мысль о возвращении к ним вызывает глубокую страсть. Так же поступлю и с последней главой, необязательной с точки зрения фабулы, оправданной лишь кристаллической симметрией повествования. Разогрею процесс замедлением, сдержанностью письма. «Оставь-ка в покое крышу птичника». Враги поменяли тактику: создают огневой шквал, сносят авиацией и артиллерией очередной город прежде, чем отправить туда танки. «С презрением, ваш Таможенник». Показывает сосиску энскому президенту: где наши тяжёлые пушки? После смерти бабушки диакон Василий — дядя велел именно так именовать себя родственникам — развернулся во всю ширь православной души. Надавил всерьёз на маму, чтобы та отказалась от своей части бабушкиной квартиры и, когда дело у него выгорело, предложил в качестве компенсации выплатить нам сущие копейки. Пытался разводить духовные дымовые завесы, юлить, манипулировать, угрожать полным разрывом родственных отношений. Мы были непреклонны, и от наших денежных претензий не отказывались. Мама была так оскорблена стяжательностью брата, что сама не хотела иметь с ним никаких дел. Верь глазам своим — а они спотыкаются о X-образную трещинку в улыбке. Я отговаривал Олю от лечения, но решение она должна была принять самостоятельно.

Понятно было, что за назначением дорогих и вредных препаратов стоит прежде всего жадность врача. Тем не менее, Оле хотелось победить вирус раз и навсегда, быть «чистой», прежде чем завести ребёнка. Мы допустили серьёзную ошибку: именно это лечение, в конечном счёте неэффективное, повлияло на генетические отклонения у обоих наших сыновей. Оля всё равно обвиняет меня: дескать, я слишком серьёзно относился к её гепатиту, это сбило её с толку. Одеяло слишком короткое, из-под него, как ни крутись, торчат худые ноги. Решётки отштрихованы медленно капавшей водой. Допустим тест — некий балансир, компенсирующий чрезмерную натянутость склейки. Оле больно и тяжело, от инъекций большая слабость и постоянная лихорадка. Выпадают волосы, опухает лицо, в груди, возле молочных желёз, возникают новообразования. Звонит врачу, но тому неинтересно: бывают и такие побочки. Вере Михайловне, моей тёще, хочется приехать в свою здешнюю квартиру летом — посидеть в ванной, ведь в Генуе у неё только душевая кабина. Боюсь: не будет ли атакован её город её в ближайшие месяцы? Плохая идея — сидеть в ванной под обстрелами, да и водоснабжения, вероятно, не будет. Кажется, она так и не осознала, что идёт настоящий геноцид одной из её родин против другой. Даже ненависть к зачинщику бойни носит у неё абстрактный характер — будто к неприятному персонажу из исторической книги. Птицы, камни, могильники. Винтажные светильники с отключенным дыханием. Магический знак, заставляющий жизнь вращаться с утроенной скоростью. Не замечаем вокзальную мелюзгу, чёрные шпоры обвалившихся веток, что сдерживают напор философии. Мёртвые лица адвокатов и рожениц. На сдачу — подтаявшие листья, о них надёжно затупляется любой острый инструмент. Ниша настолько удобна, что даже вскользь трудно перейти к четырёхчастной форме. Раз уж у нас день открытий: один раз и Оля мне изменила, с каким-то итальянцем. Я нашёл бурную переписку в Олином смартфоне, её бывший возлюбленный требовал продолжения праздника. (Да, я поступил некрасиво, нарушил конфиденциальность переписки, вообще наплевал на все правила). Тут же её извинил — квиты — хотя было больно, вплоть до выкручивания из тела души, как перегоревшей лампочки. Олю больше устраивает, что мы живём далеко друг от друга, в разных странах; слишком сильно я её достал за время нашего брака. Такие истории учат равновесию, пусть и бес-

плодному. Мерцающий треугольник не заменит вороха револьверов на холодильнике. Стакан падает на пол, но не разбивается. По запросу «паратаксис» появляется фотография Парщикова. С начала боевых действий существует шизофренический консенсус, как бы третье агрегатное состояние. Избежать его трудно, зато можно вывернуть наизнанку кожицей. Ты не заслуживаешь обратного отсчёта. Улица с неказистыми двухэтажными домиками, с подробным, движущимся асфальтом. Большие мелованные цифры, каждое составленное из них число делится на три. Если руки заняты покупками, дверь можно придержать ногой. Оператор встречает нас ещё наполовину спящим. Как хороша становится квартира в чёрно-белом варианте. Торжественный зал крематория, здесь нужно просто стоять с сомнением во взоре. Если в кадре движения не происходит, сокращаем кадр на секунду. Облекаем в задымленное полотенце. Вещи без символической обёртки представляют собой груды мусора. Дым поднимается над кукурузными полями. Пусть каждый оденется, как пожелает, кадр нивелирует странность. Ещё несколько режиссёрских распоряжений, сдувающих налипший пух с указаний предшествующих. «Я имею обыкновение биться головой во время истерики. Два дыма вырвались из труб с небольшой паузой, рассеялись. Мы ощутили сероводородную вонь. Мама любит слушать, как другие разговаривают по телефону, и вмешиваться с бессмысленными советами. Любит рассуждать на медицинские темы, ничего в них не понимая — поглядит, к примеру, на рентгеновский снимок с артрозом и возвестит: вот почему у него всё болит, это кости друг в друга врезаются». У меня есть две ценности, сообщил Призрак: кольцо из метеоритного железа и орден, выданный ламой. Третьей ценностью будет «Описание борьбы». Поклоняюсь молочной воде, обычному стакану, но не самовару. Зажигаю масляную лампу, буду рыбкой в её руках. С утра было несколько ударов ракетами неподалёку от моего бывшего дома. Просто разминка, чтобы держать город в напряжении. Несколько грустящих ящичков общаются между собой новоязом. Приставная лесенка, на ней — девушка, принёсшая из винтажной кофейни неизвестный напиток. Подносит ладонь ко лбу, долго смотрит, позируя, на воображаемое море. Пейзажи свёртывают и помещают в картонную коробку. Примем как данность, что нет иных подсказок, что я потерпел разгром от материала. Закрытые шорами глаза, скупая музыка тележных колёс.

Призрак спит на диване, подложив под голову мой сценарий. Проснувшись, он видит интерьеры, украшенные коноплёй, и тянется к шишечкам. «Снимай меня скорей, я собираюсь скоро умереть». Кладёт перед собой на письменный стол финку, твердит Насте, что ей надо как можно скорей зачать ребёнка от человека с хорошим генотипом, иначе детей у неё не будет никогда. «Ты мудро сделаешь, если не будешь меня перебивать». Начинает раздеваться — ему не нравится свитер. Двигается совсем не так, как велит режиссёр, и текста не помнит. Говорит, что мы с ним знакомы очень давно, ещё с прошлой жизни, где он был вором, а я охранником. Работал он в компании, где сотрудников заставляли маршировать. Сбежал через вентиляцию и добрался до съёмочной площадки по подземному переходу с магазинами, торговавшими мехом. Оля рассказывает свой сон: посреди саванны пляшущие туземцы с копьями; у земляного вала стоит слон на задних лапах, на голове у него — обезьяна в акробатической стойке. Она вместе с Настей идёт к ряду пятиэтажек, где живут белые женщины. Одна выходит из подъезда и пристально смотрит на рассказчицу. Горемычных аквариумных раков то и дело подбрасывает поток воздуха, то один, то другой всплывает, шевеля клешнями. У мамы всегда и во всём виновата Оля, её неправильное воспитание — например, в том, что я требую у мамы не класть сырые мясо и рыбу прямо на обеденный стол. У Оли, напротив, я во всём виноват. Взбучку я могу получить на любом основании — например, если переложу творог не той ложкой, чайной вместо столовой. Я тоже то и дело свирепею. «Только слабак и слизень может так материться и швырять предметы». Требуется, чтобы я отмывал рот с мылом после каждого бранного слова. Постоянные попытки меня обвинять в чём-либо приводят к тому, что стыда я больше не чувствую. Совесть раз и навсегда отброшена, как механизм внешнего контроля. Чай, льющийся в затенённую чашку из синего фаянса. Неразменные ценности: сигареты, наклонные лучи на песке, следы автомобильных шин. Игрю я дал на съёмочной площадке максимум свободы, позволил осуществлять любую фантазию — а он заявил мне, что я не художник, а конторский служащий, стремящийся разнообразить скучную жизнь. Дескать, творчество — вторичный продукт моей жизненной ситуации. «Ты хочешь, чтобы за тебя всё делали, а вот был бы у тебя чистый творческий логос, так и делал бы всё сам». Как же он задолбал, с такими людьми

кашу не сваришь. Приходится переть напролом, нравится это кому-либо или нет. Оля и Настя наперебой придумывают услуги, которые можно было бы оказывать за пятикопеечную плату: тренинг по глажению котов, перевод с кошачьего на человеческий и обратно, исполнение колыбельных для комаров, гипноз тараканов, поиск пропавших хомяков, мотивирование к выбиванию ковриков и мытью посуды. Можно ещё подбрасывать жителям Призрака, потом за дополнительную плату избавлять от него. Когда снимали проход Юры от автовокзала, рядом с нами стоял мальчик, с наслаждением взрывая хлопушки, поджигая бенгальские огни. Зачем? В целях искусства. Мы с Олей покупаем новый пылесос, она приходит в сильный восторг и хочет немедленно заняться со мной любовью. Похоже, каждую неделю надо дарить ей по пылесосу. *Таращится и моргает звёздочка, обсасывает леденец праздности — такая же кислая, как и остальные вестники. Чайки рядятся в пудру, но сияние их невидимо. Шелестит по крышам морская трава.* Хархари Скоробуда, автоматический перевод с иврита. «Для акушеров важнее ребёнок, они сбивают любую температуру. А реаниматологи рассуждают, как я: температура — это защита, нельзя от неё избавляться, до определённого порога. Держали до часу ночи тридцать восемь, и только потом дали парацетамол. Приснился муторный сон, и в нём тебе было плохо. Береги себя, котище». Вовка чувствует войну, даже находясь в благополучной Италии. Горько рыдал, когда по району было отключение света, всего-то на пятнадцать минут. Оля против того, чтобы отвезти ребёнка в тыловую украинскую область — пусть и не прилетают пока ракеты, но звучат сирены. Это может напугать нашего аутиста, и насмарку пойдёт хрупкий прогресс в лечении, достигнутый за последний год. Оля выяснила, что ей не надо в этом году приезжать сюда для продления итальянской визы — а значит, ни её, ни сына я в этом году так и не увижу. Для родителей детей-инвалидов выезд возможен — однако нужно, чтобы местная психиатрическая комиссия подтвердила поставленный итальянским врачом диагноз. А этого нельзя сделать без присутствия самого ребёнка. Борюсь с разъедающей меня тревогой, переключаюсь на творчество — использую дни отпуска, которые я хотел бы провести с семьёй, для добавочных поэтических и прозаических сессий. Долгий, освежающий сон с Полиной, проснулся ни свет ни заря абсолютно счастливым — хотя мы с ней не разговаривали, даже не при-

ближались друг ко другу. Она умело танцевала с Игорем свинг в большом зале, среди десятков других пар. В положенные для этого моменты, после припева, Игорь издавал львиный рык, а Полина через секунду деликатно ему вторила. За окном полыхали по-осеннему не то леса у города В., не то университетский ботанический сад. Любой дождь — не скажу «любимый». Плоскость украдена, материала — ровно на кастрюльку. *Сорвёт ли с себя пришелец некий экивок, присутствующий на макушке в виде флюгера? Самая магнетическая деталь — кривые буквы на стаканчиках с кофе; сразу понятно, что история страшная. Не успокаивают и хрустальные призмы, что бегают по стенам, как тараканы. Защённое солнце, обманчиком; цифра свивается в морской узел. Аналогии держат бодрый строй, заменяя недостающие снаряды. Радостная маска разрушена, из-под неё выглядывают синие губы. По ним стремительно распространяется паутина мелких трещин.* В городе задымление от пожаров, огненные смерчи пожирают окрестные деревни. Мама утром рвётся на кухню — выгнать оттуда Олю и смотреть сериал, а я ей препятствую. «Пусти, у меня нога болит!» Мама считает себя непогрешимой. «Вы холодные, чёрствые люди; стыжусь рассказывать людям, как живу», — заявляет, когда я, опаздывая на работу, отказываюсь захватить ведро с мусором, которое она мне суёт. Оле опять нехорошо: низкое давление, нормально видит обоими глазами по раздельности, однако воедино картинка не собирается. Голова кружится, но не целиком — то один кусочек, то другой. Не может найти даже простые слова — «лестница», «ступеньки». После дождя гуляем с Олей по кварталу. Она оживает, когда видит маленьких лягушат, скачущих по асфальту — пугает их и перегоняет с места на место. Но после прогулки у Оли совершенно не остаётся сил. Один из врачей — весёлый, славный, говорит ей, что надо бросать противовирусное лечение. Достаточно уже, и всё равно в итоге толку не будет. Другая врач, фантазёрка от вирусологии, считает, что вероятность исчезновения вируса повышается после полного курса. Когда приходит очередная порция лекарства — у Оли истерика, желает всё бросить, и фантазёрка с трудом её успокаивает. Сильно распухли лимфоузлы, есть изменения в щитовидке. О, если бы мы тогда знали, как могут отразиться эти противовирусные на потомстве. На далёкие расстояния Оля ходит тяжело, опираясь на меня, отдыхая на скамейках. Чуть станет лучше — исподтишка сбегает на

рынок за продуктами, а потом зовёт меня на помощь, потому что не может их дотащить. Ей часто снится её покойная бабуся — они вдвоём собираются куда-то ехать, но потом та всё-таки уезжает одна. У меня тоже странные сны. Смотрю из окна дядиной квартиры в городе X: падает, складываясь, здание НИИ, в котором тот прежде работал. Голос дяди: «сейчас начнётся излучение». Закрываю шторы, надеваю чёрные очки. За окнами световые сполохи, я стараюсь на них не глядеть. Когда всё прекращается, мы с дядей собираем вещи — я беру несколько своих книг — и выбираемся через окно на улицу. Квартал полуразрушен, дядин дом, который мы покинули, тоже в аварийном состоянии. Ветер гонит мусор по направлению к НИИ, как будто там работает огромный пылесос. «Мой вкусный, спелый, сквернословный помидорк, дворянин сутуленький. Хочу иметь собственную квартиру, не хочу, чтобы кто-то указывал мне, что я много жгу электричества». *Четыре гладких стальных стены, одна из них — православие. Кровавая лунка месяца над железной дорогой. Сними ботинки, помаши пёрышками. Смотри: слова корёжатся, умирая.* Во рту Оли гнойные язвочки, губы распухли — сплошные волдыри. Больно при трении одной губы о другую. Избегает произносить взрывные согласные «б» и «п», речь её становится неразборчивой. Безумная соседка сверху кричит по ночам из окна, требует, чтобы прекратили жечь велосипеды. Ещё сон: мастер кладёт плитку, у него на плече сидит яркая птица. Извлечём все минусы из стандартной модели, прикроемся ею, как зонтиком, от неожиданного сияния. Мастера фронтальной перспективы, идите на встречу звуку и цвету. Примите неоднородность как поступь серых клавиш. У насекомых на свету сгибаются лапы, полиэдр с приоткрытым окном понемногу темнеет. Мы оказываемся в ситуации обнажённых, острых предметов. «Волнистый врубелелюб, включи телефон! Зачем тебе зубы ремонтировать? Смотришь на меня, как на толстую», — но вес у Оли на самом деле значительно ниже нормы. Выглядит лет на десять старше, чем до начала курса. Случай выпадения в другую реальность: видит трёхметровую девушку — а наутро это висящая на верёвке простыня. Борется с пауками, обитающими под одеялом — там скомканное узлами полотенце — они шевелят лапками, как плетью. Крепко прижимает их подушкой, и тогда засыпает; во сне прячется от научного руководителя — тот со своими прислужниками хочет её съесть. «Что читаешь?» — «Коме-

дию» — «А почему тогда не смеёшься?». Мы выбираем пожар или пожар выбирает нас, чувствуя наши слабости, предпочтения? О пчёлах и грязи рогатой, о цистерне R7. Если всё время дует ветер и летит песок, огрехи становятся незаметны. Тапок запущен в лампу, по горчице и хрену предпочтений нет. «Это же надо настолько не любить кино, что выпрашивать сладкое за посещение сеансов!» Все априорные концепции разбиваются о реальность сипящих водопроводных кранов, свечных ящиков в косую линейку. «Если такой же выродится, вы меня вдвоём сожрёте». Творог отправляется вслед за ложкой в мусорное ведро. Оля ломает пустые коробки от моих дисков; если бы поступила эдак и с самими дисками — наверное, вышел бы из себя и стал бы гнать её из маминой квартиры. Оля и в ярости соблюдает меру. Когда устаёт злиться, лежит на мне сверху, оплетя руками-ногами. Невозможно жить стерильно — всё равно заденешь хуй шлангом от душа в номере, где неизвестно кто жил до тебя. Ортогональность замутнена множеством произвольных сближений, даже протираaniem очков белой тряпицей. Сколь же они выносливы, сколь рады вознести нас на шестые небеса — там швыряют разрозненными кремовыми инструментами. «Девушку провезли на каталке мимо палаты в операционную. Что-то случилось, в праздники ведь хирургию не планируют. Несколько врачей туда пробежало — только бы ничего страшного. Кашля у меня больше нет, но остаётся какой-то сухой лай, без мокроты. Акушер интересовался, в каком это я холодильнике сидела, что умудрилась летом подхватить пневмонию. Я здесь уже не часы, минуты считаю. Пальцы истыканы иголками, кровь они уже не отдают. Палаты удручающие, особенно после роддомовских. Там в приятные тона окрашено, и повсюду рисунки с припавшими к груди младенцами. Здесь, в реанимации, только серый кафель до середины стены, металлические кровати, стойки для капельниц на колёсиках, клеенчатые матрацы, системы для подачи кислорода. Стул с уткой, на кровати за крючок подвешена банка с мочой. Видно, что бельё не просто стирается, а обеззараживается. Гуляю посреди всего этого великолепия по оставшемуся узкому пространству. Но сегодня даже пожалела, что скоро мне опять в общую палату с кучей болтливых баб. Соскучилась по твоему голосу, какой он красивый. В субботу было тяжело: температура, и смена ужасная — ничего не скажут, не объяснят. Врач талдычит, что жара нет — измерял утром — а я лежу,

как дракон, пламя изрыгаю. Колька-Мишка совсем вялый. Хочу пить — не дают. Этот доктор отёк обнаружил на ногах. Стал с размаху долбить пальцем по кости до синяков. Нашёл в моче немного сахара и пристал, нет ли в родне диабетиков. Хочу спать, аж голова разламывается, но боюсь лечь — разбудят для последней капли-ницы и тогда после неё, чего доброго, не смогу уснуть». Война — разлом в мироздании, трещина, куда проваливается не только всё живое, но весь порядок, всё мироустройство. Чёрная дыра, которая может пожирать и переваривать настоящие чёрные дыры. И тем не менее — ничто не даёт, по контрасту, такого ощущения осмысленности рутинной жизни, как безжалостное и беспощадное её разрушение. «Это башня с острыми шприцами», — Вовка знаком с ними лучше, чем с зубцами. Смехотворная замена для хоровода из держащихся за клеммы трансформеров. «Ты хочешь бегать», — говорит Вова не вопросительно, а утвердительно маленькому мальчику в такой же, как у него самого, футболке. Оля переводит на итальянский, и малыши уносятся в глубь двора, превращаясь в пару размытых прямоугольников на экране моего смартфона. «Ой, тут фрукты сгорания!» — сообщает Вова на следующем сеансе связи. Долго-предолго наблюдает за механиками, ремонтирующими автомобиль. Говорим на сцеженном языке в сцеженном доме. Ни прошлого, ни будущего в бесконечно длящемся дне войны. *Смятый переводом крик на подгибающейся платформе. Ценность шёпотов и обёрток, обман как минутное прояснение. Соль идёт волнами, без неё и берег — не в текст. Плотная волна улыбок саркастических, пузырящаяся — чувственных. Зажатая коленями терция. Ничего нет действенной театральной радуги. Хаос приручен, как оглушённая скрипка. Для разгона понадобится ночь в публичном доме, с подушкой на мокрой голове. Накалываю бумажные коробки на острую пилу, тасую фотографии соломенных вдов. Бульканье духоты и скуки. Автора побивают в пух его же терцинами. Успеваешь удивляться именам раздавленных светляков, ржавым колёсам танцевального познания. Печенью, подыгрывающему туче. Рассечению дверями устриц помогает крепкий кулак театра. Выявление жука-древоточца под застёжкой непримиримости: «я здесь не сидела и комариков не пила». Фрагменты застывших закорючин, многоногая тарелка за раздвижными шторами. «Посмотрим, что может произойти с человеком, съевшим кусок сковородки». Снится, что в пле-*

че появилась щель, заросшая пухом, как на гнилой моркови. Не обращал на неё внимания, пока она не выросла и не стала огромной, почти до сердца. Бабка торгует пирожками на пустынной улице. Агрессивно набрасывается на редких прохожих, хватая за руки, выкрикивая сорта пирожков. Кричит вслед: «Вы ещё пожалеете! И дети ваши пожалеют!» Кругом змеи — не шевелись, лежи спокойно. Когда встанет солнце, они сами уползут. Оля всегда боялась, когда закрывалась дверь прокуренной комнаты с отчимом. Она шла к своей маме по тёмному коридору, понимая, что какой-то мистический знак позади неё прожигает дверь. *Факты предъявлялись рослыми невольниками, что кружили в подвешенных к потолку плетёных корзинах и брызгались мыльной пеной. Бетонный параллелепипед башни оплётён плющом — негоже быть ему одному, в его-то возрасте. Изменившийся человек машет руками над кораблём, силится что-то вспомнить.* Олина бабушка перешибает сон своим храпом, да благословенны будут её здоровье и финансовое благополучие. Старичок-снеговичок, жулик лестничный: «Не уважаю Ломоносова. Он выпивал ведро водки, морды людям бил. Все скорбят, а я с конфетами». *Грубость устранимых лошадок в трамвайном депо. Кто родился под знаком Весов, готовьтесь к прыганью через обруч. Прервав ненадолго покатушку, лечу к центральному входу. Хватаю женщин, волокущих стеллажи да картонки. Внизу, рядом со швейцарской, мигают индикаторы такой-то матери. «Я заблудший радист, у меня внутренняя катастрофа — занесло на баррикаду». Только что кричали, а теперь не видно ни слова. Чем отмерял? Острогай для масла. Всё, от вина и пикантных негритянских языков до нумерованных контор. Вы даже вообразить не можете, что значит остаться беззащитным, когда летят аэропланы, как сусани над стремниной, и небо рождается на отшибе, словно слух об отлёте птиц. В больших теплицах колют короедами, пишут мамонтовым пером.* Вечерами я сижу на табуретке в окружении крыш, разглядываю луну в облаках и кипарисы. Наглый хозяйский кот, белый с чёрным хвостом, пытается сунуть башку в дверь, едва она приоткрывается. Спустились к морю — холодное, мороз по коже. Я проплыл до конца буны и обратно. Оля окунулась пару раз, и у неё посинели пальцы. От пляжа уходит вглубь скалы к лифту мраморная дорожка. Напоминает фантастические фильмы восьмидесятых годов. Синица мечется внутри — мы её, того не желая, отпугиваем, не даём

вылететь. После лифта поднимемся по лестнице, очень медленно — Оля по-прежнему ходит с трудом. На одной из площадок остановилась и начала рвать розмарин. Глаза так и горели: сколько добра пропадает. Во дворе кот нас встретил, как близких родственников после разлуки: радостно завопил, слетел с дерева и сопровождал — хвост трубой — на вершину скворечника. Вчера был ливень, сегодня немного похолодало, выглянуло солнце. Зато мало-помалу разогнался почти ураганный ветер. Бешеные волны, вода бьётся в гротах. Кот бегает по крышам, перепрыгивая с одной на другую. В какой-то момент проникает в наше жильё и прячется под кровать, заодно — быстро-быстро — дерёт её задними лапами. Оля выманивает его («на-на, ой как вкусно») и выбрасывает из помещения. Кот смотрит на неё очень недобро. В качестве компенсации Оля угощает его мясом и устраивает фотосессию. Я падаю на пляже, поскользнувшись на скользком камне — хлоп, и плечо вывихнуто. В небе самолётчик выписывает петли Нестерова, закладывает бочки. Оля расколотила купленную банку с мёдом. Просто так она расстаться с ним могла, переложив в другую ёмкость. Я черпнул оттуда мёд ложкой и обнаружил осколок. Почти как на работе: «Все уже съели свои ломти торта? В одном из них оставался кусочек ножа!» Юра говорит: вселенной не нужны ветвящиеся сценарии, все эти добавочные ветки фальшивы. Когда он фотографировал грозу, испортил по жадности одну из фотографий: нажимал кнопку выдержки так долго, так что в кадр попало целых три молнии; но все вышли бледными. Оказывается, Юрина мама постоянно обзывает его неудачником — а ему так обидно из-за этого, что хочется выброситься из окна. Нейросеть придумывает сценарии для игр на основе анализа распространённых в массивах интернет-текстов смысловых связей того или иного персонажа. Для персонажа «священник» она изобретает игру, где следует насиловать несовершеннолетних, для персонажа «мужчина» — другую, где тот избивает женщин. Тамбовский волк тебе коллега; спускаемся в трюм на глубину полутора тысяч метров. Наивный герой не успевает разобраться со своим прошлым, а его уже волокут по всем ухабам альтернативные варианты будущего. Дарят шанс на каракатицыно наследство. Перемещение без пылевых наносов, сиюминутность всё более трудного зрения. Ливень обуздывает раскачивающиеся зонты и поголовные трубы. Фон размыт, но мы понимаем, что перед нами городская стена. По розо-

вой утренней заливке высказываем предположение, о каком именно городе идёт речь. Можно было бы прийти к выводу, что героиня, склонившись, разглядывает угольное пятно на двери, но она, поджав губы, смотрит намного ниже — предположительно, в щель между дверью и полом. *Нам кажется, что разговор, где персонажи общаются, в форме лото, о предстоящих между ними любовных играх, должен освободить читателя, или, во всяком случае, создать менее определённую ситуацию чтения. Возможно, ты пересушил странную церковь. Тот же самый комар на щеке, те же мокрые волосы изгибаются вдоль края дороги.* Закатный свет пробивает штору, растекается по окну. Дивный ангеловидный старец, то вытягивая голову и закатывая глаза, то раскачиваясь и подпрыгивая, то переходя на карманный визг, читает два ужасных текста. Лучевая прозрачность колокола, признание удара. Серый пиджак, накинутый на просторный город. Повторение эпизодических деревьев и увлажнённых страхом калек. Из трёх фиолетовых прямоугольников средних — самый высокий, тень его обведена чёрным ореолом. Палец с татуированной цифрой «7» прижат к губам. Бархатный зверь поднимается по лестнице, отравляя её своим дыханием. *Голова занята не шрамами, а сводом надбровных дуг. Динамитный мусор, брошенный впопыхах, уже диктует день. Тонкая плёнка тумана, знак потери одной из несущих стен, висит над бледно-зелёной трухой проводов. Огненный лес позволяет не видеть грубого строя мускулатуры. Механический голос произносит беспорядочный набор цифр и слов, среди которых выделяется гильотина. Приходится запомнить каждую веснушку, каждый разворот студийного танца.* С утра Оля приставала с поцелуями, как раз когда я присел бороться с текстами. Энтузиазма у меня не было, тогда она разозлилась и отняла мои книги, принялась таскать за волосы — мне пришлось защищаться от неё шваброй. Война так война, обстреливаем друг друга творгом из ложек, потом я разбиваю вдребезги мамину тарелку. У Оли неважный анализ крови, все показатели занижены, близки к анемии. Отравилась морскими гадами, которых сама же принесла на день рождения к Насте. На оконном стекле из-за частого кипячения намерзает некий профиль: маленький глаз, тяжёлый подбородок и хрупкая, как ветка, протянутая рука. Вечером Оля решает наказать меня за слишком позднее время отхода ко сну: вонзив шприц с лекарством в одну из ягодиц, кусает за вторую. Уворачиваясь, я раз-

махиваю задницей со шприцом, пока не раздираю себе кожу до приличного кровотечения. У Оли заведующая лабораторией облажалась: профессор застал её, когда она решала лабораторную по его предмету — а он сам с этого кормится. По крайней мере, зава больше не высовывает носа из своей лаборатории, не строит козней. У меня на работе всё более напряжёнными становятся отношения с Дашей. Спорить с ней я не умею: она нагромождает множество никак не связанных фактов; а пока я пытаюсь ответить на предыдущие аргументы, успевает вывалить множество новых. Вот Диме Бритвину такие споры удаются. Он задаёт уточняющие вопросы, даёт Даше увидеть ситуацию под другим углом. Подводит её к тому, что она начинает сама себе противоречить. Не очень-то было это здорово — попасть в зазор между двумя опытными манипуляторами. Надо признать, что косячу я в это время на работе выше всякой меры. В депрессивные времена буквально всё падает из рук. Диме не хотелось меня увольнять, но Даша использовала мои промахи на все сто: ходила к верховному начальству и стучала на меня, пока своего не добилась. Бритвин помог мне найти новую работу в другом городе, интересней и денежней, чем прежняя. Минусом было то, что несколько лет, почти до самой войны, пришлось жить на съёмной квартире, видеть Олю и детей только по выходным. *Упорствующий Призрак меняет цифру в прицеле влажной подушки.* Проваливаюсь в тишину — глубже, чем в колодец чужого текста. Финал близится, и проза начинает удаляться — как будто черепаха прибавляет ходу и оставляет далеко позади незадачливого Ахилла. Лунные моря больше не совпадают друг с другом. Бородатые рельсы скрываются за оболочкой света. Мошкара обучена мелким разломам. Путешествие ради путешествия, скромное, лишённое наперёд заданного сюжета. Возрождение неопределённого «мы», вибрирующего «ты». Удивительная чёткость холодных вещей. *Надругание над читательским билетом, в отместку библиотеке: в него отныне завёрнуты пирожки. Бог спит в мелкой цапле, а мы выставляем стёкла. Даже близкие друзья хрустят конфетными обёртками, что же говорить о ценном кашле. Бронзовые блины совершенны. Мост, ветер, дым, фигура переменного ожидания. Человек в маске съел астру. Разыгрывается шпионская история — отброшено всё лишнее, осталось только покусать пальцы. Дом с круглыми бровками выглядит, как разрушенный телефон. Вы когда-нибудь за-*

сытали до чёрного хруста? Книга не сводится к своим компонентам, а уж как насмешливо ведёт себя с доверенным ей материалом. Текущая сборка отличается пониженной человечностью, джунглями полуколец и песчаных упрёков. Деревья на низком старте: «За мной, мытари и фарисеи». Души собираются на суд в здании районной администрации, совмещённой с казино. Судьи — всё те же самые, в фальшивых бородах. По крайней мере, у них уже есть официальные полномочия. Краешек простого берега, ещё не проданный. Задыхающийся посреди мебели комок человеческих тел. В одной и той же области один из городов забрасывается ракетами, а соседний до поры остаётся невредимым. Множество мест для поспешных замечаний на всех наклонных поверхностях. Свет поступает с обломками на северо-запад. *Каштановый луч приковывает мысль. Каркас его, натянутый над пахучим городским бульваром, представляет собой крошечное небо, пересечённое кое-где жёлтым закатом. На залитой траве, под деревьями, расположилось множество дорогих гостей. Надуваются и прыгают теннисные мячи. Всё как обычно, кроме урагана по имени Искатель. Адмирал слишком далеко, он поворачивает голову и туда, и сюда, как будто море вскипело от горизонта до горизонта. Отпускает усы, задёргивает вуаль. Увечья его несущественны.* Главная черта столь эротической подстановки — стремление сокрушать и путать. Какими же авторы должны быть усталыми от необходимости своевременных округлений. Однако чахлая трава никак не хочет падать в предназначенную для неё дугу. Придумано устройство для вращения колёс по числам Фибоначчи. Что с того, что на каждой итерации материала остаётся меньше? Надо его уплотнить и добавить к общему весу. Вопрос в том, продолжать ли до конца главы ловить ворон руками или же начать отстрел прямо сейчас. Пусть не плюются они сдвоенными согласными. Кажется неочевидным, что сама возможность медлить, лагать становится одним из стержней конструкции. Перехлёстнутый и настигнутый дедлайн — вот наш истинный, неразборчивый в средствах враг. За каким чёртом, интересно, держат этот белый матерчатый шар на длинной палке? Любой задний двор, чуть расчищенный от посторонних предметов, служит источником лаконичного движения. Как же быть с постоянной редакторской убылью, вообще с тенистыми днями? Наше слово — не ранняя индульгенция для заноз. Поначалу будем расточительны, запас выходных позволит це-

лый месяц ходить, не сгибаясь. Филологи не ищут лёгких путей, а смешно закидывают ноги на задние сиденья. Располагаются на ступеньках у магазина и пьют ряженку: «А дома вы на каком языке разговариваете?» — «На суахили» — «И понимают?» — «Я один живу» — «Вам надо обратиться к врачу, вы слёвываете зубы». Переводчик машинной иррациональности на язык слишком человеческих логик. Сеанс одновременного усыпления ботинок под запах детективной драмы. Глаз усталых чуть больше, чем наследства. Под окнами ни свет ни заря скулит сбита машиной собака. Я в это время ещё отсыпаюсь после литературной сессии, и Оля решает меня не будить. Идёт в ветеринарную клинику, платит и вместе с санитаркой оттаскивает туда животное в специальном ящике. Собака всё равно издыхает. Оля опаздывает на свои ленты, у неё болит сердце. Вовка обзаводится другом-механиком, и тот проводит для него — без мамы — экскурсию по гаражу. Ползучие молнии, пылевые бугры. Чернила с мошкаррой. Летающие по воздуху гвозди, судорожная пляска триангуляций. Помехи, заполнение венецианским дымом. По крайней мере, томление не позволяет истории застыть, обратиться в череду фраз, обрамляющих выход. Иное доступно говорящему — чем быстрее от него бежишь, тем точнее приближаешься, — но вряд ли ощутимо случайным слушателем. Пальцы вымазаны пылью. Название улицы тонет в глубокой луже. Жизнь разделяется надвое по координатным осям. Выскальзывание из циклических координат может обернуться скукой и механическим распадом — но и шелестом кожаных листьев, и линейным шёпотом. Тысяча ложных следов, остаточная причуда мирного времени. Полоса ткани, пружинка песчаного бунта. Выходя из геометрии сладости, переходишь к геометрии терпкости — в этом находишь огромное облегчение. Украшения наши — запахи, опереточные обрывы. Привычные покачивания низких ламп, окрики каменных ниш. Так много спокойного ритма в просвете между двумя рядами тополей. Ветер выдирает из тела самые лёгкие иллюзии. Нагромождения теорий удерживаются на весу лишь понятийной сцепленностью. Огненный волос, не становящийся ближе. Фрагмент, дающий больше приснопамятному Ахиллесу, чем догоняющему его крокодилу. Как быть ружейным деткам по остыванию? Сей хлад сегодня камнепад, а больше и не взвесить. Истирание человека о человека — подумай, как нам повезло, мы даже не сношены. *Наш досточ-*

тимый сотрудник уходит, чтоб нельзя было на него надышаться. Шулерский глаз — и точка, ни тени от него. Две девушки пытаются танцевать, скрепив ноги цепочками наперекрест, так, что пятка одной соединена с носком другой и наоборот. Мельчайший человек, не то старик, не то юноша, объясняется им в любви. С глинистых склонов стекают мутные жёлтые ручьи. Огромный камень падает на мост «Лукоморье» и ломает поручни, как спички. От жары у Оли расслаивается сознание, она видит себя со стороны. Единственный вход в пещеру — через душ в городской библиотеке. Но я моюсь слишком долго; в душ заглядывает директор библиотеки со словами «плачу тебе слишком много», а потом и мэр города. Когда перепрыгиваю через пропасть и оказываюсь в пещере, выясняется, что человек с пропеллером там уже не живёт. У отца Александра из кадила вываливается уголёк и немного золы — лежат на мраморном полу. Раз уж я стал чудовищем, так значит был им всегда? Жук впечатляющий — хорошее название для вида насекомых. Вовка оказался умелым шантажистом. Оля выбирала ему подарок на день рождения — из игрушечного крана за 40 евро и железнодорожной станции за 80. Склонялась она, ясно почему, к первому варианту. Однако Вова, придя в магазин, стал требовать «американские горки» с витрины за 300 евро — вопил, что нужно ему это и ничто другое. Оля в итоге решила купить ж-д станцию, уже считая это приемлемым вариантом — и Вова тут же успокоился. «Хочес ветловиловаться», — это баба Вера обмахивается веером. Что ещё охватишь фальцетом, если парадокс отсутствует? В гостях плотная облачность, по ту сторону цветовой развёртки. Разрешается густой бубнёж старух. Даже двери нужно ломать в правильный день. Блаженны имеющие молодые руки, дерзновение зачтётся им в качестве дождя. Библиотекарша-торопыжка, в книге картинки — приятно и взять, и не касаться, по договорённости. Причаливаем к странице в ожидании истории. Улыбка до ушей и резкий зуд комариной искушённости. Нежное ничто — в малых деревьях пустыни. Висим на прищепках, пока не закончится дневниковая запись. Робот разглядывает собачью тень с головы до кончика хвоста. Плечи окрашены розовым, рядом группа усаемых квадратов. Зрелые писатели избражены в виде целующихся скелетов. *Кто бы ни спасал тебя, когда-нибудь вырастет в полный рост столица бог весть каких цивилизаций — над плачущей рекой, в буйстве алых понтонов и берего-*

вых впадин. Достопочтенному чайнику объяснять бы принципы гра-
витации, а он забился в кутузку. Надо было в сугробах искать лите-
ратуру, а не марать руки. Тщись совместить седовласых по гори-
зонтали. Неподалёку группа в хаки с автоматами — им хорошо вме-
сте, на прохожих внимания не обращают. Существует, следователь-
но, предустановленная гармония. Техника нарциссического письма
с ритуальной обёрткой: только один дубль для ревнивого стула.
Муравей или человек стал любовником? Беременная Оля панически
боится собак, они видят это и атакуют её. Стоит ей зайти в какой-
нибудь двор — вокруг сгущается целая стая. Оля забегает на высо-
кое крыльцо с перилами — там салон красоты, изнутри смотрит на
неё двухлетняя девочка. Огромный чёрный пёс лает снизу — но по-
том всё-таки уходит за каким-то мужчиной-спасителем. У Веры Ми-
хайловны появился ухажёр, восьмидесятитрёхлетний старик Фор-
тунато, владелец земельного участка в горах над Генуей и несколь-
ких домов в разных концах Италии. Он сдаёт их под рестораны и
офисы, но все доходы съедает налогообложение. Когда ему было
восемьдесят, он пахал свою землю трактором и перевернулся на
скользком склоне. Социальные службы прислали в качестве сидел-
ки страшную, как чёрт, и такую же авантюристичную пуэрторикан-
ку. Она решила соблазнить и женить на себе богатого старика. Хо-
дила по квартире голая, залезала в постель и складывала старику
на переломы свои ноги. У беспомощного Фортунато это вызывало
отвращение. В конце концов, ничего не добившись, исчезла — до
поры до времени, напоследок его обокрав. Старик предлагает Вере
Михайловне поездить по миру и прожить оставшиеся у него дома.
Просит не обращать внимания на детей — «мы им не нужны». (Как
бы не так). У скупых рыцарей есть страсть обладания печностью.
Они ошиблись? Всегда ошибались, учитывая хворост и огненные
прутья. Удаляются, поскрипывая подтяжками. Пульмонолог реко-
мендовала перевести Олю в патологию, она совершенно не конта-
гиозна. Доктор, тем не менее, хотел бросить её в палату с заразны-
ми, но Оля сказала, что туда не пойдёт. Он забегал, закричал «де-
лайте, что вам врач велит», но видя Олину непреклонность, всё-
таки перевёл в обсервацию. (Созвонилась с семейным врачом, и та
сказала, что гинекологи в этой больнице — редкие суки). У Оли ещё
и защемился поясничный нерв, еле ходит, мелкими шажками. Я за-
сасываю пылесосом мошкарку с потолка на кухне — вечером её там

невыносимо много, прилетает снаружи сквозь щели. У Фортунато в доме живут какие-то сицилийцы, ни за что не платят — он их боится. Местная итальянка авторитетно ему заявила: ты выйдешь за меня, будешь жить в моей квартире, а здесь будет жить моя дочь. Рылась в его документах. Предложения пуэрториканки примерно такие же, но ещё интересней: ты обустроишь себе сарай, будешь там жить, а в особняке поселится моя семья. Дети, в свою очередь, хотят признать Фортунато недееспособным и отправить в дом престарелых, самим же завладеть всем имуществом. Тем временем моя мама пытается выставить беременную Олю и меня из квартиры: отправляйтесь искать съёмную, деньги у вас есть. Реальных цен не знает, но губки поджмивает, если ей сказать. Мы стоически сопротивляемся, поскольку копим на покупку собственного жилья. *Червь изнемогает от любви к прямоугольнику индиго.* Умывальник в мелкую трещинку, а мебель в царапинку. Поединки с невидимыми танцорами, артикуляция пружинящих солнц. Возобновляется переписка с Полиной, на этот раз виртуальной, ибо реальная Полина по итогам рефакторинга изъята из всех уровней сборки. Есть желание стать со временем таким себе странствующим — для начала хотя бы только по городу — читателем со смартфоном и парой книжек в кармане. Уже сейчас пытаюсь фрагментарно переключаться в медленный способ жизни, конструировать ослабленную связность. Сьогодні прогноз підманув — я міг піти до протоки та влаштувати поетичну сесію, але він переконав мене, що буде хмарно. Гаразд — роботу над збіркою треба дещо сповільнити, аби вона була більш насиченою. Вот, я прав был — надо ударить по циферке, и тогда пропавшие письма высыплются, ещё не все читал. Но сейчас отвечать не буду, обессилен концом рабочей недели, оставляю до выходных — поначалу приду в себя. Skorистаюся дозволом писати російською. Всё, что я скажу, может быть использовано вместо меня. Усталость обрывает все ниточки, связывающие меня с местом или домом. Мокрый зонт оставляет следы на полу — пусть дышат несвежими уравнениями. Видимо, и сегодня не будет дубликатов ключей. Нечего и мечтать о закате, укладывающем штабелями фотоснимки. Каков будет следующий, выжидательный год? Триумфальное возвращение времени — оно буквально хлещет из всех щелей, заполняет все ниши. А ведь это ещё не настоящий текстовый голод, всего лишь прогулка по ранее знакомым дворам. *Девуш-*

ка, хватающая ключом ель за бороду, ночует в жёлтой цистерне — ради освобождения звука. Сажка течёт по мерцающим стенам. Способствует ли свободе охват местностью? Упавшие на зонт капли дождя? Небинарная речь? Пытаюсь быть lightweight — но поди ж ты, оброс излишними чемоданами книг; надо их отвезти в простреливаемую область и привезти оттуда другие чемоданы, числом не более двух. Ощущаю себя зависшим в некоей нормали к линиям натяжения. Освобождает время, но также и письмо, если только попытаться обоим перегородить слив, запрудить. Освобождают занятия и сцены, не предписанные верховной инстанцией, будь то банка с каракатицами либо солнечная оперетка. Думаю, что свобода — такой же путанный конструктор, как и экономика: множество магнитов надо с умом повесить, поставить въездные ворота внаклонку — глядишь, где-то в промежутке мелькнёт она всего на пару минут, и этого будет достаточно. Вообще-то жёсткая пружина, когда попытаешься на ней спать. Но если твоя жизнь о плавном испарении — свободы вокруг будет вдоволь, в одних лишь уклонениях.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. СНЫ ИЗ ДРУГИХ ВРЕМЁН

Далёкий самолёт, скользящий в обратном направлении по сияющим полосам облаков. Далеко внизу, под ватными хлопьями, чёрные уступы, прорезанные крепко натянутыми струнами рек. Постепенно приближающийся из дымки город на берегу залива — чуть заметна мельчайшая рябь метровых, на самом-то деле, волн. Телевышка в форме старинной башни, подпирающая небо. Застывшие в бухте игрушечные разноцветные танкеры. Воздушный корабль понемногу снижается, разворачиваясь в сторону суши. Из-за перепада давления закладывает уши. Всё ближе аккуратно, по линейке уложенные домики среди пшеничных полей. Праздник приближающегося цвета. Иллюзорная точность технических деталей, вдоль которых ты скользишь, осушённый, оглушённый, помещённый внутрь резиновой гармонии. Освобождение от обязанности быть счастливым или несчастным. Простое поглощение пространства — точно такое же, как и поглощение времени. Аэропорт, где чувствуешь себя мелком, которым рисуют на кирпичной стене. Золотистые очки пограничника, выставившего в твоём паспорте новую отметку. Сотни поднятых табличек с именами. Поблёскивающая тёплыми огоньками сосисочная в виде гоночной машины. За широким окном ряд пришвартовавшихся самолётов с красными и синими подпалинами. Долго, слишком долго я ищу своего гида. Путёвку продали в агентстве «Саруман» — и забыли сообщить, что местный оператор называется «Мифрил трэвел». Наконец нахожу по знакомой речи группу туристов, прилетевших из разных стран. Я последний, и ждали меня терпеливо. Гид — в центре, маленький, кудрявый, авторитетный, знающий всё обо всех с первого взгляда. Мы идём к выходу мимо огромных муралов, облечённых в закатное солнце, выражающих округлыми и вытянутыми формами ощущения полёта и устойчивости одновременно. Перед отправкой автобуса гид пересчитывает нас, щёлкая перед каждым механическим устройством. Сверяет получившуюся у него цифру, удовлетворённо покачивает головой. Едем по шоссе с небольшим количеством лопастных юж-

ных растений. Названо оно в честь американского президента середины прошлого века. Задеваем окраинный квартал с высотными домами, подставляющими солнцу широкие бока. Приближаемся к каналу, где покачиваются мачты сотни новеньких, с иголки, яхт. По длинной спирали поднимаемся на холм, усыпанный дробно стоящими особняками. Уже в сумерках подъезжаем к гостинице, она кажется небольшим бревенчатым зданием, в котором негде разместиться туристической группе. Но внутри стены как будто раздвигаются. Гостиница оказывается многоэтажной, врезанной в скалу, на которую мы поднялись. Этажи нумеруются от нулевого до минус седьмого. Моя комната расположена на четыре яруса ниже уровня фойе. Приходится повозиться с замком, но в конце концов я догадываюсь, как правильно вставить выданную мне электронную карточку. Комната небольшая и просто обставленная, ничего лишнего нет. На стене — цветные обои с туристическими видами города. Только теперь я обнаруживаю, что чемодан замызган какой-то не оттирающейся грязью вроде мазута. По-видимому, это произошло с ним в багажнике автобуса. Вынимаю смартфон и на всякий случай паспорт, кладу их в карман и поднимаюсь в столовую, расположенную в одном из верхних ярусов на открытой террасе. С неё виден далеко внизу парк со вращающимся и мигающим чёртовым колесом, с мраморной лестницей, нависающей над краешком тёмного моря. Столы бунтуют от местных яств, прежде всего — блюд из морской рыбы. Хочется попробовать все, хочется и разобраться с десертами, по виду которых никогда не угадаешь, солёные они или сладкие. На каждом столе стоит кувшин с молодым, бродящим ещё вином из виноградника, что карабкается по склону к гостинице. Вино резкое, но хорошо подходит к хлебу с запечённым мясом — жестковатому, подсоленному, из муки грубого помола. За ужином я знакомлюсь ещё с несколькими участниками группы. Среди них проживающие в Америке эмигранты, белорусы и латыши. Через террасу бесшумно пролетают странные ночные насекомые; то гаснут, то разгораются окна уходящего в море теплохода.

Долгие сны с продолжениями, внезапно обрывающиеся, не закреплённые, сны из других, довоенных времён; письмо самому себе и более никому. Бесшумно скользящие сквозь тень и свет библиотекарши. Передавая книги, я соприкасаюсь с их трепетными паль-

цами. Что-то вроде электрического разряда: толчок идёт изнутри, а не из точки касания. Особенно хороша растрёпанная девушка в зале общественно-политических наук. Её не портит даже слишком крупная нижняя челюсть, добавляющая неожиданный, в сочетании с мягкими движениями, оттенок плотоядности. У меня она вызывает эротический интерес, не похожий на обычную влюблённость: бесстрастное душевное брожение, вызванное близостью к печатному слову, к невозмутимой и точной мистерии книжных полок.

После посещения читального зала я спускаюсь в фойе, где нервный завхоз с двумя дылдами-помощниками монтируют пластмассовую ёлку. Захожу в туалет с горошчатым кафелем. Вандалы нарисовали маркерами мужские и женские половые органы. Пробираюсь мимо застывшего вахтёра на крыльцо, в снежную крупу, прихваченную за макушку ослепшим фонарём. Там, в рыбьем пальтишке, переминается с ноги на ногу давешняя библиотечка, поджидая кого-то из коллег. Мы улыбаемся друг другу с невесть откуда взявшимся сарказмом, будто старые, всё выдавшие на свете любовники, и я начинаю осторожный спуск по обледеневшей гранитной лестнице. Автомобили задыхаются в рыхлом снегу, медленно спускаясь к центру города по окривевшей улице. Вдали сияет, как начищенный самовар, купол кафедрального собора. Стрелки на циферблате часов торгового центра собираются совпасть в непредсказуемой позиции. Позади меня библиотека цепляется, как сова, мощными лапами за склон над балкой. Дома в этом квартале старинные, но крепкие, хоть и покрытые кое-где сеткой мелких трещин. Следующий квартал, наоборот, футуристический, там переливаются цветными стёклами дома-пирамиды, дома-фаллосы, дома-мясорубки. Никаких дел у меня нет, и я иду под одобрительным наклонным светом к бюсту Гоголя — он похож на галку, усевшуюся на фонарный столб. После вчерашнего дождя памятник обмёрз и теперь поблёскивает, как леденец, под мятным солнышком. Скрип наста лучше, чем что-либо иное, удостоверяет мою полную свободу. Ничем, кроме медленного написания прозы, не заполненные — дни, недели, месяцы, а может, даже годы.

Я решил жить в доме, доставшемся мне от деда — посреди частного сектора. Кое-как разобрался с устройством непривычного, наполовину деревенского быта. Старая газовая колонка вызывала у меня оторопь, пришлось даже пригласить соседку, которая, глядя

на меня, как на придурка, объяснила принцип её работы. За несколько ходок я привёз в ручной тележке, переделанной дедом из мотоциклетной, все дорогие мне книги. Дом, вступивший в пору ранней старости, нуждался в уходе, но не ремонте. В стенах обнаружилось несколько не внушавших опасений щёлок; я тщательно заткнул их поролоном, чтобы не терять тепло. Вспоминал жирные бабушкины борщи, козлят, бродивших по летней кухне и примерявших острые ножки к ногам гостей, многочисленных кошек, пользовавшихся дедовым расположением и хлебосольством.

Иногда меня навещала бывшая девушка, в этом сне это была другая Оля, некая теневая Оля. Мы долго и подробно с ней совокуплялись. Я старался кончить несколько раз, про запас: не знал, скоро ли ей захочется снова ко мне прийти, да и захочется ли вообще. Если она начинала говорить о своём новом парне, я просил её заткнуться. Возможно, это была лучшая пора наших отношений, без манипуляций, без постоянного взаимного раздражения. Секс, наконец-то, был очищен от излишних примесей, от каких-либо планов на будущее, взаимных расчётов — мы были парой животных, и больше ничем. Предсказуемость больше не была во мне, как больной зуб. В перерывах между сексом и сексом другая Оля рассказывала мне, что у неё появился очередной научный руководитель, где-то в Тернополе. Мёртвая доселе диссертация тягуче катилась к развязке. Вместо ответа я брал в рот её большой сосок и начинал его покусывать. Оля вздыхала, сосок начинал твердеть. Я тянулся к пачке презервативов. Она садилась на высокую тумбочку и раздвигала ноги. Я кончал почти сразу же, совершив всего несколько движений. Олю это не огорчало, впереди у нас были долгие вечер и часть утра. Любимая девчонка шагала взад-вперёд по гостиной, расшвыривая ногами свою и мою сброшенную одежду. Я с удовольствием рассматривал её худое, хотя и крепко сбитое тело. После следующей любовной битвы мы лежали в постели, глядя на дрожавшую в окне от резкого ветра яблоню. Спальня плохо прогревалась, и я разводил огонь в печи, которую дед вмонтировал в одну из стен. Покашляв дымом и сипло провывшись, печь разливала по комнате мягкое тепло. Оля чутко засыпала, свернувшись калачиком. Пока она спала, я брал в руки тетрадь с черновиком рассказа, нервно, словно руку чужой женщины (с которой ещё и непременно нужно зачать ребёнка). Больше всего беспокоили персонажи — вы-

ходили они угловатыми, переморщенными, косноязычными. Речь текла сама по себе, огибала их, следуя собственной логике. Внутри меня ломались этажи, всё протестовало против необходимости покрывать листы бумаги бесплодными значками. Обычно я держал героев в узде, но сейчас решил оставить развитие действия на их усмотрение — фьюжн, пусть это будет фьюжн, такая же нескладница, как и в реальной жизни. Невидимый тумблер переключал сцену в состояние смуты. Хуже всего обстояло дело с диалогами. Я прекрасно понимал героев, но понятия не имел, о чём они хотели бы рассказать друг другу. Я бы с удовольствием, взяв кусок мыла, залепил им бестолковые рты. Подорвал бы поезд, только вышедший с промежуточной станции. Я обернулся: Оля внимательно смотрела на меня. Псих, мелодично произнесла она, хренов писатель.

Если я не был в состоянии работать над текстом, мной владела тихая злоба, и я ссорился с Олей по мелочам. Был уверен, что она может испариться так же внезапно, как появилась. Потом это чувство проходило, Оля упрочнялась, казалось, пускала в этом доме корни. Нет, я не был обязан писать эту книгу, хотя она и была триггером, переключавшим меня в новое, ничем не связанное состояние. Иногда я целыми днями ходил по городу, прокручивая в голове тот или иной никак не дававшийся мне фрагмент. На любом перекрёстке я мог свернуть в сторону, пойти за приглянувшейся женщиной, познакомиться, выпить с ней кофе, вслушиваясь в её речь, ища в ней решение задачи. Но чаще я продолжал одиночное сомнамбулическое путешествие, вглядываясь в подробности, которые при обычных передвижениях рысью на работу и обратно полностью выпадали бы из поля зрения. Я начинал понимать, что творчество лишено всякого смысла, кроме того, что возникал мгновенно, когда я записывал, ёжась на ветру, очередную фразу на куске бумаги, вынутом из кармана пальто. Даже если когда-нибудь появится книга, одна из многих плохих книг, лежащих в магазинах, она не будет мне так дорога, как сам процесс складывания воедино всех пружинок, винтиков, ускользающих от таможенного досмотра линий. Я раздёргивал на куски старательно придуманный сюжет, от которого меня уже тошнило, и возился с каждым куском отдельно, добываясь, чтобы он начал поблёскивать даже при неправильном, неблагоприятном свете. Дома переписывал всё заново, почти не заглядывая в скомканную бумагу. Всё это не нужно, твердил я, всё это

никто никогда не увидит. Откуда здесь столько трухи, столько па-токи. Задрапировать и спрятать, а лучше — расшатать и обрушить. Тем не менее, какое сухое, скромное удовольствие от ловкой по-клейки фраз, от рыбной ловли, которой не видно конца. Чувство асимметрии, чувство самопотери не покидало меня. Куда легче, чем за письменным столом, было во время исполнения ежедневных хозяйственных ритуалов.

С утра Оля отправлялась на репетицию, которую проводил Игорь в обширном гараже одного из своих коллег. Каждую ночь он перекраивал и пьесу, и характеры действующих лиц, так что всё приходилось начинать с начала. Смысл моего театра, говорил он, не в том, чтобы готовить представления, а в том, чтобы ежедневно находить что-нибудь новое. Теневая Оля была главной соратницей Игоря, её восхищала та ярость, которую он вкладывал во все свои увлечения. Казалось, что история, которую хочет рассказать Игорь, вот-вот сложится, но он опять вымарывал её и начинал с чистого листа. Многие актёры не выдерживали и уходили; главную мужскую роль приходилось теперь играть одной из актрис — нашей с Олей общей подруге Насте. Иногда я заходил на репетиции. Ты бес-толковый зануда, говорил мне Игорь, сначала ты упустил женщину, с которой мог быть счастлив, во всяком случае, сбалансирован. Ты упустил хорошую работу, а теперь ещё и роман свой не напишешь. Скатишься по наклонной, раз теперь уже некому за тобой присматривать. Это кто бы говорил вообще. Ладно — мы выходили из гара-жа, закуривали, шли за бутылкой вина к соседнему магазину. Уже несколько лет я курю только с Игорем, только его сигареты.

Даже не стоит вкладываться: ближе на метр, зато и дешевле на три гривны. Оргия в троллейбусе «Киев–Киев». Почему я это помню четверть века спустя? Пижамы, жёлтая трава. Тактика выжи-дания приносит плоды: атеизм, вздутый живот, дряблая кожа. Фу-га, читателю скучно. Открывай наугад. Складки, рюкзаканицы с учеб-никами квантовой механики. Имперские ижицы. Из двух конкури-рующих преправд выбирай менее серьёзную. Убери, больше никогда никому не показывай. Голосистый будильник в семь часов, твёрдый, яблочком. Живёшь, патефонишь, красишь волосы в новый цвет. В ру-ке порох, в ноздре рисовое зёрнышко. Следствие проясняется безо всякой причины. Карьерный рост, из трубы торчат обгорелые паль-

цы. Роскошно дерево ненависти, но детальки не подходят друг к другу. Как выдавить из этого факта хоть какую-то пользу? Покончить с проведением перпендикуляров? Карьера — дом — ребёнок. Постепенное исцеление от пространства. Нагромождение ничего не стоящей лжи, отступление вьюжного фронта. Ирония съедает себя живьём. Сквознячок философский: отскоблить налипшее дерьмо, пусть блеснёт призма среднего возраста — но без времени, без азарта. От сердцебиения усталого кошелька избавимся, вызвав бригаду штукатуров. Расстояния измеряются рваными подушками, рассыпанными газовыми звеньями. Человек из ружья. Брошенный окурок освещает дорогу. Сейчас бы выспаться да поймать за хвост обыкновенное слово, даже лишённое внешности. «Я глубоко неудовлетворена этим разговором». Заведи специальную юзер сторы для случая, когда снова захочешь покричать. Сочетаются ли конфигурации продуктов? Солнце пятится от меня, как электробритва. Большое количество ворот и котов. Архитектурное украшение, наводящее оторопь: треугольное и округлое одновременно. Усыпительная спонтанность. Двое многополых людей, один предпочитает физическую любовь, другой духовную. Тридцать лет — как вывернутая рука. Бесперебойный остаток, а дальше — пыль, цеплянье за воздух, отключение территорий. Блуждающая чайка: голос пёстрый, на спине дикая буква.

Предположим, надо выйти из пункта А и попасть в пункт Б, задев как можно меньше деталей. В наши дни легче лёгкого расшатать надломленное запястье. Подложить игрушку в карман убитому. Смерть — назойливый ребёнок. Улыбается, произносит имя под водой. Расскажите мне острое / брелок звенит в кармане. Разучиваем по нотам: прекращены предметы быстрой стрижки. Для всякого рассудочного человека мой город — удобная ступенька на пути в одну из дальних столиц. Я же хотел прожить здесь всю свою жизнь, и поэтому ощущал себя наполовину призраком. Общался я с такими же частично бесплотными существами, обладателями уклончивых глаз и вязких, как пластилин, пальцев.

К марту город накрыла беспросветная сырь. Частный сектор, в котором я жил, превратился в жидкое месиво. Я старался выходить из дому как можно реже, только за продуктами, при этом приносил на сапогах килограммы вязкой грязи. Оля больше не появлялась, и я был рад этому — она всякий раз выбивала меня из рабочего рит-

ма. Роман продвигался ни шатко, ни валко. Я размечал очередные десять страниц, выстраивал чёткий план, а потом старался писать мимо него, в обход, но так, чтобы заранее заданная структура не позволяла тексту распасться. Писательство стало рутинной, мало чем отличной от прежнего труда в офисе, разве что рутинной неоплачиваемой и бескорыстной. Я не находил в этом особого достоинства. Персонажи знакомились, занимались любовью, убивали друг друга, всё это оставалось театром теней, к которому я не имел ни малейшего отношения. По крайней мере, окончились муки и сомнения, которые я испытывал ещё месяц назад. Работа затянула, и теперь нельзя было оставить её незавершённой. В середине марта рывками стало показываться солнце, потом оно отбросило облака и на несколько дней утвердилось в небе. Грязь начала подсыхать. Бриться мне было незачем и не для кого, и я оброс длинной щетиной, которой не хватало упорядоченности для того, чтобы именоваться бородой. Суббота была заполнена колеблющимся светом. Солнце устало от борьбы, и облака перешли от заговорщицких совещаний к неприкрытой интервенции. Мне совсем не работалось, и я решил, после долгого перерыва, сходить в храм. Дорога к нему шла через парк, где оттаявшие студенческие пары уже тянули вино из бумажных стаканов на замызганных скамейках. Я отбрасывал не тень, а зыбкий трепетный сумрак. На теннисном корте, несмотря на прохладу, сражались две девушки в плотных костюмах: одна, похожая на мальчика, носилась по площадке, как ракета, другая играла экономно, расчётливо и элегантно. Храм, стоящий на высоком речном берегу, изнутри напоминал ёлочную игрушку из-за обилия наивных фресок. Настоятель принимал исповеди насторожённо и неприязненно, поэтому я предпочитал исповедоваться второму священнику, пожилому гному с испитым актёрским лицом. Во время службы я стоял рядом с хором: мне нравилась одна из певчих, высокая блондинка с мощным гипнотическим голосом и массивным кольцом на левой руке, которой она листала ноты и поправляла выбивавшиеся из-под платка волосы.

Утро второго дня было утомительным из-за долгих переездов. Несколько часов мы петляли по дороге вдоль побережья, разглядывая краешки островов, здесь и там проглядывавшие из-за шёлковых дымок, а затем повернули вглубь страны, поднимаясь посте-

пенно с одной возвышенности на другую. Влажные леса сменились поначалу сухими волнистыми пространствами с небольшим количеством растений, а затем чётко рассчитанной геометрией сельскохозяйственных угодий. На холмах ворочались и ворчали деревянные мельницы. Выныривала зубчатая крепость с развевающимся флагом провинции. Вдали курился черноватый дым, как будто великан раскуривал трубку. Гид рассказал, что летом эта часть страны постоянно страдает от пожаров. Всё заметней становилось, что наш автобус барахлит. В задней части салона отчётливо ощущался запах бензина. Гид негромко переговаривался по телефону с туристической базой. Решено было остановиться и подождать сменный автобус. Мы доехали по трассе до ближайшего посёлка и высадились возле ресторанчика, стилизованного под средневековый постоялый двор. Новый автобус ожидался не скоро, гид предложил нам зайти внутрь и продегустировать местные вина. Они оказались кислыми, зеленовато-терпкими, почти совершенно безалкогольными. Владелец заведения, желтоносый мужчина по имени Яго сам ходил между нашими столами, подливая вино тем, у кого оно оканчивалось. Вдоль стен расставлены были пузатые кувшины и тележные колёса, с потолка свисали глиняные колокольчики. В углу сидел на высоком стуле, недоумённо разводя руками, знаменитый писатель родом из этих мест, изготовленный в натуральную величину. После дегустации оставалось достаточно времени, чтобы углубиться в селение, лепившееся слоями на крутом склоне. Я присоединился к gidу и чрезвычайно растрёпанной девушке в рваных джинсах (из другого сна просочилось воспоминание, что некогда она была библиотекарем). Узкая улица, состоявшая из выбеленных домов неотчётливой, прихотливо сконструированной из детских кубиков формы, уклоняясь то вправо, то влево, поднималась к древним башенкам, нависавшим над приплюснутой церковью. В лавчонках можно было купить вишнёвую наливку или, поторговавшись, сумку с яркими узорами, вытканную местными мастерами. К решетчатым заборам привязаны были приманки для туристов — тяжёлые старые ботинки, служившие цветочными горшками. У некоторых зданий только нижний этаж был каменным, а сверху к нему пристраивался настоящий деревянный дом с резными ставенками. В одном из дворов с цветущими круглый год, цепляющимися за стены растениями располагалась гончарная мастер-

ская. Внутри работал изношенный телевизор, показывая муторную, апокалиптическую рекламу. Над вращающимся кругом горбился лысоватый хозяин в замызганном комбинезоне. Между руками у него скользил кусок рыжей глины, быстро приобретая вертикальную, вытянутую форму. По стеллажам расставлены были плоды его трудов — узкогорлые кувшины разных размеров, покрытые красно-чёрным орнаментом, оплетавшим фигурки фантастических зверей и растений. С церковной площадки открывался вид на соседнюю долину и странные скалы, похожие то на огромные грибы, то на верблюдов, то на танцующих женщин. Гид пояснил, что образовались они из-за извержения вулкана и многовекового выветривания мягких пород между потоками застывшей лавы. Верхние ярусы города, огибавшие замковую стену, были вырублены в гранитной породе. Кое-где виднелись укреплявшие склон металлические распорки, висевшие под неровными окнами спутниковые антенны и вытянутые наружу, под навесы, полосатые диваны, на которых жители обменивались плавными жестами, а иногда играли в карты. Пониже церкви находился бедняцкий район с домами из крупного грубого камня, часто заброшенными, где под провалившимися крышами торчали, как больные зубы, искорёженные газовые плиты. Дворы зарастали бурьяном; с камня на камень прыгала речка, впадавшая в зажатое между холмами озеро. В отдалении поджидал нас уже новенький автобус, красный, похожий на заводную игрушку. Тучи сгущались, и на лица нам падали первые капли — разведчики предстоявшей небесной битвы.

Беспорядочное желание, словесный зуд, которому можно придать любую форму, — и тем не менее, ни одна не будет впору. Придётся оставить всё как есть, в надежде, что слово, не ограниченное историей, само найдёт себе пропитание. Зыбкие границы, очерченные скрежетом стиральной машины. Я болен, меня точит беспокойство, и вряд ли есть смысл строить планы на длительные путешествия. Трепещущие простыни рассекают комнату на сегменты. Кажется, будто доказывается, но никак не может доказаться стереометрическая теорема. В такой день хочется заняться онанизмом, но меня останавливает необходимость отмыть руки от спермы на коммунальной кухне. Тем не менее, пора сдавать повторные анализы. Агрессивная медсестра всякий раз

велит мне раздеться донага, даже если надо взять мазок из горла. Чтобы избегнуть её, пойду в новый корпус, — пусть это и выйдет на несколько гривен дороже.

Я пересекаю двор по пунктиру, ныряю в арку, словно во чрево кита, и вынырываю из неё в городском саду. Прямо передо мной блестящий столб поликлиники, украшенный медицинским гербом. Гардеробщица с недоверием принимает рюкзачок. Пышиноватая и нетрезвая регистраторша долго разбирает каракули, прежде чем ткнуть алым ногтем по направлению к стеклянному лифту. Уличный шум не уменьшается, я постоянно слышу какие-то шарканья и сморканья. Однако в холле видна только регистраторша, яркая косметика которой выглядит всё более непристойной среди стерильной белизны. В старом корпусе совсем другая звукопроводимость: словно попадаешь внутрь пуховой подушки. Можешь идти лишь медленно, как по дну озера, а всключенные санитары проносятся мимо тебя, будто водяные черти.

Раскрываются и закрываются двери лифта. Я могу нажимать на кнопку несчётное количество раз, вызывая это уютное механическое представление — но надо спешить, чтобы покинуть поликлинику засветло. Этажи, очерченные мягким, почти лампадным светом, скатываются на дно города. Меня вдавливают в пол кабины; через стеклянную стенку я вижу, как кварталы уходят вниз, а из-за крыши выпрастывается грубо намалёванное солнце. Смотреть на него трудно, и я, отвернувшись, снова прокручиваю киноленту полуосвещённых коридоров. На этот раз её мелькание замедляется. Остановка, сороковой этаж. В первом же, раскрытом настежь, помещении санитар в маске плюшевого зверя застилает постель, стараясь, чтобы не осталось ни единой морщины. Мои руки и ноги наливаются тяжестью, глаза слипаются, будто я ходил с рюкзаком целый день и до смерти устал. Я сажусь на краю кровати, и санитар, встав на одно колено, проворно расшнуровывает мои ботинки, натягивает на ступни тапки с узором из переплетённых драконов. «Пойдёмте, я покажу вам столовую. Больше не пользуйтесь этим лифтом, он слишком медленный». Я иду за ним по коридору, преодолевая сонливость. Мы выходим на балкон и садимся в круглые саночки. Плюшевый трогает рычаг, и саночки, набирая ход, скользят по рельсам, огибающим по спирали здание. Он улыбается, сквозь неровные зубы виден подрагивающий язык. После плавного торможения

санитар шутовским жестом предлагает мне выйти, распахивает дверь столовой, а затем исчезает, буквально испаряется в воздухе. Растрескавшаяся комната никак не вяжется с тем, что я видел в новом корпусе до сих пор. Четыре столика накрыты полосатыми клеенчатыми скатертями. За ними, сгруппировавшись попарно, ветхие старики хлеблют из мисок суп. Лампы источают колючий свет, из-за которого бритые головы мерцают, будто колбы, а рты кажутся выгребными ямами. Я становлюсь в очередь к окошку, где мелькают распаренные руки, разливая суп. Каждая порция содержит кусок бурого мяса, висящего на рёбрах. Сажусь на свободное место и заставляю себя проглотить несколько ложек с мутной жижей. Тошнотворный запах; на вкус мясо напоминает резину. Мне кажется, что сидящий напротив старик умер: приоткрыв рот и не мигая, он смотрит на стену за моей спиной. Входят две пасмурные, нет, даже дождливые санитарки и с ними врач — молодая статная стерва с распущенными косами. «Подготовьте пациентов к отправке на мунус второй этаж». Санитарки суеются, сгоняя старцев со стульев и выстраивая их в колонну. Я выскальзываю из столовой, чтобы подсмотреть, куда уходит врач. Успеваю напоследок увидеть её в закрывающихся дверях лифта. Нажимаю кнопку и жду, когда он вернётся, долго, по крайней мере десять минут. Эта кабина совсем другая: старая, тёмная, со слабым запахом мочи. Лучше убираться из поликлиники подобра-поздорову. Но любопытство побеждает, и я нажимаю минус вторую кнопку. Кабина то дрожит, то движется так резко, что это кажется началом падения в шахту. Минус второй этаж совсем короткий, он освещён дёргающимся, дерущимся с самим собой неоном. Кроме электрического гудения, не слышно ни звука. Я толкаю единственную на этаже дверь и попадаю в складское помещение. Все полки забиты тяжёлыми зелёными бутылками, в которых плавают человеческие органы. Делать мне здесь нечего, и я спешу к лифту, который до сих пор остаётся раскрытым. Зайдя внутрь, я не успеваю нажать кнопку: двери сами собой захлопываются, и кабина трогается вниз, по диагонали, видимо, в какую-то боковую скважину.

В июле жара невыносимая, плавающая асфальт, перемежалась жарой щадящей. Оле надоело щадить мои чувства, и она во время своих редких приходов устраивала бурные сцены с битьём дедовой посуды, оскорблениями, пощёчинами. Я не понимал её, я вообще

ничего не понимал. Прошлое томилось, как ворох отброшенных черновых вариантов. Каждое утро, едва проснувшись, я тянулся к наброскам и начинал их бешено править. Я уже успел записать всё задуманное, но вернувшись к первым страницам, понял, что они никуда не годятся. Приходилось начинать всё заново, но теперь выдумывались новые сюжетные ходы; персонажи вели себя напористо и явно не собирались придерживаться указанной для них сюжетной схемы. Состыковать новое начало и прежний финал не удавалось. Часто я бросал работу над очередной главой на середине фразы, понимая, что текущий фрагмент не нужен, что на следующий день двинусь в совсем другом направлении. Если работа не шла, выходил на улицу, шёл налево, мимо заколоченного Дома культуры, или направо, вдоль широкого деревянного здания с лирами над входом и неизменной четой алкоголиков на ступеньках единственного подъезда. Доходил до угловой сталинки, на втором этаже которой бетонные женщины держали младенцев с отбитыми головами. Погружался в горбатые дворы, искал проход через лабиринты гаражных кооперативов. Однажды добрался до моста, ведущего к электростанции. Посередине его пешеходной части обнаружил раскрытый люк и спустился внутрь по ржавой лестнице. Справа был тупик, налево вела высокая бетонная галерея, где-то вдали, как бабочки, порхали карманные фонарики.

После премьеры гаражного спектакля Оля перестала ко мне заходить. Несколько дней подряд грохотал гром и лил дождь. Рукопись вызывала у меня отвращение, и я спрятал её вглубь одежного шкафа. Ничего не ощущал, как будто был обложен поролоном. Смотрел в окно на колеблющуюся и раскачивающуюся стену ливня. Монотонно откусывал у помидора задницу, выпивал его кровь, потом доедал остававшуюся безопасную плоть. Мой роман казался бессмыслицей, ненужной с самого начала блажью, он лишь сбил меня со следа и отвлёк от медленных поисков подлинности. Весь этот год был только фантазией и упрямством, как и моя связь с Олей. Пора было возвращаться в реальность.

Когда дождь закончился, наступила яркая прохладная погода. Я выспался и чувствовал себя новым человеком. Ничего не желал, радовался течению времени, никуда не спешил. Следил за прохладным солнцем, щедро сыпавшимся в лиственные прорехи. Казалось, мне дела нет до исчезнувшей подруги, но я выбирал для прогулок

те маршруты, где мы любили раньше ходить вместе. Я совсем не был готов к новым знакомствам и дружбам, но уже приготавливал к возобновлению прежних. В городе происходило что-то неладное; несколько раз мне попадались патрули, ощупывавшие глазами всех прохожих. Меня они ни разу не останавливали.

Соседка давно предлагала забрать у неё старый телевизор. Вечером я зашёл к ней почаёвничать и перетащил домой чёрно-белый предмет с облупившимися боками и скрипучей ручкой для отладки изображения. Кнопки не работали, показывал только один канал. Оказалось, что патрули — не случайность, в городе действует террористическая группировка. Начали они с нападения на городского мэра. Молодой человек, проезжавший мимо резиденции на велосипеде, выстрелил в дававшего интервью градоначальника из пистолета с глушителем. Опешившая охрана позволила стрелку скрыться, мэр отделался лёгким ранением. Ещё через неделю был взорван недостроенный небоскрёб в центре города, он просто сложился вдвое и бесшумно рассыпался. Дело было ночью, и пострадавших не было; охранников чудом не засыпало обломками. Некий профессор строительной академии доказывал, что никакого теракта не было: проект небоскрёба содержал грубые просчёты, выпуская из виду подземные реки и вымытые ими полости. В город прибыла правительственная комиссия. Представители партии власти и оппозиционной партии обвиняли друг друга в случившемся. Министр внутренних дел пообещал, что террористов поймут в течение ближайших дней. Я обесточил телевизор и унёс его в кладовку, меня всё больше раздражал этот говорливый зверь.

Щекотный, мякотьный страх смерти, муравьиный шепоток, пробегающий от низа живота через пупок к груди, где становится нудным пением, лампадной болью. Жара спущена с поводка. Раскалённое кладбище, стёртые польские буквы; кое-где мерзавцами пририсованы возбуждённые фаллосы. Небо уже створаживается, над останками крепости висят грязные самолётные следы, а слева распушиваются лисьи хвосты, взмывая от стыдливо прикрытой магазином ГРЭС. Продащица даёт мне веснушчатой рукой сдачу, и я с отращением представляю, как она выглядит под грязным халатом.

Чернильная лужица. Неподвижный, как укус, рассказик. Почти чеховская меланхолия; жажда мгновения, которое неизбежно оборо-

чивается камнем, жажда действия с истерической ноткой в финале. Необходимость монотонного труда, аналог супружеского сожительства; ещё один утомительный ритуал. Максимум пройден, теперь только вниз, к жестоковыйному старику на парковой скамейке. Имитация вдохновения, искажённого страхом перед банальностью. Лишь рядом с тобой появлялась удивительная плотская плавность, соразмерность, и она переходила в речную прозрачность текста. Я высосал тебя до кожицы, истребил всю до последней родинки, — и вот опять новая ты — невредимая, недоступная. Лежишь в хлопьях пены и обдумываешь план действий. Задница жёсткая, кость хрупкая, на ляжках ни тени целлюлита.

До чего узки мои эротические пристрастия: исключительно женщины, и обязательно талантливые. Правда, однажды я шёл сквозь подслеповатое подсолнуховое поле к закату и чувствовал, что хочу заняться любовью с солнцем, кивающим из облачного рассола, с тяжёлыми лицами цветов, с ветряками, равномерные взмахи которых казались мне по-особому чувственными. Я удивлялся чистоте и силе своего желания, пока встреча со стайкой узловатых огородников не рассеяла сей странный дурман.

Оборванный край, сиплое мерцание. Я сижу перед кучей дерьма, даже не знаю, реального или вымышленного, сгоняю с него сонных мух. О, небесные кураторы, монтажёры вдохновения, проводники здравого смысла! Не увидеть вам ни плавных сюжетных трелей, ни подпиленной, но законной логики. Матрасно-полосатая лошадь бежит по кругу, не отвечая на вопросы. Жизнь в облачке, в солнечной ванне. Крылышки за плечами, а член в манной каше. Поворот ключа, и вот зеркало отражает раскалённый палец, — но это ненадолго, только пока ты не сядешь, — такое точное, самовлюблённое движение. По сути, я ещё ничего не сказал. Берега не видно, зато всюду расходящиеся рельсы, и через них не переступишь.

Как же ты будешь без меня, ведь тебе не будут глядеть в рот все персонажи? Или я ошибаюсь в тебе, или всегда ошибался? Тьма тьмущая, и лишь лампа с пляшущим абажуром, лишь соляной столп, пенье форточки и отвратительные леденцы с ментолом. Мякоть яблока взамен теневого рисунка. Революция не состоялась? Платоническая любовь, замена мужского лица женским. Земная кора не треснула, но, сказать по правде, закончился сахар. Удар по склонённому затылку, до полного растворения в тягучем клейстере. Войска

идут по пустырям, скандируя ахиною. С трудом — на забор с отравленными остриями, а дальше дурно пахнущие цветы и какая-то оголенная дрянь. Дерево падает, придавив мои руки. Ты удержишь меня на грани змеиной лёгкости, прежде чем я скользну в траву. Раскопая исповедь, клочковатая музыка, летящая с двух сторон. Я уступаю, я сжимаюсь, я лживая мышь, и тебе придётся сжечь всё поле. Это уже не плач в круглую лунку, это вопрос жизни и смерти (скажем, от дурного пищеварения). Трепещущая прохлада, вот что имело смысл. Распорядок и стиль церемоний, очередность ошибок, своевременность духовых инструментов. Солнце нельзя объехать, всё равно оно будет светить сзади. Разрушить дом может лишь тот, кто его выстроил, а, значит, мой скрипучий вавилон будет вечен. Я стою перед чистым листом. Партитура готова, дорогая Сальери. Колобок, рыжая лавина, не из-за тебя ли я всё это затеял? Стелил соломку, чтобы мягче упасть? Виолончель превратилась в подлейшую флейту, вот что невыносимо. Волна эпидемии спадает; опрокинутый, скользкий образ. Лабиринт с клопами, темнота с золотыми кисточками, взмах бабочки, в лучшем случае — след, оставленный слизнем. Почему ты так тянешь? Я фальшив, как пластинка. Краденая секунда, филантропический, насквозь чужой звон. опередить моветон на несколько мгновений. Разве уже пора замечать следы? Высокопарный слог, соловьиная тупость. Дно — не скажу «ямы» — где видно клок неба со звездой, хорошо, что не серийной. Ты будешь всё отрицать, хотя нет уже ни отражённого света, ни его источника.

Часто мне снилось, что ты хочешь убить меня, — но нет, это мне самому хотелось убить себя твоими руками. Сны эти задевали, интриговали ещё и тем, что ты была в них моей ученицей в каком-то неясном, теневом виде искусства, включавшем и литературу. Буква к букве, склад нищенских обязательств и гарантий. Ты предпочитал послушный, разноимённый хор, а я строю свой дом из шороха дождя, из процеженного ряда огней, из целлулоидного писка летучей мыши. Несу в себе фальшивую монетку свободы. Всё, что я умею, я взяла в твоём мире, расстроив его, как наскучившую игрушку. Текст обладает смещённым центром тяжести: смерть, неразменная банкнота. Импровизация перед нейтральным, уходящим в тишину финалом. Чуть меньше интонации, чуть больше логики; слова твои — мелкие неровные камешки. Формируется плотный сгусток,

я пробую раскатать его по плоскости, вытянуть в линеечку — так, чтобы не нарушить содержимого. Каждая капля дождя должна остаться на своём месте, даже если этого никто не увидит.

Тело с трудом перетянуто на диван и накрыто простынёй. Никаких поблажек, убийство протагониста — дело не простое, если только не хочешь смонтировать эту сцену, не отходя от ноутбука. Заглядываю в зеркало: в пыльном нефокусе растрёпа с поплывшей талией и набухшими сосками. В углу письменный стол, на нём рукопись. Всё в ведро, даже не читая. Иду на кухню, переступая босыми ногами через опустошённые бутылки. Нет ничего неопрятней мужского одиночества. Открываю форточку, чтобы выпустить запах смерти. В ведре был презерватив. Откуда у него деньги на шлюх? Или какая-нибудь небрежливая соседка? Одеваться пока не хочу, и в душ не хочу, не желаю видеть, в каком у него состоянии ванная. Лучше ходить потной и понемногу остывать. Раскрываю полностью окно, но легче не становится. За ним предгрозовая духота. Чёрно-белая коза подбирает клочья газеты. Дородная женщина ведёт за руль обморочный мотоцикл. Сухое пощёлкивание электрических линий, отдалённый покатый гром. Скоро последняя маршрутка в центр, и я на неё уже не успею.

Как много у него было смешных привычек. Боялся незнакомцев, продающих книги, телеграмм от малознакомых людей. Скрупулёзность, бесконечные перечни дел, сантиметровая точность раскадровок. Предвзятость, сгибающая партнёра в дугу. Для того, чтобы придать тексту равновесие, соединял его с парящими конструкциями. А теперь вместо эпитафии — редкий дождь, редкие слова, редкие фонарные буквы. В каждую я могу войти, надеть её на себя, как мокрую одежду. Образы, отражённые в зеркале, превращаются в ночных молей.

Даже не убийство — срезание больных сучьев в саду. Тишина слишком щелиста, пальцы проходят внутрь и попадают во что-то рыхлое. Нет уже смысла изворачиваться, смысла ни в чём вообще нет. Молний не видно, но гром катается по чёрному небу. Гнилой и гладкий дождь, платье облепляет тело. Мужчины оглядываются, но, видимо, в лице у меня сейчас что-то пугающее, и зонт никто не предлагает. Сворачиваю на заброшенный участок, сажусь на корточки, с наслаждением мочусь в зарослях амброзии. Дальше уклон дороги, мощёной крупным камнем. Кажется, поднимается температура.

*Одинокaя телефонная будка со старым евреем внутри. Мок-
рые мерцающие ноги, пластмассовое свечение убегающих ручьёв. «А
что Моисей?» Пауза. Диагональная панорама: голова старика с при-
жатой к уху трубкой, за ней слезящаяся дверца будки. «Умер?» Де-
таль: краешек носа и шевелящиеся губы. «Мы все умрём».*

Литературный музей обнаружился без труда. Со второго этажа доносились сдавленные звуки поэтического мероприятия. Я поднялся по лестнице в зал с небольшой сценой, сел на свободный стул. Публики было немало, около двух десятков человек, в основном, местные авторы. В ближней к нам части сцены выступал приезжий польский поэт, очень странным образом: читал стихи глухим голосом, согнувшись почти до самого пола. После каждого прочитанного текста медленно распрямлялся, выслушивал аплодисменты и раскланивался. Сидящий сбоку на венском стуле Игорь зачитывал рифмованный перевод. Когда чтения закончились, к микрофону подошёл изящный бородатый человек, сотрудник музея. Он знал, что автор читает сильно, но не знал, что настолько сильно. Зрители похлопали автору, переводчику и сотруднику, поднялись со стульев и начали между собой общаться. Выходить под морозящий дождь сразу же никому не хотелось. Игорь поздоровался с несколькими своими знакомыми и подошёл ко мне. Пойдём, сказал он, на нижний этаж, сейчас там будет фуршет. Мне неловко набиваться, я не участник, и никто меня туда не приглашал. Ну, вот я приглашаю, сказал Игорь, ты не стесняйся, там все свои. Мы спустились по боковой лестнице на нижний этаж, верней, это был этаж подвальный. Был накрыт стол, а на нём выставлено было то же, что и после любого другого мероприятия в нашем городе: сыр, яблоки, бананы, печенье, несколько пирожных. Только вместо обычного кислого шампанского стояла в этот раз водка. Замена эта обезнадёживала, но, в символическом смысле, волновала. За столом собрались все участники вечера и ещё несколько примазавшихся, как и я, городских поэтов, а также редактор журнала из города X. Как обнаружилось, праздновался день рождения изящного музейного бородача. Игорь сказал пару слов об уникальности и незаменимости тех проектов, которые курирует бородач, и о важности таких инициатив. Бородач стал сиять и смущаться, как юная девушка. Было ощущение, что Игорь повесил ему на грудь видимый лишь им двоим эlegantный орден. Ре-

дактор сказал просто: Ваня, ты молодец, так держать. Остальные тоже говорили хорошие слова, а Игорь не только добавил под конец новых хороших слов, но и представил меня имениннику. Ну конечно, сказал именинник, мы же френды в Фейсбуке. Ко мне подошёл всё ещё трезвый, как стёклышко, польский поэт, его сопровождала юная переводчица, дублировавшая его речь русским эхом. А вы тоже пишете? Да, я поэт и переводчик, перевожу стихи с украинского на русский. А кого вы переводите? Сергея Жадана, Остапа Сливинского, Галину Крук. Имена эти произвели на польского поэта живое впечатление, он затрепетал руками и стал что-то быстро обсуждать с переводчицей. Потом заговорил со мной по-украински, медленно подбирая фразы. Оказалось, что мать его была украинкой, переехавшей в Польшу и в раннем возрасте умершей от алкоголизма. Всю жизнь он тосковал по ней, а стихи стал писать, чтобы понять её, оправдать и увековечить её память. Своей главной родиной он считает Украину. Говорили мы по-украински долго, оба были растроганы и смущены. Поляк мне очень понравился. К сожалению, переводчица стала его торопить: время было позднее, им ещё надо было решать вопросы с багажом и гостиницей. Поляк сердечно попрощался и со мной, и с Игорем, и с бородатым именинником. Я вернулся в компанию, собравшуюся вокруг стола, запасы водки на нём заметно уменьшились. Разговор шёл о состоявшемся накануне поэтическом слэме, в котором победил никому не известный юноша. Именинник говорил о странных правилах зрительского голосования, по итогам которых несколько сильных поэтов, включая Игоря, вылетели ещё в первом туре. Потом переключились на предстоящие в этот же день отборочные игры чемпионата по футболу. Наши наверняка легко обыграют Азербайджан, иначе и быть не может. Ну почему, сказал Игорь, в футболе всякое бывает. Стали вспоминать разные нелогичные результаты. Редактор вспомнил давнюю победу норвежцев над бразильцами, а я — разнос «Барселоны» со счётом 4:0 в финале Кубка чемпионов. Неудачный пример, возразил именинник, «Милан» тогда был тоже очень сильной командой. Вспомнили тот финал чемпионата мира, где французы разгромили бразильцев. Вспомнили чемпионство итальянцев, когда они вначале едва вышли из группы. Потом стали обсуждать, почему в одних странах футбол популярен, а в других нет. Редактор высказал предположение, что люди увлекаются теми видами спорта, в которые

сами играют в детстве. Игорь ответил: тогда за полярным кругом интересовались бы только хоккеем, но и там все смотрят по телевизору футбольные чемпионаты. Видимо, дело в зрелищности спорта и плюс в каких-то национальных предпочтениях. Стали вспоминать незрелищные виды спорта. Игорь сообщил, что крикет — едва ли не самая незрелищная игра в мире. Матч длится несколько дней, при этом сначала одна команда набирает очки, потом другая. Состязательность пропадает, растворяется в таких долгих временных промежутках. Тем не менее, англичане с интересом смотрят такие матчи по телевизору, и это очень странно. Именинник посмотрел на часы: до игры с Азербайджаном остался час, так что надо было закругляться. Мы с Игорем вышли на проспект и тут же нашли продуктовый магазин. Внутри он оказался намного больше, чем было можно предположить по скромному входу. Купили пластиковые стаканчики, большую пластиковую упаковку с вином, которую Игорь спрятал в карман пальто. Стали вне торопливого человеческого потока, между остановкой и табачным ларьком, у решётки, прихватившей клочок чахлой зелени. В маленьких городах мне не хватает жизни, сказал я, а в больших её слишком много, чувствую себя, как под толщей стекла. Вся городская мистика из-за этого давления выпаривается. Большая часть кварталов заполнена сухими, скучными подробностями, с которыми у меня нет ни малейшего резонанса. Ну что ты, сказал Игорь, наш город невероятно мистический, и каждая его безобразная подробность глубоко человечна и даже в чём-то трагична. Вообще не бывает ничего безразличного и холодного. В присутствии Игоря всё мертвенное и правда оттаивало, вещи начинали беспокоиться и пританцовывать. Что ты сейчас пишешь? — спросил я. Почти ничего, только небольшие наброски. Есть хорошая идея для новой повести, но я никак за неё не возьмусь. На это деньги нужны, а их сейчас нет. Пока писал предыдущую повесть, на расходы, связанные со сбором материала, уходило вдвое больше, чем я зарабатываю. И времени нет, днём суета, работа — так что пишу по ночам. Тихо, и думается хорошо. А я всегда засыпаю за страницей, если начинаю писать ночью. У меня главное время утреннее, пока голова не задымлена. После сна в ней больше хорошей странности, приходят неожиданные идеи. Что такое проза и как её писать, я теперь знаю, сказал Игорь. Вот со стихами не могу разобраться. Если кажется, что понял, то начинаю писать по калёнке,

и никаких стихов не получается. Как раз та река, в которую нельзя войти дважды. А для меня сейчас стихи — это способ высказать в пять строк то, что стоило бы рассказывать на нескольких страницах. Но год назад это было не так, и через год, я уверен, будет другая формула. Мне бы хотелось альманах издавать, мечтательно гудел Игорь. Или книжную серию. Но для этого тоже деньги нужны. Я надеюсь, через год они у меня появятся, а сейчас одни огромные долги. Интересно наблюдать, как проза оказывает обратное влияние на жизнь. В будущем романе нужна глава о любви, настоящей, страстной любви. Но взять её неоткуда, у меня спокойный, рациональный брак. Не стану же я любовь из пальца высасывать, её обязательно надо пережить. И вот я ощущаю острый дефицит любви — так что, если любовь появится, я обязательно разнесу свою жизнь вдребезги. Ох, сказал Игорь и перекрестился в сторону строящейся станции метро. — Избавь, Господи, от искушений. У меня теперь много возможностей для страстной любви, а они мне совсем не нужны.

Мы с Игорем становились всё более и более нетрезвыми. Выпитая жидкость давила сильнее и сильнее. Мой друг разрешил этот вопрос быстро и эффективно, помочившись сквозь прутья забора в чахлый палисадник. Я так не мог, мне мешали прохожие. Пора было разъезжаться. Дойдя до вокзала, мы вошли в метро, наблюдая, как изменилась действительность, каким совершенным стало восприятие деталей, не замечаемых на трезвую голову: массивных дверей, выпуклых люстр и модных фаллических светильников, расставленных вдоль кассовых окошек. Жизнь, ропшущая при любых настройках, в любых масштабах. Я выполнил сложное упражнение: нашёл в кармане многоразовый билет и более чем логичным движением приложил его к турникету. Вошёл в разнонаправленные эскалаторные реки, разглядывая подробно мелкую и крупную рыбу, которую опускала и поднимала рассечённая на доли полутьма. На станции, понемногу вращаясь и отступая, Игорь поднял вверх руку, уверенно, по-хозяйски, затем вторую, затем обе ноги, полетел быстрее поезда над путями (нет), а я просто махнул, улыбаясь: скоро опять увидимся, через месяц или через несколько лет, время наше — рыхлая и недорогая материя. В вагоне я не пытался читать, а следил за усталыми лицами. Что думают о сидящем напротив пьяном и чудаковатом человеке? Наверняка ничего. Но мне самому интересны и обрюзгший индус, и женщина с огромной хозяйственной сумкой, и

надрезанный тенью крепыш с блестящим глазом. Как же хочется ссать, и каким прекрасным получился вечер. Спасибо Игорю, спасибо польскому поэту с украинскими корнями, спасибо и вам, вспыхивающие и отъезжающие в сырой мрак разноцветные станции.

Бегущий кролик держит лапками часы. Девушка в раздуваемом плаще под косым дождём переходит с одной раскрашенной плитки на другую, постепенно уменьшаясь в размерах. На чашах весов двое: птица, не только с крыльями, но и с руками — играющая ими на аккордеоне — и цикада с панковской причёской, одной парой конечностей аккомпанирующая на гитаре, а другой хлопающая в такт музыке. Бык с крыльями, женской грудью и мощными когтями. Цифра три на кувшине. Случайность слов, их позиций, что сохраняет себя лишь отчаянной сортировкой. Облупившийся мрамор в круглом окошке церкви. Высокий ларец с короной, лежащей на двух слонах. Ангелы держат наполовину дырявый герб. Шишковатые святые заняты пантеизмом и вышивкой. Матерчатое семейство: грустный бородач и дама, примеряющая плоские летние туфли. Дерзкие колонны, подпирающие каменное небо. Потолки в паучьих узлах. Восьмигранники, надрезы, паясничавшие зелёные розетки. Ниша со смешным цветочным горшком — будто подмигивающее детское лицо. Коронованный младенец, скачущий на одной ноге, играющий на бутылчатой дудке. Мальчик постарше, со звуком «ха» разрывающий пасть грифону. Школьный учитель в длинной чёрной одежде, ступающий по брызжущему фонтану. Синеволосый пират-епископ, подбрасывающий на ладони мешочек с золотыми монетами. Мерцающий воздух вокруг ног Старшего Брата. Змея, кусающая дверь в капитанскую каюту. Юла вращается, субмарина тонет. Скушает лев, которому больше не приходится держать её на спине. Каменные волны, похожие на изъеденные улитками листья. Монтаж такелажных крестов и щелкунчиков. Одинаковые браслеты на руках мореплавателя и поэта. Решётка один и решётка два, синий ободок вокруг каната, заваленный лампадами горизонт. Диагональные пряди света, путающиеся в пальцах. Ряды деревянных спинок. Застывшее пламя, поговори со мной, но другим голосом, плоским, поверхностным.

Небольшой дворик, обсаженный оливковыми деревьями, посередине — шестиугольная и совсем не мистическая клумба с поле-

выми гвоздиками, в углу — каменный колодец с окислившейся металлической крышкой. Лестницы, кубарем слетающие в августовскую жару. Внутри маленького музея — монастырская посуда: пляшущие синие кресты на доньшках тарелок, высокие неровные чашки, из которых приятно было бы пить свежеотжатый сок. Рыцарь с тазиком на голове, меланхолично читающий толстую книгу. Некто в шапочке и полосатых панталонах, стреляющий из лука в святого Себастьяна. Вторая фигура, затенённая, целится из арбалета в предыдущего лучника. Глубокая оконная ниша — и в ней две каменные скамейки, на которых так удобно отдыхать, читая захваченный с собой том «Улисса». За окном рядом с автостоянкой — три одинаковые скульптуры: девушки с едва обозначенными лицами, придерживающие одной рукой на голове высокую стопку посуды, — на верхнем её крае сидит птица, голубь или ворона.

Тихая площадь, носящая имя великого писателя. Расставленные в витрине по ранжиру аптечные пузырьки. Два ряда цветущих лип и ресторанный зонтик, под которым пьёт чёрную жидкость одиночная посетительница. Висящие сверху матерчатые полосы, едва защищающие площадь от солнца. Самая знаменитая улица в городе — тёмная, без особых примет, с закрытыми подъездами, с церковной глухой стеной посередине. После шумных площадей — ощущение идеальной безвидности, ускользающей от определений пустоты. Упирается улица в рельсы не менее знаменитого трамвайного маршрута. Я иду вдоль них, постепенно, с каждым поворотом, поднимаясь выше и выше на городской холм. По одну сторону улицы — современные здания, похожие то на мотоциклетный шлем, то на костяк доисторической рыбы. Аллеи со скульптурами: перфорированный конус, наклонная, наполовину спрятанная в грунте астробия. С натугой одолевающий крутой подъём лимонный фуникулёр: один из пассажиров стоит на задней ступеньке, готовясь соскочить на ходу. По другую сторону — средневековая застройка с путанными улочками, а за ней — широкая река с красным мостом и проплывающей баржой, заставленной доверху разноцветными параллелепипедами. На подоконнике сидят, свесив обе ноги наружу и уставившись в мобильные телефоны, двое юношей в шортах и полосатых майках. Из соседнего окна, свесив лишь по одной ноге, на них смотрят с недоумением две девушки, худая чернокожая и пышная белая.

...сразу в нескольких состояниях: перемещаться из пункта А в пункт Б, помешивать тусклый чай, сочинять рассказ, разглядывать попутчиков. Курс на запад, строго по географической параллели. Несмотря на любовь к Пастернаку, несмотря на всю неприязнь к Джойсу. («Улисс» — раздутый от самомнения солидный утопленник). Название домыслию потом, дело это последнее. Не дай Бог стать матёрой волчицей, нет, оставаться застенчивой нескладной провинциалкой, солоноватой любительницей. Не пишу, что вы, ба-любуюсь, а вот и блокнот — с толстой кисой на обложке, а вот половатая ручка и шоколадка за щекой. Растрачивать помаленьку зрение, сутулиться каждый день над буквами, а потом хлоп — и у тебя очки с немереными диоптриями, жуткий муж и минимальная пенсия на горизонте. Иногда так хочется наброситься на варёную колбасу, хотя и знаешь, что — гадость, вред. Здесь то же самое. Клетки, раскосые закорючки, потом их и не разберёшь. Сама себе не веришь, а ведь главное — врать не останавливаясь, даже если потом никакие магниты не стянут всё это враньё воедино. Собственно говоря, в одном королевстве жили прекрасная писательница и престарелый гей. Писательница строчила рассказы один другого хуже, а гей, напротив, преуспевал в своём мастерстве. Усы у него постоянно развевались по ветру и сами собой увязывались в красивые бантики. Я завязла по уши уже с третьей, такой глупой фразы. Рёбышком, на торец, уголок, куролесить и заглядываться. Скатываюсь, как бурая капля, по поверхности стеклянного шара. Без сюжета, как без рук. Изволь выдумывать шаткий каркас щёлк щёлк щёлк завязка кульминация развязка потом в финале все герои женятся, кому надо помереть — помирает, остальные, как положено, в ад. Хорошая, трудолюбивая девочка. На шоколад я как-нибудь заработаю. Сплетать, расплетать сюжетные кольца, душить ими невинного читателя, жертву моей безответной страсти к литературе. Ах, не надо, у читателей свои камни в карманах. Настроение отяжелело, хоть бросай его, вместо пресловутого лома, в унитаз.

В заоконье рваные лепестки облаков (у кого я спёрла эти лепестки?) и безжизненные индустриальные — как сказать? — халупы, скользящие по выжженной июлем земле. Поначалу контуры не сфокусированы, вымазаны туманом, но, по мере скольжения и плоского (польского? вагон польский) скрежета проясняются и останавливаются в момент наивысшей чёткости, так что вид не успевает

стать сусальным, кукольным. На станционной лавке расплавленная бомжиха потчует дружка яблоком, даёт куснуть из руки. Рядом охорашивает себя белый кот с полоской против блох, копия Васеньки. (Коты-то как раз — кладовая сюжетов. Вот почти детективный. Летом на дальний огород мы ездили редко, и поэтому каждый раз привозили несколько подсохших огурцов-желтяков, годных только в корм скоту. Вечером на летней кухне Васенька умильно цедился вокруг огородных сумок, а наутро желтяки исчезали. Дело раскрылось, когда мама заметила у него огуречную семечку на морде). А вот и новые попутчики. Мать и сын, тяжёлая черноземная сова и рыхлый молчел в померанцевых подтяжках. Ну и голова у молодца — ни мысли, ни щербинки, ни уклона. Великий вагонный ритуал: поверх районной газетки — жареная курица, костистые огурцы и слезливая колбаса. Идеальная пластика, хорошо смазанные жевательные машины. Совушка устыжающе поглядывает на меня земляными глазами. Добрые люди в поезде едят, а эта лежит нога на ногу и чиркает в тетрадке. Завралась я, не стыдит, просто всего боится. Наверно, всю жизнь на своей земле просидела и ничего больше не видела. Округлый сын становится шумным, покрикивает на неё, но покровительственно, без злости. Забыла подарки и плохо прожарила курицу. Говор у них тягучий, но при этом острый, как грабли. Совушка прибрала остатки, поглядела на меня, профуру (слово отчётливое, записанное по воздуху крупными буквами), задвинула подальше под сиденье туфли и со стонами полезла наверх, на голую полку. Постели брать не будут, хотяят сэкономить. Круглолобый торжественно решает кроссворд всё в той же засаленной газете. «Чучело земли». Сам ты чучело. Говорит громко, чтобы слышно было и мамке, и мне. (Мои мысли ходят бочком, щёлкая пустыми клешнями, их слизывает холодное море). Ноги мамки висят над проходом (хотела сказать — как экзотические плоды — но нет, удержалась и не сказала), и проводник с тремя стаканами в деснице и двумя в шуйце на очередном витке соединяет с её носками свою физиономию. Короткое замыкание, подкреплённое развёрнутым сравнением. Совушка поджимает ноги. Лежит такой неудобной буквой, что Кирилл и Мефодий посовестились бы взять её в алфавит. Чучело земли остаётся неразгаданным. Верхняя створка приоткрыта, сквозняк морщит занавеску и перемешивает с солнцем мои волосы. Внутренние слова исчезают, если появляются наружные.

Замутняются воды, пришлые кочевники бороздят освещённую факелами ночь. Круглый подбрасывает каждое разгаданное слово, оно небрежно повисает, и Круглый глядит сквозь него в дырочку с гладкими краями. Это невыносимо, надо пустить встречный огонь, пока чужая глупость не сожрала мой лес, не испекла моих птиц. Итак, я отрываюсь от блокнота, в котором одно мне удалось — рисунок с перепуганной мамкой, вцепившейся мощными когтями в еловую ветку. Съезжаю по перилам в подвал с химерами. Буду царапать когтями полированную поверхность. Россыпь искалеченных ракушек, череда потных ног. Люди-куколки, прикажешь — поклонится, прикажешь — подпрыгнет. Пока учишь одну из фигур двигаться по-человечески, другая забралась в глубокую лужу и пускает пузыри. Стоят друг против друга и произносят такую дичь, что в каждого тут же летит по мысленной босоножке.

Глобус живёт в деревне, но работает на ближней шахте. Или в шахте? Мамку везёт к сестре, чтобы ему не мешала. Хочет выстроить дом и жениться. Поступил заочно в техникум. Очень собой гордится. «А вы на дневном учитесь?» — «Закончила» — «Техникум?» — «Институт». Здесь он рот и разинул. Смотрит на меня, как на инопланетянку. Совушку стал пресекать как-то уж чрезмерно сурово. Сказать, что поступаю в аспирантуру? Дудки, не хочется объяснять, да и почёта не прибавит. Я и так в нимбе, с крылышками. А парень уже не кажется глупым.

Припадочный ветер и перекасти-поля вперемешку с бумажными лентами. Солнце как апельсин, ясное дело, синий, раз я в синих очках. Совушка, парень, дрыхнувшие соседи на боковушках — всё в мерцающем тумане никчёмности. Отсюда в оба конца видна вся моя жизнь, правильная-правильная, обсосанная до косточек. Учись доченька найди себе хорошего парня напиши диссертацию ребёнок ребёнок деньги деньги для детей деньги на старость деньги на похороны. Радуйся, если всё совпало с каноном. Останутся мумифицированные листья и бессмысленные этюды. Шерстяные закуты, щёлкающие чешуйки. Меланхоличка, просто дура.

В окно въезжает знакомая водонапорная башня, первая точка опоры, и зрение сквозь встречные лучи нащупывает остальные: смеркающиеся станционные туалеты, сияющий гребень шпал, горбатый мост с утомлённым флюгером. Наконец вагон замирает на станции, которой официально не существует: здесь запрещена по-

садка и высадка, должны только менять локомотивы. Под неусыпным взглядом совушки — как бы чужого не прихватила — принцесса цепляет рюкзак, протягивает ладошку Глобусу, идёт к выходу, в свистящую железнодорожную стень, где сразу падает, как арбуз, в объятия любимой тётки.

Возле Пассажа меня уже ждали Оля и её подруга Настя. Пустая карусель, такая же, как в фильме Хичкока, но только цветная, плавно кружилась, что-то напевая. И то, и другое — для собственного удовольствия, никаких детей рядом с ней не было видно. С одной стороны от карусели поддельный поп собирал пожертвования на несуществующие монастыри, с другой стороны волонтерка принимала взносы на инвалидов. Мы прошли в Пассаж сквозь тяжёлые барабанные двери. В центре зала стоял памятник прежнему хозяину торгового центра, убитому в ходе бизнес-разборок. Скромный пример местного авангардизма: у бронзовой фигуры имелись голова, ноги, руки, плечи, но отсутствовало туловище. С уровня на уровень были переброшены зеркальные эскалаторы, между ними висели метровые пластмассовые снежинки. Нам надо было подняться на самый верх. До концерта ещё оставалось время, и мы не спешили. На втором этаже Олю притянул магазин, торговавший нижним бельём, он обещал солидные скидки. Пока девочки рассматривали пижамы и ночные рубашки, я включил электронную книгу, чтобы не заскучать. Время от времени Оля показывала мне один из комиксов. Нет, качал я головой, это совсем не эротично. У вас прямо новый медовый месяц наступил после переезда, сказала Настя. Для того, чтобы добраться до эскалатора на следующий уровень, пришлось обойти половину этажа и перейти на другую сторону по висячему мостику. Проектировщики здания ног посетителей не пожалели. Наверху было не таклюдно, как на нижних уровнях. Мы внезапно заблудились, не могли отыскать нашу цель, кафе «Дымка», пришлось спросить дорогу у встречающих девушек. Они показали вглубь тусклого прохода между витринами. Чем дальше мы шли, тем отчётливей становились предконцертные звуки: то и дело постукивал барабан, выдавала короткую музыкальную фразу ритм-гитара, солист проверял микрофон. Кафе обнаружилось в самой дальней секции, рядом со входом на каток. Оформлено оно было с фантазией. Осветительные приборы были скрыты внутри духовых

инструментов, рядом с маленькой сценой висели часы в виде скворечника, а вход в туалет маскировался под платяной шкаф. На стенах располагались фальшивые окошки с кусками нарисованных приморских дней. Длинные столы были прикованы к потолку цепями. Стулья отсутствовали, вместо них были установлены скамейки. С одной из них нам приветственно махал Игорь, и мы подсели к нему. Оказалось, что скамейки неустойчивы: все едва не упали, когда Игорь привстал, чтобы подозвать официанта. Умудрились удержать баланс, и скамейка звонко хлопнула деревянной ногой об пол. Заказали: я — суп-солянку, Оля — яблочный штрудель, Настя — коктейль с апельсиновым соком, Игорь — зелёный чай. Оля сообщила Игорю, что с острой бородой он похож на чёрта. Концерт понемногу завязывался. Игорь ложечкой отстукивал ритм по чашке. Помещение не было идеальным по части акустики, но мы сидели далеко от сцены, и звук по дороге к нам успевал как следует перемешаться, настояться и даже очиститься. В связи с пятилетним юбилеем группы собрались все музыканты, имевшие к ней в эти годы отношение. Харизматичный панк, первый солист группы, исполнил подряд несколько старых песен. Сидя на стуле в профиль к залу, так, что софит омывал его резкий профиль, он то шептал тексты, то вдруг подвывал, то скандировал их, как пионерские речёвки. Ритм соблюдал не точно, и остальным музыкантам приходилось подстраиваться к его манере. Позади его стула стояла бас-гитаристка, сухопарая женщина лет сорока с распущенными волосами. Барабанщик с блестящей бритой головой, как нам было известно, бывший муж гитаристки, располагался на правом фланге неподалёку от барной стойки. С противоположной стороны раскачивался из стороны в сторону трубач, стройный парень с хорошей улыбкой, который писал аранжировки сразу для нескольких городских коллективов. Вторым слева, сутулясь и не отрывая глаз от струн гитары, стоял мой давний друг Юра Черниченко. За последний год он очень прибавил как исполнитель и выдавал теперь почти в каждой песне замысловатые, сложные импровизации. Третьим был гармошечник, по совместительству менеджер и организатор гастролей, крупный мужчина, казалось, составленный из нескольких шаров разного диаметра. Четвёртой — новая, царственная солистка группы, обладавшая широким, как река, джазовым голосом. Мама, мама — внутри песни прорезался детский голос из зала —

мне жарко в сапожках. Потерпи, милый — прервав пение, сказала в ответ солистка. Во время антракта, когда остальные музыканты отдыхали, Юра произнёс небольшую речь. Мы нашли друг друга, говорил он о группе, у каждого из нас в голове свои тараканы, но они друг друга хорошо дополняют. После перерыва исполнялись песни с долгими проигрышами. Трубач создавал из ничего музыкальное полотно, которому не подходило ни одно название — было это чудом, было это подлинной тайной длинного вечера. Первой прозвучала песня о легендарном саксофонисте, которого погубили опиум и связи с несовершеннолетними девушками. Второй — песня о посещении комиссией электростанции для снятия показаний датчиков и проверки документации. Третьей — виртуозная композиция, где захлёстывали друг друга джазовые и рок-н-рольные фрагменты — о завтраке президента Соединённых Штатов. Я закрывал глаза и мотал головой, наслаждаясь текущей сквозь меня музыкой. В какой-то момент Насте захотелось танцевать. Она потянула Игоря на свободную площадку перед сценой. Мой товарищ танцевать как следует не умел, но благодаря хорошему чувству ритма ничего не портил. Он совершал несуразные, но чёткие движения, к которым Настя приспосабливалась, обтекала их, выстраивая собственную танцевальную партию. Когда закончилась последняя песня, Настя ещё долго стояла перед сценой и ждала чего-то, растрёпанная, огнедышащая, в пёстром шарфе, концы которого размотались до самого пола. Работники кафе разбирали и уносили аппаратуру. Музыканты уходили по одному в помещение за сценой, откуда доносилось позвякивание посуды.

Мы плыли по эскалатору вниз, перспектива торгового зала смещалась. Внизу взмывали кольцевидные струи фонтана, и девушка в фирменном комбинезоне раздавала рекламные буклеты. Посетители Пассажа, пришедшие из расквашенных улиц, оставляли на мраморном полу грязные следы. Снаружи нас ожидал дождик, идти по скользкому насту стало намного трудней. Когда мы вышли на площадь, разговор сместился от музыки к политике. Большая группа патриотов, сбросив с постамента памятник советскому вождю, сосредоточенно разбивала его на куски кувалдами. Патриоты были радостно возбуждены и, в целом, настроены миролюбиво. Собралось множество любителей сфотографироваться на фоне исторического события. Седой дедушка с казацкими усами пытался

прицепить флаг к оставшимся от вождя бронзовым ступням. Игорю было обидно за памятник, как за единственное в городе удачное монументальное произведение. Лучше было бы переместить его в музей советской оккупации. Мало ли кому и когда захочется вытащить этот поганый символ обратно, сказала Настя. Пусть от этой части истории ничего не останется, ни одного произведения, прославляющего кровожадных упырей. Настя добавила, что собирается голосовать за националистов — они, дескать, хотят, чтобы люди любили свою страну, её язык, знали её историю. А что они станут делать с теми, кто в государство не влюблён, кто хорошо видит его недостатки, считает нужным их критиковать? — спросил Игорь. Будут принуждать к любви? Насильственный патриотизм, знаешь, может привести только к отторжению всего национального. Я вставил свои пять копеек: буду голосовать только за демократов, пусть они слабые, пусть у них ветерок в голове, но любого толка потенциальные диктаторы и людоеды мне точно не нужны.

К новой целостности; первая фраза затягивает последнюю, начинается тусклый праздник. Каждое ли слово попадает в источник? Достаточен ли для нашей цели пароходный гудок? Повторение, раковая клетка. Нужна ли рифма для гранёного, источающего пар китайца? Нужно ли разбиение тещи? Говоришь ли ты о ночной смене, оставляющей жёлтыми пальцы? Формируя, стягивая рейками недостижимую целостность, промазываешь смолой сопротивляющуюся цель. Обретаешь себя в первой сотне необретений. Линии движутся, сдавливая вещь за кулисой. Просто существуют, просто сходятся — предъявлять ли сразу, копать ли вышколенную запись, пожёвывать губами? То, что нельзя закончить — ковровое уравнение, оттапливающее свои части.

Кому ты собираешься думать? Из-за того, что медиатор существует во времени, оно сворачивается в замысловатый кружок. / Раздваивающаяся плоскость, лишённая возможности цитат. За па-зухой — жидкая ветка. / В комнате с кошачьим глазом, в комнате, где необузданно горит стопка таблеток. / Трансформация должна быть чуть-чуть никчемушной: похожей на треугольник с двумя слишком короткими сторонами. / Скрип двери — столь же тщательный, как и запертый в туалете модернист. / Первое существо — неочевидного пола. Я встретил сегодня замёрзшую лужу и топтался перед ней, словно лысый гигант. / Между нами толща плекси-

гласа, который в огне не горит, а в воде — ещё как тонет. Огонь себя уже скомпрометировал. Пора пересадить его с табуретки на сусальную лошадь. / Разбегаются волны, но нам достаточно зарегистрировать несколько брызг. / С какой форой ты убит, разве можно пролистать тебя наружу? / Вы страдаете марсовым доязычием. / Уйдём отсюда — или застрянем, как сосиска в бледной гавани? / Вывернутые наизнанку конфеты. Я только делаю вид, что делаю вид. Занимаюсь любовью с животом утопленника. / Отчаяние творить нерезко. Фоновый шум, тонкая кровь. / Устная поэма, зоопарк ждёт всех мокрых. / Мы позвоним тебе, говорит сфинкс. Мы научим тебя апатии. / Любовь, о которую можно сломать карандаш. / Условие отречения: смотреть на стену воды. / Всё равно, когда поезд приходит в облако черёмухи: к людям, сидящим под металлическими коконами. / Внешний язык — язык инкремента. Модельный ряд дождей вспыхивает манерами. / Крановщики, удержанные количества. Пас никуда во время игры в хотелки. / Синхронизация звука, голоса, ошибок. Ветви воды проникают в летнее тело. / Попробуем говорить, чтобы составить топологию дна. / Отслушаем помехи — частичные, недосозданные объекты на поверхностях контакта. / Провисания в беспомощности. Руки, шаги, шелесты опавших монет. / Мысли всё тоньше, до полного исчезновения. Тишина — будто кто-то держит в руке живую мышь. / Как же найти источник, которому всё обязано неподчинением? / Недостаточно повесить в коридоре пару ламп. / Печенег сбрасывают лепестки. Что-нибудь аморальное? Обыск, до последней буквы в блокноте, до презерватива, спрятанного — на счастье — в пенале с карандашами. / Не все конструкторы обнаружены сразу. Архитектура захлестнута тугой петлёй — на неё будто бы надели намордник. / Дом из буйволовой кожи. Бежать или пока задержаться? / Половина закладной. Или только треть? Вот и стой на одной ноге.

Дима Бритвин — настоящий мастер домашних плодовых вин. Целый шкаф у него был заставлен банками с вызревающими яблочными, вишнёвыми и айвовыми напитками. В глубине стоял неприкосновенный запас — вина прежних лет, сохраняемые на неопределённый, длительный срок, вплоть до Диминой старости. На втором году универа у Димы начали болеть перетруженные учёбой глаза. Читать он почти не мог, днём носил пластиковые очки с длинными щелями, рассеивавшими свет. С девушками, так же, как и у меня, у Димы была сплошная лажа.

Крепко выпив, мы выходили во двор, а затем шли в ближайшую балку, наблюдая, как менялись наши ощущения, как мир становился плавным и покатым. Дорога вилась посреди гаражей, как пойманная гадюка. Детали приобретали особое, веское значение: гаснущие светофоры, цветущая вишня, свет фар, прилётший на панельную стену. Обрезанный холм с котельной, прижатой низким небом к его вершине. Червоточина туннеля. Дима читал по памяти свои новые тексты, и они были прекрасны. Мы шагали по рельсам, упрямые, как зимние деревья, когда навстречу нам выпорхнул одинокый локомотив. Лишь в последний момент Дима вытянул меня из-под колёс. В изгибах балки всё ещё лежал снег, а над ним поднимались частой гребёнкой обложенные звёздами тополя. Мы штурмовали глинистый склон и долго стояли наверху, глядя на мерцающий город — победители в изгвазданных джинсах. Коньячная луна висела над балкой, как недрёманое Сауриново око. Вдали играл саксофон. Цветущие груши, раздёрганные ветром, устраивали в нашу честь бои без правил. Свистела и цокала, играя освещёнными окнами, пролетающая по балке электричка. Дима упрекал меня, что я никогда не напиваюсь до настоящего веселья, до потери контроля, вот и сейчас из нас двоих я был совершенно трезв. Денег у меня после покупки второй бутылки не оставалось, даже мелочи, — и Дима вручал мне мелкую купюру на обратный проезд в троллейбусе. Спереди, в кабине, отсутствовал защитный кожух, и был виден затайливый механизм, сквозь который то и дело проскакивала искра. Засмотревшись на него, я едва не пропускал свою остановку.

На дне рождения у Юры присутствовало несколько его товарищей из первой, долицейской школы, и между ними — тихая нежная девочка в пушистом свитере, которая в течение вечера меня с интересом рассматривала. Я напился до шумного хмеля, после дня рождения проводил её домой и взял телефон. Через день мы целовались в парке возле универа, у меня это были первые поцелуи — мокрые и непонятные. Сглатываемые слюни, шлёпающие губы, обескураживающе большие носы. Волосы у нас были одного цвета, глаза похожих оттенков — казалось, что у меня затеялся роман с сестрой-близняшкой. Мы возвращались в центр города по зелёной прибрежной полосе, приседая на широкие корни, чтобы сделать ещё одну проверку. Поцелуи по-прежнему не срабатывали. Я расте-

рянно гладил спину девушки. «Мне замурлыкать?» — спрашивала она с лёгким раздражением. От волнения и скуки мне становилось нехорошо, реальность скользила вкривь, не оставляя мне возможности за неё зацепиться. Когда я был рядом с этой девочкой, мне хотелось побыстрее с ней расстаться, а в её отсутствие тянуло снова увидеться. К моему облегчению, ей первой всё надоело, и она перестала отвечать на телефонные звонки. Наступала первая зима после нервного срыва и академического отпуска. Я был всё ещё слишком астеничен для того, чтобы полноценно учиться, и прогуливал часть занятий. Тихо, плавно гулял по парку, глядя на облака в проёмах между чёрными ветками, стараясь выбросить из головы все мысли, полностью расслабиться.

После занятий я заходил к Игорю, он обитал теперь в университетском общежитии. С ним мы пили водку, по половине гранёного стакана, не более, и меня накрывало чадное, монотонное счастье. Фразы застывали каменными блоками, не добираясь до середины комнаты. Паузы длились и длились, непринуждённо выписывая восьмёрки. В аскетичном и гулком помещении стены были расписаны Игоревыми стихами, а в углу по обоям растёкся рисунок, изображавший Бродского с огромными, как у Дракулы, ушами. Облупленную стену примыкающей к комнате душевой прикрывала карта Европы с воткнутыми здесь и там цветными булавками. Кроме нескольких стульев и расштанного стола в комнате стояла двухъярусная кровать: снизу обитал Игорь, сверху семейная молодая пара, его новые друзья и театральные соратники. На стене висел выпотрошенный телевизор, использовавшийся в качестве книжной полки. Из угла с подтёкшим поэтом вилась трещина, ветвясь у приоткрытой двери. За нею в коридоре общались престранно одетые люди. Звучала музыка из плёночного магнитофона, уклончиво размазывался свет, прокручивались схематичные тёмные фигуры. Что-то волочили по полу, что-то топтали, кого-то обнимали. Слово здесь становилось затуплённым топором. Тик-так — говорила девушка-время. Под ноги ей бросали петарду, и та взрывалась с грохотом, однако девушка оставалась цела, защищённая курсом лекций по теории вероятности. О яростные слова, записанные печатными буквами. Свет над вахтёршей был невыносимо пьян, а сама она пыталась доказать, что Иисус — один из её друзей, буян и алкоголик.

Монастырский холм: со смотровой площадки видна мутная, затянутая ряской развилка трёх рек. Полукруг плотины, удерживающий колоссальную массу воды, и висящая над ним стрекоза башенного крана. На склоне холма — многометровый белый солдат с ружьём, застывший костёр и буквы, не складывающиеся в слово. Ступня с отверстием, увенчанная короной, вдоль рёбер которой зажигаются разноцветные лампочки. Церковные кафедры, обугленные, будто после пожара. Улыбающийся лев, укрытый пышным, разветвлённым хвостом. Дерево, растущее из спины кентавра, на ветвях его — резвящиеся собаки. Крыша, сквозь которую пробиваются пучки травы. Перекрёстные брусья; извилистые световые полосы, что поднимаются по заржавевшему потолку. Повторяющаяся конструкция: голос марионетки, падающий сквозь отверстия в скале. Узкий каньон памяти, заполненный лёгким воздухом, ничем не укреплённый. Камни, перегораживающие русло. Зигзагообразные направляющие: ажурные мостики речи. Абзацы не дочитываются до конца, но и не доводятся до провисания. Нет целых, только кусочками — тогда отменяем заказ. Мяч лежит на коробке, изнутри её сквозь вертикальные отверстия выглядывают другие такие же мячи. Этажи, заросшие плющом, тщательно подрезанным вокруг окон. Облупленная баржа, вдоль которой едет велосипедист в противоливневой накидке. Человек быстрого режима, нашёптывающий под нос законы правописания — тот самый, которого все боятся, обладающий полным, совершенным несуществованием. Девушка, прикрывшая лицо книгой. Бронзовый мальчуган с приоткрытым ртом, в надвинутой на брови шапочке, поднимающий, ни более, ни менее, рог с вином. Возле цельной бычьей шеи под стеклом висят чёрножёлтые тореадорские штаны. Светящийся шар, солонка, тяжёлая челюсть. В промежутке между двумя пустыми пивными бутылками стоят закутанные с ног до головы женщины, у одной из них надеты солнцезащитные очки поверх головного платка. Грызущий семечки лысоватый мужчина в дорогом костюме, с массивным серебряным перстнем и полиэтиленовым пакетом из аптеки. Хлопковая крепость — молочно-серая, бугристая. Работницы в платках со щётками и метлами, убирающие из бездействующего русла следы присутствия туристов. Прожаренное жирное мясо на деревянном треугольнике. Мак, цветущий в полях между бесформенных руин. Составленная из красных и жёлтых кубиков башенка с часами. Решет-

чатый ливень, пронзающий окна, плавно перемешивающий высокие берега с туманом. Свешивающиеся с резиновых стенок нити водопадов. Уютный дизайн причала, с матовой игрушкой подъёмника и надписью на английском «власть воды» поверх двойного ряда притороченных автомобильных шин. Бесконечные ряды цветных контейнеров, серебристых ангаров, угольных штабелей и портовых кранов, напоминающих раскладные механические кресла. По опоясывающей холмы дороге спешат наперегонки бензовоз и рейсовый автобус. Высоко-высоко в хищную каменную лапу вцепилось бревенчатое здание, где живёт, лишь в вертолётной досягаемости, эксцентричный американец. Катер модели «чёрная молния» сопровождает наш паром к выходу из залива. В верхней части катера, над латинской цифрой VII — две антенны: одна похожа на ребристую гребёнку, другая на порванный в клочья и заштопанный теннисный шарик. Вдоль бортов устроились матросы в салатových комбинезонах, смахивающие одновременно и на инопланетян в скафандрах, и на кукурузные початки посреди огорода. Берег с асимметричной крепостью, задействованной под портовый склад, тончает, выпаривается, помаргивает ещё какое-то время прожекторами, перемешивающими облачное небо. Пассажиры стоят, глядя на далёкие огни, у ряда спасательных шлюпок на мощных шлюпбалках. Я захожу в переполненный салон. Бармен колдует с напитками за стойкой в виде моторной лодки. В дальнем углу зала, под треугольным светильником, сидят за пивными бокалами растрёпанная библиотекарьша и её подруга с рыбьим лицом. Я подсаживаюсь к ним, попросив разрешения. На стенах развешаны медные тарелки, веера, портреты знаменитых актёров. Пассажиров развлекают испанскими песнями бородатый гитарист в шляпе с пёрышком и полная девушка; её руки покрыты татуировками осьминогов. Мои соседки разговаривают о чём-то литературном, то и дело посверливают слух именами Ганса Касторпа и князя Мышкина. Сквозь тень и свет скользят деловитые официантки, собирая со столов пустые тарелки. Когда жестикулирующая во время беседы библиотекарьша случайно касается моей руки, я испытываю знакомый электрический толчок — изнутри, а не из точки прикосновения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КОЛЯ

9

После Олиного телефонного звонка я упал на пол, катался по нему и бил руками, долго, кричал «Нет! Нет! Коля!». Вовушка сидел в детской кроватке и спокойно смотрел на меня, не понимая, что это за новая игра. Потом во мне закончились дыхание и движение. Я лежал на полу, скорчившись, выдыхая с трудом один и тот же звук, отчаянный, силпый грудной рёв. *Начинаешь ещё одну, самую трудную главу книги. Смолкнувшее время, с тех пор ни разу не обновлявшееся. Крохотные щели в монолите смерти, полнота беспомощной нежности.*

Моя мама осталась с Вовкой, а я проехал в больницу и присоединился к жене. Ужасно, что Коля провёл свой последний день в реанимации один. Он непрерывно звал маму, когда был в сознании, но врачи этого учреждения запрещали родителям находиться с детьми — дескать, они бы только мешали профессионалам. Мне кажется это несусветным зверством. Нам дали час, чтобы обсудить и решить: хотим ли мы делать вскрытие? Для того, чтобы нам выдали тело, шантажисты-администраторы потребовали от нас заявление, что мы не имеем к больнице претензий. Претензии у нас, конечно, были: врачи в реанимации потеряли несколько часов, прежде чем осознали серьёзность положения и начали гормональную терапию — даже несмотря на то, что Оля выдала им историю Колиной болезни. Может, если бы мы жили все вместе в городе X, у Коли были бы шансы с более квалифицированными специалистами. Почему, почему я не перевёз семью в X?

Мы не хотели делать вскрытие. Казалось невозможным, кощунственным, чтобы внутри у Коли орудовали патологоанатомы. Он должен был остаться целым и неповреждённым. Врачи говорили нам какие-то косоугольные, совсем не успокаивающие слова. Мы слышали их как сквозь вату, иногда впадал или невпадал кивали. Что нам было делать — ненавидеть их? Ни на какие эмоции не бы-

ло сил. Да и дело было не во врачебных промахах, а в самом ходе заболевания. Оказалось, что при поступлении в реанимацию у Коли почти не работало сердце, фракция выброса была существенно ниже и без того маленькой личной нормы. Пульс прощупывался как тоненькая ниточка. Такого сильного ослабления сердечной активности мы никак не ожидали. Вот где самая главная ошибка, говорил я Оле. Если ребёнок — инвалид по сердцу, и у него начинается непонятное ухудшение, если он чувствует слабость, если усиливается подозрительная симптоматика — надо сразу вести к кардиологу, пусть даже тот и говорил раньше, что состояние вполне стабильно, и что следующий контрольный визит нужен лишь через год. Господи, идёшь как по минному полю, одна ошибка, и теряешь всё, что с таким трудом давалось, главное, теряешь самого сына. Как будто глаза у нас были отведены, всё видели — и ничего не понимали. Мы могли спасти его, если бы вовремя вернули дигоксин. Я рыдал, чувствовал себя идиотом и преступником, вина моя перед Коленькой была безмерной. Оля же считала, что у Коли просто закончился ресурс, и если бы его удалось спасти в этот раз, он всё равно умер бы в течение следующих недель.

Приехали наши друзья, любимые Колины товарищи — недавняя семейная пара Юра и Настя. Они взяли на себя организацию похоронных дел, кропотливо разбираясь со всеми деталями. Я был им так благодарен за тактичную поддержку: хоть я и держался, но у меня всё падало из рук, с трудом ориентировался в происходящем. С Юриной помощью мы с Олей сходили в ритуальное бюро, выбрали для Коленьки гроб, самый простой, без аляповатых украшений. Окачивается, маленький детский гроб — это очень страшно. Купили там же похоронный набор — полотенца, свечи. Деревянный крест на могилу. (Через год мы заменим его на гранитное надгробие с мраморной книгой — ведь Коленька так любил книги). Заказали транспорт, договорились с моргом о времени выдачи тела. Условились с отцом Александром об отпевании в церкви — так, чтобы не везти из морга гроб домой и не пугать младшего сына. Настя всё это время была с Вовкой и моей мамой. Та сидела тихо, неподвижно, покачиваясь из стороны в сторону, у неё постоянно было высокое давление. Вовка был таким же, как и всегда. Отсутствия старшего брата он, видимо, не замечал, играл с Настей в железную дорогу — хотя и чувствовал гнетущую атмосферу, так что плакал чаще обычного.

Белая, чёрная, серая зима. Оля приняла таблетку гиазепамы, но на неё он подействовал не успокаивающе, а оглушающе. Коленька в гробу был совсем крохотным и не похожим на самого себя — наверное, потому что в морге его на пару дней замораживали. Был одет в лучшую свою одежду, нарядный синий костюм, в котором он когда-то фотографировался на загранпаспорт. Зрачки закатились, в раскрытых глазах было видно только белок и нижний краешек радужки. На лице застыло умоляющее, выжидательное выражение. «Он ждал меня, ждал меня, — повторяла Оля. — А меня не пускали». Повторяла: «Это не он, Коленька жив». Господи, как же вернуть всё то, что было в жизни самым главным? Неужели нет никакой надежды, никакого средства? Долгое отпевание в церкви. Отец Александр, хорошо Колю знавший, удручён, как и все мы, едва сдерживает слёзы. Оля молится со внутренним накалом, изо всех сил. Ей кажется, что сын вот-вот проснётся, сядет в гробу, потянется к ней. При дрожащем свечном свете лицо у него совсем живое, нежное, дышащее. Облик ангельский — это характерно для детей с синдромом Барта.

На кладбище стоит лютый холод, заснеженная грязная плоскость открыта всем ветрам. Погода — серая и прозрачная, как стакан. Порой проскакивает от земли к небу одинокая снежинка. Работники погребальной службы заранее выдолбили ломами в мёрзлой земле большое отверстие с неровными краями. Тяжёлые комья лежат возле ямы наготове. Гроб стоит на скамейке, привезённой из храма. Коленька, бесценный ребёнок, главный, единственный. Понимаю, что вижу его в последний раз, и не могу отвести глаз от лица; дорога каждая черта, каждая складка кожи. Когда последование дочитано и все мы, кроме неподвижной Оли, целуем по очереди Колю в лоб, я снова начинаю выть, горько, неостановимо. Вой как будто существует помимо меня, я слышу его с недоумением, продолжая смотреть с жадностью на Колино лицо — хотя делать это всё трудней, слёзы примерзают к ресницам и щекам. Отец Александр уводит меня и Олю в катафалк. Она в глубокой апатии, ничего уже не воспринимает, не хочет жить дальше. Гроб спускают и забрасывают мёрзлыми комьями без нашего присутствия. Ставят крест — лаконичный, ничем не украшенный, с табличкой, где краской вкривь написаны имя, фамилия, слишком близкие друг к другу даты рождения и смерти. Рядом с Колиной могилой расположены могилы других детей, умерших в эти дни. Одна из них безымянная, ребёнок

только успел родиться. Дальше — полоса нетронутой земли, а за ней, на возвышении, часть кладбища, где хоронят погибших на войне. В другую сторону снежная плоскость идёт далеко-далеко, постепенно спускаясь в долину, а затем упирается в холм с бездействующей заводской трубой.

Следующая неделя была самой тяжёлой, потому что не осталось больше рутинных занятий, связанных с похоронами. Квартира была гулкой и пустой, Вова в одиночку не мог заполнить пространства, оставшегося после Колиного ухода. Оля целыми днями не вставала с постели, прекратила есть, не обращала ни на кого внимания. Ей хотелось покончить с собой, чтобы быть рядом с любимым сыном. Я уговаривал её лечь в больницу и принять курс антидепрессантов — надо было жить дальше ради младшего. В конце концов она согласилась, и в нашу квартиру переселилась её мать, приехавшая из Италии, чтобы присматривать за Вовой. Сам я мог продолжать что-либо делать, только сжав кулаки, через меру ожесточившись. Вышел на работу, хотя мне предлагали взять отпуск. Существовать лишь дома, где всё напоминало о Коле, было бы невыносимо. Коллеги не знали, как вести себя со мной, и я попросил, чтобы всё было, как обычно, чтобы мы не упоминали о случившейся трагедии. Жизнь не налаживалась, уже не могла наладиться без Коли, внутри была огромная дыра размером с душу. Во время работы неожиданно начинали катиться слёзы. Я выходил в туалет и промывал глаза, ожидая, пока они не утихнут.

8

В последние Колины месяцы регулярные приступы боли участились и стали продолжительней. Происходили они уже раз в три, а то и две недели. Коля лежал в постели бледный, почти совершенно выцветший, тяжело дышал и громко скрипел зубами. Мне было страшно на это смотреть. Я малодушно занимался в других комнатах собственными лишёнными значения делами, играл с вечно весёлым и требующим внимания Вовой, терял драгоценные часы для общения со старшим сыном. Не верил, не хотел верить, что могут начаться ещё более серьёзные проблемы. Коля сильный мальчик, думал я, он уже столько раз выбирался из кризисов, с которыми никто другой справиться не смог бы. И в этот раз всё должно быть в

порядке. Оля не находила себе места, видя, что ребёнок угасает, что его состояние с каждым месяцем ухудшается, а она не может найти этому причину. Прислушивалась к сердцу Коли — ей казалось, что оно бьётся ровно, исследования полугодичной давности тоже не внушали опасений. Но в этот раз всё было не так, как во время предыдущих обострений. Понятно было только, что ухудшается иммунитет, что Коле всё трудней справляться с бактериями, атакующими организм на фоне ослабленных нейтрофилов.

Коленька стал пассивным и грустным, ощущал приближение смерти, но не мог понять, что с ним происходит. На прогулках по зимнему парку больше не выходил из коляски погулять по снегу, как Оля его ни уговаривала. Вовка носился рядом с азартом, прятался за коляску, подбрасывал пластмассовой лопаткой грязную снежную массу. Приносил старшему брату сосульку — как раз по размеру его большой клетчатой рукавицы. В своей зелёной шапке набекрень и безразмерной тёплой куртке Коля казался бы таким же трогательным и смешным, как обычно, если бы не новый, серьёзный и самоуглублённый взгляд, постоянное прислушивание к тому грозному и неясному, что происходило у него внутри. Когда Оля фотографировала братьев, она просила Коленьку улыбнуться, и он послушно растягивал губы — не потому, что ему так хотелось, а только ради мамы.

Если снегу выпадало вдоволь и мороз не был сильным, Оля усаживала братьев на санки, катала по соседним дворикам с частными домами, где попадались мастерски сделанные снеговики: джентльмены в цилиндрах с приоткрытыми от удивления ртами под руку с округлыми маленькими супругами — у тех вместо шарфиков болтались на шеях цветные полиэтиленовые пакеты. Коля сидел на санках сзади, жмурясь от весёлого солнца, простреливавшего сквозь толстые заснеженные ветви. Вовка мостился спереди, то и дело порываясь прыгнуть с санок, хрустнуть сапожками по свежему насту и шлёпнуться в него во весь рост, звёздочкой — так, чтобы разгорячённое лицо омывал тающий ленивый холод.

Аппетит у Коленьки заметно ухудшился, часто он совсем отказывался от еды. Оля готовила ему любимые блюда, «пасту песто» и нежнейшее кроличье мясо, круглый рис с тунцовыми консервами (итальянские продукты присылала для любимых внуков её мать). Покупала швейцарский шоколад, хрустящее песочное печенье и

сушки, которые Коля называл «суши». Но и к самой вкусной пище он едва прикасался. Сидел за столом подолгу, равнодушно глядя в тарелку. Мои уговоры помогали плохо. «Ты же помнишь — говорил я, — в прошлый раз, когда ты не хотел есть, приехали врачи, забрали тебя в больницу и поставили капельницу. Ты же не хочешь в больницу?» Коля съедал пару ложек с таким видом, будто ел пластмассу, и останавливался. Мне хотелось подхватить его на руки и покружиться по кухне, но он меня отстранял. Коленьке были теперь трудны любые резкие движения. Из-за плохого аппетита мальчик похудел, ноги и руки стали тоненькими, как спички. Вова уже весил больше, чем старший брат, хотя и уступал ему в росте. Сил и энергии у Вовы всё прибавлялось, но при этом Коленькин авторитет оставался для него нерушимым. Правда, теперь Вова оказывал брату пассивное сопротивление: например, крепко зажимал игрушку и не отдавал её Коле, если тому хотелось её отнять. Младший начал выигрывать в конкуренции за внимание всех взрослых, кроме Оли, которая принципиально вела себя с братьями ровно, не отдавая ни одному из них предпочтения. При первой же возможности Вова брал меня или кого-нибудь из гостей за палец и уводил от Коли, предлагая поиграть в подвижные игры с догонялками или швырянием диванных подушек; отказать азартному молодому человеку не было никакой возможности.

Коленька всё больше времени проводил один, в занятиях с любимыми гаджетами. (С какой нежностью он произносил само слово «гаджет»!) В его распоряжении был прежний Олин кнопочный телефон с тех пор, как она купила современный аппарат для удобной связи со своей мамой. У Коли до сих пор не получалось как следует читать. Он помнил все буквы, но ему не удавалось соединять их в слова. Однако это не помешало ему овладеть наугад всей функциональностью старого телефона. Коля разыскал все компьютерные игры, скрывавшиеся за простоватой внешностью устройства. Я ставал его то управляющим гоночной машинкой, — экран телефона был залит диковинным красно-зелёным свечением, — то набрасывающим в редакторе крохотные нотки, а затем дегустирующим получившуюся музыкальную фразу. Оля наговаривала ему на телефон фрагменты рассказов и сказок, и Коля с удовольствием слушал их в её отсутствие, когда она отправлялась в магазин или на уроки английского. Раньше он имел доступ и ко всем остальным устройствам.

Тогда Олины знакомые стали получать сообщения, состоящие из лишённых смысла наборов цифр и букв. Иногда Коленька осчастливливал звонком сантехника, сапожника или торговца молокопродуктами. Всё это было мило, но ужасно неловко, Оле приходилось перед каждым извиняться. Теперь мы прятали свои телефоны, а я и фотоаппарат после того, как Коля удалил все снимки, сделанные мной в последней из командировок. («Папа, я не хочу удалять твои фотографии», — говорил он серьёзно-серьёзно, путая времена. — «Но ведь ты уже это сделал»). Коленьку это ограничение очень огорчало, и он пользовался любым удобным случаем для того, чтобы умыкнуть «взрослый» гаджет, если кто-то из нас по ротодействию оставлял его без присмотра. В одну из последних январских недель я обнаружил, что все мелодии звонков и сообщений на моём телефоне заменены на Колин голос: он напевал довольно сложную, синкопированную музыкальную фразу. После я тысячи раз жадно слушал эту мелодию, не мог наслушаться дорогим голосом.

Тем не менее, Коленьке по-прежнему позволялось играть с Олиным ноутбуком. Он давно уже стал опытным пользователем интернета, легко находя нужную музыку и мультфильмы. У ребёнка была прекрасная память: он запоминал последовательность клавиш, которые нажимала Оля при том или ином запросе. Стоило прочесть ему хотя бы раз страницу из сказки, как он уже мог рассказать её сам, слово в слово. Свои любимые мультфильмы он знал наизусть и мог часами озвучивать их разными голосами — обычно без слушателей, для самого себя. Кроме того, он стал, уединившись, наборматывать небольшие тексты. Часто перепридумывал те молитвы, что слышал в храме на церковнославянском языке. «Отче наш, иже с птицами, в царстве своём государстве...» Я относился к его играм с трепетом, считая, что Коля может стать поэтом или писателем — уж точно лучше, чем его папа.

В те последние выходные, когда я видел Коленьку живым, он старался держаться рядом со мной, как будто хотел сказать что-то важное, но не находил слов. «Папа, зачем ты уезжаешь?» — спросил меня, когда начались мои обычные воскресные сборы в город Х. «Мне надо ехать на работу, милый». Коля выслушал ответ внимательно, утвердительно покачал головой, но был, похоже, не удовлетворён и хотел спросить ещё что-то. Попросил снова показать ему фотографии, сделанные мной в Испании. «Мне уже некогда, но мы

обязательно посмотрим их вместе на следующей неделе». Я быстро доел ужин, думая о том, что мог позабыть уложить в рюкзак, почистил зубы, поцеловал детей и пошёл к выходу. До поезда оставалось совсем немного времени. Боже мой, зачем я уехал, и зачем вообще не уволился в тот год, чтобы проводить с Коленькой каждую свободную, каждую оставшуюся минуту?

7

На Новый год я взял несколько отпускных дней, так что смог провести вместе с Олей и детьми почти полторы недели. Стыдно вспоминать об этом, но значительная часть этого промежутка ушла на выстроенную мной систему ритуалов и занятий, прежде всего, литературных — по мнению жены, сильно отчуждавших меня от семьи: «ты живёшь своей жизнью, а мы своей, и детям ты всё меньше нужен». Моё утро уходило на продолжительные литературные сессии. Даже Коленьке в эти часы нельзя было входить в папину комнату. Он стучал в дверь, звал меня, но я был непреклонен: мне важно было сосредоточенно и вдумчиво проработать очередной клочок текста; время для этого у меня было только в отпускные и выходные дни. Порой старшему удавалось прорваться сквозь кордоны и сказать папе несколько слов, а тот старался использовать их, как зерно, как песчинку, вокруг которой неподатливый стих мог, наконец, сам собою отстроиться. И всё-таки я просил Олю поскорей увести детей на прогулку, чтобы в квартире стояла полная тишина, нарушаемая только бульканьем в трубах, изредка — далёкими голосами соседей.

Если литературные труды оканчивались до возвращения ребят с прогулки, я выкатывал во двор вторую коляску, так что мы с Олей могли покатать обоих детей по прикрытым лужами новогодним дорогам. Кирпичные дома были влажные, разбухшие. Кое-где встречались грязные сугробы, оставшиеся после ноябрьских снегопадов. Серую городскую картинку размазывал туман. Мы везли детей по узким улицам, где стояли вперемешку старинные особняки, мощные институтские корпуса, нескладные многоэтажки. У трамвайного разворота выходили на Соборную площадь — там приходилось аккуратно перенести коляски, одну за другой, вниз по ступенькам. Вовушка то и дело засыпал при равномерной езде, его

приходилось тормошить, чтобы он не выспался днём и хорошо спал ночью. Коленька бодрствовал и тихо играл, выдувая сложенными в трубочку губами длинные струйки пара. Мы шли через вздыхающую рощу к церкви, где затягивали коляски одну за другой по крутому пандусу на высокое крыльцо. Я становился в очередь к свечному ящику, Оля устраивала коляски у глубоко прорезанного окна и начинала писать поминальные записки. Как и всегда, храм производил на Коленьку большое впечатление. Он сидел в коляске, внимательно прислушиваясь к церковному хору — но уже не вставал, как раньше, чтобы пройтись вразвалочку по галерее с тёмными иконами и приглушённо горящими лампадами. Мы с Олей ставили пахучие восковые свечи перед иконами Богородицы, святого Николая и целителя Пантелеймона, кратко молились. Нередко к нам подходил маленький разговорчивый настоятель — пожурить за то, что мы не закрыли дверь и выпускаем из натопленной церкви тепло, рассказать историю из жизни собственных детей, угостить Колю и Вову горстью ирисок.

От церкви мы спускались в парк, где было холодней, и где снег таял не так быстро, как на улицах. Двигались мимо голубоватых ёлок в дальнюю часть парка, откуда открывался вид на железнодорожный мост с громыхавшим на стыках грузовым поездом. Огибали Дворец студентов и выходили к обзорной площадке. Там свистел резкий ветер, из-за него начинали слезиться глаза. Возобновлялась мелкая снежная крупка, и мы с Олей натягивали капюшоны на детей. Переходили по мостику на остров. Миновав отдыхающие аттракционы, выходили к занесённым снегом пляжам — те сверкали, переливались под выглянувшим из-за низкой облачности солнцем. Оля проверяла Колины руки; они были, как ледышки. Чтобы согреть Коленьку, мы заходили внутрь университетского Аквариума, где было всегда тепло натоплено. Пили горячий чай в буфете, закусывая эклерами с заварным кремом. Вдоль ряда пучеглазых рыбьих чучел и странных морских рельефов мы поднимались, переставляя колёса колясок со ступеньки на ступеньку, на второй этаж, к стеклянному кубу, где отрешённо лежал в искусственном озере двухметровый аллигатор. Далее начинался тёмный зал, подсвеченный лишь мерцанием аквариумов — там прыскали из одного угла в другой стаи тропических рыбок. Вовушка, их обожавший, бегал кругами по залу, восклицая «Ыба! Ыба!». Когда коляски проезжали внут-

ри заполненной водой центральной конструкции, Коленька внимательно изучал речных гигантов, помававших над ним хвостами, а также воздушные пузыри, поднимавшиеся от пола и терявшиеся наверху, у затемнённой водной поверхности. Колины руки опять становились тёплыми, и мы возвращались в верхнюю часть парка. Завершив последний круг по аллеям, шли домой по темнеющему проспекту, где с одной стороны громоздились здания вузов, а с другой общежития и продуктовые супермаркеты. Оля заходила в один из них, а я продолжал, чтобы сэкономить время, толкать обе коляски поочерёдно по скользкому льду, огибая глубокие лужи. На перекрёстке, где трамваи ныряли с проспекта в полуосвещённый частный сектор, Оля нагоняла нас, и остаток пути мы снова шли вместе — мимо магазина электроприборов, где захлёбывались загадочными оттенками десятки настольных ламп, мимо тёмного почтового отделения, и, наконец, мимо ряда ларьков с висящими колбасами, с танцующими кефирными бутылками — к подъезду, возле которого ветер смирался, и снежинки падали мягко, конфетно — на лица наших мальчишек.

Я вытащил из кладовки раскладную пластиковую ёлку, она была лучше, чем любая настоящая. Оля украсила её старинными игрушками, купленными давным-давно её бабусей, добавила несколько новых небьющихся шаров и оживила композицию серпантинами и «дождиками». У подоконника были установлены Дед Мороз и Снегурочка в синих бархатных полубухах. Коля с суровым видом охранял ёлку от младшего брата, который норовил прокрасться и, дёрнув из всех сил за одну из игрушек, с хохотом обрушить всю конструкцию. По вечерам я включал электрическую гирлянду. Она разбрасывала мигающие цветные пятна по потолкам и стенам притемнённой комнаты, а также по наклонным крышам кирпичных построек за окнами. Телевизор смотрел сначала неодобрительным красным, а затем благожелательным зелёным глазом на расставленные перед ним фарфоровые фигурки совы, носорога и тигра. Я соединял его двухметровым шнуром с ноутбуком и выводил на экран какой-нибудь из фильмов, упущенных нами за последние годы. Оля выдавала всем участникам просмотра канapé с печёночным паштетом. Коленька устраивался поудобней на мягком кресле в форме уснувшего медвежонка, следил за сюжетом и задавал множество вопросов. Интересовало его буквально всё, напри-

мер — почему у тётки ТАКАЯ красная сумка? Почему поезд едет ТАК медленно? Зачем мальчику велосипед и что лежит у него в рюкзаке? С тех пор, как Коленьку напугало жуткое киношное привидение, сожравшее нескольких персонажей, мистику я старался ему не показывать. Зато старшего всё больше увлекали фильмы о семейной жизни, в том числе взаимоотношениях, пускай трудных, между детьми и родителями. Вовка недолгое время подражал брату, с разинутым ртом уставившись на экран со своего кресла-барашка, но затем, заскучав, набрасывался на оставленные старшим без присмотра игрушки. Расшалившись, он мог остановить просмотр, зажав пробельную клавишу ноутбука — при этом изображение начинало притормаживать, дрожать, издавать шмелиное гудение. Колины вопросы также прерывали следование сюжета и добавляли ему блаженной непредсказуемости — сама комната распадалась на череду новогодних вспышек, ложных движений, произвольно выкроенных зон, из которых доносились голоса не связанных больше фабульными обязательствами героев фильма. Перед тем, как отправить детей спать, я выключал телевизор, и несколько минут мы смотрели вчетвером на распластавшийся за окном город. Массивная луна освещала малоэтажное плетение с помаргивавшей посередине телевышкой и пухлыми столбами пара над трубами котельных. Шустрого Вовку я брал на руки, и шалопай утихал понемногу, изучая одиночные вспышки — пока не военных, а праздничных — ракет, которые запускали в центральной части города. Они отлично были видны над прерывистой линией крыш, разорванной серебрящимися, чуть скруглёнными небоскрёбами.

6

В новогодний вечер нас должен был посетить сам Дед Мороз. Папа пошёл встречать его, чтобы дедушка не ошибся дверью, а сам тайком вернулся на кухню, переоделся в безразмерную Олину шубу из норки, нацепил канекалоновую бороду на резинке и надел красную шапку. Шаркающей, кряхтящей походкой вошёл в большую комнату, где собралась около горящей ёлки семья, говорил изменённым, нарочито сиплым голосом. Вова глядел на Деда Мороза растерянно и хныкал, Коля — во все глаза, с ужасом и восторгом. Дрожащим голосом он поприветствовал Дедушку выученным зара-

нее и много раз отрепетированным с Олей новогодним стихотворением — «новый, новый, молодой, с золотою бородой». Дед Мороз потянулся к Коленьке, чтобы взять его на руки, но тот с испугом увернулся — ещё бы, а если Дед его заморозит! Смешался и ничего не смог ответить на вопрос, хорошо ли он вёл себя в прошлом году. Вместе с подарками, очередным электрическим конструктором и котофоном — музыкальным центром в виде большого улыбающегося кота — Коленька получил стандартное напутствие: не обижать младшего брата и слушаться маму. Все остальные члены семьи, включая и бабушку, тоже получили подарки из серебристого мешка Мороза. Даже для отсутствующего папы приготовлен был ремень французского производства, с маленьким трёхцветным флагом у пряжки. Благосклонно обняв детей на прощание (Коленька уже расслабился и не боялся) и сфотографировавшись с ними, Дед не спеша исчез в тёмном коридоре. Через некоторое время оттуда появился будничный папа, о котором все, ввиду невероятного происшествия, позабыли. Он пропустил визит по уважительной причине: должен был придержать северных оленей, чтобы те не унесли Дедовы сани. Коленька был перевозбуждён и мог говорить только о Морозе и его подарках. Бабушка показала ему, как сыграть на котофоне одним пальцем простую мелодию. Оля собрала простую электрическую схему («схему» — так произносил старший). Закрутился, зажужжал пристроенный к ней бойкий пропеллер; через пару минут Оля заменила его на звуковой датчик, что завывал, как полицейская сирена. Папа подсел к Вовке, который, лёжа на ковре, внимательнейшим образом рассматривал доставшийся ему новенький трамвай, раскрывал и закрывал двери, за которыми угадывались сидящие пассажиры. Оля созвала всех на кухню, где готов был праздничный ужин: запечённая в духовке утка, свекольный салат с селёдкой, сыр, буженина, бутерброды с маслом и икрой, обязательные зимой грузинские мандарины и гранатовые зёрна. За Вовкой надо было в оба глаза присматривать, чтобы он ими не бросался. Мальчишек было невозможно оторвать от игрушек, поэтому котофон и трамвай лежали на столе вместе с тарелками. Из-за позднего часа дети уже клевали носами и отправились в постель после ужина, не дожидаясь полуночной россыпи фейерверков.

Через пару дней к нам в гости пожаловали супруги Черниченко — кстати, Юра приходился Вовушке крёстным отцом. Настя рас-

полнела ещё больше и нисколько по этому поводу не огорчалась. Как всегда, у Юры был с собой фотоаппарат, и он сделал несколько снимков с нами и детьми под наряженной ёлкой. Коленька был в обыкновенном для него апатичном состоянии, но приход старших друзей его заметно оживил. Мы помнили, что наши друзья сладко-ежки, и купили для них лучших пирожных в нашем любимом кафе — «Женечку», «Рыжик» и «Чернослив». Вовушка устроился у Насти на коленях, а Коля занял почётное место рядом с любимым дядей Юрой. Треская пирожные и запивая их зелёным чаем, Черниченко с увлечением рассказывал о новом своём занятии, можно сказать, о работе мечты. Он устроился оператором в компанию, снимающую рекламные ролики, и теперь постоянно возился с камерами, установленными на нескольких дронах. Осенью снимал корпоративную парусную регату, а теперь, зимой, пробег бензовоза по заснеженным дорогам. Кроме прочего, ему доверили постановочную рекламу одного из региональных банков, однако первая же сцена у расчётных касс не заладилась — трудно было режиссёру без опыта научить играть естественно людей, к этому не привыкших, да и не способных. Зато на заработанные деньги он купил, наконец, собственную кинокамеру — настоящую, позволявшую получить идеальное изображение — и уже подумывал о тысяче добавочных фильтров и приспособлений. Для начала с помощью новой техники снял и смонтировал небольшой документальный фильм о художниках, работающих в мастерской «Эпсилон пространства» — нового культурного центра, где он, помимо прочего, вызвался вести киноклуб. Мы с Олей уже заходили к нему на первые сеансы. «Эпсилон» располагался в тёмном переулке позади телецентра, занимая пару смежных комнат на верхнем этаже бывшего Художественного Комбината. Помещение это арендовали на скудные пожертвования две девушки-энтузиастки, вокруг которых постепенно собралась команда добровольных помощников и просто творческих людей. «Эпсилон» требовал ремонта, совсем нигде были ущербные полы, полосатой расцветкой напоминавшие Чёрный вивгам из знаменитого сериала. В зимние дни комната, где проходили показы, была слишком холодной — приходилось включать обогреватели, которые обдували тёплым воздухом макушки зрителей. Я из-за этого ветродуя почти каждый раз простужался, и поэтому пытался забиться в угол. К сеансам

Юра готовился тщательно, разыскивая в интернете десятки, сотни фотографий и видеоматериалов, сопровождавших его всё более длинные лекции о творчестве того или иного киномастера.

Говорили о возможном начале большой войны в течение следующих месяцев. Коля тут же спросил: «А что такое война?» — и расстроился, когда ему объяснили. Настя сказала, что она на втором месяце беременности, и это совсем не ко времени, она очень переживает, а волноваться ей теперь нельзя. Оптимист Юра надеялся, что и в этот раз вторжения не будет: хотя русские подвели к нашим границам ударные группировки войск, но не развернули вспомогательную инфраструктуру, госпитали, банки крови. Значит, это просто шантаж: они, как обычно, хотят продать формулу Штайнмайера, вживить нашей стране оккупированные ими территории, не освобождая их, и постепенно развалить изнутри наше государство. Коля попросил передать ему пастилу, но увлечшийся Юра его не услышал. «На меня никто не обращает внимания», — грустно сказал Коля. Все обратили на него внимание, и Коля получил не только пастилу, но и бутерброд с бужениной. В присутствии гостей он вёл себя с достоинством, как настоящий маленький джентльмен.

После чая мы открыли бутылку къянти, разлили вино по цветным бокалам, напоминавшим по форме лабораторные мензурки. Раскрасневшаяся Оля вспоминала о северной Италии, где она успела побывать до первой беременности. Скучала об узких средневековых улицах, о лигурийских пляжах и туринских площадях. Ей хотелось съездить туда ещё раз, с детьми, но пока она остерегалась путешествовать за границу, ведь у Коли мог в любую минуту случиться приступ. Я же, хорошо это или дурно, разрешал сам себе короткие турпоездки в разные страны — это помогало справляться с разъедающей меня депрессией. Включил ноутбук и показал друзьям последние фотографии, сделанные ранней осенью — ту самую испанскую серию, которая так полюбилась Коле. Как и обычно, он спрашивал меня о каждом снимке, и я в который раз подробно объяснял, на этот раз товарищам: это маленький семейный музей в деревушке неподалёку от горного массива Сьерра-Невада, сами горы хорошо видно на фото. Вот входной билетик, простенький, винно-цветастый. А это что, папа? — спрашивал Коля. Это машина, красная-красная, поднимается из посёлка по дороге в горы. А это что? — снимки из музея, на них провинциальный быт 50-х: радио-

приёмники с горящими внутри красными лампочками, расцвеченные изображения красавиц с букетиками полевых цветов, пузатые зелёные бутылки, латунные подсвечники, медные сковородки с длинными ручками, старые мопеды, огнетушители, деревянные лопаты и грабли, кувшины с прорезанными в обожжённой глине узорами из виноградных листьев, расписанные георгинами и подсолнухами тарелки — они вызывали у Коли наибольший интерес. При музее работала сувенирная лавка, где я был запечатлён держащим в руках две большие фарфоровые латинские буквы — начальные в моих имени-фамилии — на фоне плакатов с матадорами и танцовщиками. Продавали в лавке не только сувениры, но и продукты местного производства — так что я угостил гостей марципанами, которыми славилась та провинция.

Коленька, немало увлекавшийся ящерами, поведал о снежном динозавре, наполовину закопанном в песочнице. Оля рассказала о долгожданном визите Деда Мороза. Год назад старший в новогоднюю ночь сел под ёлку, обложился подушками и решил ждать Деда Мороза всю ночь, но так и не дождался: тот в комнату не зашёл, а оставил подарки под дверь. Дедушке не нравится и когда его подкарауливают, и когда дети ложатся поздно. А в этом году, когда Коля приучился ложиться вовремя, Дед Мороз решил прийти к нему лично, а не украдкой. Коленька так и загорался, когда речь шла о Морозе и его дарах. Он потянул Юру в комнату, чтобы продемонстрировать ему котофон, и они долго музицировали вместе, стараясь исполнить мелодии, которые оба на лету придумывали и напевали друг другу.

5

Коленька научился находить мой номер в Олином смартфоне и звонить ко мне на работу. Я выходил в офисный коридор и выслушивал его подробный отчёт о событиях дня: о прогулке с няней, о мультфильмах, об очередном конфликте с Вовушкой — тому досталось на орехи, когда он попытался разломать собранную старшим железную дорогу. Коля не приукрашивал своего поведения и не оправдывался — ему просто хотелось поделиться всем, что его волновало. Я хмурился и говорил сурово: «Папа недоволен. Я хочу, чтобы вы с Вовой дружили. Он вырастет большой-большой

и будет тебя защищать». Коленька был слишком умён, чтобы прислушиваться к любым папиным советам. Вездесущий Вова хотел участвовать в каждой игре — но «участвовать» для него означало разрушать всё то, что старший брат выставлял из конструкторов, выхватывать и рвать книги, в которых тот рассматривал картинки. Для Коли было самоочевидно, что все вещи в квартире принадлежат лишь ему и маме — а поэтому он отбирал у Вовы любую игрушку, за которую тот брался. Не стеснялся лупить младшего и злоупотреблять огромным влиянием, которое на него имел. Вовка был всё время на грани истерики. Стоило Коле сделать резкое, пугающее движение — и брат заливался горькими, беспомощными слезами. Трения между сыновьями меня расстраивали; я не понимал, как смягчить эту ситуацию. Меня шокировало, что мой любимый, нежный Коленька оказался по отношению к брату тираном. Мне казалось, что Оля потакает старшему, что она должна жёстче пресекать его выходки. Оля же считала, что лучше оставить мальчиков в покое, дать им выяснять между собой отношения. Вове надо научиться отвечать на агрессию, ведь физических сил у него вполне для этого хватает.

В обеденный час дети усаживались на кухне за столом рядом, спиной ко входу — сзади видны были одинаковые макушки. Оля ставила перед ними ноутбук и находила в интернете мультфильмы; мода на них менялась у мальчиков каждые несколько недель. В последнюю Колину осень им особенно нравились «Фиксики». Квартира была усеяна разноцветными фигурками персонажей: авторитетного зелёного Папуса с прямоугольными челюстями, его розовой супруги Масы со спиральной причёской — а также их детей: авантюрно-небесного Нолика и стремительно-оранжевой Симки. С тех пор, как у Коли появились первые «схемы», он часто просил повторить цикл серий об электричестве и электрических приборах. Сюжеты были бытовыми, простыми, но хорошо оркестрованными. Чаще всего у главного героя, мальчика Дим Димыча, ломалось что-нибудь, связанное с электричеством: новогодняя гирлянда или поезд на батарейках, и его друзья, маленькие ремонтники-фиксики, успевали за считанные минуты всё наладить и бонусом прочесть полезную лекцию. Они умели светиться в темноте, могли подменить перегоревшую лампочку в ночнике для того, чтобы Димычу, пересмотревшему на ночь ужастиков, легче спалось. Старшие фик-

стики совершали, надев респираторы, экспедицию внутрь пылесоса, чтобы спасти Нолика, которого засосало туда во время уборки. Лестели на воздушном шаре к потолку комнаты для починки разбитой мячиком люстры. Стойкого Нолика, влипшего в большой ком жевательной резинки, приходилось поместить в морозилку, где малыш самостоятельно выбирался из смёрзшейся массы. Взрослые фиксикки водили своих детей на экскурсии внутрь различных домашних приборов, и Коля просил нас поступать так же — приходилось развинчивать и показывать ему старые кассетные магнитофоны, электрические утюги, дрели.

После обеда дети оставались на кухне. Коля брался за пластилин и под маминым руководством лепил разноцветных фиксиков, а Вовка хватал фломастер и покрывал каракулями то листки с бумагой, то подоконник и кухонный кафель. В те дни, когда Коля хорошо себя чувствовал, он пытался помогать маме с уборкой: набирал в ведро воду, разливал её по полу на кухне и возил шваброй взад-вперёд по образовавшейся широкой луже. Оля, конечно же, хвалила помощника и мыла кухню сама; разлитой воды хватало на весь коридор и половину спальни. Мальчишечьей банде нравилось, когда папа брался за пятнадцатикилограммовые гантели. Под музыку в исполнении оркестра Караяна, то в ритм, то поперёк ритма, я поднимал груз на уровень плеч, а рядом скакали малыши, тоже имитируя упражнения — становилось боязно, что я одного из них могу задеть чугунной болванкой. После гантелей мы играли мячом: папа становился на ворота, то есть возле шкафа, и Коленька пробивал пенальти — чаще всего мимо ворот. Вовка подхватывал мячик, но вместо того, чтобы вернуть папе или брату, старался запихнуть его подальше под кровать. Папа, кряхтя, лез туда — Вова тем временем пытался его оседлать — и выкатывал всю залежь запылённых и наполовину сдувшихся мячей разного размера; теперь у каждого было их с запасом, можно было бросать хоть по очереди, хоть одновременно. Наступал хаос, мальчишки, крича, бросались за прыгающими мячами, стараясь опередить и оттеснить друг друга, но Коленька сразу же уставал от шумной игры и, тяжело дыша, садился на кресло. Требовал, чтобы папа подбрасывал мячик и бил по нему головой, так чтобы тот подлетал к потолку и мог подбить висящую на потолке четырёхугольную люстру. Если же мяч попадал в стену, папа пытался, как в волейболе, отбить его снова и снова. Ко-

ленька вообще привык требовать, не признавая за мамой и папой права отказаться. Если он шалил или вредничал, наказывать его было нельзя: это сильно и надолго оскорбляло его достоинство. Куда полезней было поговорить с ним серьёзно, как со взрослым, повлиять на него логическими доводами.

Оля готовила на ужин творожную запеканку, сладковатый запах растекался по квартире. Коленька сидел за кухонным столом, листая кулинарную книгу с грузинскими блюдами, где Вовушкин успел оторвать некоторые страницы. По правилам заведённой старшим игры, он спрашивал у мамы: «Что это такое?» — на что мама должна была, не отходя от плиты, прочесть название блюда, сочинить о нём короткую историю и пообещать, что они с Колей обязательно его приготовят. Коля магически пощипывал пальцами картинку в знак того, что он это блюдо скоро съест — и перелистывал страницу. Оставшись без надзора, Вова сосредоточенно молотил деревянной колотушкой по выстроенной старшим высоченной башне, которую тот увенчал Олиными наручными часиками. Папа улучал время, чтобы сесть за ноутбук, набросать черновики нескольких переводов, перебрать фотографии и отсортировать по композиторам и исполнителям отслушанную по дороге с работы и на вокзал музыку (на какую фигню уходило время!). В папках с домашними снимками попались теперь и Колины: старый фотоаппарат, цифромельничка, стал теперь одной из его игрушек. Ребёнок видит квартиру иначе, чем взрослые, и фотографии его не похожи на наши ни по ракурсам, ни по содержанию. На одной по диагонали бегут многоцветные ковровые дорожки, над ними нависают полуоткрытые дверцы шкафа. Другая сначала кажется абстрактной: лишь при длительном рассматривании пятна складываются в изгиб кухонной скатерти, коленку под вельветовыми штанами, краешек стула. На третьем фото — в странноватом мистическом освещении — переливалась размытая и пугающе-доброжелательная фигура Оли. Вовка в мокрых штанах с кузнечиками, держащий перед собой упаковку кукурузных палочек, закрывает ими нижнюю часть лица — видны только уставившиеся в кадр круглые, насто-рожённые глаза. Чёрно-белый снимок, сделанный с уровня пола: залитый светом потолок, подвесной кухонный шкафчик, в центре кадра — подбородок и очки бабы Веры, смотрящей телепередачу, а пониже — внимательный Коленькин глаз. Несколько снимков при

ночном освещении: краешек унитаза и оставляющий в недоумении белый прямоугольник; бабочка из картона с изнаночной, нераскрашенной стороны. Кусок салатového картона с вырезанной дыркой в виде контура свинки, жёлто-голубые квадратики вязаной Олиной шали. Лежащий вверх колёсами автомобиль на подушке с вышитыми щенками. Угол возле кухни: нарисованные на обоях кирпичи, две трубы и свисающий с них провод. Крупное увеличение: часть наклейки на старой радиоле. Выхваченная из тьмы центральная часть клавиатуры, сияющие буквы. Ковёр, готовый, кажется, взлететь; узоры на нём напоминают пиктограммы. Тапок с застёжкой на липучке. Уплывший в верхний угол краешек гладильной доски; притенённая цветовая гамма в балконном мерцании. Снизу виден тот же тапок — значит, автор фотографии сидит на полу. Утренний свет, разъезжающийся слоями по однотонной шерстяной ткани; на ней небольшая лунка в форме изогнутого кверху полумесяца. Сияние из-за приоткрытой двери; страшное шевеление обрезков ткани, напоминающих осьминожки щупальца. Размытые письменные принадлежности на столе у Оли. Автопортрет: бесконечно печальный ребёнок с утяжелённой за счёт ракурса линией рта; подбородок и левое ухо в кадр не попадают, сзади — контрастное чередование чёрного и белого фона. На следующем снимке, цветном, отчетливо отражаются в дверцах шкафа пылесос и краешек сшитого Олей гобелена.

4

В конце лета из Италии приехала Олина мама, и не одна, а с внучкой Ксенией, кузиной наших мальчишек, родившейся с Колей в одну и ту же неделю. Ольга с детьми отправились на такси гостить к Вере Михайловне в её квартиру на окраине одного из городов-спутников — всего лишь в часе езды от нашего дома. Пока эта квартира пустовала, кто-то попытался, при попустительстве соседей по подъезду, разрушить ломом стенку рядом с бронированной дверью, но бросил дело на полдороги. В первые же дни Оля установила, по требованию Веры Михайловны, сигнализацию — оплачивать её приходилось, опять-таки, из моей зарплаты, так же, как и коммунальные услуги; у Олиной мамы все банковские карточки были просрочены, но идти в банк и заводить новые ей не хотелось. С

Олей она общалась резко и самовластно, со мной, любимым зятем, по контрасту, мягко и деликатно. Ко внукам чрезвычайно благоволила: не было ничего лучшего для неё, чем бурление компании сорванцов по квартире — но при этом она не прекращала ворчать, постоянно объясняя то Коле, то Вове, как они плохо себя ведут, — и только Ксения была неприкасаемой. Оле эта девочка не нравилась. Слишком сильно она походила внешне на своего отца, слишком была пронирылива, слишком настойчиво требовала к себе внимания. Но в то же время она была хорошей подругой мальчикам, а это было важно для Коли, который так тянулся к сверстникам. Вот за это Оля племяннице по-настоящему благодарна. Коля был счастливей и оживлённей, чем когда-либо. Утром, пока готовился обильный завтрак, дети носились по гостиной, заскакивая на диван с боевым кличем «Миу-миу-миу», — в эти недели у них в моде был мультсериал «Три кота». Ксюша звала кузенов именами котов-персонажей: Коленька у неё стал Компотом, Вовушка — котёнком Коржиком. Папа отрывался от работы над текстами, чтобы перечистить детям зубы, — оказалось, что им интересны щётки в виде зверьков, остальные попросту игнорировались. Коля чистил зубы самостоятельно, возя щёткой во рту бессистемно, однако с великокняжеским достоинством. После завтрака дети высыпали на прогулку. Задерживались у дверей подъезда, в которых не было замка: им нравилось с криками выскакивать во двор и забегать обратно. Отправлялись играть с соседскими в прятки на заросшей камышом площадке позади профессионального училища, — там возвышалась ободранная стела, бывшая некогда советским памятником, а теперь декоммунизированная. Подходящих для игры укрытий почти не было; соучастники либо затихали вприсядку за памятником, либо выглядывали из-за ржавого гаража. Потом наши кузнечики возвращались во двор и присоединялись к прочим сорвиголовам, буйствовавшим на детской площадке. Вова размахивал невесть откуда взявшейся у него новой игрушкой — зелёной метлой — и с азартом бил ею по нижним веткам ивы. Коленька с трудом забирался по лестнице на первый ярус деревянного терема со множеством ведущих вниз спусков-«горок», но не успевал за оравой, что волной перебегала с одного яруса на другой, останавливался, тяжело дыша, издавая время от времени мелодичные вопли. Смотрел на маму сквозь овальные окошечки в ограждении. Вовкин, носившийся с метлой,

как оглашенный, то спускался с горки, то взбегал на самый верх терема. Вдруг он спотыкался, падал, оцарапывал коленку. Мама смазывала её хнычущему Коржику антисептиком, обнимала его, и тот успокаивался. Хватал за палец папу, заставляя его подняться в терем и пройти с ним по висящим на канатах планкам из одного верхнего яруса в другой. Коленька пытался пристыковаться к мальчишкам, лениво пинавшим мяч на асфальтовой площадке с воротами, но крохотного малыша, на голову меньше любого ровесника, в эту игру не допускали. Он прохаживался вокруг закрытой деревянными щитами песочницы, крутил пустую карусель с изогнутыми в форме лепестков красным, синим и жёлтым сиденьями. У автомобиля, стоявшего возле трансформаторной будки, на фаре сидел огромный жук. Коленька долго разглядывал его, отражаясь во множестве запylённых зеркальных поверхностей. С мамино попушения, залезал в самый центр ярко-красной клумбы, касался цветочных венчиков, остерегаясь жужжащих вокруг них пчёл. Потом через пролом в заборе наша семейная команда отправлялась в путешествие на обширный школьный двор. Сразу за проломом рос боярышник, ягоды которого дети с удовольствием общипывали и жевали, сплёвывая шероховатые косточки. Взрослые подбирали лежавшие на дворе здесь и там спелые грецкие орехи — как раз вовремя, потому что вскоре появлялась конкурентка, бодрая старушка с матерчатой сумкой. Коленька уставал и просился к папке «на ручи». Я относил его к зданию школы, где в тени высоких клёнов был ряд наполовину прикопанных в грунт автомобильных шин. Коля отдыхал, сидя на меньшей из них, а троица старших — я, Оля и Ксюша — перепасовывалась принесённым с собой волейбольным мячом. Вова мотался внутри треугольника, пытаясь перехватить мяч и отбросить его как можно дальше. В противоположном конце школьного двора появлялось другое семейство: уткнувшийся в мобильник папа в спортивном костюме, двое вихрастых мальчиков, попеременно спускавшихся с земляного холмика на шатком игрушечном самосвале. Отдохнувший Коля шёл к ним знакомиться, но обаяние его пропадало втуне, они были слишком заняты своими делами. Ветер вырывал из рук у Коли кулёк из-под боярышника и перекатывал по двору, всё дальше и дальше от старшего. Коля шёл за ним и никак не мог догнать. Проскочив под забором, отделявшим детский сад от школы, кулёк застревал, облепив переделанного из

шины уродливого чёрного лебедя. Коленька, подержавшись за металлические шипы на заборе, возвращался к папе, поднимая растопыренные пятерни в знак того, что ему снова нужно на ручки.

Вечером наши два кота (и кошечка) опять обитали в гостиной. Коляндия сидел на спинке дивана рядом с плюшевым тигром, щёки у него были в расчёсах от комариных укусов. Ксюша с Коржиком забиралась на широкое кожаное кресло с колёсиками; баба крутила его под громкий Вовин хохот. Заскакивали к старшему на диван, — Вера Михайловна снимала их на мобильник, — и втроём, всей командой ревели, хлопая в ладоши, многократное «миу». Вова с радостным рычанием начинал бороться с тигром, Ксения обнимала улыбающегося Колю. Иногда компания проникала в соседнюю комнатку, наподобие чулана, где у бабы находился склад ненужных старинных вещей. Коля пытался открыть дверцу — металлическое сердце — клетки, где сидела кудрявая матерчатая птица. Вова и Ксюша устраивались на полу возле старинной швейной машинки, вынимая из конфетных коробок и перебирая чёрно-белые фотографии с молодыми людьми, успевшими, в реальности, давным-давно состариться. На кухне Вера Михайловна и Оля продолжали перетирать известия о далёких родственниках, особенно о двоюродной Олиной племяннице, «Брильянтике», захватившей власть в параллельной семейной ветке. Коля подходил к оставленному без присмотра на зарядке телефону — тот мерцал фиолетовым глазом, издавал непонятное бульканье. «Ты кто — телефон?» — спрашивал Коля и включал у собеседника фонарик. «Выключайся, выключайся, боюсь тебя». Потом вдруг кричал: «Вот! Я фонарь включил!» — бежал на кухню, размахивая гаджетом, и поливал ярким светом маму и Вову, ожидающего бабин пирог из духовки. Коленька сообщал телефону: «У них есть еда. Почему они не дают её? Ты такой умный, ты всё знаешь. Ты такой добрый, такой аппетитный». Оля отнимала у него гаджет и снова ставила на зарядку. Поспевал и ужин: кроме пирога с рыбой, из которого приходилось бдительно вынимать длинные кости, на столе оказывались сырные ватрушки и миски с гречневой кашей, приправленной консервированным тунцом. (Вера Михайловна скучала по гречке в Италии). Каждый из «котов» пил смородиновый морс из собственной чашки с любимым рисунком. У Колюхи это был пятнистый щенок-далматин, у Вовки — золотая рыбка, у их кузины — мышонок Джерри со своей подругой. От души

наужинавшие дети становились сонными, пассивными. Старший требовал от мамы и папы порцию ежевечернего чтения. Оля открывала затрёпанный тёмно-жёлтый том и озвучивала очередную главу «Дон Кихота Ламанчество», — так выговаривал название Коленька. В этот раз побеждённый мельницами Дон Кихот освободил проезжую даму от монахов, принятых им за злых волшебников. Ого, думал я, старик не лыком шит. Сам я читал детям свою любимую «Алису в Зазеркалье», — Коля принимал и её благосклонно. Король ел запеканки и занозы, а королевский гонец строил рожицы. Алиса угощала Льва и единорога тортом, который надо было сначала раздать, а потом уж разрезать. Коля слушал неотрывно и шевелил губами, запоминая текст на ходу. Ксюше с Вовой становилось скучно, и они уходили прыгать на широкой кровати в комнату, где баба смотрела по интернету, увы-увы, злокачественные российские новости. Перед сном детей, не выслушивая их протестов, отправляли в ванную. Сначала баба коротко окатывала из душа Ксюшу, которая воды не любила, заворачивала её в полотенце, и та перебежала в дальнюю комнату на свою постель. Колю и Вову их мама усаживала вместе в большую пластмассовую лохань, где они шлёпали ладошками по воде, перемещали по поверхности кораблики и пулькали друг в друга из брызгалок. Вовушка спал на кровати рядом с бабой, а Коленька — в одной комнате с кухней; двое старших детей долго о чём-то важном беседовали перед сном.

3

Перед очередным Колиным приступом мы вернулись с детьми в нашу квартиру. Оля ждала начала болезненного периода, повышения температуры и слабости, чтобы сделать ребёнку инъекцию для стимуляции нейропозизиса, то есть для выработки недостающих Коленьке нейтрофилов. После этого в течение нескольких дней приступ проходил. Её беспокоило, что Коля становится от месяца всё более «ручным», вялым и малоподвижным. Периоды между приступами понемногу сокращались — значит, иммунная защита слабела. Коленька терпел сильную ломку и согласен был в эти дни общаться только с понимающей его во всём мамой. Присутствие папы ощутимо раздражало. Подойдя к отцу, сутулящемуся над очередными переводами, он сурово спрашивал: «Папа, ты зачем сюда

приехал?». Папе было стыдно, что его литературная страсть отнимает время, которое можно было посвятить сыновьям, и он давал себе обещание исправиться — когда-нибудь, в следующие месяцы. Иногда старший «колдовал», делая ручками хватательные движения и недобро восклицая: «Папа, я всего тебя съел!» Мама хмурилась и начинала его отчитывать, а папа, чувствующий вину и беспомощность, непедagogично восклицал: «Коля, я тебя так люблю!» — устраивал сыну когнитивный диссонанс, но и разряжал атмосферу. Мы с Олей сами становились всё более взвинченными, по самым ничтожным поводам разговаривали на повышенных тонах. Я в сердцах стучал кулаком по стенам и мебели. Оля называла меня «хером в обносках», имея под обносками в виду старую куртку-аляску, в которой я ходил по квартире. Теперь, если она расходилась так, что влепляла пощёчину, я не сдерживался, как прежде, а отвечал ей тем же. «Ты больной, ты урод, и добьёшься, что дети вырастут такими же. Они слишком на тебя похожи. Как же это отвратительно — во всём зависеть от тебя». Я брал себя в руки, прекращая ненужную ссору, только когда старший говорил, глядя на моё злое лицо: «Папа, я тебя боюсь».

Ко дню рождения Коленьки я взял пару отпускных дней и вернулся прежде обычных выходных из того города, где в это время работал. Приступ уже прошёл, но Коля был слабоват. Теперь, когда напряжение спало, между мной и Олей наступило перемирие: мы снова были понимающими друг друга компаньонами, как будто не скандалили, так бессмысленно, всего неделю назад. Решили, ради великого семейного праздника, совершить дальнюю прогулку в центр. Надеялись, что имениннику хорошие впечатления пойдут на пользу. Повезли детей на колясках по заплетённым узлами улицам, по диагональным проходам сквозь дворы и гаражные зауголки в нижнюю часть города, на свободный от транспортного движения бульвар. Остановились там у клумбы с южными растениями, окружённой гранитным бортиком. Дальше начиналась зона кофеен под просторными тентами; в этот час они ещё пустовали. Над площадью развешаны были в качестве украшений полуметровые шары из рыхлого пластика. Под ними высилось мозаичное дерево, окрашенное во все цвета радуги. На красной части его кроны восседали стеклянные птицы. Именинник был элегантен: одет в рубашку с воротником-бабочкой и любимую синюю жилетку в крупный ромб;

на папе был свитер с такими же ромбами, но другой расцветки. Любимая кепочка придавала Коле солидный, но вместе с тем и на редкость шкодливый вид. В честь дня рождения установилась нежная солнечная погода, и настроение у всех было прекрасное. (Благодаря жизнелюбу Коленьке и мы учились радоваться минуте, сиять отражённым светом). Хмурый, усталый после дороги папа постепенно оттаивал, глядя на своего счастливого старшего, и сам начинал улыбаться. Приятно было чувствовать себя крупным авторитетом для двух сорванцов. Пока Оля ходила в супермаркет за гостинцами, я приглядывал за малышами, которые, выбравшись из коляски, рванули в разные стороны. Вовина курточка с капюшоном мелькала возле фонтана. Сначала он обходил по периметру бьющие прямо из мостовой струи, а потом застыл, глядя, как по бульвару едет-покачивается, безо всяких рельсов, поезд с жёлтыми вагончиками, наполненными малышняй. Колюха, в приподнятом настроении, отправился открывать и закрывать стеклянные двери перед посетителями торгового центра. Он крутил в руках и показывал всем встречным пятикопеечную монету, найденную на клумбе. Те прыскали, глядя на его гримаски. Я стоял посередине между мальчишками, зорко следил за каждым, готовый в любой момент ринуться и вмешаться. Разгулявшегося Вовушку несколько раз пришлось перехватывать и оттаскивать вглубь бульвара, подальше от транспортных путей.

После возвращения Оли мы уложили пакеты с продуктами под сиденье коляски. В одном из них водила туда-сюда хвостом крупная рыбина. Коля размахивал уже не монетой, а красной плиткой шоколада. Оля покружила детей на карусели, стоя рядом с ними на вращающемся круге и придерживая за плечи, чтобы те не свалились с раскрашенных жестяных лошадок. После этого Коля и Вова с важностью уселись в жёлтый вагон поезда, что следовал за бутафорской кучей угля на тендере, и трижды объехали длинную площадь, вытянутую от входа в супермаркет до трамвайных рельс. Решили посидеть в кафе, где мальчишки уплели по здоровенному рулету, перемазываясь кремом (у Вовы нарисовались здоровенные коричневые усы) и веселя смешливую официантку. После этого имениннику, вопреки нашим опасениям, до сих пор не уставшему, разрешено было прокатиться на одном из автомобилей, обитавших в парковой зоне у кафедрального собора. Коля сидел, вцепившись в

руль, в мигающем тряском джипе, а папа шёл сзади, направляя транспортное чудо по закруглённым аллеям с помощью пульта. Вовка тем временем неумолимо скакал на батуте вместе с девочкой вдвое выше себя ростом. Домой возвращались на «трамавале» — мы с Олей подняли обе коляски через задние двери без поручней. Коля заворожённо смотрел на рассечённые солнцем наклонные аллеи, на ярусные пешеходные спуски со ступеньками, на вращающийся при трамвайном развороте памятник в виде танка, на ряд желтеющих клёнов. Дома его поджидали главные, самые любимые подарки: книжки с цветными картинками. Одна из них, раскрывшись, становилась сказочным замком: на каждой странице нарисован был очередной интерьер с зеркалами, колоннами и доспехами. У сражающихся картонных рыцарей можно было поднимать руки с мечами и забрала. В другой книге обстоятельно были нарисованы приключения Айболита — старший мог рассказывать эту историю наизусть без запинки. Несколько тоненьких брошюрок знакомили читателей с новыми приключениями любознательного медвежонка Паддингтона, любителя апельсинового мармелада, — теперь Оля читала детям на ночь эти рассказы, виртуозно артикулируя многочисленных персонажей. (Свои актёрские таланты она тратила исключительно на сыновей. Раньше занималась в театрах-студиях, но до премьеры дело так и не дошло). В ещё одной богато иллюстрированной книге, переведённой с итальянского, изображён был романтический герой, ходивший по старинным улицам в мятых сапогах с острыми носками, развевающимся плаще и треугольной шляпе. Дома у него царил замечательный бардак: стояли здесь и там округлые бокалы с вином, летали по воздуху скрипачи с пюпитрами, раскраска которых не желала совпадать с чётко очерченными контурами. Читать у Коли не получалось, хотя он хорошо уже знал алфавит и правильно нажимал требуемые клавиши в громохочущем электрическом букваре, что умел проводить обучающие викторины. Оля постоянно играла с ним в кубики с буквами, помогала составлять слова — но цельные фразы не собирались, как он ни старался, из россыпи отдельных знаков.

Вечером ребята оставались оживлёнными. Вовка перемещался по квартире на велосипеде, стараясь наехать на уклонявшегося от него папу. Коля старался поспеть за братом и обрызгать его из сифона, который Оля использовала для ухода за капризными растения-

ми. Спрыгнув с велика, Вовкин взялся за деревянную колотушку и, фыркая, стал забивать ею разноцветные пластмассовые гвозди в панель с подготовленными для этого дырочками. Загрузил в фургончик трансформеров: сначала зелёный треугольник, откуда, при нажатии скрытой кнопки, выскакивали плавники, превращая его в треугольную рыбку; потом фиолетовый квадратик, который при разворачивании по оси становился гоночным автомобилем. Коля выпил стакан молока из металлической кружки с цветочным орнаментом. Посидел на коленях у задумчивого папы, уплетая вместе с ним лежавшие на богемской тарелище ягоды чёрной смородины. Оля подвесила качели на прикреплённые к стенам прихожей металлические кольца и устроила в них Коленьку, — он опасался этого развлечения и просил раскачивать не слишком сильно. Затем посадила на качели и Вовку. Братья летали по коридору спина к спине, ухватившись за верёвки, хохоча, задевая ножками за досчатые стены. После просмотра мультфильмов младший нацепил на себя лёгкое Олино платье и прыгал в нём по кровати, а старший, отпыхиваясь, кидал в товарища диванными подушками, — мелькали, описывая дуги, вышитые итальянские красавицы в шляпах, и велосипедисты под ливнем, и часы на крепостных башнях. Все эти простые подробности, весь этот «музей невинности», думаю, не так интересен читателю, зато он важен для меня — вес каждого из воспоминаний огромен. Книга и появилась для того, чтобы собрать их вместе. Пока пишу её, чувствую, хотя бы так ненадолго, что Коля снова со мной рядом.

2

Весной, когда потеплело, Оля отвезла старшего на плановое обследование к специалистам в город Х. Ребёнок чувствовал себя неплохо, состояние сердца долгое время оставалось стабильным, и врачи решили увеличить период между обследованиями, а также отменить самое сильное из сердечных лекарств, дигоксин. Было ещё несколько изменений в дозировках и названиях препаратов, — Коле прописали чуть более лёгкие диуретики, поменяли график приёма коэнзима q10 и увеличили дозировку бадов, способствующих развитию, — как мы раньше замечали, небезопасных, чреватых декомпенсацией в качестве побочного эффекта. Оля, тем не менее,

считала это допустимым риском, ведь Коля значительно отставал от сверстников физически. Назначения были похожи на те, которые привели у него три года назад к сердечному кризису, но в этот раз ни Олю, ни меня это не насторожило. Наоборот, мы радовались хорошему состоянию старшего, тому, что можем отказаться от части лекарств; у ребёнка их было и так слишком много.

На праздники мы исполнили давно задуманный план и отправились отдыхать в Карпаты. Прямые поезда отсутствовали, так что избран был маршрут с пересадкой в столице. Это позволяло навесить Вовину крёстную, одну из бывших коллег Оли по институту. Оставив багаж на вокзале в камере хранения, мы первым делом проехали на метро в большой столичный зоопарк. Затея оказалась не слишком удачной. Вовушка был слишком мал, чтобы интересоваться животными, а Коленьку, как оказалось, больше всего привлекали вереницы разрисованных вагончиков, время от времени проезжавших по аллеям. Когда мы пропустили один из таких поездов и не спеша пошли вдоль ряда медвежьих и волчьих лежбищ к летнему вольеру с жирафами, старший не на шутку разозлился. Чтобы поправить ситуацию, Оля по очереди покатала детей на настоящей, очень смирной лошадке: сидя на ней, одной рукой сжимала поводья, а другой крепко обнимала посаженного конюхом на седло перепуганного малыша. Мы прошли возле вольеров с мрачными тиграми, заглянули в душноватый террариум, где обильная зелень укрывала тропических гадов. Коленька продолжал хмуриться — окончательно он оттаял только когда мы поехали к крёстной в просторном бежевом такси. Перекусив пирожками, выпив травяного чаю, мальчишки разбрелись по квартире. Вовкин, оторвавшись от брата, отправился изучать электрические игрушки двух младших детей крёстной, чему те почти не сопротивлялись. Коля предпочёл остаться и слушать разговоры взрослых, сидя на кожаном диване, откуда были видны перебежавшие с холма на холм белёсые столичные кварталы. Завладев Олиным телефоном, он выслал мне целую коллекцию стикеров: патетически жестикулирующее, выпускающее пар из ушей зубастое существо, злого колдуна, грустный арбуз, произносящий фразу «как бы там ни было» и целых пять подряд скрюченных от сарказма помидорных рожиц.

Крёстная отвезла нас к вокзалу на своём автомобиле и помогла поднять мальчиков по крутым ступенькам вагона. Поезд был мед-

ленным, ветхим, по коридору гуляли сквозняки. Оля протёрла ребятам руки влажными салфетками, я обработал грязный столик ватными дисками, смоченными в хлоргексидине. Ехать было ещё долго, так что из чемоданов были вынуты игрушки и книжки. После пары крупных вокзалов вагон наполовину опустел, осталось несколько семейных пар, направлявшихся в пансионаты, да двое молодых людей с горными велосипедами, пристёгнутыми к верхним полкам. Коленька ходил по вагону, знакомясь с соседями; хитро улыбался, когда удавалось затеять с ними разговор. В замызганных окнах волнистые равнины сменялись высокими холмами. Небо насупилось, а маршрут поменялся: поезду пришлось объехать полустанок, где прошедшие накануне ливни затопили участок пути. На станции назначения поезд стоял всего пару минут; мы с Олей приготовились заранее и стремительно спустили на платформу детей и чемоданы. Нашли под моросящим дождичком свободную машину и отправились на окраину райцентра в усадьбу «Лесная сказка», где сняли заранее по телефону один из двухэтажных коттеджей.

Весь первый день падали осадки, то сгущаясь до толстых канатных струй, то разрезаясь до полупрозрачного мерцания, натянутого между домиками. Вова выходил на крыльцо, защищённое жестяным козырьком, и с удовольствием топал крепкими ножками в сандалиях по лужам. Коля осваивал винтовую деревянную лестницу: поднимался к папе, который бился над черновиками на прикрытом крышей балкончике, садился в соседнее кресло и глядел на белёсые подушки тумана, ползавшие по пазухам между еловых склонов. Потом спускался к маме, разбиравшейся с возможностями портативной керамической плитки — да так в конце концов её и спалившей. На другой день недовольное жизнью солнышко выложило перед нами внаклонку шахматную доску дачного посёлка. Во дворе усадьбы стояла затянутая плёнкой беседка, помогавшая переждать срывающийся с неба мелкий дождь. Между нею и выездом на грязную каменистую дорогу располагались туристические приманки: впечатливший Коленьку деревянный медведь, стоявший на задних лапах и угрожающе размахивавший передними, коллекция необжитых ульев в виде желторотых бревенчатых избёнок, миниатюрная ветряная мельничка, похожая на дачную-хорошистку в школьном переднике. Всё утро моим литера-

турным трудам досаждал, и даже слишком, звук газонокосилки, доносившийся из соседнего двора: там в старинном огромном доме жила соседка-мольфарка, у которой мы договорились за скромную плату обедать и ужинать. После дождя и полудня наша проголодавшаяся компания прошла по тропинке мимо сараев и птичников к скрипучим дверям веранды. За дверьми нас ждали наваристый травяной суп с ягнятиной, банош с овечьей брынзой и отварными грибами, свежий чесночный хлеб домашней выпечки. Малыши сидели друг против друга на широких скамьях. Младшего контролировала мама, хватая за ручки, когда он пытался шкодить. Старший непринуждённо беседовал с подвижной и резкой хозяйкой, ровесницей моей тёщи. Одна из чёрно-белых фотографий, развешанных на выбеленных стенах веранды, показывала районный ансамбль в традиционных гуцульских костюмах. Отец мольфарки солировал там на смычковом инструменте, похожем на прямоугольную скрипку. После сытного обеда, после вишнёвого пирога с косточками, которые папа и Коля выплёвывали, а Вова проглатывал, после компота с лесными ягодами — в Карпатах как раз начинался сезон — отяжелевшая компания выходила на широкий двор в низине между холмами. Третью его была затоплена скатившейся сюда со склонов дождевой водой, — мольфарка называла эту лужу «озеро Юность». Вовушка радостно шлёпал по грязи к плавающим в водоёме уткам, обновлял резиновые сапожки. Коленька подбирался к норовистой козе, вздёгнувшей верхнюю губу и кромсавшей зубами прутья ограды. Мольфарка продолжала разговор с Олей: уж её-то поколение — самое работающее, а поколения младшие — лодыри, привыкшие к благополучной жизни. (Оля поделилась со мной предположением, что отношения с детьми у неё не сложились).

Отдохнув с часок после обеда, мы отправлялись на прогулку в лес, начинавшийся сразу за нашим коттеджем. Удивляло полное отсутствие комаров, несмотря на сырую погоду. Хвойный запах смешивался с ароматом луговой травы. На лес напал то один, то другой длинный рукав облачной кофты. Вовушка гулко топтал, то забегая вперёд, то возвращаясь и убегая далеко назад по тропинке. Коленька поднимался по ней медленно, терпеливо, вцепившись в мамины и папины пальцы прохладными ручками. Сквозь ветки, далеко внизу, шумело и сверкало колесо горной ре-

ки. Словно раздражённые ящеры, разевали пасти лохматые скалы. В перелесках Коля с интересом дёргал неподатливые цветы: дикие гвоздики, анютины глазки, ромашки. Вовка крутился вокруг раздувшегося и пульсирующего ручья. Оля искала и находила полезную для глаз карпатскую чернику; семейство тотчас её молотило, так что ей не удавалось принести обратно в усадьбу ни ягоды. С перегиба между двумя вершинами папа разглядывал во всех подробностях стёсанную горную гряду, запинаящуюся, волнистую, бредущую к границе области — и лежащее между склонами лоскутное одеяло садовых участков.

В одно из прояснившихся утр мы договорились с братом хозяйки, таксистом, и отправились в его машине к дальнему водопаду. Пришлось подниматься по извивающейся ужом дорожке, ограждённой деревянными перилами. Насытившийся дождями водопад грохотал так, что вблизи закладывало уши. Блестела мелкая водная пыль. Струхнувший Вовушка прижимался к маме. Коленька медленно, самостоятельно шагал по выпиравшим здесь и там узловатым корням. На обратном пути в такси Колюха устроил для нас и таксиста настоящий концерт, исполняя одну за другой без запинки любимые им песни для детского хора; он подменял дурацкие советские слова знакомыми бытовыми. Главным хитом стала песня «И памперс навсегда». После возвращения папа звонил через скайп своих друзей из города Х, решивших устроить в тот вечер поэтический квартирник. За окнами мерцали карпатские звёзды, в полуосвещённой комнате им вторил экран ноутбука. Интернет был слабый, так что далёкие собеседники могли слышать лишь отдельные мои слова, но не тексты целиком. Коля сидел у папы на коленях, то и дело вытягивал голову, попадая в кадр, что вызывало с другой стороны линии безудержное веселье, особенно когда и мальчик начинал в ответ улыбаться. Присутствовавшие поэтессы попросили Колю тоже прочесть какой-нибудь стих, но он стеснялся и отрицательно мотал стриженной головой. Далёкий квартирник понемногу перешёл в состояние винопития. Мы с Коляндией отключились и разошлись по своим комнатам. Дети почивали по обе стороны от мамы на широченной кровати. В Карпатах мне снились только Карпаты. Сны были долгими, сюжетными, непривычно освежающими.

В предшествующие два года Колино состояние, судя по анализам, стабилизировалось. Изредка бывали локальные ухудшения, когда он снова в полубморочном состоянии попадал в больницу. Спровоцировать их могла жара, или недостаточный аппетит, или очередной приступ из-за падения нейтрофилов. Но такие состояния длились недолго, после них ребёнок быстро восстанавливался. Ситуация становилась обнадеживающей, несмотря на кликушество врача из поликлиники, которая, поджимая губки, говорила Оле: чем старше будет ребёнок, тем острее у него будет декомпенсация. Слабо работающее сердце, дескать, не может обслуживать растущий организм. Пока практика её опровергала, фракция выброса неуклонно росла от одного цикла обследований к следующему. Рождение брата, которому доставалась теперь значительная доля Олиного внимания, поначалу Коленьку расстроило, но мама достучалась до него и объяснила, что любит его нисколько не меньше, что он остаётся дорогим и близким сыном. К новому младенцу мы, уже опытные родители, относились не столь трепетно, как к первенцу. Я перебрасывал его с руки на руку, как гирику, и с лёгкостью успокаивал, если малышу хотелось поплакать и покапризничать. Рос он незаметно, проходя все уже знакомые нам стадии, от безмятежного лежания в колыбели, созерцания вращающихся мобилей, до активного ползания и постижения на зуб и ошупь раскрывшихся перед ним квартирных просторов. В тот период, ещё до начала всех шкод, первоначально тощий, но быстро налившийся соком бутуз стал отрадой для бабушек — они прозвали его «персиком». К нашему облегчению, у персика-Вовки совершенно не наблюдалось симптомов Колиного генетического заболевания. Анализы подтверждали: у младшего сердце было здоровым, наблюдения кардиолога не требовались. Ничто не предвещало, что и у него проявится наследственное заболевание, пусть и не такое грозное, как у брата. Мудрый педиатр Иван Палыч, не раз нам до этого помогавший, решил, что второй ребёнок сможет подстегнуть Колино развитие. Так оно и вышло: старший, наконец, отчётливо заговорил. В первый раз он, во время игры со строительным конструктором, с трудом повторил за бабушкой фразу «Вова, ачем ты азломал омик?» — а потом, войдя во вкус, стал сыпать длинными фразами, как будто восполняя долгий

период молчания. Наступило время, когда он всё хотел делать сам — и даже подолгу возиться со шнурками ботинок, хотя их завязывание так и оставалось для него ребусом. Игры у ребёнка усложнились, но не переставал он, к примеру, и простежки забрасывать мячики в щель между папиной кроватью и стеной — папа обязан был залезать под кровать и выкатывать снаряды, чтобы старший продолжал обстрел. Кроме того, ему нравилось, когда папа выстраивал за секунды то в одном, то в другом углу комнаты высотные башни из кубиков, которые Коляндия, перебегая зигзагами между разбросанными по ковру игрушками, разваливал одним ударом. Набегавшись, Коленька мог уснуть среди игрушек, уткнувшись в ковёр и раскинув ноги в тёплых меховых тапочках, пока мама надевала на младшего свежие штаники взамен мокрых. Вечером строгая мама заставляла старшего убирать игрушки в шкаф, чтобы и они могли ночью отдохнуть.

Новую, купленную нами с переплатой квартиру, Оля отремонтировала по своему вкусу, оставив часть прежней мебели. Перевезла из дома Веры Михайловны письменный столик, за которым занималась в свои школьные годы. Купила красивые кровати с ортопедическими матрасами, для кухни — крепкий дубовый стол, высокие деревянные стулья и табуреты. У Коленьки была теперь своя собственная пластиковая столешница, на которой он — обязательно сам — ел по утрам кашу в окружении любимых игрушек; а напротив него урчала и подпрыгивала хлебопечка, приготавливаясь вытолкнуть душистый пшеничный хлеб или шоколадный торт. На стенке у входа в кухню висела картинка, срисованная Олей с обложки одной из поэтических книжек: добродушный лев с гривой из тюльпанов протягивал цветок приподнятой правой лапой. В малой комнате были поставлены детские кровати, откуда ночью оба сына переползали на большую мамину кровать, где им слаще спалось. В большой комнате, становившейся днём основным местом игрищ, бесшумно покачивались на обоях тонкие пшеничные колосья. Их сочетание с лаконичной четырёхгранной люстрой, с маяком и лодочкой на панно, с мягким солнцем, вздыхавшим за фанерными планками жалюзи, придавали этому помещению нечто учтивояпонское. Ванную и туалет Оля ремонтировать не стала. В нервные недели, когда фобии её углублялись, ей казалось, что старая плитка обязательно отвалится и ушибёт кого-нибудь из мальчиков. Также

пугала её скрипучая внутренняя дверь квартиры, которая под воздействием сквозняков по ночам открывалась, обнаруживая за собой внешнюю, армированную. Напротив двери, возле вешалки, висело ещё одно панно — красное, экспрессионистское — изображавшее домашнюю утварь, утюги да сверкающие кастрюли. Оно прикрывало дыру в стенке, оставленную нерадивыми ремонтниками. При этом компенсировало желтоватый банный свет, разлитый встроенными лампочками по коридору. Балкон Оля застеклила, устроила там огород, где в тёплое время года росли кинза, петрушка и базилик, необходимые для ежедневной готовки. Рядом выставлены были на воздух и на солнышко цветы в массивных горшках. Под огородом располагались стеллажи с банками для консервации, прикрытые рогожкой, под которую Коленька любил прятаться, выглядывая одним глазом и выставив сжатую в кулачке линейку. Когда под рогожку забирался и Вовушка, на ней вздувался огромный горб, а снизу начинали топтаться две пары босых ножек. Если младшему удавалось прошмыгнуть на балкон безнадзорно, возвращался он с трофеем — вырванной с корнем из горшка цветущей геранью. Все ремонты и переустройства, вкупе с самой покупкой квартиры, радикально подкосили наш бюджет, пополнявшийся теперь только моей зарплатой и той небольшой суммой, которую государство выделяло на ребёнка-инвалида. Я долго ещё отдавал маме деньги, занятые у неё в этот период.

Мы с Олей удивлялись тому, насколько непохожими были наши сыновья. Если визуала Вовку привлекали яркие картинки, мультфильмы и возможность порисовать разноцветными карандашами, то аудиал Коленька больше всего на свете любил музыку. Поглощал он её в невероятных количествах; по сути, ему необходимо было всегда находиться внутри музыкального потока — будь это положенные по возрасту легковесные детские песни, будоражащий папин рок или европейская классическая музыка, к которой понемногу стала его приучать мама. Коляхин слушал всё с одинаковым вниманием, легко запоминал музыкальные фразы, различал по звуку все инструменты, игравшие в оркестре. Бабушка хотела уже начать обучение внука и загодя подбирала для него у школьных знакомых скрипочку самого маленького размера. До сих пор сожалею, что не успел дать малышу услышать всё то, что тревожило и пьянило в музыке меня самого. Коленька ощутил и

понял бы. Считаешь, что впереди ещё много времени — а его на самом деле почти не остаётся. Похоже, я не смогу продолжать рассказ о Коле так, как его задумывал. У меня первый день коронавирусной инфекции, нет больше никаких сил для воспоминаний. С тех пор, как жена после смерти старшего и долгой депрессии переехала к своей маме в Италию, где жизнь младшего устроена лучше, чем в родной стране, общение с дорогим сорванцом Вовушкой тоже стало редкостью. И речи не может быть, чтобы эти драгоценные недели отпуска затрачены были на что-нибудь маловажное — например, на литературу. Для неё довольно тех долгих месяцев тоски, когда я вижу сына, теперь уже единственного, только на экране смартфона во время ежедневных сеансов связи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. КОЛЕСО ФИБОНАЧЧИ

(Осень 2022 года)

Разгадываю до сих пор трёхходовку сна: где же здесь бог, что должен проявиться? Амплитуда увеличивается, болезнь обостряется и переходит в свою противоположность. Для выживания будем размышлять о наиболее важных, то есть маловероятных гипотезах. Ожидать электричку на едва освещённой платформе, как чуть пьяные рублёвские ангелы. Вспышка шестигральных молний изначально ярка: реальность не склеена из подтверждений. Дорогу произвольному господину! Твою же мать, говорит Игорь, прислушиваясь к мерзкому жужжанию — опять дрон-самоубийца, летит на запад. К любой из цифр на открывающихся и закрывающихся дверях прилагается плевок в затылок. Медленный слой аннигилирующей сложности, быстрый — прокусывающих затылки шутовских зонтов. Всплески скамеечности превосходят самые нахальные притязания автора. Приготовьте наручники, затем велосипедные стрелы. Гелиевый шар — демон попутного веса — поклёвывает мусорную корзину. Ах ты сволочь, возглашаем в двушный возблук. Отблеск пожара на пояснице, шорох сухих листьев. Воротник пиджака белее снега. Садимся у дерева на примятую траву; клубы дыма поднимаются из носа. Как гол был сокол, как надеялся на хроматическую гамму, но не та вышла просодия — хоть предохранители выкручивай, хоть сахарные головы. Сладок язык витаминного юноши, горек оскал параномазии. Самые настойчивые из верёвок отпечатаны в волосатом русле — избегают отметин, хоть и жертвуют дисконтными облаками. Легче не становится, и котлеткой пахнут клейкие периоды. Гроздь лакированных пузырей оседают на тонких губах. Вырванные из привычных форм паспорта, монеты и надписи зарастают по рубцу. Шипучие руки, лживые экскременты. Вы наощупь неотличимы, можете успешно притворяться друг другом, сообщает Игорь, зажмурив глаза — мы как разжимаем ладони. Маленький телесный шалаш, защищающий от левантийцев. Как можно меньше серёжек в ушах; не принадлежат уже нам — ни серёжки, ни ушные

раковины, ни растущие из них полосы. Истории они тоже не принадлежат; простите, но лучше уйти на цыпочках, ваше предприятие обанкротилось. На первой трамвайной линии время напоминает согнутую до упора пружину. Циферблат покрыт оранжевым париком с рыбьими косточками. Едем на свадьбу членистоногих, размахивая сверкающими лезвиями. Галлюцинации с единорогами, цепляющими рогами низко висящие провода. Лишь нам троим судить об этом. А кто подсказывает, что периферия всегда выразительней центра? Кто перебрасывает из руки в руку горящие картошки? Уголёк хочу, во тьме светящийся. Вижу радости, а чую жилплощади. Задача была: рассечь посылку посередине — а ты положила в карман, отдала на учёт проксихимисту. Гладь её медленно, сырыми словами, раздирая приличные отчества. Даже опуская пределы грубости, ты хранишь утёс за пазухой. Все мы сейчас не в самой удачной психической трамблии. Хватит ли духу вребрить игнор почётному шубкинисту? Боги шатаются, некрологи уходят в глухарский венчур. Сосредоточимся на жареных цыплятах, на порнографии длинных косточек — не вечер у нас, но глистинный иллюзион. Подождите: падающие птицы, замершие тени. Замерзающие от страсти менеджеры на салазаровых салазках. Не говоря о птеродактилях под каменными зубцами. Делать вид, что можешь больше, чем бирюзовая коммерца, и распечатывать новую пачку такелажной бумаги. Сапоги оставляют чёткие следы на гравии — там, где белый конюх не валялся. Всегда ворую у тех, кого люблю — то скрипучий голос, то умение падать плашмя, всей длиной. Якщо вже не бити по пиці віршами. Ноги у тебя всё равно пририсованы — но какого чёрта отдавать печенье мошкаре? С паутинным колдовством ты застреляла; фанаты вырезали из фанеры целую волость. На чётных полочках догоняется черепаха; у Игоря идиосинкразия именно к чётным числам. Он поплёвывает на пальцы и погружает мощную шестерню. Хромота на всю жизнь, а остальное посмотрим — у лисички на хвосте, как у волчика на кусте. Не идёт эвристика в блюдо с омарами, но клюёт патристику с портсигарами. Нас ведёт живоплот, но зачем он блюёт? Получается, несмотря на расползающиеся по носу чернила, изобразить не то высшее потчество, не то божественную баракхолку. Главное не свистеть соляным столпом, когда карманы набиты снегирями. Покашливаешь в нос: Андрей за спасибо пенёк расширяет, Игорь наматывает на удочку полярные сияния. Ты в красном

платье, но и твой вечер окончится, как пустая страница. Раструб не функционирует; о,дохлые клячи понедельника. Философия соседствует с отдыхающими утками, а не с гармонессами патронии. Дорога ныряет под автомобильную гору — в слепом ожидании, не моргая. Пересекает столбы, колодцы, годы и рубежи, то разматывая лоскуты, то свивая. А если исхитриться превратить работу в цельный, долговечный клубок? Ландшафт гибнет, оркестр играет на темени красавца. Смастерил бы, побратим, нам дармоедов-лошадей: так будет спокойней. Перебираем смоляные колечки, что выбиты на лбу канатоходцев, как сусальные доски. Одним штрихом одевается шоколадное подземелье. Не забывайте включать работающие грядки. Могли бы дать друг другу так много, если бы не завышенная цена телесности. Беседы прилипают краями к высоким спинкам стульев. Почта лишь способствует заброшенности. Мерцает во время блэкаута, как длинная шпала. Ни один эпизод не шелохнётся под рассыпчатым дождиком. Ты снимаешь первую из шляп и холодными руками надеваешь колготы. Думаю, мы попали в кино, где кормят обещаниями. Жаль, что оно такое короткое: как лавочка свадебных матрасов, где можно соблазнить буфетом и колбасника, и седого полицмейстера. Ищут политические чувства, а находят мятую материю и бусы. Обедают, запрокинув утиные ножки; кажется, тебе нечего и пожелать. Выпиваешь в баре у аванпоста односолодовый портвейн с кружкой льда. Сколько же тебе лет? Пожимаешь перемазанными сажей плечами. Шевелюра слишком ясно указывает на космополитизм. Эйфелева шабашня, к примеру, не пришлось тебе по вкусу.

Верёвка для поднятия груза в зазубренную траву. Бугристая лейка поливает проросшие буквенные щупальца. Заметен ли провал посередине, перед босыми ступнями? Движемся без ниток, будто петух на двуцветном мячике, внутри пузырящейся кухни с четой бесцветных тарелок. Наш иллюзион укрыт за мощными стенами ото всех бед, кроме (не)возможной внезапной смерти. Более всего доступны к прочтению вертикальные зубы и ручки рюмок. Всплывающая строка говорит о том, что и она невозможна. Слишком высока цена, слишком близко иные строки. Какой из видов конформизма тебя устроит? Тот ли, что исходит от светофорного глаза? Перевернутые яблочные конурки, гаражные кооперативы для дое-

ния бус. Косцы, клацающие мёртвыми пальцами. Ободок случайного самоубийства. Пусть лучше кричат камни-неразлучники, а не сияющие боги. Шестерёнки заносят сор. Лучше сразу от них избавиться, повернувшись спиной к ветру, передвигаясь закрывающими скобками навыворот. Укачивает даже половинки глобусов, что уж говорить о забитых в воду гвоздях. О чьих-то выцветших до табачной крошки демонах, колеблющихся — то ли в супермаркет пойти, то ли раскрыть книгу. В городе строят уникальные сооружения, поскольку при строительстве, вы знаете, возникает экологический эффект. Государство, потеряв надежду организовать потребителей, разрушает прекрасный нарос из мусора и стравливает моря. Обнаружилось, что Фортунато психически нездоров. Осеннее обострение: бегают по квартире, нервничают, злобятся. Много всего наобещал Вере Михайловне, но выполнять не собирается. Младенец лежит на мягком полотенце и посматривает по сторонам нежно-голубыми глазками — уже через несколько месяцев они потемнеют, станут непроглядно-тёмными. Пока он был в утробе, мы называли его Колькой-Мишкой, откладывая выбор имени, но после рождения наш первенец стал просто Коленькой; это имя ему очень идёт. Ничто ещё не предвещает предстоящего нам кошмара. Маленький, 2650 граммов. Брюнет с реденькими мягкими прядками. После кесарева первым делом его положили мне на грудь, он потихоньку лизал её. На четвёртые сутки мальчик внезапно посерел и стал задыхаться — сердце перестало справляться. Врачи срочно отправили в реанимацию. Поначалу состояние было совсем тяжёлым, потом стало выравниваться. Каждое известие даёт надежду: вентиляцию лёгких уменьшили с 50 до 20 процентов; анализ стал чуть менее инфекционным. Говорю: я целостен — и рассыпаюсь. Говорю: нет во мне ничего целого или общего — и тут же догадываюсь, как сконструировать добавочную связность. Траурные, торжественные нити, перемещение впалых существ. Угол наклона не соответствует отрешённости ботинок. Какой муторный день. Как понять это ввинчивание в пустоту, эту напряжённость, что не закрывается изнутри? Перед праздником раскачивается маховик ожидания. Даже молчание на другой стороне кажется обещанием липкой и смертоносной катастрофы. Всё уже произошло, теперь — срываемые с веток насупленные яблоки, остановка в пути после секса, колеблющиеся стебли. Барьер с фиолетовым солнцем, под ним — какое

именно «я»? Момент полной беспомощности. Мальчишка, дорвавшийся до циркулирующего телефона. Не позволено даже приподнять руку. Монотонный шёпот в коридоре, самолюбование. Пусть хоть немного отступит в сторону чёткий сигнал. Недоверие к мелу и соли, к выпускной чаше, полной облаков. У сов идёт калибровка, обмахиваются туманными отчётами. Выдерживается ущелье — как глухой на оба слома паровоз. Недооценка портретиста: хоть один параметр должен зашкаливать. Чёрное солнце восходит на грядке, труба выдувает огромную печень. На одной стороне — окошечко чайной. Горничная, согнувшаяся под нарисованным термосом. Коля улучшился, провели кормление материнским молоком вместо внутривенного. После этого вдруг резкое падение до предыдущего уровня. Каждые два дня диагноз меняется. Ставили сепсис, но бактериальной инфекции не нашли, посевы не дали результатов. Когда вытягивали ребёнка с того света второй раз, поняли, что главная проблема — с плохо работающим сердцем. Из-за слабой сократимости возникают проблемы у других органов. Почки не справляются. (В конце концов сумели снять отёчность). На УЗИ проблема с сердцем похожа и на фиброэластоз, и на некомпактный миокард, и на вирусный миокардит. Сердечная мышца стала наращивать в качестве компенсации мышечную ткань — в итоге сокращается просвет, а это тоже плохо. Теперь стенка всё более утолщается, сокращается просвет. Гормоны отменили, в этой ситуации они бесполезны. Профессор Баянский с садистским удовольствием пугает Олю близкой смертью ребёнка. У человека талант ко стращанию. Один из его помощников разводит руками, другой говорит — может умереть, а может перерасти всё это и полностью выздороветь. Оля много истерит, я боюсь отпускать её в реанимацию одну. То обнадеживается, то впадает в отчаяние. Сегодня была себя по голове — её не отпускала мысль, что Коля умрёт, и она ненавидела себя за это. Я ору на неё, обзываю дурой — мало ли кому какая мысль придёт. Пока это помогает. Мама подмывала себе после туалета попку сначала над стирающимися пелёнками, а потом на кухне; Оля была в тихом гневе. Олю зашили после кесарева неверно: полоса смещена примерно на сантиметр. Где-то кожа топорщится, где-то слишком натянута. Коле опять стало лучше, и его перевели из реанимации в патологию. Ведёт себя спокойно, внимательно разглядывает всё вокруг. Его лечащий врач Иван Павлович говорит размеренно,

сложным научным языком. Считает, что Коле повезло, что кто-то свыше за него заступился. Поражены кора головного мозга, печень, поджелудочная — но тяжёлых патологий нет. Сократимость сердца улучшилась, а вот структура сердечной мышцы стала хуже. Ребёнок бронзоватый, кортизол у него низкий. Срыгивает пищу, либо она створаживается в желудке. Врачи в патологии подозревают дисфункцию надпочечников, однако анализы эту гипотезу опровергают. Оля устраивает им разнос, видя, что ребёнку становится всё хуже, а они выжидают. Делают, наконец, рентген, и обнаруживают стеноз — там, где желудок переходит в двенадцатиперстную кишку. Приходится оперировать; в первый день после хирургии Коленька уже ест нормально, во второй — с жадностью, но почему-то дёргается. У меня из-за волнений опять обострился гастрит, не могу переваривать мамину пищу. Хочется понять, где речь становится литературой, и задержаться на этом пределе. Есть в каждой глухие пятна, но и свои ускорения — быть может, сосуществуя, они научатся друг друга поддерживать и компенсировать. На праздник Независимости я гулял по соседнему острову; уже могу себе позволить долгие прогулки с тростью, если вовремя делаю перерывы в движении. Одна воздушная тревога следовала за другой. Обещали страшные бомбардировки, однако они не состоялись. На пляжах было много народу, но всё-таки меньше, чем в обычный год. Когда возвращался, увидел под мостом в поросшем камышом болотце цаплю, — она охотилась на лягушек, — на мосту — шагнувшего в центр города огромного индейца в современном костюме и с заплетёнными в косы длинными волосами, а на другом берегу — молодого человека и девушку с фотографической аппаратурой, снимавших наперебой в закатных лучах отреставрированный советский автомобиль «Жигули». Вместе с запасной пуговицей в кармане лежит жёлудь. Оля увидела на мусорке выброшенный кем-то том из энциклопедии искусств, посвящённый Возрождению и маньеризму, прекрасно иллюстрированный. Долго стояла, листала — наконец решилась и утащила его домой. Вовка показывал ей, где в домах калинизация. Дома, изучая картинки в детской книжке, говорил о скворце: «это дворец», о ласточках: «это бианки». Настал его черёд играть с телефоном; выслал в охранную службу статистическую сводку по ковиду. Снова стал убегать от Оли, один раз укатил было на самокате, но перехватили сидевшие в кафе учительницы-

маэстры. В другой раз, пока мама искала его у автомехаников, забежал в бар и съел у посетителей всю картошку фри. По Генуе свищет пронизывающий ветер, мальчишка кутается в тёплую куртку и натягивает до самых глаз капюшон, а Оля зябнет в лёгком шерстяном пальто. Поднимаясь по ступенькам в школу, Вовкин встречает маму своей одноклассницы. В руках у неё — мотоциклетные шлемы, свой большой и дочкин маленький. Вова, не произнося ни слова, останавливает её и начинает играть со шлемами, надевает один из них на голову (мама одноклассницы смеётся), стучит пальцами по стеклу, ни в какую не хочет снимать. Теперь встаёт вопрос о покупке Вове такого шлема — раз их он равнодушно пропустить не может. Но в магазине начинает рыдать — ни один из шлемов ему не нравится. Уходя из магазина, рыдает ещё горестней — ведь ни один из шлемов не купили. «Ты хочешь машиной попасть в маландодоз». В стоматологии клоуны с длинными носами. Вовка подбегает к ним и пытается ухватить за носы, а они решают побегать с ним наперегонки, что является тактической ошибкой — его ведь и не обгонишь, однако уже и не успокоишь. Если ряженный бежит влево, мальчишка несётся вправо, и наоборот — легко уклоняется от ловчих объятий. Младший клоун, мулат с длинными дредами, выдувает огромный мыльный пузырь, который накрывает Вову целиком. Шкодкин восторженно застывает, пока пузырь не лопается, рассыпаясь мелкими брызгами. Старший, седой клоун подходит к Оле и сочувственно гладит её по голове: «вы такая сильная». «Я как Шварценеггер, я всё могу». «Хочешь яблочко», — поёт Вовка на все лады. «Нет, — сурово отвечает Оля, — ты ещё руки не помыл». Ещё Вовка хочет в абракадабру. Там стоит особенная тишина, может быть, из-за камышей. В день города ракетные удары по центру: двухэтажный дом обрушился, во многих соседних вылетели стёкла. При последней атаке в моей квартире на пару часов пропадает свет. Взрывы с расстояния в несколько километров слышны едва-едва, похожи на неопределённые атмосферные явления. У оккупантов рушится одна линия обороны за другой, через пролом во фронте наши войска выходят на оперативный простор, где могут быстро наступать, не встречая преград. Бегут недотыкомки, бросая технику, попадают в котлы и ловушки — наши армейцы уже не справляются с большим количеством пленных. Вражеские резервы, брошенные в контратаку с колёс, бестолково гибнут. При преждевре-

менном облысении не добираешь линейных зрелищ. Откуда стробоскопия плиссированных юбок и низких крыш? Лампа свешивается с автомобиля, как рука. Бёдра переходят в пасть исторической птицы. Помогает сортировка ударений по исчезновению. Вагнеровская бритва «нечаянно» — обещаешься. Не понимаю инопланетных колонн, красных букв на груди. Где-то рядом, в следующем кадре должно быть море. Привычка к ложным и ласковым ударениям. Ты на развилке, налево — тысячеликая проза, направо мускулистый стих, увенчанный лавровым плевком. Растяжка тушит святые пули. Прыгай по брёвнам через болото, пересекай поляны с горящими кукурузой и солью. Застегни алюминиевую пуговицу и расстегни деревянную. Не унижай транспорт брата своего. Ибо самое насущное — мазки, освобождённые от маслянистых теней. Шлюзы, сдержавшие флирт отражений с лодками. Буквы озёрного холода, атмосферный локоть. Оперетта возможностей: только дешёвые ставки выигрывают. Логично, что ты не можешь передать тела знакам препинания. До сих пор не было надежды на макабрическую мельницу, но теперь по металлическим стенам спускается целый батальон правил. Все спички грязные. Склоняется прозрачная бестия, отчуждённо листает плотвичку. Будьте здоровы, погонщики, но отряхнитесь. Спутники продают фуксиям глаза и лезвия. Уменьшительный кукиш, перекасти-монета. Ни о чём не могу думать, кроме надкушенной булки. Позвони тогда в колокольчик мелкого почерка. С одной стороны ринга штрих-коды, с другой полезно будет решить, божественным методом, задачу о четырёх неизвестных. Берегите робкую кровлю ребенка, но храните и медяки. Не надо собирать слова в слова, как обезьяна с расщепленными зубами. Ритуал существует для ночной встречи. Ожидание превращений обучено холодом. Из солёного дыма выходит пламя: трещат знамена, плещут ветряные мельницы, шумят детские книги. Распахиваются объятия, и могильщики ложатся в горячий песок. Перепрыгиваем.

Схожесть заглушается тем, что в пространстве ускользающих вещей люди чаще обычного становятся причинами друг для друга. Только дай нам порядковые номера — начнём разуваться, как фразы гениальных прозаиков. Полина пытается убить дрожащую муху скаутским галстуком. Нас окружают мёртвые аллегории, смешли-

вые фурии выключенного света. Из ладоней у них клевещут неисполнимые задачи, на лодыжках отставные ежи выстанывают хроматические гаммы. Мы на первом этаже: у людей восторги, а нам бы свои — в бутылку да в южное море. Вблизи джазовый скрипач выглядывает наркоманом, и фаянсовые колобки врассыпную пляшущих смахивают на детородные органы. В тесном механизме на девушку находит стих — будто наливщик валится с фонаря. Девушка подаёт толпе сигналы руками, зачитывает гексаметры из всемирного каталога недвижимости. Отвечаем изумлённо: больше нет номеров. Лежали раньше в пакете последние четыре, и в придачу к ним квитанции на забытые стаканы. О чём ты так долго рассказываешь телефонному справочнику? В Фундаментальной библиотеке есть книга о Хлестакове, послушайте: «целый день он ржал, как взлелеявшаяся лошадь». Ах, Боже мой, веселитесь — но кто же у нас ржёт до сорока лет? От планового теракта отделяют не более полутора немых голов. Гляйвиц приносит рюмку с бодрящим дизельным напитком. Продолжается отключение нимбов и детских сидений. И суггестии не надо, чтобы погрузить нашу безбашенную троицу в логарифмический сон. Вбивай дескрипторы в ватман, на котором они будут завиваться — это напоминает игру с сеткой, где зашит маленький паразит. И вот уже закладка углом своего тела то ли вниз, то ли вверх извинного подвешена. Бегуны выжимают из обуви лишний воздух. Есть предел мощности, но не в арифметических пропорциях. Дабы не усугублять характер, с работниками оргкомитетов знакомят во время официальных встреч. Годовой отчет «со всеми негражданами по труду» занимает два тома. Надворное отсутствие выдаёт жалование, но у него свои пути и собственные исполнительные секретари. Запасные рубашки нельзя вернуть. Один секретарь испортит, другой одолжит, третий решит, что цикл является вещественным доказательством. После каждого посещения буфета приходится включать машину пространства. Натягивать бечёвку, врезающуюся в кожу. Или же подстраивать волну раритетного радиоприёмника. Безобидные фразы всегда чуть уже. Встречи назначены, но на них приходят люди с произвольной длиной волос. Тем не менее, надежда сохраняется — это именно то, чего ты хотела. Скала похожа на кипящий чайник. К пюпитру прилагается ручка для медленного вращения. Диванные пружины склонны к саботажу; у циклопа с галстуком-бабочкой слишком длинный язык. Грязь

ступает за нами след в след, не отвечая на случайные оскорбления. Я вправе поговорить с портье: как талантливый хирург, он лишает нас всего, что мы ожидали. Председатель студенческого братства, из скромных жрецов: рука его катится сама собой, подскакивая на круглых датах. Мы с Игорем затыкаемся, словно бочки с подмоченной крапивой. Пиццу доставляют экскалаторы в шайбочках-круговертях. Сдавайтесь, о грубые шампиньоны! Мы всё равно вас измерим — традиционным дедовским способом. Татуированная флейта сказочно недальновидна: беременеет от первого выстрела. По ошибке мы называем это сдержанностью. Наш режиссёр немного чудаковат, как Ботинки; чикагские продюсеры подкладывают под него шкуры тифозных медведей. Прекрасно, если для длинной истории можно не настраивать заноз. Однако не всем оркестрантам ноты подмигивают одинаково. Заколка изумлённо уступает призовое место снимкам плечевых суставов. Покачивается, как газовая плитка, непомерно раздувшаяся от резкого ракурса голова. Пробегают колонна дублёров. В конце концов зрителей взвешивают на гигантских весах и, после долгих мучений, вылавливают из моря музыки тех, кто был некогда настоящим театром. Тут жди, пока пена спадёт с лица, а случается это не часто. Бумагомараки, выскочки — никак не можем довести начатое дело до печатного листа. У лунной подушки кочующая дыра, только что видел такую в чужих машинах. Гонки ансамблей по червивой дороге оканчиваются достойно: мавританским расположением светоча. Не правда ли, постоянные ракетные атаки способствуют распространению нежности? Её просто некогда откладывать на завтра. Глава как глава, и вовсе незачем являться какому-нибудь зыбкому гению. Мы не настроены принимать четвёртого в нашу расслабленную компанию. Ни пухом, ни прахом, ни пирамидками на подошвах — теми, что падают под вагон, словно камешки. Не станем выдумывать и тринадцатый кадр, оторвёмся вдоволь на существующих. Подержим бога референций за оба измазанных сажей крыла. Прострел не поспел, только укрылся ветошкой, а теперь ночует в метро. Продавать шпоры капустникам сдвоенных гласных ещё не время; следует повторить прежний манёвр и вылить кофе на рубашку. «Все эротические семантики немисливо замусорены. Поэтому работе — да, письму — да, но сексу — нет. Не хочу совокупляться, пропитываясь одним из липких, сдающихся в аренду смыслов». Граница между иррацио-

нальным и рациональным — как длинный панельный дом по прозвищу «Китайская стена» на набережной: отчасти это проходной двор и отчасти бордель. Нет на свете зубной щётки, что не стремилась бы найти дорогу в минутное капище. Какую из малых историй сегодня собираемся завершить? Кишащим фигурам легче одновременно и уйти, и задержаться. Круглые чаши с закипающей грязью заменяют им слова. Испарение времени снова под вопросом. Вечера здесь тёплые, прозрачно залитые плафонами — пока не прорежутся молнии молний. Туалеты делают жизнь, а ошибки её исправляют. Игорь наблюдает, как по жестяной воронке наискось льётся вода, как скрученные чайки цепляются клювами за цветные провода. Холм скопирован, и вместе с ним отпечаток зуба доисторического экскаватора. Бесплезная нота раскачивается на длинной ножке. Жёлтая труба пересекает шашечную там, где запущен цех оплавленных виртуозов. Кто построил завод — сапожник или сокольниковый? В целом поэтично: монотонное гудение, храпы, скрежет. Новая архитектурная модификация крыши — электронного пастуха овец. Расслабленность бильярдной дедукции: то, что не будет работать, уцелеет.

По словам Ивана Павловича, Оля стала главным в городе специалистом по редкой Колиной болезни. Знает о ней всё, переписывается с американскими врачами, зорко следит за симптоматикой. Для получения инвалидности ребёнок побывал в ещё одной больнице — городской. Сёстры неумехи: не могли нормально набрать кровь, тыкали много раз в вену, никак не попадали. Врачи редкостные обормоты: назначили дигоксин, а когда он был нами куплен, отменили. В выписке указали, что мы жаловались на слабость и отставание в развитии — в больнице всё, дескать, улучшилось. На самом деле Оля им сказала, что в отделении ребёнок становится всё более капризным, просила выписать поскорей. Уже после возвращения домой в анализах крови выявился гемолитический стафилококк. Заорали: «Антибиотики! Сепсис!» — но жена не позволила им пичкать Колю лишними лекарствами. Ребёнок явно не септический, дома себя чувствует хорошо. Видимо, пробы загрязнили те сёстры, что их брали. «Вы своего ребёнка погубите!» — пророчествовала врач. Нажаловалась в поликлинику, так что к нам прибежал ещё и перевозбуждённый семейный доктор. Мама твердит: «это вы спе-

циально придумали, что у ребёнка температура, лишь бы мне досадить». В ярости бросаю хлеб в помойное ведро. Висят-кружатся над Коленькой серебристые рыбки, а он к ним тянется. Дотянулся, бах ручкой по рыбке — и в рёв: считает, что это она его ударила. Радость Коля выражает ножками: поднимает их и ударяет о подстилку. А когда начинает дуть, как в трубу, в полого резинового тигрёнка, раздаются такие звуки, будто в комнате зевает маленький горный тролль. Юркий критик на литературном вечере щебечет да щебечет дискантом, и вдруг как заревёт басом песню на немецком. Посередине задыхается и заглядывает в шпаргалку. Время от времени на Олю накатывает желание покончить с собой и убить ребёнка. Я в таких случаях впадаю в глубокую беспомощность, совершенно не знаю, что делать. Складывается комплекс вины перед женой и Коленькой. Когда малышу нужно уснуть, пою песни, все подряд, какие знаю. Лучше всего его успокаивает, как ни странно, «На безымянной высоте». Я повредил соседям дверь коляской, когда выходил из квартиры; царапина получилась большая, и долго я нервничал, но соседи скандалить не стали. Когда ехали поездом в город X, то ночью, чтобы Коля заснул, выносили его в холодный тамбур. Поездка не дала определённости с диагнозом. Врач сказала, что это не фиброэластоз и не рестриктивная кардиомиопатия. Больше похоже на некомпактный миокард. Такое не лечится, только само пройти может. Когда мальчик стал орать во время УЗИ, она спела ему «Ой Мыкола-Мыколай» — помогло, заинтересовался песней. Количество возможных диагнозов продолжает расти, как на дрожжах. Иллюзорная сцена, где минотавр играет с очевидностью в прятки. Если ты пишешь самому себе, ты пишешь этому самому минотавру. Вокруг летают вещи, пакеты, грязь: осень. Иногда достаточно правильной формулировки: октябрь — это задача, требующая разрешения. Пока сохраняется роскошь прогулок по двумерному миру. Хотите, я на вашем зубе покажу проекцию гипотенузы? Оля не смогла сдать аналитику, профессорша сказала ей, что оценивает не только знания, но и умение их изложить. Учите итальянский. Для Веры Михайловны учёба Олина — херня, а вот получение бесплатной пищи в каритасах дело святое и важное. Нашла на время работу баданты, но теперь сама ей не рада. У старухи, за которой она ухаживает, болезнь Альцгеймера. Очень тяжёлая, с места на место её передвинуть — задача не из простых. В состоянии глубокого

шока легче писать прозу, чем стихи; на них не получается сосредоточиться. Довоенная жизнь кажется причудливым заблуждением. Грубая материальность делает «я» телесное призрачным, способным в любой момент испариться. Демон из двух зол выбирает мобилизацию, не будет эта осень спокойной. Захватывающая история короля Брудастого с кирзовым сапогом под перьями, в узком парадном футляре, с большой кнопкой. То обрисовывается, то затушёвывается перспектива ядерной войны. Какое совпадение — как только мы стали говорить о ней, на небе появилась двойная радуга. Сейчас лучше всего жить в Антарктиде; там вообще скоро лето, пингвины расцветают. Инопланетяне по утрам воркуют и хлопают крыльями — но не активно, скорей в силу инерции. Появляется тот же ужас, что и перед началом войны, когда я решил уехать с мамой в одну из западных областей. Мама ежедневно подолгу созванивается с бывшими учениками, с подругами по дому. Её соседки слева и справа, ненавидевшие друг друга десятилетиями, примирились, отсиживаясь в бомбоубежище, и стали делиться друг с другом всеми своими припасами. Моя тёща продолжает информационные диверсии: заходит на малознакомые группы в «одноклассниках» и спрашивает: зачем вы отправляете на убой своих сыновей? Посетителей задевает за живое, орут в ответ «блядiiiiииина». Специалисты проявляют удивительное умение вертеть одну и ту же полупрозрачную вещицу, выявляя в ней новые и новые, всё более заострённые грани. Каждая нестранная тропинка ведёт к беспомощности. Искрит, вот в чём дело — искрит, и поэтому пускаюсь я в очередную литературную авантюру. Два светила со смещённым центром тяжести, что обоюдно подгоняют друг друга. Как сказать усопшему сыну, что он — самый нужный, самый дорогой человек, что любовь к нему не ослабевает? Раньше я думал: начну писать новую главу, только если у меня будет идея, как сделать её не похожей на предыдущие. А надо поставить задачу «написать главу, не похожую на предыдущую», и тогда мысли о том, как это можно сделать, начнут приходить пакетами. Устраиваюсь поудобней и наблюдаю, как машины письма собирают воедино невозможное, как происходит сортировка движущихся в неизвестность глав. Вариация заранее размечает структуру. Можно ли ненавидеть ещё больше лодку, в которой плывёшь? Бормочущий несусветицу диктор шагает по арбузным коркам. Горький смех и соседские шорохи целую ночь над го-

ловой. А вот детский голос пропал — быть может, ребёнка эвакуировали. Кувшин чулка в зрачке у лестницы. Скрещиваются зеркальные рамы и куриные кости. Всё ещё длинен путь щеколды к прямоугольной причёске. Грубое, проворное присутствие машин. Перед овацией в твоём теле крутится сонмище нетривиальных ласточек; почти фригидное. Гири с человеческими головами одеты в холсты. Короткое движение кисти — пусть танцуют чьи-нибудь боги. Солнце гладит нити лучей, разбирает радугу. «Твоя мама сошла с ума: пошла промывать нос!» — Коленька внимательно выслушал и заплакал. На собственную квартиру мы копили долго, пришлось забросить ставшие для меня привычными туристические поездки по городам в различных областях страны. Каждые выходные ходили с коляской — малыш был в тёплом костюме медвежонка — через центр города к домам, которые показывали риэлторы. В одном из них не устроила близость балки с неукреплённым склоном, в другом — затопленный горячей водой, извергающий пар подвал. Третий дом был скреплён швеллерами, а пол у него внутри был наклонным; так что мяч, выпущенный из рук на кухне, катился сквозь коридор до окна в гостиной. В четвёртом по одной из стен пробегала полоса плесени. Пятую из квартир её хозяин не захотел продавать «той, с родинкой», предположительно, по мистическим причинам; у него всюду были развешаны иконы, дыхание подавлял тяжёлый запах от многочисленных сгоревших свечей. В шестой квартире обнаружился притон — теперь уж Оля не захотела её покупать, хоть проституток и обещали выгнать. В будущих многотомных книгах историков упомянут будет и шут гороховый, и его зазубренное слово. Вычерчиваю вслепую тугой облущенный звук. Ведро холодной воды: всё, чем я занят, не выдерживает смыслового барьера, выглядит невнятным при смещении теней. Самое ценное было высказано сразу же, и к этому больше нечего добавить. Непроницаемый материал без прямого доступа; двадцать человек в шарообразной комнате одновременно начинают размахивать самурайскими мечами, поначалу даже не задевая друг друга. Заявление: прошу оформить инвалидность моему сыну Владимиру (род. 23 июля 2015 года, 7 лет и 2 месяца). В течение последних двух лет он находится на лечении в Италии (Генуя). Оформлено только временное проживание, и мы не получаем социальной помощи. Врачами установлен диагноз «Аутизм», код ICD 10 F84. По рекомендации доктора он хо-

дит в школу, где за ним закреплён свой личный преподаватель, учится там по специальной программе. До трёх с половиной лет развивался, хотя и с отставанием, имел зачатки речи — знал отдельные слова. В этом возрасте после смерти старшего брата началась задержка в развитии, а затем и регресс. Полностью перестал говорить, прекратил есть самостоятельно. В играх преобладали повторяемые действия. Мог часами, например, крутить одно и то же колесо на игровой площадке. Выстраивал игрушки в длинные цепочки. Ему важно было ходить по одной и той же дороге, иначе начинал вырываться (теперь это прошло). Если фиксируется на каком-то занятии, его трудно переключить на другое. До сих пор ест и одевается с чужой помощью, очень редко самостоятельно. В туалет ходит сам, но не умеет пользоваться туалетной бумагой, так что нуждается в сопровождении. Речь начала возвращаться в 6 лет и 8 месяцев. Сейчас разговаривает простыми фразами, без соблюдения правил. О себе говорит во втором лице: «ты пойдёшь», о матери в первом: «я пойду». Словарный запас постепенно увеличивается. Ребёнок чувствительный, тревожный и пугливый. Отрицательные эмоциональные состояния сохраняются часами, ему трудно из них выйти. Хорошо чувствует эмоциональное состояние матери — будет взвинченным, если она расстроена. Когда мать рядом с ним, он не даёт ей отвлечься ни на какое другое дело, постоянно требует к себе внимания. Она должна реагировать на всё, что он делает, или он начинает нервничать. Не умеет читать и писать. Интересуется буквами и цифрами, но не может их запомнить. По отношению к другим людям не агрессивен. Тянется к детям, но не понимает, как с ними играть. Максимум — может потянуть кого-то за руку, заставить идти за собой. Любит контактировать со взрослыми: неожиданно к ним подбегает, обнимает, нажимает кнопки на часах — это многих раздражает. Рассеян, не может сконцентрировать внимание на занятиях в школе и дома. Постоянно находится на своей волне, отключён от внешнего общения. Если рядом с ним разговаривают, не участвует и никак не даёт понять, что понял что-нибудь. Не реагирует на обращённую к нему речь — но в последнее время стал в некоторых случаях отвечать «чао» и выполнять простые просьбы (например, выключать свет). В общественных местах берёт все подряд вещи в руки, дёргает или бросает, нажимает на кнопки, часто — трогает и дёргает людей. Кричит, если ему это запрещать. На

улицах убегает от матери — это такая у него игра, — а в последнее время стал убегать из школы. Какое-то время назад научился рисовать и с удовольствием это делал, но теперь не рисует совсем. Каждый день вспоминает о папе, говорит о нём. Лечащий врач-психиатр Элиза Пелозо считает, что присутствие отца в Италии рядом с ребёнком может оказать положительный эффект. Хороший повод, вернув повествованию время, внезапно избавиться от пространства. Оставить главу пустым знаком — завораживающим, втягивающим смыслы, как водоворот. Легко уходящим сквозь пальцы; вторгающимся в Финнеганову ночь. Двойная невидимость, по наследству и в силу отбора, — не приведёт ли к иной, мерцающей видимости? Для каждой итерации нужна собственная точка прорыва. Солнечное утро, проведённое за шторами, пограничное для моего больного (уже почти нет) горла. Прекрасное это занятие — проспать целых семь часов, махнув рукой (во сне) на перемежающиеся воздушные тревоги. Снились огромные кузнечики, игравшие в волейбол. Страхивая это последнее видение, вспоминаю, что был четвёркой пиратов, бравших на abordаж парусное торговое судно. Уродливые ресницы, ваше акулейшество, сильный перекося в сторону винограда. Отправимся по накатанной дороге — той, что заполнена отходами производства, робкими мордами кухонных тряпок. На главную задачу ты идохнуть боишься. Как можно скорее после онлайн-митинга поезжай к моему дому — чтобы меньше задерживать соседку. Надо идти налево по коридорчику, и тогда перед тобой окажутся три двери, моя ближайшая. Направо от входа — путь в кладовку, но тебе туда не нужно. Налево — большая комната, там открой, пожалуйста, в большом шкафу правый из верхних ящиков. Увидишь книги, обрати внимание на самые толстые. Одна из них, красная, лежащая посередине — «Кантос». Именно по ней я скучаю. Нужно ли написать тебе, какие из моих стихов стоит прочитать на вечере? Или будешь наугад? Грустно видеть, как с каждым годом передо мной захлопываются, одна за другой, новые и новые ворота. Что касается любви, то нелепое это занятие для человека, привыкшего создавать собственные игры — с нуля, самостоятельно, за короткий срок. Обойдёмся без мусора на письменном столе. Бои без правил в бочке с вязким дёгтем. Очередная электростанция выведена из строя. С каждой неделей всё более долгими становятся перебои с электроснабжением. Новые и новые атаки дронов, разру-

шенные дома в центре города. Одна из идей врага — заставить ПВО истратить имеющийся запас ракет, чтобы мы остались беззащитны, и тогда взрывать без помех всю электрическую и тепловую инфраструктуру. Жизнь можно испортить неограниченным количеством способов. Не такую уж яркую, но дарящую тепло. Нести остаток по берегу, улыбаться — это сильнее тревоги? Прохожая говорит по смартфону: «ни одного котёнка, похожего на тебя, скотина». С половой жизнью, как с математикой; расстаёшься с ними — ни капли не скучаешь. Разве хочется видеть ту грязь, что у меня под одеждой? Чувствовать грязь под кожей? Конечно, это последствия психологических травм, и войны в придачу. Пока она идёт, смысл есть во всём, что я умудряюсь сказать — с трудом, сквозь зубы. Закончится, и наверное, ни в чём уже смысла не будет.

Оружие крапинки находим в каждой из запятых, в старомодном уравнении танца, в щекочущих представлениях о камнях и сельниках. Отстукивают ли по ночам чечётку кошачьи вклады? Дымящиеся каблуки инсталлированы в качестве неудачной шутки. Смутный инструмент, ничьей воле уже не послушный. Гипнотическое зачатие телеграмм в заводах Смородины: не верёвочка, о плакучие джентльмены, но стул с багряной обивкой, прицепленный к маломальскому телеграммному столбу. Пропадают пропадом беспочвенные гидранты, ливрейные мыши выходят на добычу кусочков. Почему воробьи не шумят на карнизах и не осыпаются щебенкой? Ничто, умозрительные друзья мои, не способствует возвращению маятника в такой степени, как отсутствие тепла и солнечного света. «Дважды забывал предупредить о люке, и дважды люди падали. Один из них — норвежец». Лучший вечер года: блистающий парк и сиреневатые тени. В песок воткнуты колышки, вместо одного из них царит кирпич. Достать из неровного свёртка и есть нечто коричневое, крошащееся, затем прячешь свёрток и начинаешь бегать вдоль реки, спортивно поднимая ноги. В уголке твоего рта родинка — маленький бегемотик, танцующий, когда ты говоришь. Посреди поляны стоит большой дорожный чемодан, изъеденный дождями. Вокруг детские мячики, старые учебники и пластмассовые чашки. Позади небольшой памятник, обложенный мешками с песком, а за ним — речка, весёлая, смешливая, с резиновой лодкой. Вдали рыжие сосновые сосны. Очень жаль, что я не могу их пере-

считать. Сигналы подвешены в дымящемся воздухе. Шаткой пропорцией отсекается фронт холода. Сновидец по скользким камням переходит на другой берег. На окрашенной в томат скамье целуются истопники. Потухшая плита косым жирным следом затягивает обочину. Окна покрываются скользкой коркой, и почтовый вагон звонит, как колокол. Пассажирка Икс в чёрном платье не суммируется с кондукторшей Игрек в розовом, но их фанаты не оставляют попыток подправить арифметику. Относятся к дамам так, словно это лежащие на тропинке оструганные клинышки. «Разве в свинарнике блоха не цепляется за хомут ночи? Но вот мы попали в рай, располагавшийся раньше в Каневских горах, в зоопарке. Разумные животные, растущие под разноцветными лампочками и одетые в точно такие же комбинезоны». Ягоды с круглыми бровками, с короткими галстучками. Хохочущие шлюзовые камеры подводных лодок. Новые теории, как рваные рыболовные сети, лишь искажают условия задачи. Ошибка не ошибается, ошибаются лишь программисты. Матрица спонтанного инкремента, кристалл, оживающий по ночам. Отмерзающее море не опирается больше ни на логику, ни на опыт. Всё приобретает значимость, даже повторяющиеся телефонные цифры в рекламной строчке. Сколько деконструируемых объектов остаются открытыми, не собранными даже наполовину? Немного тёплого вина в комнате, выходящей окнами на запустелый сад. Всё на месте: луга, домишки, сплетни. Это поможет нам притвориться — хоть и неясно, кем именно и зачем. Пёстрые ленты вкручиваются в треснувшую по золотому сечению массу холмов. Вспоминаем о пылающих смоляных ветках. Утомительная работа — быть персонажем в энциклопедии иллюзий. Формулировке без вреда неделю. Идея пыльная — её можно купить за свистки. Джитпотрясы отпущены в стенку, там плёсо с ноготками. Худят из кладовки, аперитив им за шиворот. Дуже треба посилочку забрати. Больше рассерченной реальности, чем в стуче подкаблучников. Недоеденная бугристая ичня, жареная колбаса, геймеров суд. Ключи на стуле, а под столом царь кусается. Мелкие волоски на занавеске. Цена проницаемости чрезмерна, да и сама она оказывается одной из перекрывающих сцену штор. Одиссея стандартных ямочек на щеках. Дёрни за верёвку — и посыплются как из ведра белёсые праздники, покряхтывающие дужки одревления. Создадут лишний ритм в чрезмерно прозрачных на ощупь вещах. Симметрически

уменьшат включения, заполняют луну чайным паром. Минимум, что ты можешь определить, покачивая бёдрами, надевая зелёные перчатки — внутри бродит от пальца к пальцу чеширская ухмылка. Тушат мягкую ночь, и городские огни становятся рубиновыми, как печенье. Те из нас, кто посмел делиться своим опытом в паху, не имеют шансов на дальнейшее привитие. Удовольствие от жизни можно сравнить с ощущением от ползущей по телу пчелы. Самые стабильные вещи сшиты по одному лекалу. Головы безвольно сгибаются в знак благодарности, стоит выключить радио. А если все вокруг сводят с ума одинаково? Беременные верой трансфокаторы с ходу получают по сусалам. Ты бесстрашно принимаешься укреплять бестиарий гаечной пулей. Километр за километром — сырой, чуть колющий цвет, дальний родственник предметности. Город иногда слепяще тёмн, иногда болезненно вздут, словно бьётся о свои же углы и стены во время затяжных боёв с бесцветной армией. Размеренное шлепанье зонтиком по тротуару оживляет одни и те же Достоевские дома, что вырастают из почвы, как гигантские мошки. О какой реке задумалось слово «кровь» — о той ли, что в муках рождена была человеком? Собака водит раздвоенным языком по свежепобеленным рёбрам забора — она не устала и не смирилась. Твоя рука сжимает и разжимает поливочный шланг. В покрасневшее дыхание врывается шум океана. Игорь с врождённой грацией держит одной рукой револьвер, другой чашку с зелёным, а порою салатным, чаем. Телефонный провод цепляется за ветку, чай хлещет во все стороны из циферблата. Мальчик делает четыре шага, поскрипывая резиновыми сапожками. Аромат солонок и мундштуков. Засыпающее на ходу членистоногое заползает в нос вопилизенту. В пляшущей на ветру луже сложены карточным домиком велосипедные шины. Сработала многолетняя привычка крутить на пальце текст, словно браслет часов, примеривая его так и эдак, подступаясь, сдаваясь, но потом совершая обходной марш-бросок по грязному скверу. Туземцы продают на берегу картофельные торты. Купальщица с тяжёлыми ушами меланхолично льёт на весы подсолнечное масло. Бруски солёного сыра болтаются на ветвях дворника, словно буквы газетной рекламы. Скрипач, раздувая ноздри, перетягивает басовую струну. Ведёт себя так, будто жизнь его окончится через несколько оставшихся до полнолуния строк.

Мёд на голове разложен; что это, приведите пример. Антагонист уже здесь — вещь изломанная. Удивительно, ведь уруру вместо него должны быть постные печи. Первая ось находится за сваленной в кучу мышью-оленом. Выбор лжи; но зачем учиться быть похожим на вторую ногу (дым, удалить папу). Мы деревня со спойлером: люди, поднявшие мяч. Отчий паралич серверов. Прочие вещи должны быть наказаны, как глаза об арендованном поле. Беспроводная схема моей команды — полукраб с перчаткой и зеркалом в пруду. Крутые манеры — ек барб бэби луна культура — северный полюс. Учителя выпустили ковёр холодного тона. Заставьте меня взорвать соус, и я сделаю то же с раком на фото. Фракция крик человек-н-офелия. Новости как путь к циферблату. Одежда из виски куда более девчачья, но что мне делать в промежутке между интрижками Ким Хера? Почему он должен пойти в парикмахерскую двадцать пятого числа, о лом Вещь? Когда слов не остаётся, водопровод Рэйчел стреляет на все четыре. Вопрос меньше дрожит, и овцы вертят только в самцов перед штурмом. Искал сканы Олиного паспорта, а обнаружил Колины и Вовины фотографии для детских загранпаспортов. Не могу смотреть на них без отчаяния. Коленька в тот день бодро шагал к фотографу вместе с папой и мамой, а на снимке получился грустным-прегрустным, с опущенными уголками губ. С малышом Вовушкой вышла целая история — вдруг в незнакомом месте он впал в истерику, плакал и не мог остановиться; фотограф долго его успокаивал и с трудом улучил момент для съёмки. На паспортном фото наш младший полуулыбается и полуплачет (до сих пор это выражение лица для него характерно), в глазах поблёскивают слёзы. Пишіть мені, будь ласка — кожний ваш лист для мене справжня знахідка (як і ваші тексти). Насправді, не бачу геть нічого поганого у нашій з вами російській мові та російськомовній культурі. Мені здається, вас муляє хибна ідея, що ототожнює імперську ідеологію та російську мову/культуру — мовляв, друга існує лише як засіб розповсюдження першої. Не можу з цим погодитися. Кожна з культур несе в собі як здорові, так і отруйні елементи. Так трапилося, що в цій конкретній культурі тимчасово перемогла отрута. Як на мене, спільне завдання для російськомовних людей на наступні десятиріччя — побачити й перемогти цю отруту, це імперство на рівні сенсів. Для мене все це не позначає, що я мушу змінювати свою мову та культуру на щось інше. У вашому випадку є та-

кож культура німецька, куди ви можете надовго пірнути та почуватися цілком органічно, знайти себе в ній. Вечером переписуюсь с итальянским переводчиком. Почему клавиша ё — отщепенка? На русской раскладке клавиатуры она расположена отдельно от остальных букв — левей и выше. Во время комендантского часа, при выключенном освещении — когда мерцает лишь монитор ноутбука — трудно находить и нажимать вслепую. Perezваниваюсь с переводчиком немецким. Почему клавиша ё — отщепенка? Стыдно жить в тени даже скромного Коперника. Не стыдно смеяться, когда сидишь в жерле вулкана. Щёлкаю пальцами, как расстриженный фокусник — сейчас, откуда ни возьмись, рухнет мешок с дохлой птицей. Иное иного — подписка на иллюзорное с петлёй обратной связи — как это вообще может балансировать и не рухнуть? Настоящий романист должен время от времени носить шотландский килт. С княжеским достоинством, омывая купленные фрукты во всех словесных потоках. День без воспроизводимости, летят щепки стеклянных гирь. Танец розовых справок, смущённых правописанием. Сырая инаковость азарта; избыточный язык тела, теней, длинных участков пламени. Хорошо быть скептиком под густыми облаками, что заполнены очередями зенитных пулемётов и гулко скользящими убийцами-дронами. Миф о луже окрашивается призрачными штудиями. Скелет, подданный гигиены. Вросшие друг в друга углы и повязки трещин. Прочитан канон о банковском векселе — и снова в санках вспыхивают созвездия. Полицейский, посмотрев на фотокарточку, решает: женщина хорошая, серьёзная, она тебя убивать не будет. Фортунато на время успокаивается. Тень его обокрала — взяла деньги на покупку — для него же — автомобиля, но возвращать не собирается: сказала, это начальный вклад на ипотеку для покупки квартиры. Как-то раз подставила Веру Михайловну: та покупала сапоги, на выходе из магазина детектор запищал — оказывается, Тень сунула ей в карман колготы. Вообще она тянет везде по мелочи, что сможет. Старик нашёл в смартфоне у Тени фотографии оргий, которые она устраивала с четырьмя молодыми людьми, включая его адвоката, и выставил её из дома. Спустя несколько недель Фортунато внезапно умер, когда Вера Михайловна уехала, чтобы навестить внуков и отдохнуть от итальянской жизни. Решил остаться в Италии, но тосковал и постоянно звонил жене, всё чего-то боялся. Тёща считала, что его могли отравить от-

прыски — очень уж были, по её возвращению, довольны, что наконец могут дотянуться до наследства. Судебные тяжбы шли долго, с переменным успехом — но всё-таки Олиной маме досталась и небольшая, сравнительно с общей величиной наследства, сумма, на которую она купила себе квартиру, и совсем уж скромная пенсия супруга, которая позволила ей сводить концы с концами. Коленька согласен есть кашу, только когда смотрит на машины или когда ему поют песни. Вовсю кусается и дерётся, научился быстро ползать. Стал залезать на бортик кровати, и один раз по нашему недосмотру с него упал. Тихо лежал на спине, потрясённый, от неожиданности даже не плакал. Обошлось лёгким ушибом, все косточки остались целы, только пару раз вырвало. Стали обкладывать его высокими подушками, чтобы ему трудней было забраться в опасное место. Покупка квартиры — это катастрофа. Мы кругом в долгах; заняли у матерей, у Димы Бритвина, у Юры Черниченко, удалось даже взять у моей компании беспроцентный кредит. В нотариальной конторе всё чётко, как в машине — читаем и проверяем один документ за другим. Никогда ещё не видел такой огромной кипы бумажных денег. Оля буквально в эту квартиру влюбилась — в понедельник её увидела, в среду мы уже подписывали договор. Пошли на максимум уступок, согласились на высокую цену и позволили продавцам там жить ещё месяц. Те пытались нам всучить и мебель — но баста, пусть что хотят, с ней делают, не дадим ни копейки. (В итоге эта рухлядь перепала нам бесплатно). Заехали к больничной знакомой Оли на подстанцию и забрали у неё детскую кровать в гараже. Её сын младше Коли, но при этом вдвое крупней. Сама похожа на актрису Жанну Моро, только более грубой, почвенной фактуры. То рассказывала, что у неё идеальная семья, то вдруг — что муж негодяй, перестал дарить цветы. Тащили кровать с Олей вдвоём на новую квартиру сквозь красивый разноцветный туман. Микросюжет «выход главного персонажа под морось и раскуривание сигареты» не работает в условиях, когда с неба падают бритвенные лезвия. Приготовлена тусклая комната, где могут раздаваться и те голоса, которых нигде больше не услышишь. Напильничные, обведённые чернотой по контуру полумесяцы. Зачем считать именно истребление и ужас основой? Быть может, фундаментом служат удивление, вслушивание или хаотическая радость при каждой находке. Погнулась ложка, немедленно принимайте меры. Текстовое плато с на-

смешничающими клоунами — каждый высоко подбрасывает и судорожно ловит самодельную голову. Чёрненькие, полные, со стрижкой каре. Если что-то у них на этом плато не сладится — извините, другого не будет. И вообще всё вовремя надо делать, пока электричество на месте и шапки не разобрали. Становится холодно, но начала отопительного сезона пока ждать не стоит — городские власти боятся, что котельные тоже могут стать мишенями. Моя приятельница Настя вернулась вместе с мужем в ту же неделю в начале лета, что и мы с мамой. Она ежедневно ходит в супермаркет мимо уничтоженной ракетами заводской проходной. Говорит, что этот вид каждый раз переворачивает, в плохом смысле, её сознание: она будто начинает проваливаться в какую-то бездну. Даже когда ПВО сбивает ракету, обломки могут упасть, как на прошлой неделе, на автозаправку, вызвать пожар и гибель заправляющихся автомобилистов. Ежедневные две прокрастинации: проверяю в ленте новостей, не взорвалась ли крупнейшая в Европе атомная станция, и не началось ли новое вражеское наступление с севера, из транзитной страны — может быть, россиянам захочется перерезать военную логистику из Европы. После этих двух тем позволяю себе расслабиться и открыть сводку футбольных матчей. Во время очередных атак, пока дроны крушат дома в соседних районах, я продолжаю работать, раз уж, о чудо, остаются живы интернет и освещение. Если человек — это конструктор и его можно собирать и так, и эдак, то я предпочитаю те способы сборки, что позволяют не отрываться от монитора. Мама без особого энтузиазма спускается с третьего этажа, чтобы проверить состояние ближайших бомбоубежищ. Школьные и консерваторские подземелья забиты учащимися, маму туда не пускают. Она находит совсем близко, в доме с детской библиотекой, открытый подвал, где сидят во время воздушной тревоги несколько жителей на грязных мешках. Понятно, почему это убежище не пользуется популярностью. Доверимся и мы теории вероятности, а не плесневому и душному заточению. В далёкий первый месяц войны мы с мамой каждую ночь при звуках воздушной тревоги спускались в школьный подвал, где пытались выспаться на скамейке под радушно склабящимся чучелом оленя. Вокруг крутились похожие на актрис девочки-старшекласницы, обсуждая уроки танцев и математические парадоксы. В углу истово молилась группа женщин старшего возраста. Кто-то из подростков ставил на телефоне игру

со стрельбой, и половина подвала требовала выключить звук. Из-за чёртовой духоты я волновался, что маме станет плохо — она и так пила удвоенные дозы лекарств от давления. После ночи в холодном подвале в правом ухе шумело. Тревога всё не кончалась. Я выходил наружу, на школьный двор, подышать и размять ноющее тело. Низко над городом ревели самолёты, пугая прохожих. Возле спуска в подвал на ветках кустов подрагивали нарисованные карандашами плачущие бумажные ангелочки. Чтобы не терять времени даром во время блэкаута, отправляюсь отсылать посылку в Италию — в ней детские книжки, купленные Олей удалённо ботинки (так и горит обувь на сорванце), а также уписываемая Вовкиным по утрам гречка — её в Генуе не достанешь. Ближняя почта тоже темна, оказалась на одной электрической ветке с нашим домом. К почте дальней тянется длинная очередь, я стою в ней, читая книгу — но только приближаюсь к дверям отделения, как визжит новая воздушная тревога. Всё же упрашиваю почтовую даму обслужить меня; из-за больной ноги трудно было бы ещё и возвращаться домой с тяжёлой посылкой. Однако в следующий раз по окончании массажированной ракетной атаки, когда у половины города прекратилось водоснабжение, закрыты уже обе почты. Весь квартал погружён во тьму, лишь горят кое-где свечи в окнах у запасливых жителей. Отчётливей вспоминаются те давние сны, в которых я лежал, истекая кровью и медленно замерзая, а омертвевший город заносило густым снегом. С каждой неделей отключения электрики становились всё продолжительней. Дела сами собой поделились на те, что можно делать без света, и те, что нельзя. Так, моюсь я исключительно в темноте; жаль на это тратить драгоценные часы включения. По графику электричество отключают в двенадцать — значит, уже в одиннадцать стоит обесточить компьютер: он может сломаться при резком скачке напряжения. Графики никогда не соблюдаются точно, могут выключить и на полчаса раньше, и на час позже. Ноутбуком можно будет пользоваться ещё час или два, уже без интернета, пока не разрядится аккумулятор. Телефонная связь тянет еле-еле и только возле окна. За неделю я научился лавировать: во время блэкаута иду в офис компании — он висит сразу на двух фазах, переключаясь между ними, в итоге там чаще работает электрика. К планингу подключаюсь, экономии времени ради, из соседней к моему дому библиотеки Маяковского: в ней оборудован пункт несокрушимости с круглосу-

точным интернетом. Остался единственный способ читать стихи — принимать их сослепу за прозу. Зато сколько радости доставляет самый обычный свет, когда его включают; совсем другое вырабатывается отношение к простым вещам.

Киноварь и бильярд — вторые жертвы хаоса. Ваш пин-код недоступен в состоянии 0xc000006d, подсостоянии 0xc0070070. Щёлкните каблуками, чтобы снова его настроить. С точностью до третьего знака после запятой оцените зелёную компоненту в цвете замёрзших ладоней. Запишите в столбик цифры: 8 3 1 7. Для масштаба приложите к ним джунгли. Представьте себе, что вам не нужно идти сегодня на службу. Завершите не вошедший в роман карандашный набросок. Узкое длинное зеркальце на запрокинутой планете, сиденье холодит вам щёку. Воздушная тревога спиралями пересекает бледное лицо. Карточки беспомощны, а наличка снова в цене. Для обряда прахосочетания необходимо как можно больше пустых бутылок. Ковыряюсь в кармане сумки, вытаскиваю горсть металла, полученного в качестве сдачи. Целомудрие — наше всё; секс лишь провоцировал бы простуду. Обглоданные ситуационизмом поэты вместо того, чтоб забрасывать друг друга хрупкой буквицей, мочатся кипятком на клумбу, облепленную мокрым снегом. Предавшись скромности, мы зашли слишком далеко. Глаза из тёмных горшков заглядывают в окно: ломаются брошенные на тротуар книги, посёлок режет спичкой январскую шею. Даже режиссёрские заметки не помогут найти путь к метро по жидкой грязи. С неба валится самый длинный из дней рождения. Полина обхлопывает ватрежкой спину замерзающего в парке чугунного льва. Хотела бы заснуть, сидя в тепле между одеялом и ножницами. От первого дыхания готовится стать кислым капустный сок. Изначально нужна крайне строгая геометрия, она будет деформироваться в процессе правок, но при чтении ощущение выверенности всё равно остаётся. Хотя бы одну сессию в неделю, пусть незаметную. Нет, сурово отвечает Игорь, проходя в кладовку и возвращаясь к нам с ножом, проволочной короной и салями. Вместо подстилки мы пользуемся двумя любовными романами. Андрей-мытарь забирает нож и вырезает корку. Со ржавчиной приходит и голая жизнь. Стеклятся облака, как в детстве вожди. Ты уносишь в музейную подсобку, чтобы не мешала, заострённую гипсовую грудь. Погоняешься ещё за сосульками. Рифма в виде японской гравюры, где режут друг друга сосредото-

ченные самураи — немного пластичней, чем позволяет им величие. Рис и репа ровны, словно корабельные брёвна. О блинчиках, однако, не говорится — они являются сами собой. Зимой время тянется в баржах, грузовиках, трамваях и кондиционерах — время, которое придумали вершители судеб, чтобы затолкать в свои постылые лица. Вода становится плотнее, город гуще, теряет границы и террактотвое лицо. Цирюльник знай возится с трескучим генератором. Нечто праздное ушло спиливать люстру, на которой ещё висят устаревшие бабочки. В обречённом офисе за городничего остался писарь; он бледен, скул и груб; заперт в колодце репрезентации. Мешаем друг другу, цепляясь шубами за створки, свиваясь в зубчатое тело, безучастное к съеденному наполовину подсолнуху. Энергии хватит, чтобы сшибить ворону из соседской трубы, настолько некрасивой, что её созерцают ежедневно и женщины, и собаки. В той час, як брендї знижує пікові навантаження на електромережі, верхи боятися втратити колеса, а тому ставлять палки в тарілку. Узнаёшь себя в старомодной фигурке с плоским, как граммофонная труба, ухом, над которой смыкаются глубокие зимние воды. Внутри Ионы кит сидит и непрерывно там галдит. Ввернём похабную частицу — он перестанет шевелиться. Выведем всё мелкое, с мешком на горбу, туда, где можно остаться, прикрыв парадные глаза. Поперёк люка надпись персидской вязью: «перо крокодила». Падающие в воду веки подрагивают, открывая прозрачные ломтики уже не самой натуральной свёклы. Цвета, присущие лишь нам, сами собой начинают воспроизводиться — это удивительно, ведь под ними не спрячешься. Бутылки обогревают пятна зеркал; выход за сцену гарантирован только для шоколадных девочек. «Единственная хорошая новость — украден енот». В долгой бильярдной партии выигрывает законный свидетель. Старость пробуждается от печатного слова. Книги перечитаны и запылены. Под аркой стакан мартини, за ним дрожат холмы сытых вещей. Зонт поглощает мышь — лишь бы вписаться в ироническую фразу, что выдержит обоснование в рамках поглощающей модели. Мы похожи на совестливых мотыльков, летящих на запах цветущего мяса. Кончики галстуков пахнут селёдкой. Хлещет по бокам свет, но его мы уже не видим. Пока мужчины и женщины предаются скучному сексу, сцеживаем нескучную топологию. Камни, лежащие на скользких шинах. Флажки, платочки, погасшие трубки. Пиджак велик, у него плоские плечи, однако мы всё равно на него злимся. Насмешливый голос Игоря: «Гру-

бость — высшая форма смирения». Газетные обломки цепляются за наморщенную волну. Ловушка должна обладать постоянством мушкетера? Всё равно, лишь бы тихо да в махровом галстучке. Велосипед, надёжно приплюсованный к стене. Под ним — странная, напоминающая перепелиное гнездо, шапка. За окном лунный карнавал с дирижаблями беспамятства. Бары с мандаринами, оборванные цирковые афиши, докучливые агенты, всегда одни и те же. Летучий патруль реклам; запахи примуса и дезинфекции; полковая команда, наштигованная провизией; суета картезианцев, объезжающих казармы. Пречудная дьявольщина, цедит Полиза сквозь бреступные зубки — если колет в боку, половинный билет не меняем. Плывём тихоходом, на дачной трубе с цыганами. В мягкой рубахе без рукавов и новых серьгах, лиловых вперемешку с зелеными. Люстры усов трубят о пропущенной улыбке; смерч извивается, как жереблывающая запятая. На скудолунне мадемуазель Сбей-Меня сгустилась внюх. Трёхзубая пирога распирает звук-жилу. Слюнчатка кости пощёлкивает на мшистой тропинке к северным ядрам. Щупальца ржавчины бьют краденными лучами. Блещут, козёл ещё в расточке. И всё это на коротящих шишах, выданных на сражение. Кирпич в шляпной коробке, но что уж танжерить об особых предметах — придержи в чемодане, пока не съели. Ты же ведаешь, льстец, и говоришь ошибочно, будто скалываешь цветную слюду с фабрики. А кто разъяснит периоды рукоятей, что расшивают гостиничное полотно?

Длинная жизнь сжата до карандашных размеров. Не бьётся, одно с другим совершенно не бьётся. Кто такая эта Полина, может, наспех спаянная роботесса? Она состоит из несочетающихся друг с другом обломков. Верно, но и все мы теперь — осколки, пробоины; целостность недостижима, примем вслепую это правило новой нормальности. Чистота в проекте должна создаваться геометрическими методами, а не запуском наперёд заданных процедур. Смысл написания прозы ещё и в том, чтобы всеми способами сопротивляться желанию её писать, открывать возможности для баснословного проигрыша. В своей первой, родной стране я с раннего детства был жидовской мордой, рассказывает Костя Пелешевский. Меня били за мою внешность ещё в песочнице. Когда переехал в Израиль — обзывали русской какашкой, а здесь, в Таиланде, я фаранг — это фрукт такой. Нигде и никогда не был своим, не ощущал себя дома. После отъезда в Израиль сменил несколько профессий: был

сварщиком и слесарем, потом стал хорошо зарабатывать, изготавливая мебель. Но в какой-то момент влюбился в морские суда и забросил свою столярную компанию. Ходил в несколько кругосветок с исследовательскими экспедициями, был в разное время и матросом, и боцманом, и капитаном. Осел в Таиланде и много лет подряд обслуживал малые суда, а потом новый бизнес вылетел в трубу во времена ковида. Как раз незадолго до эпидемии Костя купил по случаю старую большую яхту, вложил все свои деньги, обновил, привёл в идеальный порядок. Хотел перепродать за хорошую цену, но в трудных для туризма ковидных условиях не смог найти покупателя. Два с лишним года подряд никакой работы не было, Костя ел дешёвые тайские каши, сходил с ума от безделья. Наконец брокер нашёл для него отличную вакансию в полутора тысячах километрах от места, где он жил. Снова стал капитаном на сверхсовременном судне, принадлежащем тайскому миллионеру. Работа стала для него настолько важна, что Костя решил отказаться от всего постороннего, даже от женщин. Хвастался: судно сжигает тонну топлива за час; при любой волне сохраняет полную неподвижность благодаря системам стабилизации. Мы созванивались ночью через мессенджер; Костя такой же веснушчатый и нескладный, как и в детстве. За спиной, вдоль стенки каюты тянется полка с книгами на русском языке. Всё то, что я видел у него дома тридцать лет назад — от собрания сочинений Конан Дойля до пузатых томов русских классиков — пропутешествовало вместе с ним сюда через два океана. Рассказывал о своей дочери, Вовушкиной ровеснице, живущей вместе с его бывшей женой в России. Очень хотел бы вытянуть оттуда девочку, чтобы она не пропитывалась мерзкой пропагандой. Я описал ему концертный зал с огромными мраморными колоннами, расположенный на том месте, где стояла в школьные времена его кирпичная развалюшка. Не узнал бы он свой косонький да кривенький еврейский квартал, таким всё там стало шикарным. Великая дата: Вовка во время занятия с корректором написал своё имя латиницей. А ещё, по придумке учителей, он каждый день совершает переключку одноклассников: подходит к каждому по очереди и говорит «чао». Мама откладывала из учительской своей зарплаты на операцию по пересадке сердца у старшего внука и собрала неожиданно крупную сумму. Но Коли больше нет. Мама несколько лет думала, что сделать с этими деньгами, наконец решила отдать их нам с Олей — пусть они помогут лечению младшего, он ведь тоже

инвалид. Я стал смотреть на маму другими глазами, хотя перепалки с ней по бытовым и гигиеническим вопросам не прекратил ни на минуту. Отношение к маме у меня путаное, сложное. Я благодарен ей за всю ту помощь, что она оказывала нам — и в Колины времена, когда сама она была крепче, и позже, во времена карантина, когда я сломал ногу и почти не мог самостоятельно ходить. Тем не менее, я с трудом выношу её присутствие в одном со мной квартирном пространстве — особенно бесконечные разговоры, которые ей хочется вести, переводя ни на что драгоценное, всегда так недостающее и для работы, и для творчества время. Живой интерес к матери появился у меня лишь на тот недолгий период после её выхода на пенсию, когда она начала в больших количествах читать книги, навёрстывая упущенное за годы у телевизора. Но я совершил большую ошибку, подарив ей смартфон и обучив простейшему интернет-сёрфингу; мама занырнула в дебри ютюба, безошибочно находя каналы с выступлениями самых пошлых комиков, и о чтении долгое время не было и речи. Однако теперь, при блэкаутах, когда интернет не тянет, мама внимательно, с интересом читает «Улисса» — ура, ура. Едва с электричеством становится лучше, возвращается к своему ютюбовскому дерьмищу. Ухитряется вызывать у меня попеременно то воодушевление, то досаду. Работать буду и в субботу, ни одно из трудных заданий сейчас не получается. Надо найти решение для них или сойти с ума. Можно добавить гибкую регистрацию, когда избавлюсь от недетерминизма в шаблонах. Пусть, если есть расхождение между запросом и проектом, вся схема заливается степной грязью, и защита загруженных поверхностей перестаёт функционировать. Стараюсь поджечь зеркальные операции сбоку. Перевычисление операций с нуля происходит при декларировании любой новости. Если же мы хотим увидеть операции воочию, то провоцируем стохастическую пляску; в этом случае от округлений может защитить лишь копирование данных сквозь огонь. Ленивые операции, энциклики сиюминутности — вот наши прибежища. В голосовом сообщении нет никакого голоса. «Отсутствие, примечательным вариантом которого является тело». Получая золотую медаль чемпионата, Месси дружески похлопывает эмира по пузу. Стоит с тремя сыновьями, на каждом футболка с надписью «Месси», старший ему почти по грудь. Аргентинский вратарь, получив Золотую перчатку, прикладывает, примеряет её себе пониже пояса. Когда мрачный, как туча, французский нападающий, забивший в фи-

нале четыре гола, но так и не сумевший добыть победу своей команде, уходит с пьедестала, у оставшихся там втроём аргентинцев улыбки растягиваются до ушей — прежде они себя сдерживали из сочувствия к сопернику. Начинается парадоксальная часть войны. Наша зенитная ракета падает на территорию сопредельного нейтрального государства, убивает фермеров, взрывает сушилку для сена. Подростки тринадцати лет передают на импортный телефонный номер фото электростанции с геолокацией, и потом в этот район летит мощная ракета, обычно предназначенная для эсминцев. Антикварные дроны отечественного производства летят на тысячу километров вглубь вражеской территории, атакуют стратегические бомбардировщики — прямо на аэродромах. Ракетную атаку, оказывается, можно отменить, если дрон, для этого изначально совсем не предназначенный, разнесёт у противника пункт управления полётами. В любой момент вражеские крейсера могут быть торпедированы управляемыми лодками, начинёнными взрывчаткой. Правда же, вы не рассчитывали на это, пидорасы (в плохом смысле слова), — когда вламывались танковыми клиньями в нашу незащищённую, якобы, страну? Есть, оказывается, необычное средство победить страх: подключить ту свою позабытую на время депрессивную субличность, что хочет покончить с собой. В условиях воздушной атаки она прямо-таки расправляет крылья. Глотаешь воздух расширившимися ноздрями, шепчешь летящим на город ракетам с лёгким презрением: ну давай, мразь. Идея структурировать хаос ещё большим хаосом — той непредсказуемостью, в которой можешь утонуть безвозвратно. Город продолжают обстреливать. В этот раз хорошо слышны взрывы, в офисе и доме напротив подрагивают стёкла. Мэр пишет: сразу несколько прилётов в разных районах. Похоже, попали в ТЭЦ — она отсюда километрах в четырёх. Водоснабжения и отопления нет ни в офисе, ни дома. Нет смысла идти сегодня к нотариусам или переводчикам: обычно во время ракетных атак все конторы закрываются. Весь район обесточило, но в офисе работает дизельный генератор — его хватает на первый этаж и подвал — так что можно заниматься текущими задачами. В подвале то отключается свет, при этом интернет остаётся, — то пропадает подключение к сети, зато мерцает верхнее освещение; в течение часа случаются любые конфигурации. Коллеги вздыхают и нервно смеются. Те, кто остался дома, пишут: світла нема, тепла нема, інтернету нема, населена роботами; за окном у одного из них по-

жарные тушат разбитый ракетами вагоноремонтный завод. Некоторые подключаются к онлайн-митингу из автобуса, стоящего в пробке на половине пути до офиса, некоторые выходят из дому на улицу, чтобы поймать хотя бы слабый мобильный интернет. В углу офисного подвала проходит тренинг по гранатомётному делу; военные специалисты уложили несколько гранатомётов на стол под фотографией Далай-ламы, переходящим по-битловски знаменитую лондонскую улицу. Война включает в себя трагипародию на войну. Охранник уклоняется от физических констант, как заправский ниндзя. Вытягивает из оркестровой ямы ворох проволок и ракушек. На освобождённой территории открывают очередные захоронения жертв, замученных оккупантами. Нечисть эту надобно бить, бить и обитки вбивать — лишь таков план, до самого горизонта времён, иначе с ними просто не получается справиться. Мама военные условия переносит молодцом и при ракетных обстрелах, мне на зависть, не паникует. В тёмной квартире она расколотила все свои очки, пока был двухсуточный блэкаут с короткими, как бы издевательскими вкраплениями светового времени. Хорошо, что целы остались глаза — в один из них попал осколок от прежних очков, но не причинил вреда, мама сумела его вымыть. Бывают, наоборот, и весёлые тьмы, когда ПВО сбивает стаю вражеских дронов, словно воробышков. Нобелевских лауреатов среди близких знакомых теперь запредельное количество, сообщает Игорь во время созвона, одна из них моя тёща — а вот я сам не сподобился. Считаются только те, кто работал в организации во время награждения. В районе между работой и домом появились мародёрского вида пришельцы — они часто собираются небольшими шайками на скамейках у бюветов и курят марихуану. Однажды меня выручила дурная привычка держать в кармане руку и медлительность реакции. Я шагал по аллее Влюблённых — скамейки там из мрамора и металла, неудобные, на таких не посидишь и летом — шагал от лабиринта заборов у строящейся станции метро к цветному туману с ядовитым запахом подсолнечного масла, окутывающему несколько кварталов промышленной зоны и речной порт. Два существа с картофельными мордами увязались за мной на тёмной улице, то обгоняя, то следуя близко-близко за спиной. Из-за больной ноги у меня не было шансов убежать. Остановившись, я смотрел на них тяжёлым взглядом, с трудом соображая, что делать дальше. Двоица не стала нападать, видимо, побоявшись, что я могу выхватить из кармана огнестрел. По-

следние атаки повлияли на всех горожан, они стали приспособлять жилища к долгому исчезновению электричества, воды и отопления в морозы. Стало ясно, город что может уже скоро стать непригодным для жизни. Юра и Настя стали подготавливать к зимовке деревенский дом, где живут сейчас Настины родители: купили генератор, запаслись дизельным топливом и дровами, установили большой отопительный котёл. В квартире им помогает согреться зарядная станция: приходится подключать к ней индивидуальное газовое отопление, которое перестаёт работать при исчезновении электричества. В соседней многоэтажке жильцы приобрели большую военную палатку, прикатали бочки, где можно жечь дрова, раздобыли буржуйку; устраивают собственный пункт обогрева. А ещё, тру-ля-ля, пишут коллективный донос: почему это в доме 29/3 свет горит вдвое чаще, чем нашем? В моей многоэтажке всё тихо и вяло, никакого волнения не ощущается и в чате с таинственным названием «Наш В», где обсуждают, в основном, установку новых ворот во двор. Ещё жильцы пишут, по-моему, очень мило: «Света ушла» и «Света пришла», когда начинается или заканчивается блэкаут. «Света знов махнула шаллю, звалила нафіг». «Якась гульона, що хоче, то й робе. Мабуть, краса в неї дивовижна, що її так люблять, чекають й усе пробачають». «Перефразирую Сквороду: Свету ми ловили, але не спіймали». Попавшая в лифт-западню соседка сидит в нём несколько часов до нового включения. «Света повернулася, але якась втомлена». Может быть, я слишком полагаюсь на то, что Вовины справки по инвалидности помогут уехать в Геную, и напрасно не готовлюсь к зимнему аду. Потерял хватку, на каждом этапе отстаю ровно на один ход. И компания может сказать веское слово; пока софтверу разрешено работать только из Вроцлава и Валенсии. Сделают ли для меня исключение, с учётом разделённой семьи? Плевков изгибается, завивается и, наконец, клюёт мою же куртку. Образы встраиваются в раскисшую, как снежная каша, интенсивность. Сегодня демонтировали памятник Пушкину, экскаватор сбил бюст с пьедестала. Одноименный проспект уже переименован, устраняются все культурные следы бывшей империи. Я не люблю Пушкина, но мне тоскливо — эта акция ещё и по поводу русского языка и русскоязычной культуры, их стараются обесточить и выдавить из социальной жизни. С удовольствием разговариваю по-украински, но русский у меня родной, и он мне нужен и дорог. Что за ужасный год: в самом конце его умер добрейший отец Александр, крестивший Во-

вушку и отпевавший Коленьку. Вечная ему память. Оля предположила по мешкам под глазами, что у него были больны почки. Полное выдыхание, атрофия стилия. Глубокое нежелание хоть что-нибудь рассказывать. Текст продолжает двигаться машинально, почти без моего участия. Опять чувствую себя полностью выжатым, в который раз уже за эту бесконечную войну.

Благословенна скорость, ибо её есть архимандритство подводное. Благословенны трясины, что делают грушу безумной. Благословенны запасные полотенца и многозначительные вилки. Петляет мысль, будто поводит бровями. Что ты сделаешь со страстью, когда время её закончится, как утилизируешь её, как опоишь жаждущих и объявишь вне закона страждущих? По спиральной лестнице поднимаются спектр и звук, нет сходства в этой парочке, но нет и расхождения. Даже сквозь стеклянную стену слышен стук в дверь. Соломинка во льду и поднимающаяся по гранёному стакану жидкость. Десяток измазанных помадой окурков, покоящихся под стеклом. К нашему возвращению настоятельно рекомендуем ослабить порядок и повесить в каждой комнате по государю. Вежливо интересуюсь, кто из вас двоих спит с лампой. Покажем под лупой для сушки костей наши интимные черты. Я не могу послать телеграмму, потому что все комнаты гостиницы заперты. В одной из них шпион с кожаным черепом: лицо стянуто набок заповедной гримасой, отутюженной, но покрытой слоем грязи. Никакая взаимность не заменяет ему объятий гражданства. Скользко, и орех крутится по нижней части восьмёрки. Осколки летят во все стороны от слишком рыжей фотографии. Блестит зеркальная луна в том небе, куда ты её уронила. В полночь скороговоркой сходит в погреб, открывает ветхие ставни, гудит. Павильон выдворяет китайскую занавеску. Мы держимся за неё длинными фалангами, пока премудрые разглашают цыплят. Если в предбаннике кто-нибудь раздавит шляпу, бежим к столам, между ляжек засовываем фанерную дужку. Обезличенная работа траурной команды: отчества зашвыривают на крыши сараев, мины сгребают ломami из подпола. Мы располагаемся между закрытых экранов. На каждый чих отвечаем голосованием. Протекающий темперамент — не тема для эмиграммы. Опять что-нибудь надо блюсти. Надоело макать моржей. О сколь пещерны байрактары, щадящие нитью своих цинговей. Ты вышла из почты навязчиво чистой. Снимай шарф, будем бриться. Здесь не свернёшь

к паровому давлению. Всё существование состоит из откровенных синяков и непристойностей. Не просто ходим, а по расписанию: там, где не очень комфортно. Зачедем голову, наденем платье новое — и на улицу. Мы должны своими телами доказывать гипотезу о континуальности социальных разношений. Меньшее внимание обращаем на те гипсовые кирпичи, что уже вылеплены. Проектирование их по условиям игры нестабильно. Системный соблазн принуждает поддаться равновесию, выставить зубы на свалке интереса. Микс, желавший подняться в воздух, меняет решение. Формально не противореча модной идеологии, плюёт ей в ложечку. Может существовать и сам по себе, без социальной присоски; опознаётся как инвазивный метод внутри бархатной популяции. Восходит яванский хор, под перезвон винтовок мычит о переговорах. Ногти цокают по мраморной доске для игры в крестики-колики. Вышивашины лущат лимонные кости. Хоть камешком, хоть веком — от физических констант уклоняются не дольше кофе, пролитого по следам птичьих отступлений. Прощество принимает совместный душ; разница лишь в том, что надо учитывать пену. К вечеру выгибающиеся спинки возвращаются жирными с рыбной ловли. Перескакивая с ветки синей на красную, всё равно продолжаешь стоять на одной ноге. Зато нет необходимости подвергать сны экзекуции, плавному порошению с подогревом. Реальность защищает от мимолётных скачков напряжения, но, к сожалению, не от полного разоблачения радиоволн. Опять земля и, конечно же, другая. По ту сторону экрана витают в сумраке военные дамы. Только с нашего края ничего нет, никто не дерётся, никто не танцует. Деревья мертвы — золотые дуги, усеянные осколками стекла. Опасно, когда всё становится правдой. Науке необходимы туманность, молнии, осыпь звезд. Были (бы) мы молоды, как египетские бесы, играли при помутнениях в шарады на раздевалку. Вешали (бы) шорты сушиться на барных стульях, пока из карманов падали хоккейные медали с профилями императоров, охотников на гнутых ножках. Дымок лежит, приоткрывая загорелую полоску холмов. Человек с ботинком завидует нейтральной тени. Карандашные анфилады капитулируют перед кубом. Случайная книга хороша тем, что не предлагает выбора. Это авторская подпись или это мухи насрали? Пешеход, похожий на бутылочное горлышко, подрезает обе стороны, ожидая неизбежный торг. За пляжной раздевалкой лежит горсть фруктов, несомненно, имевших лучшее применение. Дирижабль «Азия» вылуцен с гвоз-

дями. То ли въездные ворота поднимают горизонт, то ли песчаный арлекин связывает друг с плугом фабричные шнурки. Без шести три матрос берётся за голову, и тыквенное семечко ныряет в концертную перчатку. Запоздалая лирика не озаряет пирс, но гаснет, словно керосинка на ветру. Мы наточили ножи, бросили в реку и отправились к магазину за мороженым: перевирать быстрыми ногами, затем отбрасывать шляпу за недостатком любовных улик. Радуги автомобилей пятнают проткнутые коттеджи. За воротами ждут шум дождя, сухие скамейки и всё остальное. Безымянная женщина долго, как на дежурстве, стоит у расписания поездов, прозревая мудрое, чужое и перечеркнутое. Ты произносишь «больше», увидев белое пламя. Окошко вмещает в себя поворот брови, расценку агавы, растущей сквозь облако. Окурок сигналист о деревянной коробке, то угасая, то разгоняясь. Твоей наготы не хватает цветовой симметрии, меня задевают кромеугольные фонари, штормящие в нотном журнале. Лица, пробитые кеглями для боулинга, стоят на тщательно вырезанных лапах, символы добросовестно стекают сквозь решётки. Таких разрывов мы не предусматривали, когда пускались в стилистически выверенную авантюру. Опять эти мысли о странных вещах, которые можно найти в кефире. Гостья выходит из лифта и замирает, закусывая губу — выглядит здесь неуместной. Всем скорей отдохнуть. Мытарь находит отраду в плетёном кресле, пока там не душат классическую азу. Плюноша уклоняется, но всё равно лучшее у него придётся отрезать. Не падёт ли на остриё от простого сомнения? Ждём-ждёмся включения брутальных капель. Чертополохом, глянцем, квадратами, ятями — никак не могу перейти на буквенное управление, все ночи кручу в воздухе гробус. Так бледно, что сегмент повторяется. Ищи потом всю джазовую партитуру. Телефон роняет кольца с синевой, и вода заполняет ночные канавы. До сих пор любим садомазохистов, которые не читали Фрейда. На узловых станциях, однако, предпочтительны мягкие и доброжелательные формы ненависти; аммониты всегда политкорректны.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава нулевая. Бросок костей.....	5
Глава первая. До имён.....	40
Глава вторая. Perpetuum mobile	73
Глава третья. Фестиваль.....	107
Глава четвёртая. Будний день.....	143
Глава пятая. Мессенджер.....	180
Глава шестая. Отражения в бегущей воде.....	216
Глава седьмая. Сны из других времён	254
Глава восьмая. Коля.....	289
Глава девятая. Колесо Фибоначчи	324

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Станіслав БЕЛЬСКИЙ

ПОЛИЭДР

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка

Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 7752

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 22,5

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 03.01.2025 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

е-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл.,

м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

СТАНИСЛАВ БЕЛЬСКИЙ. Поэт, издатель, переводчик современной украинской поэзии, прозаик. Родился в 1976 году в Днепр-пропетровске. Работает программистом. Живёт в Киеве и Днепре. Стихи, переводы и малая проза публиковались: в журналах «Воздух», «Новый Журнал», «Интерпоэзия», «Зеркало», «Крещатик», «Homo Legends», «Литература», «Флаги», «Контекст», «Парадигма», «Двоеточие» и др. Стихи в переводах на польский публиковались в журналах «Wizje», «Helikopter» и в антологии «Konca swiata nie bedzie / Кінця світу не буде» (Вроцлав, 2024), на чешский — в журнале «Tvar», на испанский — в журналах «Vallejo & Co.» и «Espacio Luna Alfanje», на немецкий — в журнале «Signaturen». Автор семнадцати поэтических сборников, среди которых: «Тексты из школьного подвала» (Днепр, 2023), «Дружеские беседы с роботами» (Озолниеки, Латвия, 2024). В 2023-м году в итальянском издательстве «I Quaderni del Bardo» вышла книга избранных стихотворений «I versi migliori si sciolgono nell'aria» («Лучшие стихи тают в воздухе») в переводе Паоло Гальвани. В 2024-м году в американском издательстве «Red Moon Press» вышла книга хайку «Quaternion» на английском, русском и украинском языках.

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

9 786178 477752